КУРСЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Покорнѣйшая просьба автора ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ въ рукахъ его изданія, указанныя въ прилагаемомъ перечнѣ, обращать вниманіе па авторскій штемпель-факсимиле, налагаемый на книги съ 1 декабря 1907 г., и въ случаѣ отсутствія штемпеля или какихъ-либо сомнѣній, — не отказать автору въ сообщеніи.

АВТОРЪ СЧИТАЕТЪ СВОИМЪ ДОЛГОМЪ ПРЕДОСТЕРЕЧЬ ОТЪ ИЗДАНІИ, ПРЕДЛАГАЕМЫХЪ ПОДЪ ВИДОМЪ ЕГО КУРСА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХЪ СОБОЮ БЕЗЪ ИСКЛЮЧЕНІЯ НЕДОБРОСОВѢСТНУЮ МАКУЛАТУРУ, И ТАКЖЕ ПРОСИТЪ ЛИЦЪ, ПРІОБРѢТШИХЪ ТАКІЯ ИЗДАНІЯ, НЕ ОСТАВИТЬ ЕГО УВѢДОМЛЕНІЕМЪ.

Единственный подлинный текстъ.

КУРСЪ

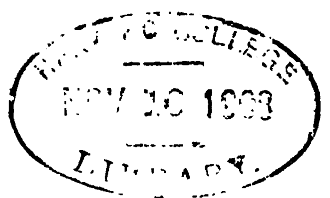
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Проф. В. Ключевскаго.

Часть III.

Каждый экземпляръ долженъ имѣть авторскій штемпель и особый листъ съ извѣщеніемъ отъ издателя.

МОСКВА.
1908.



Типографія Г. Лисснера и Д. Совко
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

Лекція XLI.

Взглядъ на IV періодъ русской исторіи. — Главные факты періода. — Видимыя противорѣчія въ соотношеніи этихъ фактовъ. — Вліяніе внѣшней политики на внутреннюю жизнь государства. — Ходъ дѣлъ въ IV періодѣ въ связи съ этимъ вліяніемъ. Государство и политическое сознаніе общества. — Начало Смуты. — Конецъ династіи. — Царь Ѳедоръ и Борисъ Годуновъ. — Поводы къ Смутѣ. Самозванство.

Мы остановились передъ IV періодомъ нашей исторіи, последнимъ періодомъ, доступнымъ изученію на всемъ своемъ протяженіи. Подъ этимъ періодомъ я разумѣю время съ начала XVII в. до начала царствованія императора Александра II (1613—1855 гг.). Моментомъ отправленія въ этомъ періодѣ можно принять годъ вступленія на престолъ перваго царя новой династіи. Смутная эпоха самозванцевъ является переходнымъ временемъ на рубежѣ двухъ смежныхъ періодовъ, будучи связана съ предшествующимъ своими причинами, съ послѣдующимъ своими слѣдствіями. **IV періодъ.**

Этотъ періодъ имѣетъ для насъ особенный интересъ. Это не просто историческій періодъ, а цѣлая цѣпь эпохъ, сквозь которую проходитъ рядъ важныхъ фактовъ, составляющихъ глубокую основу современнаго склада нашей жизни, — основу, правда, разлагающуюся, но еще не замѣненную. Это, повторю, не одинъ изъ періодовъ нашей исторіи: это — вся наша *новая исторія*. Въ понятіяхъ и отно-

шеніяхъ, образующихся въ эти $2^1/_2$ столѣтія, замѣчаемъ ранніе зародыши идей, соприкасающихся съ нашимъ сознаніемъ, наблюдаемъ завязку порядковъ, бывшихъ первыми общественными впечатлѣніями людей моего возраста. Изучая явленія этого времени, чувствуешь, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше входишь въ область автобіографіи, подступаешь къ изученію самого себя, своего собственнаго духовнаго содержанія, насколько оно связано съ прошлымъ нашего отечества. Все это и напрягаетъ вниманіе, и предостерегаетъ мысль отъ увлеченій. Обязанные во всемъ быть искренними искателями истины, мы всего менѣе можемъ обольщать самихъ себя, когда хотимъ измѣрить свой историческій ростъ, опредѣлить свою общественную зрѣлость.

Главные факты Перехожу къ перечню явленій изучаемаго періода; но прежде оглянемся еще разъ на изученные вѣка нашей исторіи, представимъ себѣ ея ходъ въ краткой схемѣ. Мы уже знаемъ, что возникавшія у насъ до конца XVI в. формы политическаго быта складывались въ тѣсной связи съ географическимъ размѣщеніемъ населенія. Московское государство было создано русскимъ населеніемъ, сосредоточившимся въ самой рединѣ восточно-европейской равнины, въ гидрографическомъ ея узлѣ, въ области верхней Волги, и образовавшимъ здѣсь великорусское племя. Въ этомъ государствѣ подъ рукой Калитина рода великорусское племя и объединилось, какъ политическая народность. Московскій государь правилъ объединенной Великороссіей съ помощью московскаго боярства, составившагося изъ старинныхъ московскихъ боярскихъ родовъ, изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ. Государственный порядокъ все рѣшительнѣе переходилъ на основу *тягла*, принудительной разверстки спеціальныхъ государственныхъ

повинностей между классами общества. Однако при этой разверсткѣ крестьянскій трудъ, бывшій главной производительной силой страны, оставался еще по закону свободнымъ, хотя на дѣлѣ значительная часть крестьянскаго населенія входила уже въ долговую зависимость отъ землевладѣльцевъ, грозившую ей законной крѣпостной неволей.

Со второго десятилѣтія XVII в. въ нашей исторіи послѣдовательно выступаетъ рядъ новыхъ фактовъ, которые замѣтно отличаютъ дальнѣйшее время отъ предшествующаго. Во-первыхъ, на московскомъ престолѣ садится новая династія. Далѣе, эта династія дѣйствуетъ на поприщѣ, все болѣе расширяющемся. Государственная территорія, дотолѣ заключенная въ предѣлахъ первоначальнаго разселенія великорусскаго племени, теперь переходитъ далеко за эти предѣлы и постепенно вбираетъ въ себя всю русскую равнину, распространяясь какъ до географическихъ ея границъ, такъ почти вездѣ до предѣловъ русскаго народонаселенія. Въ составъ русскаго государства постепенно входятъ Русь Малая, Бѣлая и, наконецъ, Новороссія, новый русскій край, образовавшійся путемъ колонизаціи въ южнорусскихъ степяхъ. Раскинувшись отъ береговъ морей Бѣлаго и Балтійскаго до Чернаго и Каспійскаго, до Уральскаго и Кавказскаго хребтовъ, территорія государства переваливаетъ далеко за Кавказскій хребетъ на югѣ, за Уралъ и Каспій на востокѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ важная перемѣна и во внутреннемъ строѣ государства: объ руку съ новой династіей становится и идетъ новый правительственный классъ. Старое боярство постепенно разсыпается, худѣя генеалогически и скудѣя экономически, а съ его исчезновеніемъ падаютъ и тѣ политическія отношенія, какія прежде въ силу обычая сдерживали верховную власть. На его мѣсто во главѣ общества становится новый классъ, *дворянство*, составив-

шееся изъ прежнихъ столичныхъ и провинціальныхъ служилыхъ людей, и въ его пестрой, разнородной массѣ растворяется рѣдѣющее боярство. Между тѣмъ раньше заложенная основа политическаго строя, классовая разверстка повинностей, укрѣпляется, превращая общественные классы въ обособленныя сословія, и даже постепенно, особенно въ царствованіе Петра Великаго, расширяется, осложняя накоплявшійся запасъ специальныхъ повинностей новыми тягостями, падавшими на отдѣльные классы. Среди этого непрерывнаго напряженія народныхъ силъ окончательно гибнетъ и свобода крестьянскаго труда: владѣльческіе крестьяне попадаютъ въ крѣпостную неволю, и самая эта неволя становится новой специальной государственной повинностью, падающей на этотъ классъ. Но стѣсняемый политически, народный трудъ расширяется экономически: къ прежней сельскохозяйственной эксплуатаціи страны теперь присоединяется и промышленная ея разработка; рядомъ съ земледѣліемъ, остающимся главной производительной силой государства, является съ возрастающимъ значеніемъ въ народномъ хозяйствѣ и промышленность обрабатывающая, заводско-фабричная, поднимающая нетронутыя дотолѣ естественныя богатства страны.

Ихъ соотношеніе.

Таковы главные новые факты, обнаруживающіеся въ періодъ, который намъ предстоитъ изучать: это — новая династія, новые предѣлы государственной территоріи, новый строй общества съ новымъ правительственнымъ классомъ во главѣ, новый складъ народнаго хозяйства. Соотношеніе этихъ фактовъ способно вызвать недоумѣніе. Въ нихъ при первомъ взглядѣ легко замѣтить два параллельныхъ теченія: 1) *до половины XIX вѣка внѣшнее территоріальное расширеніе государства идетъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ развитію внутренней свободы на-*

рода; 2) *политическое положеніе трудящихся классовъ устанавливается въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ экономической производительности ихъ труда*, т.-е. этотъ трудъ становится тѣмъ менѣе свободенъ, чѣмъ болѣе дѣлается производителенъ. Отношеніе народнаго хозяйства къ соціальному строю народа, открывающееся во второмъ процессѣ, противорѣчитъ нашему привычному представленію о связи производительности народнаго труда съ его свободой. Мы привыкли думать, что рабскій трудъ не можетъ равняться въ энергіи съ трудомъ свободнымъ и что трудовая сила не можетъ развиваться въ ущербъ правовому положенію трудящихся классовъ. Это экономическое противорѣчіе еще обостряется политическимъ. Сопоставляя психологію народовъ съ жизнью отдѣльныхъ людей, мы привыкли думать, что по мѣрѣ усиленія массовой, какъ и индивидуальной дѣятельности и по мѣрѣ расширенія ея поприща въ массахъ, какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, поднимается сознаніе своей силы, а это сознаніе — источникъ чувства политической свободы. Открывающеся въ нашей исторіи вліяніе территоріальнаго расширенія государства на отношеніе государственной власти къ обществу не оправдываетъ и этого мнѣнія: у насъ по мѣрѣ расширенія территоріи вмѣстѣ съ ростомъ внѣшней силы народа все болѣе стѣснялась его внутренняя свобода. Напряженіе народной дѣятельности глушило въ народѣ его силы, на расширявшемся завоеваніями поприщѣ увеличивался размахъ власти, но уменьшалась подъемная сила народнаго духа. Внѣшніе успѣхи новой Россіи напоминаютъ полетъ птицы, которую вихрь несетъ и подбрасываетъ не въ мѣру силы ея крыльевъ. Съ обоими указанными противорѣчіями связано третье. Я сейчасъ сказалъ о поглощеніи московскаго боярства дворянствомъ. Законъ 1682 г., отмѣнившій мѣстничество, закрѣ-

пилъ это поглощеніе, формально уравнялъ оба служилые класса по службѣ. Боярство, аристократія породы, было правящимъ классомъ. Отмѣна мѣстничества служила первымъ шагомъ по пути къ демократизаціи управленія. Но на этомъ движеніе не остановилось: за первымъ шагомъ послѣдовали дальнѣйшіе. Въ эпоху Петра старое московское дворянство „по отечеству" пополняется изъ всѣхъ слоевъ общества, даже изъ иноземцевъ, людьми разныхъ чиновъ, не только „бѣлыхъ" нетяглыхъ, но и черныхъ тяглыхъ, даже холопами, поднимавшимися выслугой: табель о рангахъ 1722 г. широко раскрываетъ этимъ „разночинцамъ" служебныя двери въ „лучшее старшее дворянство". Можно было бы ожидать, что вся эта соціальная перетасовка господствующаго класса поведетъ къ демократическому уравненію общества. Но худѣя генеалогически, правящій классъ непомѣрно добрѣлъ политически: облагороженные разночинцы получали личныя и общественныя права, какихъ не имѣло старое родовитое боярство. Помѣстья стали собственностью дворянства, крестьяне его крѣпостными; при Петрѣ III съ сословія снята была обязательная служба; при Екатеринѣ II оно получило новое корпоративное устройство съ сословнымъ самоуправленіемъ, съ широкимъ участіемъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ и съ правомъ „дѣлать представленія и жалобы" самой верховной власти; при Николаѣ I это преимущество расширено было правомъ дворянскихъ собраній дѣлать власти представленія и о нуждахъ всѣхъ другихъ классовъ мѣстнаго общества. Вмѣстѣ съ такими сословными пріобрѣтеніями росла и политическая сила сословія. Уже въ XVII в. московское правительство начинаетъ править обществомъ посредствомъ дворянства, а въ XVIII в. это дворянство само пытается править обществомъ посредствомъ правительства. Но политическій принципъ, подъ фирмой котораго оно

хотѣло властвовать, перегнулъ его по-своему: въ XIX в. дворянство пристроено было къ чиновничеству, какъ его плодовитѣйшій разсадникъ, и въ половинѣ этого вѣка Россія управлялась не аристократіей и не демократіей, а бюрократіей, т.-е. дѣйствовавшей внѣ общества и лишенной всякаго соціальнаго облика кучей физическихъ лицъ разнообразнаго происхожденія, объединенныхъ только чинопроизводствомъ. Такимъ образомъ *демократизація* управленія сопровождалась усиленіемъ соціальнаго неравенства и дробности. Это соціальное неравенство еще усиливалось нравственнымъ отчужденіемъ правящаго класса отъ управляемой массы. Говорятъ, культура сближаетъ людей, уравниваетъ общество. У насъ было не совсѣмъ такъ. Все усиливавшееся общеніе съ западной Европой приносило къ намъ идеи, нравы, знанія, много культуры; но этотъ притокъ скользилъ по верхушкамъ общества, осаждаясь на дно частичными реформами, болѣе или менѣе осторожными и безплодными. Просвѣщеніе стало сословной монополіей господъ, до которой не могло безъ опасности для государства дотрогиваться непросвѣщенное простонародье, пока не просвѣтится. Въ исходѣ XVII в. люди, задумавшіе учредить въ Москвѣ академію, первое у насъ высшее училище, находили возможнымъ открыть доступъ въ нее „всякаго чина, сана и возраста людемъ" безъ оговорокъ. Полтораста лѣтъ спустя, при Николаѣ I секретный комитетъ гр. Кочубея, на который возложено было чисто преобразовательное порученіе, рѣшительно высказался по поводу самоубійства обучавшагося живописи двороваго человѣка за вредъ допущенія крѣпостныхъ людей „въ такія училища, гдѣ они пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію".

Изложенные три процесса, полные такихъ противорѣчій

и захватывающіе всѣ главныя явленія періода, не были *аномаліями*, отрицаніемъ исторической закономѣрности: назовемъ ихъ лучше историческими *антиноміями*, исключеніями изъ правилъ исторической жизни, произведеніями своеобразнаго мѣстнаго склада условій, который однако, разъ образовавшись, въ дальнѣйшемъ своемъ дѣйствіи повинуется уже общимъ законамъ человѣческой жизни, какъ организмъ съ разстроенной нервной системой функціонируетъ по общимъ нормамъ органической жизни, только производитъ соотвѣтствующія своему разстройству ненормальныя явленія.

Внѣшняя политика и внутренняя жизнь.

Объясненія этихъ антиномій нашей новой исторіи надобно искать въ томъ отношеніи, какое устанавливалось у насъ между государственными потребностями и народными средствами для ихъ удовлетворенія. Когда передъ европейскимъ государствомъ становятся новыя и трудныя задачи, оно ищетъ новыхъ средствъ въ своемъ народѣ и обыкновенно ихъ находитъ, потому что европейскій народъ, живя нормальной, послѣдовательной жизнью, свободно работая и размышляя, безъ особенной натуги удѣляетъ на помощь своему государству заранѣе заготовленный избытокъ своего труда и мысли, — избытокъ труда въ видѣ усиленныхъ налоговъ, избытокъ мысли въ лицѣ подготовленныхъ умѣлыхъ и добросовѣстныхъ государственныхъ дѣльцовъ. Все дѣло въ томъ, что въ такомъ народѣ культурная работа ведется незримыми и неуловимыми, но дружными усиліями отдѣльныхъ лицъ и частныхъ союзовъ независимо отъ государства и обыкновенно предупреждаетъ его нужды. У насъ дѣло шло въ обратномъ порядкѣ. Когда царь Михаилъ, сѣвъ на разоренное царство, чрезъ посредство земскаго собора обратился къ землѣ за помощью, онъ встрѣтилъ въ избравшихъ его земскихъ представителяхъ преданныхъ и покорныхъ подданныхъ, но не нашелъ въ нихъ ни пригодныхъ сотрудниковъ,

ни состоятельныхъ плательщиковъ. Тогда пробудилась мысль о необходимости и средствахъ подготовки тѣхъ и другихъ, о томъ, какъ добываются и дѣльцы, и деньги тамъ, гдѣ того и другого много; тогда московскіе купцы заговорили передъ правительствомъ о пользѣ иноземцевъ, которые могутъ доставить „кормленіе", заработокъ бѣднымъ русскимъ людямъ, научивъ ихъ своимъ мастерствамъ и промысламъ. Съ тѣхъ поръ не разъ повторялось однообразное явленіе. Государство запутывалось въ нарождавшихся затрудненіяхъ; правительство, обыкновенно ихъ не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать въ обществѣ идей и людей, которые выручили бы его, и не находя ни тѣхъ ни другихъ, скрѣпя сердце, обращалось къ Западу, гдѣ видѣло старый и сложный культурный приборъ, изготовлявшій и людей и идеи, спѣшно вызывало оттуда мастеровъ и ученыхъ, которые завели бы нѣчто подобное и у насъ, наскоро строило фабрики и учреждало школы, куда загоняло учениковъ. Но государственная нужда не терпѣла отсрочки, не ждала, пока загнанные школьники доучатъ свои буквари, и удовлетворять ее приходилось, такъ сказать, сырьемъ, принудительными жертвами, подрывавшими народное благосостояніе и стѣснявшими общественную свободу. Государственныя требованія, донельзя напрягая народныя силы, не поднимали ихъ, а только истощали: просвѣщеніе по казенной надобности, а не по внутренней потребности, давало тощіе, мерзлые плоды, и эти припадочные порывы къ образованію порождали въ подраставшихъ поколѣніяхъ только скуку и отвращеніе къ наукѣ, какъ къ рекрутской повинности. Народное образованіе получило характеръ правительственнаго заказа или казенной поставки подростковъ для выучки по опредѣленной программѣ. Учреждались дорогіе дворянскіе кадетскіе корпуса, инже-

нерныя школы, воспитательныя общества для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, академіи художествъ, гимназіи, разводились въ барскихъ теплицахъ тропическія растенія, но на протяженіи двухъ столѣтій не открыли ни одной чисто народной общеобразовательной или земледѣльческой школы. Новая европеизированная Россія въ продолженіе четырехъ-пяти поколѣній была Россіей гвардейскихъ казармъ, правительственныхъ канцелярій и барскихъ усадебъ: послѣднія проводили въ первыя и во вторыя посредствомъ легкой перегонки въ доморощенныхъ школахъ или экзотическихъ пансіонахъ своихъ недорослей, а взамѣнъ ихъ получали оттуда отставныхъ бригадировъ съ мундиромъ. Выдавливая изъ населенія такимъ способомъ надобныхъ дѣльцовъ, государство укореняло въ обществѣ грубо-утилитарный взглядъ на науку, какъ путь къ чинамъ и взяткамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ формировало изъ верхнихъ классовъ, всего болѣе изъ дворянства, новую служилую касту, оторварную отъ народа сословными и чиновными преимуствами и предразсудками, а еще болѣе служебными злоупотребленіями. Такъ случилось, что расширеніе государственной территоріи, напрягая не въ мѣру и истощая народныя средства, только усиливало государственную власть, не поднимая народнаго самосознанія, вталкивало въ составъ управленія новые болѣе демократическіе элементы и при этомъ обостряло неравенство и рознь общественнаго состава, осложняло народно-хозяйственный трудъ новыми производствами, обогащая не народъ, а казну и отдѣльныхъ предпринимателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ принижало политически трудящіеся классы. Всѣ эти неправильности имѣли одинъ общій источникъ — *неестественное отношеніе внѣшней политики государства къ внутреннему росту народа*: народныя силы въ своемъ развитіи отставали отъ

задачъ, становившихся передъ государствомъ вслѣдствіе его ускореннаго внѣшняго роста, духовная работа народа не поспѣвала за матеріальной дѣятельностью государства. Государство пухло, а народъ хирѣлъ.

Общій ходъ дѣлъ.

Едва ли въ исторіи какой-либо другой страны вліяніе международнаго положенія государства на его внутренній строй было болѣе могущественно и ни въ какой періодъ нашей исторіи оно не обнаруживалось такъ явственно, какъ въ тотъ, къ которому мы теперь обращаемся. Припомнимъ главныя задачи внѣшней политики Московскаго государства въ XV—XVI вв. и ихъ происхожденіе, ихъ связь съ прошлыми судьбами нашей страны. Въ I періодъ нашей исторіи подъ напоромъ внѣшнихъ враговъ разноплеменные и разсѣянные элементы населенія кой-какъ сжались въ нѣчто цѣльное; завязывалась русская народность. Во II періодъ среди усиленныхъ внѣшнихъ ударовъ съ татарской и литовской стороны эта народность разбилась на двѣ вѣтви, великорусскую и малорусскую, и съ тѣхъ поръ каждая изъ нихъ имѣла свою особую судьбу. Великорусская вѣтвь въ лѣсахъ верхняго Поволжья сохранила свои силы и развила ихъ въ терпѣливой борьбѣ съ суровой природой и внѣшними врагами. Благодаря тому она смогла сомкнуться въ довольно устойчивое боевое государство. Въ III періодъ это государство, объединившее Великороссію, поставило себѣ задачей возстановить политическое и національное единство всей Русской земли. Постановка этой задачи и приступъ къ ея разрѣшенію—только приступъ—были главнымъ дѣломъ старой династіи московскихъ государей. Намъ уже извѣстны народныя усилія, потраченныя на это дѣло, и успѣхи, достигнутые въ этомъ направленіи къ концу XVI в. Въ стремленіи къ этой цѣли общество въ Московскомъ государствѣ усвоило ту тяжелую политическую орга-

низацію, которую мы изучали въ предшествующемъ періодѣ. Въ XVII в., послѣ территоріальныхъ потерь Смутнаго времени, внѣшняя борьба стала еще тяжелѣе; въ томъ же направленіи измѣнился и общественный строй. Подъ тягостями войнъ съ Польшей и Швеціей прежнія дробныя экономическія состоянія, чины, еще сохранявшіе признаки свободы труда и передвиженія, въ интересахъ казны и службы были сбиты въ крупныя сословія, а большая часть сельскаго населенія попала въ крѣпостную неволю. При Петрѣ I основная пружина государственнаго порядка достигла высшей степени напряженія: сословная разверстка спеціальныхъ повинностей стала еще тяжелѣе, чѣмъ была въ XVII в. Къ прежнимъ сословнымъ тягостямъ онъ прибавилъ новыя, а тягчайшія прежнія, рекрутскую и податную, распространилъ на классы, дотолѣ свободные отъ государственныхъ тягостей, на „вольныхъ людей" и холоповъ. Такъ зарождается въ законодательствѣ смутная идея *общихъ повинностей*, если не всесословныхъ, то многосословныхъ, которая въ своей дальнѣйшей разработкѣ обѣщала значительную перемѣну въ общественномъ строѣ. Въ то же время произошелъ переломъ и во внѣшней политикѣ государства. Доселѣ его войны на западѣ были въ сущности оборонительныя, имѣли цѣлью возвратить земли, недавно отъ него отторгнутыя или считавшіяся его исконнымъ достояніемъ. Съ Полтавы онѣ получаютъ наступательный характеръ, направляются къ укрѣпленію завоеваннаго Петромъ преобладанія Россіи въ восточной Европѣ или къ поддержанію европейскаго равновѣсія, какъ элегантно выражались русскіе дипломаты. Съ поворота на этотъ притязательный путь государство стало обходиться народу въ нѣсколько разъ дороже прежняго, и безъ могучаго подъема производительныхъ силъ Россіи, совершеннаго

Петромъ, народъ не оплатилъ бы роли, какую ему пришлось играть въ Европѣ. Послѣ Петра во внутреннюю жизнь государства входитъ еще новое важное условіе. Подъ недостойными преемниками и преемницами Преобразователя престолъ заколебался и искалъ опоры въ обществѣ, прежде всего въ дворянствѣ. Въ отплату за поддержку законодательство взамѣнъ мелькнувшей при Петрѣ идеи всесословныхъ повинностей стало настойчиво проводить мысль о *спеціальныхъ сословныхъ правахъ*. Дворянство эманципируется, снимаетъ съ себя тягчайшую повинность обязательной службы и не только удерживаетъ старыя свои права, но и пріобрѣтаетъ широкія новыя. Крупицы этихъ даровъ падаютъ и на долю высшаго купечества. Такъ всѣми льготами и выгодами, какими могла поступиться власть, осыпаны были верхи общества, а на низы свалили только тяжести и лишенія. Если бы народъ терпѣливо вынесъ такой порядокъ, Россія выбыла бы изъ числа европейскихъ странъ. Но съ половины XVIII в. въ народной массѣ пробуждается тревожное броженіе особаго характера. Мятежами обиленъ былъ и XVII в., и тогда они направлялись противъ правительства, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей. Теперь они принимаютъ соціальную окраску, идутъ противъ *господъ*. Сама пугачевщина выступала подъ легальнымъ знаменемъ, несла съ собой идею законной власти противъ екатерининской узурпаціи съ ея пособниками-дворянами. Когда почва затряслась подъ ногами, въ правящихъ сферахъ по почину Екатерины II всплываетъ мысль объ уравненіи общества, о смягченіи крѣпостного права. Хмурясь и робѣя, пережевывая одни и тѣ же планы и изъ царствованія въ царствованіе отсрочивая вопросъ, малодушными попытками улучшенія, не оправдывавшими громкаго титула власти, довели дѣло къ половинѣ XIX в. до того, что его

разрѣшеніе стало требованіемъ стихійной необходимости, особенно когда Севастополь ударилъ по застоявшимся умамъ. Итакъ, ходъ дѣлъ въ IV періодѣ можно изобразить въ такомъ видѣ: *по мѣрѣ того какъ усиливалось напряженіе внѣшней оборонительной борьбы, усложнялись спеціальныя государственныя повинности, падавшія на разные классы общества, и по мѣрѣ того какъ оборонительная борьба превращалась въ наступательную, съ верхнихъ общественныхъ классовъ снимались ихъ спеціальныя повинности, замѣняясь спеціальными сословными правами, и скучивались на низшихъ классахъ; но по мѣрѣ того какъ росло чувство народнаго недовольства такимъ неравенствомъ, правительство начинало подумывать о болѣе справедливомъ устройствѣ общества.* Постараемся запомнить сейчасъ изложенную схему: въ ней заключается существенное значеніе изучаемаго періода, ключъ къ объясненію его важнѣйшихъ явленій; эта схема послужитъ намъ формулой, раскрытіемъ которой будетъ занято наше изученіе IV періода.

Ростъ политическаго сознанія. Таковы порядокъ явленій IV періода и ихъ взаимоотношеніе. Съ этимъ порядкомъ тѣсно связанъ ростъ политеческаго сознанія въ русскомъ обществѣ, движеніе понятій, вскрывающихся въ этихъ явленіяхъ. Къ концу XVI вѣка Московское государство устроилось, обзавелось обычными формами и орудіями государственной жизни, имѣло верховную власть, законодательство, центральное и областное управленіе, значительное приказное чиновничество, все болѣе размножавшееся, общественное дѣленіе, все болѣе расчленявшееся, армію, даже смутную мысль о народномъ представительствѣ; незамѣтно только государственныхъ долговъ. Но учрежденія сами по себѣ только формы: для успѣшнаго ихъ дѣйствія необходимо еще содержаніе, необходимы понятія, помогающія ихъ дѣятелямъ уяснять себѣ ихъ смыслъ

и назначеніе, необходимы, наконецъ, нормы и нравы, направляющіе ихъ дѣятельность. Все это не дается сразу въ готовомъ видѣ, а вырабатывается напряженной мыслью, труднымъ, подчасъ болѣзненнымъ опытомъ. Московскія государственныя учрежденія были готовы, когда угасала старая династія; но готовы ли были московскіе государственные умы къ тому, чтобы вести въ нихъ дѣла согласно съ задачами государства, въ цѣляхъ народнаго блага? Сдѣлаемъ, какъ бы сказать, суммарный подсчетъ политическому сознанію тогдашнихъ московскихъ людей и для того приложимъ къ этому сознанію возможно простѣйшее опредѣленіе государства, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ понимали они основные необходимые элементы государственнаго порядка согласно съ сущностью и задачами государства. Эти основные элементы суть: *верховная власть, народъ, законъ* и *общее благо*. Верховная власть въ Московскомъ государствѣ, какъ мы видѣли (лекція XXVI), усвоила себѣ въ титулахъ и сказаніяхъ нѣсколько возвышенныхъ опредѣленій; но это были не политическія прерогативы, а скорѣе торжественные орнаменты или дипломатическія предвосхищенія въ родѣ *государя всея Руси*. Въ будничномъ обиходѣ, въ ежедневномъ оборотѣ понятій и отношеній господствовала еще старая удѣльная норма, служившая реальной, исторически сложившейся основой этой власти и состоявшая въ томъ, что государство московскаго государя считалось его вотчиной, наслѣдственной собственностью. Новыя политическія понятія, навязывавшіяся ходомъ событій, неподатливое мышленіе перегибало въ сторону этой привычной нормы. Московское объединеніе Великороссіи рождало въ умахъ идею народнаго русскаго государства; но эта идея, всею своею сущностью отрицавшая вотчину, выражалась въ прежней вотчинной схемѣ, заставлявшей мыслить государя всея Руси не какъ верховнаго правителя

русскаго народа, а только какъ наслѣдственнаго хозяина, территоріальнаго владѣльца Русской земли: „и вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина“, твердилъ Иванъ III. Политическое мышленіе отставало отъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и династическихъ притязаній, превращая удѣльные предразсудки въ политическія недоразумѣнія. И другіе элементы государственнаго порядка преломлялись въ тогдашнемъ сознаніи подъ дѣйствіемъ этой аномаліи, соединявшей въ одномъ существѣ верховной власти два непримиримыя свойства *царя и вотчинника.* Мысль о народѣ еще не слилась въ тогдашнемъ пониманіи съ идеей государства. Государство понимали не какъ союзъ народный, управляемый верховной властью, а какъ государево хозяйство, въ составъ котораго входили со значеніемъ хозяйственныхъ статей и классы неселенія, обитавшаго на территоріи государевой вотчины. Потому народное благо, цѣль государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли, и самый законъ носилъ характеръ хозяйственнаго распоряженія, исходившаго изъ москворѣцкой кремлевской усадьбы и устанавливавшаго порядокъ дѣятельности подчиненнаго, преимущественно областного управленія, а всего чаще — порядокъ отбыванія разныхъ государственныхъ повинностей обывателями. Въ московскомъ законодательствѣ до XVII вѣка не встрѣчаемъ постановленій, которыя можно было бы признать основными законами, опредѣляющими строй и права верховной власти, основныя права и обязанности гражданъ. Такъ основные элементы государственнаго порядка еще не поддерживались соотвѣтственными ихъ природѣ понятіями. Формы государственнаго строя, складывавшіяся исторически, силой стихійной закономѣрности народной жизни, не успѣли наполниться надлежащимъ содержаніемъ, оказались выше наличнаго политиче-

скаго сознанія людей, въ нихъ дѣйствовавшихъ. Въ томъ и состоитъ наибольшій интересъ изучаемаго періода, чтобы слѣдить, какъ вырабатываются въ общественномъ сознаніи и вливаются въ эти формы недостававшія имъ понятія, составляющія душу политическаго порядка, какъ остовъ государства, ими оживляемый и питаемый, постепенно превращается въ государственный организмъ. Тогда и изложенныя мной антиноміи утратятъ свою видимую несообразность, получатъ свое историческое объясненіе.

Таковъ рядъ фактовъ, который намъ предстоитъ изучить, рядъ задачъ, которыя мы должны разрѣшить. Перечисленные факты новаго періода мы будемъ наблюдать съ того момента, когда на московскомъ престолѣ воцаряется новая династія.

Начало смуты.

Но прежде чѣмъ совершилось это воцареніе, Московское государство испытало страшное потрясеніе, поколебавшее самыя глубокія его основы. Оно и дало первый и очень болѣзненный толчекъ движенію новыхъ понятій, недостававшихъ государственному порядку, построенному угасшею династіей. Это потрясеніе совершилось въ первые годы XVII в. и извѣстно въ нашей исторіографіи подъ именемъ *смуты* или *смутныхъ временъ,* по выраженію Котошихина. Русскіе люди, пережившіе это тяжелое время, называли его и именно послѣдніе его годы „великой разрухой Московскаго государства". Признаки смуты стали обнаруживаться тотчасъ послѣ смерти послѣдняго царя старой династіи, Ѳедора Ивановича; смута прекращается съ того времени, когда земскіе чины, собравшіеся въ Москвѣ въ началѣ 1613 года, избрали на престолъ родоначальника новой династіи, царя Михаила. Значитъ, смутнымъ временемъ въ нашей исторіи можно назвать 14—15 лѣтъ съ 1598 по 1613 годъ; 14 лѣтъ въ этой эпохѣ „смятенія" Русской

земли считаетъ и современникъ, келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, авторъ сказанія объ осадѣ поляками Троицкаго Сергіева монастыря. Прежде чѣмъ перейти къ изученію IV періода, мы должны остановиться на происхожденіи и значеніи этого потрясенія. Откуда пошла эта смута или эта „московская трагедія“ (tragoedia moscovitica), какъ выражались о ней современники-иностранцы. Вотъ фабула этой трагедіи.

Конецъ династіи.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ года за два съ чѣмъ-нибудь до своей смерти, въ 1581 г., въ одну изъ дурныхъ минутъ, какія тогда часто на него находили, прибилъ свою сноху за то, что она, будучи беременной, при входѣ свекра въ ея комнату оказалась слишкомъ запросто одѣтой, simplici veste induta, какъ объясняетъ дѣло іезуитъ Антоній Поссевинъ, пріѣхавшій въ Москву три мѣсяца спустя послѣ событія и знавшій его по горячимъ слѣдамъ. Мужъ побитой, наслѣдникъ отцова престола царевичъ Иванъ вступился за обиженную жену, а вспыливший отецъ печально-удачнымъ ударомъ желѣзнаго костыля въ голову положилъ сына на мѣстѣ. Царь Иванъ едва не помѣшался съ горя по сынѣ, съ неистовымъ воплемъ вскакивалъ по ночамъ съ постели, хотѣлъ отречься отъ престола и постричься; однако, какъ бы то ни было, вслѣдствіе этого несчастнаго случая преемникомъ Грознаго сталъ второй его сынъ царевичъ Ѳедоръ.

Царь Ѳедоръ.

Поучительное явленіе въ исторіи старой московской династіи представляетъ этотъ послѣдній ея царь Ѳедоръ. Калитино племя, построившее Московское государство, всегда отличалось удивительнымъ умѣньемъ обрабатывать свои житейскія дѣла, страдало фамильнымъ избыткомъ заботливости о земномъ, и это самое племя, погасая, блеснуло полнымъ отрѣшеніемъ отъ всего земного, вымерло царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, который, по выраженію современ-

никовъ, всю жизнь избывалъ мірской суеты и докуки, помышляя только о небесномъ. Польскій посолъ Сапѣга такъ описываетъ Өедора: царь малъ ростомъ, довольно худощавъ, съ тихимъ, даже подобострастнымъ голосомъ, съ простодушнымъ лицомъ, умъ имѣетъ скудный или, какъ я слышалъ отъ другихъ и замѣтилъ самъ, не имѣетъ никакого, ибо, сидя на престолѣ во время посольскаго пріема, онъ не переставалъ улыбаться, любуясь то на свой скипетръ, то на державу. Другой современникъ, шведъ Петрей въ своемъ описаніи Московскаго государства (1608—1611) также замѣчаетъ, что царь Өедоръ отъ природы былъ почти лишенъ разсудка, находилъ удовольствіе только въ духовныхъ предметахъ, часто бѣгалъ по церквамъ трезвонить въ колокола и слушать обѣдню. Отецъ горько упрекалъ его за это, говоря, что онъ больше похожъ на понамарскаго, чѣмъ на царскаго сына. Въ этихъ отзывахъ, несомнѣнно, есть нѣкоторое преувеличеніе, чувствуется доля каррикатуры. Набожная и почтительная къ престолу мысль русскихъ современниковъ пыталась сдѣлать изъ царя Өедора знакомый ей и любимый ею образъ подвижничества особаго рода. Намъ извѣстно, какое значеніе имѣло и какимъ почетомъ пользовалось въ древней Руси *юродство* Христа ради. Юродивый, *блаженный*, отрѣшался отъ всѣхъ благъ житейскихъ, не только отъ тѣлесныхъ, но и отъ духовныхъ удобствъ и приманокъ, отъ почестей, славы, уваженія и привязанности со стороны ближнихъ. Мало того, онъ дѣлалъ боевой вызовъ этимъ благамъ и приманкамъ: нищій и безпріютный, ходя по улицамъ босикомъ, въ лохмотьяхъ, поступая не по-людски, по-уродски, говоря неподобныя рѣчи, презирая общепринятыя приличія, онъ старался стать посмѣшищемъ для неразумныхъ и какъ бы издѣвался надъ благами, которыя люди любятъ и цѣнятъ, и надъ самими

людьми, которыя ихъ любятъ и цѣнятъ. Въ такомъ смиреніи до самоуничиженія древняя Русь видѣла практическую разработку высокой заповѣди о блаженствѣ нищихъ духомъ, которымъ принадлежитъ царствіе Божіе. Эта духовная нищета въ лицѣ юродиваго являлась ходячей мірской совѣстью, „лицевымъ“ въ живомъ образѣ обличеніемъ людскихъ страстей и пороковъ, и пользовалась въ обществѣ большими правами, полной свободой слова: сильные міра сего, вельможи и цари, са́мъ Грозный, терпѣливо выслушивали смѣлыя, насмѣшливыя или бранчивыя рѣчи блаженнаго уличнаго бродяги, не смѣя дотронуться до него пальцемъ. И царю Ѳедору приданъ былъ русскими современниками этотъ привычный и любимый обликъ: это былъ въ ихъ глазахъ блаженный на престолѣ, одинъ изъ тѣхъ нищихъ духомъ, которымъ подобаетъ царство небесное, а не земное, которыхъ Церковь такъ любила заносить въ свои святцы, въ укоръ грязнымъ помысламъ и грѣховнымъ поползновеніямъ русскаго человѣка. „Благоюродивъ бысть отъ чрева матери своея и ни о чемъ попеченія имѣя, токмо о душевномъ спасеніи“: такъ отзывается о Ѳедорѣ близкій ко двору современникъ князь И. М. Катыревъ-Ростовскій. По выраженію другого современника, въ царѣ Ѳедорѣ мнишество было съ царствіемъ соплетено безъ раздвоенія и одно служило украшеніемъ другому. Его называли „освятованнымъ царемъ“, свыше предназначеннымъ къ святости, къ вѣнцу небесному. Словомъ, въ келліи или пещерѣ, пользуясь выраженіемъ Карамзина, царь Ѳедоръ былъ бы больше на мѣстѣ, чѣмъ на престолѣ. И въ наше время царь Ѳедоръ становился предметомъ поэтической обработки: такъ ему посвящена вторая трагедія драматической трилогіи графа Ал. Толстого. И здѣсь изображеніе царя Ѳедора очень близко къ его древнерусскому образу; поэтъ, очевидно,

рисовалъ портретъ блаженнаго царя съ древнерусской лѣтописной его иконы. Тонкой чертой проведена по этому портрету и наклонность къ благодушной шуткѣ, какою древнерусскій блаженный смягчалъ свои суровыя обличенія. Но сквозь внѣшнюю набожность, какой умилялись современники въ царѣ Ѳедорѣ, у Ал. Толстого ярко проступаетъ нравственная чуткость: это *вѣщій простачокъ*, который безсознательнымъ таинственно-озареннымъ чутьемъ умѣлъ понимать вещи, какихъ никогда не понять самымъ большимъ умникамъ. Ему грустно слышать о партійныхъ раздорахъ, о враждѣ сторонниковъ Бориса Годунова и князя Шуйскаго; ему хочется дожить до того, когда всѣ будутъ сторонниками лишь одной Руси, хочется помирить всѣхъ враговъ, и на сомнѣнія Годунова въ возможности такой общегосударственной мировой горячо возражаетъ:

Ни, ни!
Ты этого, Борисъ, не разумѣешь!
Ты вѣдай тамъ, какъ знаешь, государство,
Ты въ томъ гораздъ, а здѣсь я больше смыслю,
Здѣсь надо вѣдать сердце человѣка.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ тому же Годунову:

Какой я царь? Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить, и обмануть не трудно.
Въ одномъ лишь только я не обманусь:
Когда межъ тѣмъ, что бѣло иль черно,
Избрать я долженъ — я не обманусь.

Не слѣдуетъ выпускать изъ вида исторической подкладки назидательныхъ или поэтическихъ изображеній историческаго лица современниками или позднѣйшими писателями. Царевичъ Ѳедоръ выросъ въ Александровской слободѣ, среди безобразія и ужасовъ опричнины. Рано по утрамъ

отецъ, игуменъ шутовского слободского монастыря, посылалъ его на колокольню звонить къ заутренѣ. Родившись слабосильнымъ отъ начавшей прихварывать матери Анастасіи Романовны, онъ росъ безматернимъ сиротой въ отвратительной опричной обстановкѣ и выросъ малорослымъ и блѣднолицымъ недоросткомъ, расположеннымъ къ водянкѣ, съ неровной, старчески медленной походкой отъ преждевременной слабости въ ногахъ. Такъ описываетъ царя, когда ему шелъ 32-й годъ, видѣвшій его въ 1588—89 г. англійскій посолъ Флетчеръ. Въ лицѣ царя Ѳедора династія вымирала воочію. Онъ вѣчно улыбался, но безжизненной улыбкой. Этой грустной улыбкой, какъ бы молившей о жалости и пощадѣ, царевичъ оборонялся отъ капризнаго отцовскаго гнѣва. Разсчитанное жалостное выраженіе лица со временемъ, особенно послѣ страшной смерти старшаго брата, въ силу привычки превратилось въ невольную автоматическую гримасу, съ которой Ѳедоръ и вступилъ на престолъ. Подъ гнетомъ отца онъ потерялъ свою волю, но сохранилъ навсегда заученное выраженіе забитой покорности. На престолѣ онъ искалъ человѣка, который сталъ бы хозяиномъ его воли: умный шуринъ Годуновъ осторожно всталъ на мѣсто бѣшенаго отца.

Б. Годуновъ. Умирая, царь Иванъ торжественно призналъ своего „смиреніемъ обложеннаго" преемника неспособнымъ къ управленію государствомъ и назначилъ ему въ помощь правительственную комиссію, какъ бы сказать, регентство изъ нѣсколькихъ наиболѣе приближенныхъ вельможъ. Въ первое время по смерти Грознаго наибольшей силой среди регентовъ пользовался родной дядя царя по матери Никита Романовичъ Юрьевъ; но вскорѣ болѣзнь и смерть его расчистили дорогу къ власти другому опекуну, шурину царя Борису Годунову. Пользуясь характеромъ царя и поддерж-

кой сестры-царицы, онъ постепенно оттѣснилъ отъ дѣлъ другихъ регентовъ и самъ сталъ править государствомъ именемъ зятя. Его мало назвать премьеръ-министромъ; это былъ своего рода диктаторъ или, какъ бы сказать, соправитель: царь, по выраженію Котошихина, учинилъ его надъ государствомъ своимъ во всякихъ дѣлахъ правителемъ, самъ предавшись „смиренію и на молитву". Такъ громадно было вліяніе Бориса на царя и на дѣла. По словамъ упомянутаго уже кн. Катырева-Ростовскаго, онъ захватилъ такую власть, „яко же и самому царю во всемъ послушну ему быти". Онъ окружался царственнымъ почетомъ, принималъ иноземныхъ пословъ въ своихъ палатахъ съ величавостью и блескомъ настоящаго потентата, „не меньшею честію предъ царемъ отъ людей почтенъ бысть". Онъ правилъ умно и осторожно, и четырнадцатилѣтнее царствованіе Ѳедора было для государства временемъ отдыха отъ погромовъ и страховъ опричнины. Умилосердился Господь, пишетъ тотъ же современникъ, на людей своихъ и даровалъ имъ благополучное время, позволилъ царю державствовать тихо и безмятежно, и все православное христіанство начало утѣшаться и жить тихо и безмятежно. Удачная война со Швеціей не нарушила этого общаго настроенія. Но въ Москвѣ начали ходить самые тревожные слухи. Послѣ царя Ивана остался младшій сынъ Димитрій, которому отецъ, по старинному обычаю московскихъ государей, далъ маленькій удѣлъ, городъ Угличъ съ уѣздомъ. Въ самомъ началѣ царствованія Ѳедора для предупрежденія придворныхъ интригъ и волненій этотъ царевичъ со своими родственниками по матери Нагими былъ удаленъ изъ Москвы. Въ Москвѣ разсказывали, что этотъ семилѣтній Димитрій, сынъ пятой вѣнчанной жены царя Ивана (не считая невѣнчанныхъ), слѣдовательно, царевичъ сомнительной за-

конности съ канонической точки зрѣнія, выйдетъ весь въ батюшку временъ опричнины и что этому царевичу грозитъ большая опасность со стороны тѣхъ близкихъ къ престолу людей, которые сами мѣтятъ на престолъ въ очень вѣроятномъ случаѣ бездѣтной смерти царя Ѳедора. И вотъ какъ бы въ оправданіе этихъ толковъ въ 1591 г. по Москвѣ разнеслась вѣсть, что удѣльный князь Димитрій среди бѣла дня зарѣзанъ въ Угличѣ и что убійцы были тутъ же перебиты поднявшимися горожанами, такъ что не съ кого стало снять показаній при слѣдствіи. Слѣдственная коммиссія, посланная въ Угличъ во главѣ съ княземъ В. И. Шуйскимъ, тайнымъ врагомъ и соперникомъ Годунова, вела дѣло безтолково или недобросовѣстно, тщательно разспрашивала о побычныхъ мелочахъ и позабыла развѣдать важнѣйшія обстоятельства, не выяснила противорѣчій въ показаніяхъ, вообще страшно запутала дѣло. Она постаралась прежде всего увѣрить себя и другихъ, что царевичъ не зарѣзанъ, а зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, попавши на ножъ, которымъ игралъ съ дѣтьми. Потому угличане были строго наказаны за самовольную расправу съ мнимыми убійцами. Получивъ такое донесеніе коммиссіи, патріархъ Іовъ, пріятель Годунова, при его содѣйствіи и возведенный два года назадъ въ патріаршій санъ, объявилъ соборнѣ, что смерть царевича приключилась судомъ Божіимъ. Тѣмъ дѣло пока и кончилось. Въ январѣ 1598 года умеръ царь Ѳедоръ. Послѣ него не осталось никого изъ Калитиной династіи, кто бы могъ занять опустѣвшій престолъ. Присягнули было вдовѣ покойнаго, царицѣ Иринѣ; но она постриглась. Итакъ, династія вымерла нечисто, не своею смертью. Земскій соборъ подъ предсѣдательствомъ того же патріарха Іова избралъ на царство правителя Бориса Годунова.

Борисъ и на престолѣ правилъ такъ же умно и осторожно, какъ прежде, стоя у престола при царѣ Ѳедорѣ. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ большому, хотя и не первостепенному боярству. Годуновы — младшая вѣтвь стариннаго и важнаго московскаго боярскаго рода, шедшаго отъ выѣхавшаго изъ Орды въ Москву при Калитѣ мурзы Чета. Старшая вѣтвь того же рода, Сабуровы занимали очень видное мѣсто въ московскомъ боярствѣ; но Годуновы поднялись лишь недавно, въ царствованіе Грознаго, и опричнина, кажется, много помогла ихъ возвышенію. Борисъ былъ посаженымъ отцомъ на одной изъ многочисленныхъ свадебъ царя Ивана во время опричнины; притомъ онъ сталъ зятемъ Малюты Скуратова Бѣльскаго, шефа опричниковъ, а женитьба царевича Ѳедора на сестрѣ Бориса еще болѣе укрѣпила его положеніе при дворѣ. До учрежденія опричнины въ Боярской думѣ не встрѣчаемъ Годуновыхъ; они появляются въ ней только съ 1573 г.; зато со смерти Грознаго они посыпались туда и все въ важныхъ званіяхъ бояръ и окольничихъ. Но самъ Борисъ не значился въ спискахъ опричниковъ и тѣмъ не уронилъ себя въ глазахъ общества, которое смотрѣло на нихъ, какъ на отверженныхъ людей, „кромѣшниковъ": такъ острили надъ ними современники, играя синонимами *опричь* и *кромѣ*. Борисъ началъ царствованіе съ большимъ успѣхомъ, даже блескомъ, и первыми дѣйствіями на престолѣ вызвалъ всеобщее одобреніе. Современные витіи кудревато писали о немъ, что онъ своей политикой внутренней и внѣшней „зѣло проразсудительное къ народамъ мудроправство показа". Въ немъ находили „велемудрый и многоразсудный разумъ", называли его мужемъ зѣло чуднымъ и сладкорѣчивымъ и строительнымъ вельми, о державѣ своей многозаботливымъ. Съ восторгомъ отзывались о наружности и личныхъ качествахъ

Борисъ на престолѣ.

царя, писали, что „никто бѣ ему отъ царскихъ синклитъ подобенъ въ благолѣпіи лица его и въ разсужденіи ума его“, хотя и замѣчали съ удивленіемъ, что это былъ первый въ Россіи безкнижный государь, „грамотичнаго ученія не свѣдый до мала отъ юности, яко ни простымъ буквамъ навыченъ бѣ“. Но признавая, что онъ наружностью и умомъ всѣхъ людей превосходилъ и много похвальнаго учинилъ въ государствѣ, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ, хотя и неискусенъ въ военномъ дѣлѣ, находили въ немъ и нѣкоторые недостатки: онъ цвѣлъ добродѣтелями и могъ бы древнимъ царямъ уподобиться, если бы зависть и злоба не омрачили этихъ добродѣтелей. Его упрекали въ ненасытномъ властолюбіи и въ наклонности довѣрчиво слушать наушниковъ и преслѣдовать безъ разбора оболганныхъ людей, за что и воспріялъ онъ возмездіе. Считая себя малоспособнымъ къ ратному дѣлу и не довѣряя своимъ воеводамъ, царь Борисъ велъ нерѣшительную, двусмысленную внѣшнюю политику, не воспользовался ожесточенной враждой Польши со Швеціей, что давало ему возможность союзомъ съ королемъ шведскимъ пріобрѣсти отъ Польши Ливонію. Главное его вниманіе обращено было на устройство внутренняго порядка въ государствѣ, на „исправленіе всѣхъ нужныхъ царству вещей“, по выраженію келаря А. Палицына, и въ первые два года царствованія, замѣчаетъ келарь, Россія цвѣла всѣми благами. Царь крѣпко заботился о бѣдныхъ и нищихъ, расточалъ имъ милости, но жестоко преслѣдовалъ злыхъ людей и такими мѣрами пріобрѣлъ огромную популярность, „всѣмъ любезенъ бысть“. Въ устроеніи внутренняго государственнаго порядка онъ даже обнаруживалъ необычную отвагу. Излагая исторію крестьянъ въ XVI в. (лекція XXXVII), я имѣлъ случай показать, что мнѣніе объ установленіи крѣпостной неволи

крестьянъ Борисомъ Годуновымъ принадлежитъ къ числу нашихъ историческихъ сказокъ. Напротивъ, Борисъ готовъ былъ на мѣру, имѣвшую упрочить свободу и благосостояніе крестьянъ: онъ, повидимому, готовилъ указъ, который бы точно опредѣлилъ повинности и оброки крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Это — законъ, на который не рѣшалось русское правительство до самаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

Толки и слухи про Бориса.

Такъ началъ царствовать Борисъ. Однако, несмотря на многолѣтнюю правительственную опытность, на милости, какія онъ щедро расточалъ по воцареніи всѣмъ классамъ, на правительственныя способности, которымъ въ немъ удивлялись, популярность его была непрочна. Борисъ принадлежалъ къ числу тѣхъ злосчастныхъ людей, которые и привлекали къ себѣ, и отталкивали отъ себя, — привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми, но чуемыми недостатками сердца и совѣсти. Онъ умѣлъ вызывать удивленіе и признательность, но никому не внушалъ довѣрія; его всегда подозрѣвали въ двуличіи и коварствѣ и считали на все способнымъ. Несомнѣнно, страшная школа Грознаго, которую прошелъ Годуновъ, положила на него неизгладимый печальный отпечатокъ. Еще при царѣ Ѳедорѣ у многихъ составился взглядъ на Бориса, какъ на человѣка умнаго и дѣловитаго, но на все способнаго, не останавливающагося ни передъ какимъ нравственнымъ затрудненіемъ. Внимательные и безпристрастные наблюдатели, какъ дьякъ Ив. Тимоѳеевъ, авторъ любопытныхъ записокъ о Смутномъ времени, характеризуя Бориса, отъ суровыхъ порицаній прямо переходятъ къ восторженнымъ хваламъ и только недоумѣваютъ, откуда бралось у него все, что онъ дѣлалъ добраго, было ли это даромъ природы, или дѣломъ сильной воли, умѣвшей до времени искусно носить

любую личину. Этотъ „рабоцарь", царь изъ рабовъ, представлялся имъ загадочной смѣсью добра и зла, игрокомъ, у котораго чашки на вѣсахъ совѣсти постоянно колебались. При такомъ взглядѣ не было подозрѣнія и нареканія, котораго народная молва не была бы готова повѣсить на его имя. Онъ и хана крымскаго подъ Москву подводилъ, и добраго царя Ѳедора съ его дочерью ребенкомъ Ѳедосьей, своей родной племянницей, уморилъ, и даже собственную сестру царицу Александру отравилъ; и бывшій земскій царь, полузабытый ставленникъ Грознаго Семенъ Бекбулатовичъ, ослѣпшій подъ старость, ослѣпленъ все тѣмъ же Б. Годуновымъ; онъ же кстати и Москву жегъ тотчасъ по убіеніи царевича Димитрія, чтобы отвлечь вниманіе царя и столичнаго общества отъ углицкаго злодѣянія. Б. Годуновъ сталъ излюбленной жертвой всевозможной политической клеветы. Кому же, какъ не ему, убить и царевича Димитрія? Такъ рѣшила молва, и на этотъ разъ не спроста. Незримыя уста понесли по міру эту роковую для Бориса молву. Говорили, что онъ не безъ грѣха въ этомъ темномъ дѣлѣ, что это онъ подослалъ убійцъ къ царевичу, чтобы проложить себѣ дорогу къ престолу. Современные лѣтописцы разсказывали объ участіи Бориса въ дѣлѣ, конечно, по слухамъ и догадкамъ. Прямыхъ уликъ у нихъ, понятно, не было и быть не могло: властные люди въ подобныхъ случаяхъ могутъ и умѣютъ прятать концы въ воду. Но въ лѣтописныхъ разсказахъ нѣтъ путаницы и противорѣчій, какими полно донесеніе углицкой слѣдственной комиссіи. Лѣтописцы вѣрно понимали затруднительное положеніе Бориса и его сторонниковъ при царѣ Ѳедорѣ: оно побуждало бить, чтобы не быть побитымъ. Вѣдь Нагіе не пощадили бы Годуновыхъ, если бы воцарился углицкій царевичъ. Борисъ отлично зналъ по самому себѣ, что люди, которые ползутъ къ сту-

пенькамъ престола, не любятъ и не умѣютъ быть великодушными. Однимъ развѣ лѣтописцы возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе: это—неосторожная откровенность, съ какою ведетъ себя у нихъ Борисъ. Они взваливаютъ на правителя не только прямое и дѣятельное участіе, но какъ будто даже починъ въ дѣлѣ: неудачныя попытки отравить царевича, совѣщанія съ родными и присными о другихъ средствахъ извести Димитрія, неудачный первый выборъ исполнителей, печаль Бориса о неудачѣ, утѣшеніе его Клешнинымъ, обѣщающимъ исполнить его желаніе, — все это подробности, безъ которыхъ, казалось бы, могли обойтись люди, столь привычные къ интригѣ. Съ такимъ мастеромъ своего рода, какъ Клешнинъ, всѣмъ обязанный Борису и являющійся руководителемъ углицкаго преступленія, не было нужды быть столь откровеннымъ: достаточно было прозрачнаго намека, молчаливаго внушительнаго жеста, чтобы быть понятымъ. Во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы это дѣло сдѣлалось безъ вѣдома Бориса, подстроено было какой-нибудь черезчуръ услужливой рукой, которая хотѣла сдѣлать угодное Борису, угадывая его тайные помыслы, а еще болѣе обезпечить положеніе своей партіи, державшейся Борисомъ. Прошло семь лѣтъ,—семь безмятежныхъ лѣтъ правленія Бориса. Время начинало стирать углицкое пятно съ Борисова лица. Но со смертью царя Ѳедора подозрительная народная молва оживилась. Пошли слухи, что и избраніе Бориса на царство было нечисло, что отравивъ царя Ѳедора, Годуновъ достигъ престола полицейскими уловками, которыя молва возводила въ цѣлую организацію. По всѣмъ частямъ Москвы и по всѣмъ городамъ разосланы были агенты, даже монахи изъ разныхъ монастырей, подбивавшіе народъ просить Бориса на царство „всѣмъ міромъ“; даже царица-вдова усердно помогала брату, тайно деньгами

и льстивыми обѣщаніями соблазняя стрѣлецкихъ офицеровъ дѣйствовать въ пользу Бориса. Подъ угрозой тяжелаго штрафа за сопротивленіе полиція въ Москвѣ сгоняла народъ къ Новодѣвичьему монастырю челомъ бить и просить у постригшейся царицы ея брата на царство. Многочисленные пристава наблюдали, чтобъ это народное челобитье приносилось съ великимъ воплемъ и слезами, и многіе, не имѣя слезъ наготовѣ, мазали себѣ глаза слюнями, чтобы отклонить отъ себя палки приставовъ. Когда царица подходила къ окну кельи, чтобы удостовѣриться во всенародномъ моленіи и плачѣ, по данному изъ кельи знаку весь народъ долженъ былъ падать ницъ на землю; не успѣвшихъ или не хотѣвшихъ это сдѣлать пристава пинками въ шею сзади заставляли кланяться въ землю, и всѣ, поднимаясь, завывали точно волки. Отъ неистоваго вопля разсѣдались утробы кричавшихъ, лица багровѣли отъ натуги, приходилось затыкать уши отъ общаго крика. Такъ повторялось много разъ. Умиленная зрѣлищемъ такой преданности народа, царица, наконецъ, благословила брата на царство. Горечь этихъ разсказовъ, можетъ быть, преувеличенныхъ, рѣзко выражаетъ степень ожесточенія, какое Годуновъ и его сторонники постарались поселить къ себѣ въ обществѣ. Наконецъ, въ 1604 г. пошелъ самый страшный слухъ. Года три уже въ Москвѣ шептали про невѣдомаго человѣка, называвшаго себя царевичемъ Димитріемъ. Теперь разнеслась громкая вѣсть, что агенты Годунова промахнулись въ Угличѣ, зарѣзали подставного ребенка, а настоящій царевичъ живъ и идетъ изъ Литвы добывать прародительскаго престола. Замутились при этихъ слухахъ умы у русскихъ людей, и пошла смута. Царь Борисъ умеръ весной 1605 г., потрясенный успѣхами самозванца, который, воцарившись въ Москвѣ, вскорѣ былъ убитъ.

Самозванство.

Такъ подготовлялась и началась смута. Какъ вы видите, она была вызвана двумя поводами: насильственнымъ и таинственнымъ пресѣченіемъ старой династіи и потомъ искусственнымъ ея воскрешеніемъ въ лицѣ перваго самозванца. Насильственное и таинственное пресѣченіе династіи было первымъ толчкомъ къ смутѣ. Пресѣченіе династіи есть, конечно, несчастіе въ исторіи монархическаго государства; нигдѣ однако оно не сопровождалось такими разрушительными послѣдствіями, какъ у насъ. Погаснетъ династія, выберутъ другую, и порядокъ возстановляется; при этомъ обыкновенно не появляются самозванцы, или на появившихся не обращаютъ вниманія и они исчезаютъ сами собою. А у насъ съ легкой руки перваго Лжедимитрія самозванство стало хронической болѣзнью государства: съ тѣхъ поръ чуть не до конца XVIII в. рѣдкое царствованіе проходило безъ самозванца, а при Петрѣ за недостаткомъ таковаго народная молва настоящаго царя превратила въ самозванца. Итакъ, ни пресѣченіе династіи, ни появленіе самозванца не могли бы сами по себѣ послужить достаточными причинами смуты; были какія-либо другія условія, которыя сообщили этимъ событіямъ такую разрушительную силу. Этихъ настоящихъ причинъ смуты надобно искать подъ внѣшними поводами, ее вызвавшими.

Лекція XLII.

Послѣдовательное вхожденіе въ смуту всѣхъ классовъ общества. — Царь Борисъ и бояре. — Лжедимитрій I и бояре. — Царь Василій и большое боярство. — Подкрестная запись царя Василія и ея значеніе. — Среднее боярство и столичное дворянство. — Договоръ 4 февраля 1610 г. и московскій договоръ 17 августа 1610 г. — Ихъ сравненіе. — Провинціальное дворянство и земскій приговоръ 30 іюня 1611 г. — Участіе низшихъ классовъ въ смутѣ.

Скрытыя причины смуты открываются при обзорѣ событій Смутнаго времени въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и внутренней связи. Отличительной особенностью смуты является то, что въ ней послѣдовательно выступаютъ всѣ классы русскаго общества, и выступаютъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они лежали въ тогдашнемъ составѣ русскаго общества, какъ были размѣщены по своему сравнительному значенію въ государствѣ на соціальной лѣствицѣ чиновъ. На вершинѣ этой лѣствицы стояло боярство: оно и начало смуту.

Царь Борисъ. Царь Борисъ законнымъ путемъ земскаго соборнаго избранія вступилъ на престолъ и могъ стать основателемъ новой династіи какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по своимъ политическимъ заслугамъ. Но бояре, много натерпѣвшіеся при Грозномъ, теперь при выборномъ царѣ изъ своей братіи не хотѣли довольствоваться простымъ

обычаемъ, на которомъ держалось ихъ политическое значеніе при прежней династіи. Они ждали отъ Бориса болѣе прочнаго обезпеченія этого значенія, т.-е. ограниченія его власти формальнымъ актомъ, „чтобы онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ", какъ говоритъ извѣстіе, дошедшее отъ того времени въ бумагахъ историка XVIII в. Татищева. Борисъ поступилъ съ обычнымъ своимъ двоедушіемъ: онъ хорошо понималъ молчаливое ожиданіе бояръ, но не хотѣлъ ни уступить, ни отказать прямо, и вся затѣянная имъ комедія упрямаго отказа отъ предлагаемой власти была только уловкой съ цѣлью уклониться отъ условій, на которыхъ эта власть предлагалась. Бояре молчали, ожидая, что Годуновъ самъ заговоритъ съ ними объ этихъ условіяхъ, о крестоцѣлованіи, а Борисъ молчалъ и отказывался отъ власти, надѣясь, что земскій соборъ выберетъ его безъ всякихъ условій. Борисъ перемолчалъ бояръ и былъ выбранъ безъ всякихъ условій. Это была ошибка Годунова, за которую онъ со своей семьей жестоко поплатился. Онъ сразу далъ этимъ чрезвычайно фальшивую постановку своей власти. Ему слѣдовало всего крѣпче держаться за свое значеніе земскаго избранника, а онъ старался пристроиться къ старой династіи по вымышленнымъ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Соборное опредѣленіе смѣло увѣряетъ, будто Грозный, поручая Борису своего сына Ѳедора, сказалъ: „по его преставленіи тебѣ приказываю и царство сіе". Какъ будто Грозный предвидѣлъ и гибель царевича Димитрія, и бездѣтную смерть Ѳедора. И царь Ѳедоръ, умирая, будто „вручилъ царство свое" тому же Борису. Всѣ эти выдумки — плодъ пріятельскаго усердія патріарха Іова, редактировавшаго соборное опредѣленіе. Борисъ былъ не наслѣдственный вотчинникъ Московскаго государства, а народный избранникъ, начиналъ особый рядъ царей съ новымъ государствен-

нымъ значеніемъ. Чтобы не быть смѣшнымъ или ненавистнымъ, ему слѣдовало и вести себя иначе, а не пародировать погибшую династію съ ея удѣльными привычками и предразсудками. Большіе бояре съ князьями Шуйскими во главѣ были противъ избранія Бориса, опасаясь, по выраженію лѣтописца, что „быти отъ него людемъ и себѣ гоненію". Надобно было разсѣять это опасеніе, и нѣкоторое время большое боярство, кажется, ожидало этого. Одинъ сторонникъ царя Василія Шуйскаго, писавшій по его внушенію, замѣчаетъ, что большіе бояре, князья Рюриковичи, сродники по родословцу прежнихъ царей московскихъ и достойные ихъ преемники, не хотѣли избирать царя изъ своей среды, а отдали это дѣло на волю народу, такъ какъ и безъ того они были при прежнихъ царяхъ велики и славны не только въ Россіи, но и въ дальнихъ странахъ. Но это величіе и славу надобно было обезпечить отъ произвола, не признающаго ни великихъ, ни славныхъ, а обезпеченіе могло состоять только въ ограниченіи власти избраннаго царя, чего и ждали бояре. Борису слѣдовало взять на себя починъ въ дѣлѣ, превративъ при этомъ земскій соборъ изъ случайнаго должностного собранія въ постоянное народное представительство, идея котораго уже бродила, какъ мы видѣли (лекція XL), въ московскихъ умахъ при Грозномъ и созыва котораго требовалъ самъ Борисъ, чтобы быть всенародно избраннымъ. Это примирило бы съ нимъ оппозиціонное боярство и — кто знаетъ? — отвратило бы бѣды, постигшія его съ семьей и Россію, сдѣлавъ его родоначальникомъ новой династіи. Но „проныръ лукавый" при недостаткѣ политическаго сознанія перехитрилъ самого себя. Когда бояре увидали, что ихъ надежды обмануты, что новый царь расположенъ править такъ же самовластно, какъ правилъ Иванъ Грозный, они рѣшили тайно дѣйствовать противъ него. Рус-

скіе современники прямо объясняютъ несчастія Бориса негодованіемъ чиноначальниковъ всей Русской земли, отъ которыхъ много напастныхъ золъ на него возстало. Чуя глухой ропотъ бояръ, Борисъ принялъ мѣры, чтобы оградить себя отъ ихъ козней: была сплетена сложная сѣть тайнаго полицейскаго надзора, въ которомъ главную роль играли боярскіе холопы, доносившіе на своихъ господъ, и выпущенные изъ тюремъ воры, которые, шныряя по московскимъ улицамъ, подслушивали, что̀ говорили о царѣ, и хватали каждаго, сказавшаго неосторожное слово. Доносъ и клевета быстро стали страшными общественными язвами: доносили другъ на друга люди всѣхъ классовъ, даже духовные; члены семействъ боялись говорить другъ съ другомъ; страшно было произнести имя царя — сыщикъ хваталъ и доставлялъ въ застѣнокъ. Доносы сопровождались опалами, пытками, казнями и разореніемъ домовъ. „Ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ не бывало“, по замѣчанію современниковъ. Съ особеннымъ озлобленіемъ накинулся Борисъ на значительный боярскій кружокъ съ Романовыми во главѣ, въ которыхъ, какъ въ двоюродныхъ братьяхъ царя Ѳедора, видѣлъ своихъ недоброжелателей и соперниковъ. Пятерыхъ Никитичей, ихъ родныхъ и пріятелей съ женами, дѣтьми, сестрами, племянниками разбросали по отдаленнымъ угламъ государства, а старшаго Никитича, будущаго патріарха Филарета, при этомъ еще и постригли, какъ и жену его. Наконецъ, Борисъ совсѣмъ обезумѣлъ, хотѣлъ знать домашніе помыслы, читать въ сердцахъ и хозяйничать въ чужой совѣсти. Онъ разослалъ всюду особую молитву, которую во всѣхъ домахъ за трапезой должны были произносить при заздравной чашѣ за царя и его семейство. Читая эту лицемѣрную и хвастливую молитву, проникаешься сожалѣніемъ, до чего можетъ потеряться человѣкъ, хотя бы и царь. Всѣми этими мѣрами

Борисъ создалъ себѣ ненавистное положеніе. Боярская знать съ вѣковыми преданіями скрылась по подворьямъ, усадьбамъ и дальнимъ тюрьмамъ. На ея мѣсто повылѣзли изъ щелей невѣдомые Годуновы съ товарищи и завистливой шайкой окружили престолъ, наполнили дворъ. На мѣсто династіи стала родня, главой которой явился земскій избранникъ, превратившійся въ мелкодушнаго полицейскаго труса. Онъ спрятался во дворцѣ, рѣдко выходилъ къ народу и не принималъ самъ челобитныхъ, какъ это дѣлали прежніе цари. Всѣхъ подозрѣвая, мучась воспоминаніями и страхами, онъ показалъ, что всѣхъ боится, какъ воръ, ежеминутно опасающійся быть пойманнымъ, по удачному выраженію одного жившаго тогда въ Москвѣ иностранца.

Лжедимитрій I. Въ гнѣздѣ наиболѣе гонимаго Борисомъ боярства съ Романовыми во главѣ, по всей вѣроятности, и была высижена мысль о самозванцѣ. Винили поляковъ, что они его подстроили; но онъ былъ только испеченъ въ польской печкѣ, а заквашенъ въ Москвѣ. Не даромъ Борисъ, какъ только услыхалъ о появленіи Лжедимитрія, прямо сказалъ боярамъ, что это ихъ дѣло, что они подставили самозванца. Этотъ *невѣдомый кто-то,* возсѣвшій на московскій престолъ послѣ Бориса, возбуждаетъ большой анекдотическій интересъ. Его личность доселѣ остается загадочной, несмотря на всѣ усилія ученыхъ разгадать ее. Долго господствовало мнѣніе, идущее отъ самого Бориса, что это былъ сынъ галицкаго мелкаго дворянина Юрій Отрепьевъ, въ иночествѣ Григорій. Не буду разсказывать о похожденіяхъ этого человѣка, вамъ достаточно извѣстныхъ. Упомяну только, что въ Москвѣ онъ служилъ холопомъ у бояръ Романовыхъ и у князя Черкасскаго, потомъ принялъ монашество, за книжность и составленіе похвалы московскимъ чудотворцамъ взятъ быть къ патріарху въ книгописцы

и здѣсь вдругъ съ чего-то началъ говорить, что онъ, пожалуй, будетъ и царемъ на Москвѣ. Ему предстояло за это заглохнуть въ дальнемъ монастырѣ; но какіе-то сильные люди прикрыли его, и онъ бѣжалъ въ Литву въ то самое время, когда обрушились опалы на романовскій кружокъ. Тотъ, кто въ Польшѣ назвался царевичемъ Димитріемъ, признавался, что ему покровительствовалъ В. Щелкаловъ, большой дьякъ, тоже подвергавшійся гоненію отъ Годунова. Трудно сказать, былъ ли первымъ самозванцемъ этотъ Григорій, или кто другой, что, впрочемъ, менѣе вѣроятно. Но для насъ важна не личность самозванца, а его личина, роль, имъ сыгранная. На престолѣ московскихъ государей онъ былъ небывалымъ явленіемъ. Молодой человѣкъ роста ниже средняго, некрасивый, рыжеватый, неловкій, съ грустно-задумчивымъ выраженіемъ лица, онъ въ своей наружности вовсе не отражалъ своей духовной природы: богато одаренный, съ бойкимъ умомъ, легко разрѣшавшимъ въ Боярской думѣ самые трудные вопросы, съ живымъ, даже пылкимъ темпераментомъ, въ опасныя минуты доводившимъ его храбрость до удальства, податливый на увлеченія, онъ былъ мастеръ говорить, обнаруживалъ и довольно разнообразныя знанія. Онъ совершенно измѣнилъ чопорный порядокъ жизни старыхъ московскихъ государей и ихъ тяжелое, угнетательное отношеніе къ людямъ, нарушалъ завѣтные обычаи священной московской старины, не спалъ послѣ обѣда, не ходилъ въ баню, со всѣми обращался просто, обходительно, не по-царски. Онъ тотчасъ показалъ себя дѣятельнымъ управителемъ, чуждался жестокости, самъ вникалъ во все, каждый день бывалъ въ Боярской думѣ, самъ обучалъ ратныхъ людей. Своимъ образомъ дѣйствій онъ пріобрѣлъ широкую и сильную привязанность въ народѣ, хотя въ Москвѣ кое-кто подозрѣвалъ и открыто обличалъ

его въ самозванствѣ. Лучшій и преданнѣйшій его слуга П. Ѳ. Басмановъ подъ рукой признавался иностранцамъ, что царь — не сынъ Ивана Грознаго, но его признаютъ царемъ потому, что присягали ему, и потому еще, что лучшаго царя теперь и не найти. Но самъ Лжедимитрій смотрѣлъ на себя совсѣмъ иначе: онъ держался какъ законный, природный царь, вполнѣ увѣренный въ своемъ царственномъ происхожденіи; никто изъ близко знавшихъ его людей не подмѣтилъ на его лицѣ ни малѣйшей морщины сомнѣнія въ этомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что и вся земля смотритъ на него точно такъ же. Дѣло о князьяхъ Шуйскихъ, распространявшихъ слухи о его самозванствѣ, свое личное дѣло, онъ отдалъ на судъ всей земли и для того созвалъ земскій соборъ, первый соборъ, приблизившійся къ типу народно-представительнаго, съ выборными отъ всѣхъ чиновъ или сословій. Смертный приговоръ, произнесенный этимъ соборомъ, Лжедимитрій замѣнилъ ссылкой, но скоро вернулъ ссыльныхъ и возвратилъ имъ боярство. Царь, сознававшій себя обманщикомъ, укравшимъ власть, едва ли поступилъ бы такъ рискованно и довѣрчиво, а Борисъ Годуновъ въ подобномъ случаѣ, навѣрное, раздѣлался бы съ попавшимися келейно въ застѣнкѣ, а потомъ переморилъ бы ихъ по тюрьмамъ. Но какъ сложился въ Лжедимитріи такой взглядъ на себя, это остается загадкой столько же исторической, сколько и психологической. Какъ бы то ни было, но онъ не усидѣлъ на престолѣ, потому что не оправдалъ боярскихъ ожиданій. Онъ не хотѣлъ быть орудіемъ въ рукахъ бояръ, дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно, развивалъ свои особые политическіе планы, во внѣшней политикѣ даже очень смѣлые и широкіе, хлопоталъ поднять противъ турокъ и татаръ всѣ католическія державы съ православной Россіей во главѣ. По временамъ онъ ставилъ на видъ

своимъ совѣтникамъ въ думѣ, что они ничего не видали, ничему не учились, что имъ надо ѣздить за границу для образованія; но это онъ дѣлалъ вѣжливо, безобидно. Всего досаднѣе было для великородныхъ бояръ приближеніе къ престолу мнимой незнатной родни царя и его слабость къ иноземцамъ, особенно къ католикамъ. Въ Боярской думѣ рядомъ съ однимъ кн. Мстиславскимъ, двумя князьями Шуйскими и однимъ кн. Голицынымъ въ званіи бояръ сидѣло цѣлыхъ пятеро какихъ-нибудь Нагихъ, а среди окольничихъ значилось три бывшихъ дьяка. Еще болѣе возмущали не однихъ бояръ, но и всѣхъ москвичей своевольные и разгульные поляки, которыми новый царь наводнилъ Москву. Въ запискахъ польскаго гетмана Жолкевскаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ московскихъ дѣлахъ Смутнаго времени, разсказана одна небольшая сцена, разыгравшаяся въ Краковѣ, выразительно изображающая положеніе дѣлъ въ Москвѣ. Въ самомъ началѣ 1606 г. туда пріѣхалъ отъ Лжедимитрія посолъ Безобразовъ извѣстить короля о вступленіи новаго царя на московскій престолъ. Справивъ посольство по чину, Безобразовъ мигнулъ канцлеру въ знакъ того, что желаетъ поговорить съ нимъ наединѣ, и назначенному выслушать его пану сообщилъ данное ему князьями Шуйскими и Голицыными порученіе — попенять королю за то, что онъ далъ имъ въ цари человѣка низкаго и легкомысленнаго, жестокаго, распутнаго мота, недостойнаго занимать московскій престолъ и не умѣющаго прилично обращаться съ боярами; они де не знаютъ, какъ отъ него отдѣлаться, и ужъ лучше готовы признать своимъ царемъ королевича Владислава. Очевидно, большая знать въ Москвѣ что-то затѣвала противъ Лжедимитрія и только боялась, какъ бы король не заступился за своего ставленника. Своими привычками и выходками, особенно легкимъ отно-

шеніемъ ко всякимъ обрядамъ, отдѣльными поступками и распоряженіями, заграничными сношеніями Лжедимитрій возбуждалъ противъ себя въ различныхъ слояхъ московскаго общества множество нареканій и неудовольствій, хотя внѣ столицы, въ народныхъ массахъ популярность его не ослабѣвала замѣтно. Однако главная причина его паденія была другая. Ее высказалъ коноводъ боярскаго заговора, составившагося противъ самозванца, кн. В. И. Шуйскій. На собраніи заговорщиковъ наканунѣ возстанія онъ откровенно заявилъ, что призналъ Лжедимитрія только для того, чтобы избавиться отъ Годунова. Большимъ боярамъ нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потомъ низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу къ престолу одному изъ своей среды. Они такъ и сдѣлали, только при этомъ раздѣлили работу между собою: романовскій кружокъ сдѣлалъ первое дѣло, а титулованный кружокъ съ кн. В. И. Шуйскимъ во главѣ исполнилъ второй актъ. Тѣ и другіе бояре видѣли въ самозванцѣ свою ряженую куклу, которую, подержавъ до времени на престолѣ, потомъ выбросили на задворки. Однако заговорщики не надѣялись на успѣхъ возстанія безъ обмана. Всего больше роптали на самозванца изъ-за поляковъ; но бояре не рѣшались поднять народъ на Лжедимитрія и на поляковъ вмѣстѣ, а раздѣлили обѣ стороны, и 17 мая 1606 г. вели народъ въ Кремль съ крикомъ: „поляки бьютъ бояръ и государя“. Ихъ цѣль была окружить Лжедимитрія будто для защиты и убить его.

В. Шуйскій. Послѣ царя-самозванца на престолъ вступилъ князь В. И. Шуйскій, царь-заговорщикъ. Это былъ пожилой 54-лѣтній бояринъ небольшого роста, невзрачный, подслѣповатый, человѣкъ неглупый, но болѣе хитрый, чѣмъ умный, донельзя изолгавшійся и изынтриганившійся, прошедшій огонь и воду,

видавшій и плаху и не попробовавшій ея только по милости самозванца, противъ котораго онъ исподтишка дѣйствовалъ, большой охотникъ до наушниковъ и сильно побаивавшійся колдуновъ. Свое царствованіе онъ открылъ рядомъ грамотъ, распубликованныхъ по всему государству, и въ каждомъ изъ этихъ манифестовъ заключалось по меньшей мѣрѣ по одной лжи. Такъ въ записи, на которой онъ крестъ цѣловалъ, онъ писалъ: „поволилъ онъ крестъ цѣловать на томъ, что ему никого смерти не предавать, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими". На самомъ дѣлѣ, какъ сейчасъ увидимъ, цѣлуя крестъ, онъ говорилъ совсѣмъ не то. Въ другой грамотѣ, писанной отъ имени бояръ и разныхъ чиновъ людей, читаемъ, что по низложеніи Гришки Отрепьева Освященный соборъ, бояре и всякіе люди избирали государя „всѣмъ Московскимъ государствомъ" и избрали князя Василія Ивановича, всея Руси самодержца. Актъ говоритъ ясно о соборномъ избраніи царя; но такого избранія не было. Правда, по низверженіи самозванца бояре думали, какъ бы сговориться со всей землей и вызвать въ Москву изъ городовъ всякихъ людей, чтобы „по совѣту выбрать государя такого, который бы всѣмъ былъ любъ". Но князь Василій боялся городовыхъ, провинціальныхъ избирателей и самъ посовѣтовалъ обойтись безъ земскаго собора. Его признали царемъ келейно немногіе сторонники изъ большого титулованнаго боярства, а на Красной площади имя его прокричала преданная ему толпа москвичей, которыхъ онъ поднялъ противъ самозванца и поляковъ; даже и въ Москвѣ, по лѣтописцу, многіе не вѣдали про это дѣло. Въ третьей грамотѣ отъ своего имени новый царь не побрезговалъ лживымъ или поддѣльнымъ польскимъ показаніемъ о намѣреніи самозванца перебить всѣхъ бояръ, а всѣхъ православныхъ христіанъ обратить въ люторскую

и латынскую вѣру. Тѣмъ не менѣе воцареніе кн. Василія составило эпоху въ нашей политической исторіи. Вступая на престолъ, онъ ограничилъ свою власть и условія этого ограниченія оффиціально изложилъ въ разосланной по областямъ записи, на которой онъ цѣловалъ крестъ при воцареніи.

Подкрестная запись В. Шуйскаго.

Запись слишкомъ сжата, неотчетлива, производитъ впечатлѣніе спѣшнаго чернового наброска. Въ концѣ ея царь даетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ одно общее клятвенное обязательство судить ихъ „истиннымъ, праведнымъ судомъ", по закону, а не по усмотрѣнію. Въ изложеніи записи это условіе нѣсколько расчленено. Дѣла о наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, караемыхъ смертью и конфискаціей имущества преступника, царь обязуется вершить непремѣнно „съ бояры своими", т.-е. съ думой, и при этомъ отказывается отъ права конфисковать имущество у братьи и семьи преступника, не участвовавшихъ въ преступленіи. Вслѣдъ за тѣмъ царь продолжаетъ: „да и доводовъ (доносовъ) ложныхъ мнѣ не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи", а за ложный доносъ по сыску наказывать смотря по винѣ, взведенной на оболганнаго. Здѣсь рѣчь идетъ какъ будто о дѣяніяхъ менѣе преступныхъ, которыя разбирались однимъ царемъ, безъ думы, и точнѣе опредѣляется понятіе истиннаго суда. Такъ запись повидимому различаетъ два вида высшаго суда: судъ царя съ думой и единоличный судъ царя. Запись оканчивается условіемъ особаго рода: царь обязуется „безъ вины опалы своей не класти". Опала, немилость государя падала на служилыхъ людей, которые чѣмъ-либо вызывали его недовольство. Она сопровождалась соотвѣтственными неисправности опальнаго или государеву недовольству служебными лишеніями, временнымъ удаленіемъ отъ двора,

отъ „пресвѣтлыхъ очей“ государя, пониженіемъ чина или должности, даже имущественной карой, отобраніемъ помѣстья или городского подворья. Здѣсь государь дѣйствовалъ уже не судебной, а дисциплинарной властью, охраняющей интересы и порядокъ службы. Какъ выраженіе хозяйской воли государя, опала не нуждалась въ оправданіи и при старомосковскомъ уровнѣ человѣчности подчасъ принимала формы дикаго произвола, превращаясь изъ дисциплинарной мѣры въ уголовную кару: при Грозномъ одно сомнѣніе въ преданности долгу службы могло привести опальнаго на плаху. Царь Василій далъ смѣлый обѣтъ, котораго потомъ, конечно, не исполнилъ, опаляться только за дѣло, за вину, а для разысканія вины необходимо было установить особое дисциплинарное производство.

Ея характеръ и происхожденіе.

Запись, какъ видите, очень одностороння. Всѣ обязательства, принятыя на себя царемъ Василіемъ по этой записи, направлены были исключительно къ огражденію личной и имущественной безопасности подданныхъ отъ произвола сверху, но не касались прямо общихъ основаній государственнаго порядка, не измѣняли и даже не опредѣляли точнѣе значенія, компетенціи и взаимнаго отношенія царя и высшихъ правительственныхъ учрежденій. Царская власть ограничивалась совѣтомъ бояръ, вмѣстѣ съ которымъ она дѣйствовала и прежде; но это ограниченіе связывало царя лишь въ судныхъ дѣлахъ, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ. Впрочемъ, происхожденіе подкрестной записи было сложнѣе ея содержанія: она имѣла свою закулисную исторію. Лѣтописецъ разсказываетъ, что царь Василій тотчасъ по своемъ провозглашеніи пошелъ въ Успенскій соборъ и началъ тамъ говорить, чего искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось: „цѣлую крестъ *всей землѣ* на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати *безъ собору*,

никакого дурна". Бояре и всякіе люди говорили царю, чтобы онъ *на томъ* креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось; но онъ никого не послушалъ. Поступокъ Василія показался боярамъ революціонной выходкой: царь призывалъ къ участію въ своей царской судной расправѣ не Боярскую думу, исконную сотрудницу государей въ дѣлахъ суда и управленія, а земскій соборъ, недавнее учрежденіе, изрѣдка созываемое для обсужденія чрезвычайныхъ вопросовъ государственной жизни. Въ этой выходкѣ увидѣли небывалую новизну, попытку поставить соборъ на мѣсто думы, перемѣстить центръ тяжести государственной жизни изъ боярской среды въ народное представительство. Править съ земскимъ соборомъ рѣшался царь, побоявшійся воцариться съ его помощью. Но и царь Василій зналъ, чтó дѣлалъ. Обязавшись предъ товарищами наканунѣ возстанія противъ самозванца править „по общему совѣту" съ ними, подкинутый землѣ кружкомъ знатныхъ бояръ, онъ являлся царемъ боярскимъ, партійнымъ, вынужденнымъ смотрѣть изъ чужихъ рукъ. Онъ, естественно, искалъ земской опоры для своей некорректной власти и въ земскомъ соборѣ надѣялся найти противовѣсъ Боярской думѣ. Клятвенно обязуясь передъ всей землей не карать безъ собора, онъ разсчитывалъ избавиться отъ боярской опеки, стать земскимъ царемъ и ограничить свою власть учрежденіемъ, къ тому непривычнымъ, т.-е. освободить ее отъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія. Подкрестная запись въ томъ видѣ, какъ она была обнародована, является плодомъ сдѣлки царя съ боярами. По предварительному негласному уговору царь дѣлилъ свою власть съ боярами во всѣхъ дѣлахъ законодательства, управленія и суда. Отстоявъ свою думу противъ земскаго собора, бояре не настаивали на обнародованіи всѣхъ вынужденныхъ ими у царя усту-

покъ: съ ихъ стороны было даже неблагоразумно являть всему обществу, какъ чисто удалось имъ ощипать своего стараго пѣтуха. Подкрестная запись усиленно отмѣчала значеніе Боярской думы, только какъ полномочной сотрудницы царя въ дѣлахъ высшаго суда. Въ то время высшему боярству только это и было нужно. Какъ правительственный классъ, оно дѣлило власть съ государями въ продолженіе всего XVI в.; но отдѣльныя лица изъ его среды много терпѣли отъ произвола верховной власти при царяхъ Иванѣ и Борисѣ. Теперь, пользуясь случаемъ, боярство и спѣшило устранить этотъ произволъ, оградить частныя лица, т.-е. самихъ себя, отъ повторенія испытанныхъ бѣдствій, обязавъ царя призывать къ участію въ политическомъ судѣ Боярскую думу, въ увѣренности, что правительственная власть и впредь останется въ его рукахъ въ силу обычая.

Ея политическое значеніе.

При всей неполнотѣ своей подкрестная запись царя Василія есть новый дотолѣ небывалый актъ въ московскомъ государственномъ правѣ: это — первый опытъ построенія государственнаго порядка на основѣ формально ограниченной верховной власти. Въ составъ этой власти вводился элементъ или точнѣе актъ, совершенно измѣнявшій ея характеръ и постановку. Мало того, что царь Василій ограничивалъ свою власть: крестной клятвой онъ еще скрѣплялъ ея ограниченіе и являлся не только выборнымъ, но и присяжнымъ царемъ. Присяга отрицала въ самомъ существѣ личную власть царя прежней династіи, сложившуюся изъ удѣльныхъ отношеній государя-хозяина: развѣ домохозяева присягаютъ своимъ слугамъ и постояльцамъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ царь Василій отказывался отъ трехъ прерогативъ, въ которыхъ наиболѣе явственно выражалась эта личная власть царя. То были: 1) „опала безъ вины“, царская немилость безъ достаточнаго повода, по личному усмотрѣнію;

2) конфискація имущества у непричастной къ преступленію семьи и родни преступника — отказомъ отъ этого права упразднялся старинный институтъ политической отвѣтственности рода за родичей; наконецъ 3) чрезвычайный слѣдственно-полицейскій судъ по доносамъ съ пытками и оговорами, но безъ очныхъ ставокъ, свидѣтельскихъ показаній и другихъ средствъ нормальнаго процесса. Эти прерогативы составляли существенное содержаніе власти московскаго государя, выраженное изреченіями дѣда и внука, словами Ивана III: *кому хочу, тому и дамъ княженіе* и словами Ивана IV: *жаловать своихъ холопей вольны мы и казнить ихъ вольны же*. Клятвенно стряхая съ себя эти прерогативы, Василій Шуйскій превращался изъ государя холоповъ въ правомѣрнаго царя подданныхъ, правящаго по законамъ.

Второй слой правящаго класса вступаетъ въ смуту.

Но боярство, какъ правительственный классъ, въ продолженіе смуты не дѣйствовало единодушно, раскололось на два слоя: отъ первостепенной знати замѣтно отдѣляется среднее боярство, къ которому примыкаютъ столичное дворянство и приказные дѣльцы, дьяки. Этотъ второй слой правящаго класса дѣятельно вмѣшивается въ смуту съ воцаренія Василія. Среди него и выработался другой планъ государственнаго устройства, тоже основанный на ограниченіи верховной власти, но гораздо шире захватывавшій политическія отношенія сравнительно съ подкрестной записью царя Василія. Актъ, въ которомъ изложенъ этотъ планъ, составленъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Царемъ Василіемъ мало кто былъ доволенъ. Главными причинами недовольства были некорректный путь В. Шуйскаго къ престолу и его зависимость отъ кружка бояръ, его избравшихъ и игравшихъ имъ какъ ребенкомъ, по выраженію современника. Недовольны наличнымъ царемъ — стало-быть, надобенъ самозванецъ: самозванство становилось стереотип-

ной формой русскаго политическаго мышленія, въ которую отливалось всякое общественное недовольство. И слухи о спасеніи Лжедимитрія I, т.-е. о второмъ самозванцѣ, пошли съ первыхъ минутъ царствованія Василія, когда второго Лжедимитрія еще не было и въ заводѣ. Во имя этого призрака уже въ 1606 г. поднялись противъ Василья Сѣверская земля и заокскіе города съ Путивлемъ, Тулой и Рязанью во главѣ. Мятежники, пораженные подъ Москвой царскими войсками, укрылись въ Тулѣ и оттуда обратились къ пану Мнишку въ его мастерскую русскаго самозванства съ просьбой выслать имъ какого-ни-на-есть человѣка съ именемъ царевича Димитрія. Лжедимитрій II, наконецъ, нашелся и усиленный польско-литовскими и казацкими отрядами лѣтомъ 1608 г. стоялъ въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ, подводя подъ свою воровскую руку самую сердцевину Московскаго государства, междурѣчье Оки-Волги. Международныя отношенія еще болѣе осложнили ходъ московскихъ дѣлъ. Я упоминалъ уже о враждѣ, шедшей тогда между Швеціей и Польшей изъ-за того, что у выборнаго короля польскаго Сигизмунда III отнялъ наслѣдственный шведскій престолъ его дядя Карлъ IX. Такъ какъ второго самозванца, хотя и негласно, но довольно явно поддерживало польское правительство, то царь Василій обратился за помощью противъ тушинцевъ къ Карлу IX. Переговоры, веденные племянникомъ царя княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ, окончились посылкой вспомогательнаго шведскаго отряда подъ начальствомъ генерала Делагарди, за что царь Василій принужденъ былъ заключить вѣчный союзъ со Швеціей противъ Польши и пойти на другія тяжкія уступки. На такой прямой вызовъ Сигизмундъ отвѣчалъ открытымъ разрывомъ съ Москвой и осенью 1609 г. осадилъ Смоленскъ. Въ тушинскомъ лагерѣ у самозванца служило много поляковъ подъ главнымъ

начальствомъ князя Рожинскаго, который былъ гетманомъ въ тушинскомъ станѣ. Презираемый и оскорбляемый своими польскими союзниками, царикъ въ мужицкомъ платьѣ и на навозныхъ саняхъ едва ускользнулъ въ Калугу изъ-подъ бдительнаго надзора, подъ какимъ его держали въ Тушинѣ. Послѣ того Рожинскій вступилъ въ соглашеніе съ королемъ, который звалъ его поляковъ къ себѣ подъ Смоленскъ. Русскіе тушинцы вынуждены были послѣдовать ихъ примѣру и выбрали пословъ для переговоровъ съ Сигизмундомъ объ избраніи его сына Владислава на московскій престолъ. Посольство состояло изъ боярина Мих. Гл. Салтыкова, изъ нѣсколькихъ дворянъ столичныхъ чиновъ и изъ полудюжины крупныхъ дьяковъ московскихъ приказовъ. Въ этомъ посольствѣ не встрѣчаемъ ни одного ярко-знатнаго имени. Но въ большинствѣ это были люди не худыхъ родовъ. Заброшенные личнымъ честолюбіемъ или общей смутой въ буитовской полурусскій-полупольскій тушинскій станъ, они однако взяли на себя роль представителей Московскаго государства, Русской земли. Это была съ ихъ стороны узурпація, не дававшая имъ никакого права на земское признаніе ихъ фиктивныхъ полномочій. Но это не лишаетъ ихъ дѣла историческаго значенія. Общеніе съ поляками, знакомство съ ихъ вольнолюбивыми понятіями и нравами расширило политическій кругозоръ этихъ русскихъ авантюристовъ, и они поставили королю условіемъ избранія его сына въ цари не только сохраненіе древнихъ правъ и вольностей московскаго народа, но и прибавку новыхъ, какими этотъ народъ еще не пользовался. Но это же общеніе, соблазняя москвичей зрѣлищемъ чужой свободы, обостряло въ нихъ чувство религіозныхъ и національныхъ опасностей, какія она несла съ собою: Салтыковъ заплакалъ, когда говорилъ передъ королемъ о сохраненіи православія. Это двойственнос

побужденіе сказалось въ предосторожностяхъ, какими тушинскіе послы старались обезопасить свое отечество отъ призываемой со стороны власти, иновѣрной и иноплеменной.

Ни въ одномъ актѣ Смутнаго времени русская политическая мысль не достигаетъ такого напряженія, какъ въ договорѣ М. Салтыкова и его товарищей съ королемъ Сигизмундомъ. Этотъ договоръ, заключенный 4 февраля 1610 г. подъ Смоленскомъ, излагалъ условія, на которыхъ тушинскіе уполномоченные признавали московскимъ царемъ королевича Владислава. Этотъ политическій документъ представляетъ довольно разработанный планъ государственнаго устройства. Онъ, во-первыхъ, формулируетъ права и преимущества всего московскаго народа и его отдѣльныхъ классовъ, во-вторыхъ, устанавливаетъ порядокъ высшаго управленія. Въ договорѣ прежде всего обезпечивается неприкосновенность русской православной вѣры, а потомъ опредѣляются права всего народа и отдѣльныхъ его классовъ. Права, ограждающія личную свободу каждаго подданнаго отъ произвола власти, здѣсь разработаны гораздо разностороннѣе, чѣмъ въ записи царя Василія. Можно сказать, что самая идея личныхъ правъ, столь мало замѣтная у насъ прежде, въ договорѣ 4 февраля впервые выступаетъ съ нѣсколько опредѣленными очертаніями. Всѣ судятся по закону, никто не наказывается безъ суда. На этомъ условіи договоръ настаиваетъ съ особенной силой, повторительно требуя, чтобы не сыскавъ вины и не осудивъ судомъ „съ бояры всѣми", никого не карать. Видно, что привычка расправляться безъ суда и слѣдствія была особенно наболѣвшимъ недугомъ государственнаго организма, отъ котораго хотѣли излѣчить власть возможно радикальнѣе. По договору, какъ и по записи царя Василія, отвѣтственность за вину политическаго преступника не падаетъ на его не-

Договоръ 4 февр. 1610

виновныхъ братьевъ, жену и дѣтей, не ведетъ къ конфискаціи ихъ имущества. Совершенной новизной поражаютъ два другія условія, касающіяся личныхъ правъ: большихъ чиновъ людей безъ вины не понижать, а малочиновныхъ возвышать по заслугамъ; каждому изъ народа московскаго для науки вольно ѣздить въ другія государства христіанскія, и государь имущества за то отнимать не будетъ. Мелькнула мысль даже о вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти. Договоръ обязываетъ короля и его сына никого не отводить отъ греческой вѣры въ римскую и ни въ какую другую, потому что вѣра есть даръ Божій и ни совращать силой, ни притѣснять за вѣру не годится: русскій воленъ держать русскую вѣру, ляхъ—ляцкую. Въ опредѣленіи сословныхъ правъ тушинскіе послы проявили меньше свободомыслія и справедливости. Договоръ обязываетъ блюсти и расширять по заслугамъ права и преимущества духовенства, думныхъ и приказныхъ людей, столичныхъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, частію и торговыхъ людей. Но „мужикамъ хрестьянамъ" король не дозволяетъ перехода ни изъ Руси въ Литву, ни изъ Литвы на Русь, а также и между русскими людьми всякихъ чиновъ, т.-е. между землевладѣльцами. Холопы остаются въ прежней зависимости отъ господъ, а вольности имъ государь давать не будетъ. Договоръ, сказали мы, устанавливаетъ порядокъ верховнаго управленія. Государь дѣлитъ свою власть съ двумя учрежденіями земскимъ соборомъ и Боярской думой. Такъ какъ Боярская дума вся входила въ составъ земскаго собора, то послѣдній въ московской редакціи договора 4 февраля, о которой сейчасъ скажемъ, называется *думою бояръ и всей земли*. Въ договорѣ впервые разграничивается политическая компетенція того и другого учрежденія. Значеніе земскаго собора опредѣляется двумя функціями. Во-первыхъ,

исправленіе или дополненіе суднаго обычая, какъ и Судебника, зависитъ отъ „бояръ и всей земли", а государь даетъ на то свое согласіе. Обычай и московскій Судебникъ, по которымъ отправлялось тогда московское правосудіе, имѣли силу основныхъ законовъ. Значитъ, земскому собору договоръ усвоялъ учредительный авторитетъ. Ему же принадлежалъ и законодательный починъ: если патріархъ съ Освященнымъ соборомъ, Боярская дума и всѣхъ чиновъ люди будутъ бить челомъ государю о предметахъ, не предусмотрѣнныхъ въ договорѣ, государю рѣшать возбужденные вопросы съ Освященнымъ соборомъ, боярами и со всею землей „по обычаю Московскаго государства". Боярская дума имѣетъ законодательную власть: вмѣстѣ съ ней государь ведетъ текущее законодательство, издаетъ обыкновенные законы. Вопросы о налогахъ, о жалованьи служилымъ людямъ, объ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, рѣшаются государемъ съ боярами и думными людьми; безъ согласія думы государь не вводитъ новыхъ податей и вообще никакихъ перемѣнъ въ налогахъ, установленныхъ прежними государями. Думѣ принадлежитъ и высшая судебная власть: безъ слѣдствія и суда со всѣми боярами государю никого не карать, чести не лишать, въ ссылку не ссылать, въ чинахъ не понижать. И здѣсь договоръ настойчиво повторяетъ, что всѣ эти дѣла, какъ и дѣла о наслѣдствахъ послѣ умершихъ бездѣтно, государю дѣлать по приговору и совѣту бояръ и думныхъ людей, а безъ думы и приговора бояръ такихъ дѣлъ не дѣлать.

Договоръ 4 февраля былъ дѣломъ партіи или класса, даже нѣсколькихъ среднихъ классовъ, преимущественно столичнаго дворянства и дьячества. Но ходъ событій далъ ему болѣе широкое значеніе. Племянникъ царя Василія князь М. В. Скопинъ-Шуйскій со шведскимъ вспомогательнымъ

Московскій договоръ 17 авг. 1610.

отрядомъ очистилъ отъ тушинцевъ сѣверные города и въ мартѣ 1610 г. вступилъ въ Москву. Молодой даровитый воевода былъ желаннымъ въ народѣ преемникомъ стараго бездѣтнаго дяди. Но онъ внезапно умеръ. Войско царя, высланное противъ Сигизмунда къ Смоленску, было разбито подъ Клушиномъ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ. Тогда дворяне съ Захаромъ Ляпуновымъ во главѣ свели царя Василія съ престола и постригли. Москва присягнула Боярской думѣ, какъ временному правительству. Ей пришлось выбирать между двумя соискателями престола, Владиславомъ, признанія котораго требовалъ шедшій къ Москвѣ Жолкевскій, и самозванцемъ, тоже подступавшимъ къ столицѣ въ разсчетѣ на расположеніе къ нему московскаго простонародья. Боясь вора, московскіе бояре вошли въ соглашеніе съ Жолкевскимъ на условіяхъ, принятыхъ королемъ подъ Смоленскомъ. Однако договоръ, на которомъ 17 августа 1610 г. Москва присягнула Владиславу, не былъ повтореніемъ акта 4 февраля. Большая часть статей изложена здѣсь довольно близко къ подлиннику; другія сокращены или распространены, иныя опущены или прибавлены вновь. Эти пропуски и прибавки особенно характерны. Первостепенные бояре вычеркнули статью о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ, замѣнивъ ее новымъ условіемъ, чтобы „московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать“. Высшее боярство зачеркнуло и статью о правѣ московскихъ людей выѣзжать въ чужія христіанскія государства для науки: московская знать считала это право слишкомъ опаснымъ для завѣтныхъ домашнихъ порядковъ. Правящая знать оказалась на низшемъ уровнѣ понятій сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами — участь, обычно постигающая

общественныя сферы, высоко поднимающіяся надъ низменной дѣйствительностью. Договоръ 4 февраля — это цѣлый основной законъ конституціонной монархіи, устанавливающій какъ устройство верховной власти, такъ и основныя права подданныхъ, и притомъ законъ, совершенно консервативный, настойчиво оберегающій старину, какъ было прежде, при прежнихъ государяхъ, по стародавнему обычаю Московскаго государства. Люди хватаются за писанный законъ, когда чувствують, что изъ-подъ ногъ ускользаетъ обычай, по которому они ходили. Салтыковъ съ товарищами живѣе первостепенной знати чувствовали совершавшіяся перемѣны, больше ея терпѣли отъ недостатка политическаго устава и отъ личнаго произвола власти, а испытанные перевороты и столкновенія съ иноземцами усиленно побуждали ихъ мысль искать средствъ противъ этихъ неудобствъ и сообщали ихъ политическимъ понятіямъ болѣе широты и ясности. Старый колеблющійся обычай они и стремились закрѣпить новымъ писаннымъ закономъ, его осмыслявшимъ.

Провинціальное дворянство и земскій приговоръ 30 іюня 1611.

Вслѣдъ за среднимъ и высшимъ столичнымъ дворянствомъ вовлекается въ смуту и дворянство рядовое, провинціальное. Его участіе въ смутѣ становится замѣтнымъ такъ же съ начала царствованія Василія Шуйскаго. Первымъ выступило дворянство заокскихъ и сѣверскихъ городовъ, т.-е. южныхъ уѣздовъ, смежныхъ со степью. Тревоги и опасности жизни вблизи степи воспитывали въ тамошнемъ дворянствѣ боевой, отважный духъ. Движеніе поднято было дворянами городовъ Путивля, Венева, Каширы, Тулы, Рязани. Первымъ поднялся еще въ 1606 г. воевода отдаленнаго Путивля кн. Шаховской, человѣкъ неродовитый, хотя и титулованный. Его дѣло подхватываютъ потомки старинныхъ рязанскихъ бояръ, теперь простые дворяне, Ляпуновы

и Сунбуловы. Истымъ представителемъ этого удалого полустепного дворянства былъ Прокофій Ляпуновъ, городовой рязанскій дворянинъ, человѣкъ рѣшительный, заносчивый и порывистый; онъ раньше другихъ чуялъ, какъ поворачиваетъ вѣтеръ, но его рука хваталась за дѣло прежде, чѣмъ успѣвала подумать о томъ голова. Когда кн. Скопинъ-Шуйскій только еще двигался къ Москвѣ, Прокофій послалъ уже поздравить его царемъ при жизни царя Василія и этимъ испортилъ положеніе племянника при дворѣ дяди. Товарищъ Прокофья Сунбуловъ уже въ 1609 г. поднялъ въ Москвѣ возстаніе противъ царя. Мятежники кричали, что царь — человѣкъ глупый и нечестивый, пьяница и блудникъ, что они возстали за свою братію, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ будто бы царь съ потаковниками своими, большими боярами, въ воду сажаетъ и до смерти побиваетъ. Значитъ, это было возстаніе низшаго дворянства противъ знати. Въ іюлѣ 1610 г. братъ Прокофья Захаръ съ толпой приверженцевъ, все неважныхъ дворянъ, свелъ царя съ престола, при чемъ противъ нихъ были духовенство и большіе бояре. Политическія стремленія этого провинціальнаго дворянства недостаточно ясны. Оно вмѣстѣ съ духовенствомъ выбирало на престолъ Бориса Годунова на зло боярской знати, очень радѣло этому царю изъ бояръ, но не за бояръ, и дружно возстало противъ Василія Шуйскаго, царя чисто боярскаго. Оно прочило на престолъ сперва кн. Скопина-Шуйскаго, а потомъ кн. В. В. Голицына. Впрочемъ, есть актъ, нѣсколько вскрывающій политическое настроеніе этого класса. Присягнувъ Владиславу, московское боярское правительство отправило къ Сигизмунду посольство просить его сына на царство и изъ страха передъ московской чернью, сочувствовавшей второму самозванцу, ввело отрядъ Жолкевскаго въ столицу; но смерть вора

тушинскаго въ концѣ 1610 г. всѣмъ развязала руки, и поднялось сильное народное движеніе противъ поляковъ: города списывались и соединялись для очищенія государства отъ иноземцевъ. Первымъ возсталъ, разумѣется, Прокофій Ляпуновъ со своей Рязанью. Но прежде чѣмъ собравшееся ополченіе подошло къ Москвѣ, поляки перерѣзались съ москвичами и сожгли столицу (мартъ 1611 г.). Ополченіе, осадивъ уцѣлѣвшіе Кремль и Китай-городъ, гдѣ засѣли поляки, выбрало временное правительство изъ 3 лицъ, изъ двухъ казацкихъ вождей, кн. Трубецкого и Заруцкаго, и дворянскаго предводителя Прокофья Ляпунова. Въ руководство этимъ „троеначальникамъ“ данъ былъ приговоръ 30 іюня 1611 г. Главная масса ополченія состояла изъ провинціальныхъ служилыхъ людей, вооружившихся и продовольствовавшихся на средства, какія были собраны съ людей тяглыхъ, городскихъ и сельскихъ. Приговоръ составленъ былъ въ лагерѣ этого дворянства; однако онъ называется приговоромъ „всей земли“, и троеначальниковъ выбирали будто бы „всею землею“. Такимъ образомъ люди одного класса, дворяне-ополченцы, объявляли себя представителями всей земли, всего народа. Политическія идеи въ приговорѣ мало замѣтны; зато рѣзко выступаютъ сословныя притязанія. Выборные троеначальники, обязанные „строить землю и промышлять всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ“, однако по приговору ничего важнаго не могли дѣлать безъ лагернаго всеземскаго совѣта, который является высшей распорядительной властью и присвояетъ себѣ компетенцію гораздо шире земскаго собора по договору 4-го февраля. Приговоръ 30-го іюня больше всего занятъ огражденіемъ интересовъ служилыхъ людей, регулируя ихъ отношенія поземельныя и служебныя, говоритъ о помѣстьяхъ, вотчинахъ, а о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ вспоминаетъ только для того,

чтобы постановить, что бѣглые или вывезенные въ смутное время люди должны быть возвращены прежнимъ владѣльцамъ. Ополченіе два слишкомъ мѣсяца простояло подъ Москвой, еще ничего важнаго не сдѣлало для ея выручки, а уже выступило всевластнымъ распорядителемъ земли. Но когда Ляпуновъ озлобилъ противъ себя своихъ союзниковъ казаковъ, дворянскій лагерь не смогъ защитить своего вождя и безъ труда былъ разогнанъ казацкими саблями.

Участіе низшихъ классовъ въ смутѣ

Наконецъ, вслѣдъ за провинціальными служилыми людьми и за нихъ цѣпляясь, въ смуту вмѣшиваются люди „жилецкіе", простонародье тяглое и нетяглое. Выступивъ объ руку съ провинціальными дворянами, эти классы потомъ отдѣляются отъ нихъ и дѣйствуютъ одинаково враждебно какъ противъ боярства, такъ и противъ дворянства. Зачинщикъ дворянскаго возстанія на югѣ кн. Шаховской, „всей крови заводчикъ", по выраженію современника-лѣтописца, принимаетъ къ себѣ въ сотрудники дѣльца совсѣмъ недворянскаго разбора: то былъ Болотниковъ, человѣкъ отважный и бывалый, боярскій холопъ, попавшійся въ плѣнъ къ татарамъ, испытавшій и турецкую каторгу и воротившійся въ отечество агентомъ второго самозванца, когда онъ еще не имѣлся налицо, а былъ только задуманъ. Движеніе, поднятое дворянами, Болотниковъ повелъ въ глубь общества, откуда самъ вышелъ, набиралъ свои дружины изъ бѣдныхъ посадскихъ людей, бездомныхъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ,—изъ слоевъ, лежавшихъ на днѣ общественнаго склада, и натравлялъ ихъ противъ воеводъ, господъ и всѣхъ власть имущихъ. Поддержанный возставшими дворянами южныхъ уѣздовъ, Болотниковъ со своими сбродными дружинами побѣдоносно дошелъ до самой Москвы, не разъ побивъ царскія войска. Но здѣсь и произошло раздѣленіе этихъ на минуту и по недоразумѣнію соединившихся враждебныхъ классовъ,

Болотниковъ шелъ напроломъ: изъ его лагеря по Москвѣ распространялись прокламаціи, призывавшія холоповъ избивать своихъ господъ, за что они получать въ награду женъ и имѣнія убитыхъ, избивать и грабить торговыхъ людей; ворамъ и мошенникамъ обѣщали боярство, воеводство, всякую честь и богатство. Прокофій Ляпуновъ и другіе дворянскіе вожди, присмотрѣвшись, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, что за народъ составляетъ рать Болотникова, покинули его, передались на сторону царя Василія и облегчили царскому войску пораженіе сбродныхъ отрядовъ. Болотниковъ погибъ, но его попытка всюду нашла откликъ: вездѣ крестьяне, холопы, поволжскіе инородцы—все бѣглое и обездоленное поднималось за самозванца. Выступленіе этихъ классовъ и продлило смуту, и дало ей другой характеръ. До сихъ поръ это была политическая борьба, споръ за образъ правленія, за государственное устройство. Когда жа поднялся общественный низъ, смута превратилась въ соціальную борьбу, въ истребленіе высшихъ классовъ низшими. Самая кандидатура поляка Владислава имѣла нѣкоторый успѣхъ только благодаря участію, принятому въ смутѣ низшими классами: степенные люди, скрѣпя сердце, соглашались принять королевича, чтобы не пустить на престолъ вора тушинскаго, кандидата черни. Польскіе паны въ 1610 г. говорили на королевскомъ совѣтѣ подъ Смоленскомъ, что теперь въ Московскомъ государствѣ простой народъ поднялся, всталъ на бояръ, чуть не всю власть въ рукахъ своихъ держитъ. Тогда всюду обнаруживалось рѣзко соціальное разъединеніе, всякій значительный городъ сталъ ареной борьбы между низомъ и верхомъ общества; повсюду „добрые“, зажиточные граждане говорили, по свидѣтельству современника, что лучше ужъ служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей или въ вѣчной неволѣ у нихъ мучиться,

а худые люди по городамъ вмѣстѣ съ крестьянами бѣжали къ вору тушинскому, чая отъ него избавленія отъ всѣхъ своихъ бѣдъ. Политическія стремленія этихъ классовъ совсѣмъ неясны; да едва ли и можно предполагать у нихъ что-либо похожее на политическую мысль. Они добивались въ смутѣ не какого-либо новаго государственнаго порядка, а просто только выхода изъ своего тяжелаго положенія, искали личныхъ льготъ, а не сословныхъ обезпеченій. Холопы поднимались, чтобы выйти изъ холопства, стать вольными казаками, крестьяне — чтобы освободиться отъ обязательствъ, какія привязывали ихъ къ землевладѣльцамъ, и отъ крестьянскаго тягла, посадскіе люди — чтобы избавиться отъ посадскаго тягла и поступить въ служилые или приказные люди. Болотниковъ призывалъ подъ свои знамена всѣхъ, кто хотѣлъ добиться воли, чести и богатства. Настоящимъ царемъ этого люда былъ воръ тушинскій, олицетвореніе всякаго непорядка и беззаконія въ глазахъ благонамѣренныхъ гражданъ.

Таковъ былъ ходъ смуты. Разсмотримъ ея главнѣйшія причины и ближайшія слѣдствія.

Лекція XLIII.

Причины смуты. — Династическая ея причина: вотчинно-династическій взглядъ на государство. — Взглядъ на выборнаго царя. — Причина соціально-политическая: тягловой строй государства. — Общественная рознь. — Значеніе самозванства въ ходѣ смуты. — Выводы. — Второе ополченіе и очищеніе Москвы отъ поляковъ. — Избраніе Михаила. — Причины его успѣха.

Объяснить причины смуты значитъ указать обстоятельства, ее вызвавшія, и условія, такъ долго ее поддерживавшія. Обстоятельства, вызвавшія смуту, намъ уже извѣстны: это было насильственное и таинственное пресѣченіе старой династіи и потомъ искусственное возстановленіе ея въ лицѣ самозванцевъ. Но какъ эти поводы къ смутѣ, такъ и глубокія внутреннія ея причины возымѣли свою силу только потому, что возникли на благопріятной почвѣ, воздѣланной тщательными, хотя и непредусмотрительными усиліями царя Ивана и правителя Бориса Годунова въ царствованіе Ѳедора. Это было тягостное, исполненное тупого недоумѣнія настроеніе общества, какое создано было неприкрытыми безобразіями опричнины и темными годуновскими интригами.

Въ ходѣ смуты вскрываются ея причины. Смута была **Ходъ смуты.** вызвана событіемъ случайнымъ, пресѣченіемъ династіи. Вы-

мираніе семьи, фамиліи, насильственное или естественное,— явленіе, чуть не ежедневно нами наблюдаемое; но въ частной жизни оно мало замѣтно. Другое дѣло, когда кончается цѣлая династія. У насъ въ концѣ XVI в. такое событіе повело къ борьбѣ политической и соціальной, сначала къ политической—за образъ правленія, потомъ къ соціальной— къ усобицѣ общественныхъ классовъ. Столкновеніе политическихъ идей сопровождалось борьбой экономическихъ состояній. Силы, стоявшія за царями, которые такъ часто смѣнялись, и за претендентами, которые боролись за царство, были различные слои московскаго общества. Каждый классъ искалъ своего царя или ставилъ своего кандидата на царство; эти цари и кандидаты были только знаменами, подъ которыми шли другъ на друга разныя политическія стремленія, а потомъ разные классы русскаго общества. Смута началась аристократическими происками большого боярства, возставшаго противъ неограниченной власти новыхъ царей. Продолжали ее политическія стремленія столичнаго гвардейскаго дворянства, вооружившагося противъ олигархическихъ замысловъ первостатейной знати во имя офицерской политической свободы. За столичными дворянами поднялось рядовое провинціальное дворянство, пожелавшее быть властителемъ страны; оно увлекло за собою неслужилые земскіе классы, поднявшіеся противъ всякаго государственнаго порядка во имя личныхъ льготъ, т.-е. во имя анархіи. Каждому изъ этихъ моментовъ смуты сопутствовало вмѣшательство казацкихъ и польскихъ шаекъ, донскихъ, днѣпровскихъ и вислинскихъ отбросовъ московскаго и польскаго государственнаго общества, обрадовавшихся легкости грабежа въ замутившейся странѣ. Въ первое время боярство пыталось соединить классы готоваго распасться общества во имя новаго государственнаго порядка; но этотъ порядокъ не от-

вѣчалъ понятіямъ другихъ классовъ общества. Тогда возникла попытка предотвратить бѣду во имя лица, искусственно воскресивъ только-что погибшую династію, которая одна сдерживала вражду и соглашала непримиримые интересы разныхъ классовъ общества. Самозванство было выходомъ изъ борьбы этихъ непримиримыхъ интересовъ. Когда не удалась, даже повторительно, и эта попытка, тогда повидимому не оставалось никакой политической связи, никакого политическаго интереса, во имя котораго можно было бы предотвратить распаденіе общества. Но общество не распалось: расшатался лишь государственный порядокъ. Когда надломились политическія скрѣпы общественнаго порядка, оставались еще крѣпкія связи національныя и религіозныя: онѣ и спасли общество. Казацкіе и польскіе отряды, медленно, но постепенно вразумляя разоряемое ими населеніе, заставили, наконецъ, враждующіе классы общества соединиться не во имя какого-либо государственнаго порядка, а во имя національной, религіозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи. Такимъ образомъ смута, питавшаяся рознью классовъ земскаго общества, прекратилась борьбой всего земскаго общества со вмѣшавшимися во внутреннюю усобицу сторонними силами, противоземской и чужанародной.

Государство—вотчина.

Видимъ, что въ ходѣ смуты особенно явственно выступаютъ два условія, ее поддерживавшія: это — самозванство и соціальный разладъ. Они и указываютъ, гдѣ надо искать главныхъ причинъ смуты. Я уже имѣлъ случай (л. XLI) отмѣтить одно недоразумѣніе въ московскомъ политическомъ сознаніи: государство, какъ союзъ народный, не можетъ принадлежать никому кромѣ самого народа; а на Московское государство и московскій государь, и народъ Московской Руси смотрѣли, какъ на вотчину княжеской династіи,

изъ владѣній которой оно выросло. Въ этомъ *вотчинно-династическомъ взглядѣ на государство* я и вижу одну изъ основныхъ причинъ смуты. Указанное сейчасъ недоразумѣніе было связано съ общей скудостью или неготовностью политическихъ понятій, далеко отстававшихъ отъ стихійной работы народной жизни. Въ общемъ сознаніи, повторю уже сказанное, Московское государство все еще понималось въ первоначальномъ удѣльномъ смыслѣ, какъ хозяйство московскихъ государей, какъ фамильная собственность Калитина племени, которое его завело, расширяло и укрѣпляло въ продолженіе трехъ вѣковъ. На дѣлѣ оно было уже союзомъ великорусскаго народа и даже завязывало въ умахъ представленіе о всей Русской землѣ, какъ о чемъ-то цѣломъ; но мысль еще не поднялась до идеи народа, какъ государственнаго союза. Реальными связями этого союза продолжали служить воля и интересъ хозяина земли. И надобно прибавить, что такой вотчинный взглядъ на государство былъ не династическимъ притязаніемъ московскихъ государей, а просто категоріей тогдашняго политическаго мышленія, унаслѣдованной отъ удѣльнаго времени. Тогда у насъ и не понимали государства иначе, какъ въ смыслѣ вотчины, хозяйства государя извѣстной династіи, и если бы тогдашнему заурядному московскому человѣку сказали, что власть государя есть вмѣстѣ и его обязанность, должность, что правя народомъ, государь служитъ государству, общему благу, это показалось бы путаницей понятій, анархіей мышленія. Отсюда понятно, какъ московскіе люди того времени могли представлять себѣ отношеніе государя и народа къ государству. Имъ представлялось, что Московское государство, въ которомъ они живутъ, есть государство московскаго государя, а не московскаго или русскаго народа. Для нихъ были нераздѣльными понятіями не государ-

ство и народъ, а государство и государь извѣстной династіи; они скорѣе могли представить себѣ государя безъ народа, чѣмъ государство безъ этого государя. Такое воззрѣніе очень своеобразно выразилось въ политической жизни московскаго народа. Когда подданные, связанные съ правительствомъ идеей государственнаго блага, становятся недовольны правящей властью, видя, что она не охраняетъ этого блага, они возстаютъ противъ нея. Когда прислуга или постояльцы, связанные съ домохозяиномъ временными условными выгодами, видятъ, что они этихъ выгодъ не получаютъ отъ хозяина, они уходятъ изъ его дома. Подданные, поднимаясь противъ власти, не покидаютъ государства, потому что не считаютъ его чужимъ для себя; слуга или квартирантъ, недовольный хозяиномъ, не остается въ его домѣ, потому что не считаетъ его своимъ. Люди Московскаго государства поступали, какъ недовольные слуги или жильцы съ хозяиномъ, а не какъ непослушные граждане съ правительствомъ. Они нерѣдко роптали на дѣйствія правившей ими власти; но пока жила старая династія, народное недовольство ни разу не доходило до возстанія противъ самой власти. Московскій народъ выработалъ особую форму политическаго протеста: люди, которые не могли ужиться съ существующимъ порядкомъ, не возставали противъ него, а выходили изъ него, „брели розно", бѣжали изъ государства. Московскіе люди какъ будто чувствовали себя пришельцами въ своемъ государствѣ, случайными, временными обывателями въ чужомъ домѣ; когда имъ становилось тяжело, они считали возможнымъ бѣжать отъ неудобнаго домовладѣльца, но не могли освоиться съ мыслью о возможности возставать противъ него или заводить другіе порядки въ его домѣ. Такъ узломъ, связывавшимъ всѣ отношенія въ Московскомъ государствѣ, была не мысль

о народномъ благѣ, а лицо извѣстной династіи, и государственный порядокъ признавался возможнымъ только при государѣ именно изъ этой династіи. Потому когда династія пресѣклась и, слѣдовательно, государство оказалось ничьимъ, люди растерялись, перестали понимать, что они такое и гдѣ находятся, пришли въ броженіе, въ состояніе анархіи. Они даже какъ будто почувствовали себя анархистами поневолѣ, по какой-то обязанности, печальной, но неизбѣжной: некому стало повиноваться — стало-быть, надо бунтовать.

Выборный царь.

Пришлось выбирать царя земскимъ соборомъ. Но соборное избраніе по самой новизнѣ дѣла не считалось достаточнымъ оправданіемъ новой государственной власти, вызывало сомнѣнія, тревогу. Соборное опредѣленіе объ избраніи Бориса Годунова предвидитъ возраженіе людей, которые скажутъ про избирателей: „отдѣлимся отъ нихъ, потому что они сами себѣ поставили царя". Кто скажетъ такое слово, того соборный актъ называетъ неразумнымъ и проклятымъ. Въ одномъ очень распространенномъ памфлетѣ 1611 г. разсказывается, какъ автору его въ чудесномъ видѣніи было повѣдано, что Самъ Господь укажетъ, кому владѣть Россійскимъ государствомъ; если же поставятъ царя по своей волѣ, „навѣки не будетъ царь". Въ продолженіе всей смуты не могли освоиться съ мыслью о выборномъ царѣ; думали, что выборный царь — не царь, что настоящимъ законнымъ царемъ можетъ быть только прирожденный, наслѣдственный государь изъ потомства Калиты, и выборнаго царя старались пристроить къ этому племени всякими способами, юридическимъ вымысломъ, генеалогической натяжкой, реторическимъ преувеличеніемъ. Бориса Годунова по его избраніи духовенство и народъ торжественно привѣтствовали, какъ наслѣдственнаго царя, „здравствоваша ему на его госу-

дарев̂ *вотчинѣ*", а Василій Шуйскій, формально ограничившій свою власть, въ оффиціальныхъ актахъ писался „самодержцемъ", какъ титуловались природные московскіе государи. При такой неподатливости мышленія въ руководящихъ кругахъ появленіе выборнаго царя на престолѣ должно было представляться народной массѣ не слѣдствіемъ политической необходимости, хотя и печальной, а чѣмъ-то похожимъ на нарушеніе законовъ природы: выборный царь былъ для нея такой же несообразностью, какъ выборный отецъ, выборная мать. Вотъ почему въ понятіе объ „истинномъ" царѣ простые умы не могли, не умѣли уложить ни Бориса Годунова, ни Василія Шуйскаго, а тѣмъ паче польскаго королевича Владислава: въ нихъ видѣли узурпаторовъ, тогда какъ одинъ призракъ природнаго царя въ лицѣ пройдохи невѣдомаго происхожденія успокоивалъ династически-легитимныя совѣсти и располагалъ къ довѣрію. Смута и прекратилась только тогда, когда удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ, хотя и непрямымъ, съ угасшей династіей: царь Михаилъ утвердился на престолѣ не столько потому, что былъ земскимъ всенароднымъ избранникомъ, сколько потому, что доводился племянникомъ послѣднему царю прежней династіи. Сомнѣніе въ народномъ избраніи, какъ въ достаточномъ правомѣрномъ источникѣ верховной власти, было немаловажнымъ условіемъ, питавшимъ смуту, а это сомнѣніе вытекало изъ укоренившагося въ умахъ убѣжденія, что такимъ источникомъ должно быть только вотчинное преемство въ извѣстной династіи. Потому это неумѣнье освоиться съ идеей выборнаго царя можно признать производной причиной смуты, вышедшей изъ только-что изложенной основной.

Тягловой строй государства.

Я отмѣтилъ соціальный разладъ, какъ одну изъ рѣзко выразившихся особенностей Смутнаго времени. Этотъ раз-

и обязанностями ни личными, ни сословными. Кое-какъ уживались съ тяжелымъ порядкомъ подъ гнетомъ внѣшнихъ опасностей, при слабомъ развитіи личности и общественнаго духа. Царствованіе Грознаго съ особенной силой дало обществу почувствовать этотъ недостатокъ государственнаго строя. Произволъ царя, безпричинныя казни, опалы и конфискаціи вызвали ропотъ и не только въ высшихъ классахъ, но и въ народной массѣ, „тугу и ненависть на царя въ міру", и въ обществѣ проснулась смутная и робкая потребность въ законномъ обезпеченіи лица и имущества отъ усмотрѣнія и настроенія власти.

Общественная рознь. Но эта потребность вмѣстѣ съ общимъ чувствомъ тяжести государственнаго порядка сама по себѣ не могла бы привести къ такому глубокому потрясенію государства, если бы не пресѣклась династія, это государство построившая. Она служила вѣнцомъ въ сводѣ государственнаго зданія; съ ея исчезновеніемъ разрывался узелъ, которымъ сдерживались всѣ политическія отношенія. Что прежде терпѣливо переносили, покоряясь волѣ привычнаго хозяина, то казалось невыносимымъ теперь, когда хозяина не стало. Въ запискахъ дьяка И. Тимофеева читаемъ картинную притчу о бездѣтной вдовѣ богатаго и властнаго человѣка, домъ котораго расхищаетъ челядь покойника, вышедшая изъ „своего рабскаго устроенія" и предавшаяся своеволію. Въ образѣ такой безпомощной вдовы публицистъ представилъ положеніе своей родной земли, оставшейся безъ „природнаго" царя-хозяина. Тогда всѣ классы общества поднялись со своими особыми нуждами и стремленіями, чтобы облегчить свое положеніе въ государствѣ. Только наверху общества этотъ подъемъ происходилъ не такъ, какъ внизу его. Верхніе классы старались законодательнымъ путемъ упрочить и расширить свои сословныя права даже насчетъ нижнихъ

классовъ; въ этихъ послѣднихъ не замѣтно сословнаго интереса, стремленія пріобрѣсти права или облегчить тягости для цѣлыхъ классовъ. Здѣсь каждый дѣйствовалъ въ свою голову, спѣша выйти изъ тяжелаго положенія, въ какое поставила его суровая и неравномѣрная разверстка повинностей, и перескочить въ другое болѣе льготное состояніе или захватомъ урвать что-нибудь у зажиточныхъ людей. Наблюдательные современники усиленно отмѣчаютъ, какъ самый рѣзкій признакъ смуты, это стремленіе общественныхъ низовъ прорваться наверхъ и столкнуть оттуда верховиковъ. Одинъ изъ нихъ, келарь А. Палицынъ пишетъ, что тогда всякій стремился подняться выше своего званія, рабы хотѣли стать господами, люди невольные перескакивали къ свободѣ, рядовой военный принимался боярствовать, люди сильные разумомъ ставились ни во что, „въ прахъ вмѣняемы бываху“ этими своевольниками и ничего не смѣли сказать имъ неугоднаго. Встрѣча столь противоположныхъ стремленій сверху и снизу неминуемо вела къ ожесточенной классовой враждѣ. Эта вражда — производная причина смуты, вызванная къ дѣйствію второй основной. Починъ въ этомъ разрушеніи общественнаго порядка наблюдатели-современники приписываютъ вершинамъ общества, высшимъ классамъ и прежде всего новымъ, ненаслѣдственнымъ носителямъ верховной власти, хотя уже Грозный своей опричниной подалъ ободрительный примѣръ въ этомъ дѣлѣ. Зло упрекая царя Бориса въ надменномъ намѣреніи перестроить земскій порядокъ и обновить государственное управленіе, эти наблюдатели винятъ его въ томъ, что за наушничество онъ началъ поднимать на высокія степени худородныхъ людей, непривычныхъ къ правительственному дѣлу и безграмотныхъ, едва умѣвшихъ, подписывая дѣловой актъ, медленно кое-какъ проволочить по бумагѣ свою трясущуюся

руку, точно чужую. Этимъ онъ поселилъ ненависть въ знатныхъ и опытныхъ дѣльцахъ. Такъ же поступали и другіе слѣдовавшіе за нимъ неистинные цари. Порицая за это, наблюдатели съ сожалѣніемъ вспоминаютъ прежнихъ природныхъ государей, которые знали, какому роду какую честь и за что давать, „худороднымъ же ни". Еще больше неурядицы внесъ царь Борисъ въ общество, устройствомъ доносовъ поднявъ холоповъ на господъ, а боярскими опалами выгнавъ на улицу толпы челяди опальныхъ бояръ и этимъ заставивъ ее броситься въ разбой. И царь Василій обѣими руками сѣялъ общественную смуту, однимъ указомъ усиливъ прикрѣпленіе крестьянъ, а другими стѣснивъ господскую власть надъ холопами. Высшіе классы усердно содѣйствовали правительству въ усиленіи общественнаго разлада. По свидѣтельству А. Палицына, при царѣ Ѳедорѣ вельможами, особенно изъ родни и сторонниковъ правителя Годунова, а по примѣру ихъ и другими овладѣла неистовая страсть къ порабощенію, стремленіе заманивать къ себѣ въ кабалу всякими средствами и кого ни попало. Но насталъ трехлѣтній голодъ (1601—1604 гг.), и господа, не желая или будучи не въ состояніи кормить нахватанную челядь, выгоняли ее безъ отпускныхъ изъ своихъ домовъ, а когда голодные холопы порядились къ другимъ господамъ, прежніе преслѣдовали ихъ за побѣгъ и сносъ.

Самозванство.

Въ неблагоразумномъ образѣ дѣйствій правительства и общества, такъ печально поддержанномъ самой природой, вскрылась такая неурядица общественныхъ отношеній, такой соціальный разбродъ, съ которымъ по пресѣченіи династіи трудно было сладить обычными правительственными средствами. Эта вторая причина смуты, *соціально-политическая,* въ соединеніи съ первой, династической, сильно, хотя и косвенно поддержала смуту тѣмъ, что обострила

дѣйствіе первой, выразившееся въ успѣхахъ самозванцевъ. Поэтому самозванство можно признать тоже производной причиной смуты, вышедшей изъ совокупнаго дѣйствія обѣихъ коренныхъ. Вопросъ, какъ могла возникнуть самая идея самозванства, не заключаетъ въ себѣ какого-либо народно-психологическаго затрудненія. Таинственность, какою окружена была смерть царевича Димитрія, порождала противорѣчивые толки, изъ которыхъ воображеніе выбирало наиболѣе желательные, а всего болѣе желали благополучнаго исхода, чтобы царевичъ оказался въ живыхъ и устранилъ тягостную неизвѣстность, которой заволакивалось будущее. Расположены были, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, безотчетно вѣрить, что злодѣйство не удалось, что Провидѣніе и на этотъ разъ постояло на стражѣ міровой правды и приготовило возмездіе злодѣямъ. Ужасная судьба царя Бориса и его семьи была въ глазахъ встревоженнаго народа поразительнымъ откровеніемъ этой вѣчной правды Божіей и всего болѣе помогла успѣху самозванства. Нравственное чувство нашло поддержку въ чутьѣ политическомъ, столько же безотчетномъ, сколько доступномъ по своей безотчетности народнымъ массамъ. Самозванство было удобнѣйшимъ выходомъ изъ борьбы непримиримыхъ интересовъ, взбудораженныхъ пресѣченіемъ династіи: оно механически, насильственно соединяло подъ привычной, хотя и поддѣльной властью элементы готоваго распасться общества, между которыми стало невозможно органическое, добровольное соглашеніе.

Такъ можно объяснить происхожденіе смуты. Почвой для нея послужило тягостное настроеніе народа, общее чувство недовольства, вынесенное народомъ изъ царствованія Грознаго и усиленное правленіемъ Б. Годунова. Поводъ къ смутѣ данъ былъ пресѣченіемъ династіи со слѣдовавшими за тѣмъ попытками искусственнаго ея возстановленія **Выводы.**

въ лицѣ самозванцевъ. Коренными причинами смуты надобно признать народный взглядъ на отношеніе старой династіи къ Московскому государству, мѣшавшій освоиться съ мыслью о выборномъ царѣ, и потомъ самый строй государства съ его тяжелымъ тягловымъ основаніемъ и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ государственныхъ повинностей, порождавшимъ соціальную рознь: первая причина вызвала и поддерживала потребность воскресить погибшій царскій родъ, а эта потребность обезпечивала успѣхъ самозванства; вторая причина превратила династическую интригу въ соціально-политическую анархію. Смутѣ содѣйствовали и другія обстоятельства: образъ дѣйствій правителей, становившихся во главѣ государства послѣ царя Ѳедора, конституціонныя стремленія боярства, шедшія въ разрѣзъ съ характеромъ московской верховной власти и съ народнымъ на нее взглядомъ, низкій уровень общественной нравственности, какъ ее изображаютъ современные наблюдатели, боярскія опалы, голодъ и моръ въ царствованіе Бориса, областная рознь, вмѣшательство казаковъ. Но все это были не причины, а или только симптомы смуты, или условія, ее питавшія, но ея не породившія, или, наконецъ, слѣдствія, ею же вызванныя къ дѣйствію.

Смута является на рубежѣ двухъ смежныхъ періодовъ нашей исторіи, связанная съ предшествующимъ своими причинами, съ послѣдующимъ своими слѣдствіями. Конецъ смутѣ былъ положенъ вступленіемъ на престолъ царя, ставшаго родоначальникомъ новой династіи: это было первое ближайшее слѣдствіе смуты.

Второе ополченіе.

Въ концѣ 1611 года Московское государство представляло зрѣлище полнаго видимаго разрушенія. Поляки взяли Смоленскъ; польскій отрядъ сжегъ Москву и укрѣпился за уцѣлѣвшими стѣнами Кремля и Китая-города; шведы заняли

Новгородъ и выставили одного изъ своихъ королевичей кандидатомъ на московскій престолъ; на смѣну убитому второму Лжедимитрію въ Псковѣ усѣлся третій, какой-то Сидорка; первое дворянское ополченіе подъ Москвой со смертью Ляпунова разстроилось. Между тѣмъ страна оставалась безъ правительства. Боярская дума, ставшая во главѣ его по низложеніи В. Шуйскаго, упразднилась сама собою, когда поляки захватили Кремль, гдѣ сѣли и нѣкоторые изъ бояръ со своимъ предсѣдателемъ кн. Мстиславскимъ. Государство, потерявъ свой центръ, стало распадаться на составныя части; чуть не каждый городъ дѣйствовалъ особнякомъ, только пересылаясь съ другими городами. Государство преображалось въ какую-то безформенную, мятущуюся федерацію. Но съ конца 1611 г., когда изнемогли политическія силы, начинаютъ пробуждаться силы религіозныя и національныя, которыя пошли на выручку гибнувшей земли. Призывныя грамоты архимандрита Діонисія и келаря Авраамія, расходившіяся изъ Троицкаго монастыря, подняли нижегородцевъ подъ руководствомъ ихъ старосты, мясника Кузьмы Минина. На призывъ нижегородцевъ стали стекаться остававшіеся безъ дѣла и жалованья, а часто и безъ помѣстій, служилые люди, городовые дворяне и дѣти боярскіе, которымъ Мининъ нашелъ и вождя, кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Такъ составилось второе дворянское ополченіе противъ поляковъ. По боевымъ качествамъ оно не стояло выше перваго, хотя было хорошо снаряжено благодаря обильной денежной казнѣ, самоотверженно собранной посадскими людьми нижегородскими и другихъ городовъ, къ нимъ присоединившихся. Мѣсяца четыре ополченіе устроялось, съ полгода двигалось къ Москвѣ, пополнялось по пути толпами служилыхъ людей, просившихъ принять ихъ на земское жалованье. Подъ Москвой стоялъ казацкій отрядъ кн. Трубец-

кого, остатокъ перваго ополченія. Казаки были для земской дворянской рати страшнѣе самихъ поляковъ, и на предложеніе кн. Трубецкого она отвѣчала: „отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать". Но скоро стало видно, что безъ поддержки казаковъ ничего не сдѣлать, и въ три мѣсяца стоянки подъ Москвой безъ нихъ ничего важнаго не было сдѣлано. Въ рати кн. Пожарскаго числилось больше сорока начальныхъ людей все съ родовитыми служилыми именами, но только два человѣка сдѣлали крупныя дѣла, да и тѣ были не служилые люди: это — монахъ А. Палицынъ и мясной торговецъ К. Мининъ. Первый по просьбѣ кн. Пожарскаго въ рѣшительную минуту уговорилъ казаковъ поддержать дворянъ, а второй выпросилъ у кн. Пожарскаго 3 — 4 роты и съ ними сдѣлалъ удачное нападеніе на малочисленный отрядъ гетмана Хоткѣвича, уже подбиравшагося къ Кремлю со съѣстными припасами для голодавшихъ тамъ соотчичей. Смѣлый натискъ Минина пріободрилъ дворянъ-ополченцевъ, которые вынудили гетмана къ отступленію, уже подготовленному казаками. Въ октябрѣ 1612 г. казаки же взяли приступомъ Китай-городъ. Но земское ополченіе не рѣшилось штурмовать Кремль; сидѣвшая тамъ горсть поляковъ сдалась сама, доведенная голодомъ до людоѣдства. Казацкіе же атаманы, а не московскіе воеводы, отбили отъ Волоколамска короля Сигизмунда, направлявшагося къ Москвѣ, чтобы воротить ее въ польскія руки, и заставили его вернуться домой. Дворянское ополченіе здѣсь еще разъ показало въ Смуту свою малопригодность къ дѣлу, которое было его сословнымъ ремесломъ и государственной обязанностью.

Избраніе Михаила

Вожди земскаго и казацкаго ополченія, князья Пожарскій и Трубецкой разослали по всѣмъ городамъ государства повѣстки, призывавшія въ столицу духовныя власти и выборныхъ людей изъ всѣхъ чиновъ для земскаго совѣта и

государскаго избранія. Въ самомъ началѣ 1613 г. стали съѣзжаться въ Москву выборные всей земли. Мы потомъ увидимъ, что это былъ первый безспорно всесословный земскій соборъ съ участіемъ посадскихъ и даже сельскихъ обывателей. Когда выборные съѣхались, былъ назначенъ трехдневный постъ, которымъ представители Русской земли хотѣли очиститься отъ грѣховъ Смуты передъ совершеніемъ такого важнаго дѣла. По окончаніи поста начались совѣщанія. Первый вопросъ, поставленный на соборѣ, выбирать ли царя изъ иноземныхъ королевскихъ домовъ, рѣшили отрицательно, приговорили: ни польскаго, ни шведскаго королевича, ни иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и ни изъ какихъ неправославныхъ государствъ на Московское государство не выбирать, какъ и „Маринкина сына". Этотъ приговоръ разрушалъ замыслы сторонниковъ королевича Владислава. Но выбрать и своего природнаго русскаго государя было нелегко. Памятники, близкіе къ тому времени, изображаютъ ходъ этого дѣла на соборѣ не свѣтлыми красками. Единомыслія не оказалось. Было большое волненіе; каждый хотѣлъ по своей мысли дѣлать, каждый говорилъ за своего; одни предлагали того, другіе этого, всѣ разнорѣчили; придумывали, кого бы выбрать, перебирали великіе роды, но ни на комъ не могли согласиться, и такъ потеряли не мало дней. Многіе вельможи и даже невельможи подкупали избирателей, засылали съ подарками и обѣщаніями. По избраніи Михаила соборная депутація, просившая инокиню-мать благословить сына на царство, на упрекъ ея, что московскіе люди „измалодушествовались", отвѣчала, что теперь они „наказались", проучены, образумились и пришли въ соединеніе. Соборные происки, козни и раздоры совсѣмъ не оправдывали благодушнаго увѣренія соборныхъ пословъ. Соборъ распался на партіи между великородными искате-

лями, изъ которыхъ болѣе позднія извѣстія называютъ князей Голицына, Мстиславскаго, Воротынскаго, Трубецкого, Мих. Ѳ. Романова. Самъ скромный по отечеству и характеру кн. Пожарскій тоже, говорили, искалъ престола и потратилъ не мало денегъ на происки. Наиболѣе серіозный кандидатъ по способностямъ и знатности кн. В. В. Голицынъ былъ въ польскомъ плѣну, кн. Мстиславскій отказывался; изъ остальныхъ выбирать было некого. Московское государство выходило изъ страшной смуты безъ героевъ; его выводили изъ бѣды добрые, но посредственные люди. Кн. Пожарскій былъ не Борисъ Годуновъ, а Михаилъ Романовъ — не кн. Скопинъ-Шуйскій. При недостаткѣ настоящихъ силъ дѣло рѣшалось предразсудкомъ и интригой. Въ то время, какъ соборъ разбивался на партіи, не зная, кого выбрать, въ него вдругъ пошли одно за другимъ „писанія", петиціи за Михаила отъ дворянъ, большихъ купцовъ, отъ городовъ Сѣверской земли и даже отъ казаковъ; послѣдніе и рѣшили дѣло. Видя слабосиліе дворянской рати, казаки буйствовали въ освобожденной ими Москвѣ, дѣлали, что хотѣли, не стѣсняясь временнымъ правительствомъ Трубецкого, Пожарскаго и Минина. Но въ дѣлѣ царскаго избранія они заявили себя патріотами, рѣшительно возстали противъ царя изъ чужеземцевъ, намѣчали, „примѣривали" настоящихъ русскихъ кандидатовъ, ребонка, сына вора тушинскаго, и Михаила Романова, отецъ котораго Филаретъ былъ ставленникъ обоихъ самозванцевъ, получилъ санъ митрополита отъ перваго и провозглашенъ патріархомъ въ подмосковномъ лагерѣ второго. Главная опора самозванства, казачество, естественно, хотѣло видѣть на престолѣ московскомъ или сына своего тушинскаго царя, или сына своего тушинскаго патріарха. Впрочемъ сынъ вора былъ поставленъ на конкурсъ не серіозно, больше изъ казацкаго при-

личія, и казаки не настаивали па этомъ кандидатѣ, когда земскій соборъ отвергъ его. Самъ по себѣ и Михаилъ, 16-лѣтній мальчикъ, ничѣмъ не выдававшійся, могъ имѣть мало видовъ на престолъ, и однако на немъ сошлись такія враждебныя другъ другу силы, какъ дворянство и казачество. Это неожиданное согласіе отразилось и на соборѣ. Въ самый разгаръ борьбы партій какой-то дворянинъ изъ Галича, откуда производили перваго самозванца, подалъ на соборѣ письменное мнѣніе, въ которомъ заявлялъ, что ближе всѣхъ по родству къ прежнимъ царямъ стоитъ М. Ѳ. Романовъ, а потому его и надобно выбрать въ цари. Противъ Михаила были многіе члены собора, хотя онъ давно считался кандидатомъ и на него указывалъ еще патріархъ Гермогенъ, какъ на желательнаго преемника царя В. Шуйскаго. Письменное мнѣніе галицкаго городового дворянина раздражило многихъ. Раздались сердитые голоса: кто принесъ такое писаніе, откуда? Въ это время изъ рядовъ выборныхъ выдѣлился донской атаманъ и подошедши къ столу, также положилъ на него писаніе. „Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ?“ спросилъ его кн. Д. М. Пожарскій. — „*О природномъ* царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ“, отвѣчалъ атаманъ. Этотъ атаманъ будто бы и рѣшилъ дѣло: „прочетше писаніе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ“, какъ пишетъ одинъ бытописатель. Михаила провозгласили царемъ. Но это было лишь предварительное избраніе, только намѣтившее соборнаго кандидата. Окончательное рѣшеніе предоставили непосредственно всей землѣ. Тайно разослали по городамъ вѣрныхъ людей вывѣдать мнѣніе народа, кого хотятъ государемъ на Московское государство. Народъ оказался уже достаточно подготовленнымъ. Посланные возвратились съ донесеніемъ, что у всѣхъ людей отъ мала и до велика та же мысль: быть государемъ

М. Ѳ. Романову, а опричь его никакъ никого на государство не хотѣть. Это секретно-полицейское дознаніе, соединенное, можетъ-быть, съ агитаціей, стало для собора своего рода избирательнымъ плебисцитомъ. Въ торжественный день, въ недѣлю Православія, первое воскресенье Великаго поста, 21 февраля 1613 г. были назначены окончательные выборы. Каждый чинъ подавалъ особое письменное мнѣніе, и во всѣхъ мнѣніяхъ значилось одно имя — Михаила Ѳедоровича. Тогда нѣсколько духовныхъ лицъ вмѣстѣ съ бояриномъ посланы были на Красную площадь, и не успѣли они съ Лобнаго мѣста спросить собравшійся во множествѣ народъ, кого хотятъ въ цари, какъ всѣ закричали: „Михаила Ѳедоровича".

Романовы. Такъ соборное избраніе Михаила было подготовлено и поддержано на соборѣ и въ народѣ цѣлымъ рядомъ вспомогательныхъ средствъ: предвыборной агитаціей съ участіемъ многочисленной родни Романовыхъ, давленіемъ казацкой силы, негласнымъ дознаніемъ въ народѣ, выкрикомъ столичной толпы на Красной площади. Но всѣ эти избирательные пріемы имѣли успѣхъ потому, что нашли опору въ отношеніи общества къ фамиліи. Михаила вынесла не личная или агитаціонная, а фамильная популярность. Онъ принадлежалъ къ боярской фамиліи, едва ли не самой любимой тогда въ московскомъ обществѣ. Романовы — недавно обособившаяся вѣтвь стариннаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Давно, еще при вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ выѣхалъ въ Москву изъ „Прусскія земли", какъ гласитъ родословная, знатный человѣкъ, котораго въ Москвѣ прозвали Андреемъ Ивановичемъ Кобылой. Онъ сталъ виднымъ бояриномъ при московскомъ дворѣ. Отъ пятаго сына его Ѳедора Кошки и пошелъ „Кошкинъ родъ", какъ онъ зовется въ нашихъ лѣтописяхъ. Кошкины блистали при московскомъ дворѣ въ XIV и XV вв. Это была единственная нетитулованная

боярская фамилія, которая не потонула въ потокѣ новыхъ титулованныхъ слугъ, нахлынувшихъ къ московскому двору съ половины XV в. Среди князей Шуйскихъ, Воротынскихъ, Мстиславскихъ Кошкины умѣли удержаться въ первомъ ряду боярства. Въ началѣ XVI в. видное мѣсто при дворѣ занималъ бояринъ Романъ Юрьевичъ Захарьинъ, шедшій отъ Кошкина внука Захарія. Онъ и сталъ родоначальникомъ новой вѣтви этой фамиліи — Романовыхъ. Сынъ Романа Никита, родной братъ царицы Анастасіи, — единственный московскій бояринъ XVI в., оставившій по себѣ добрую память въ народѣ: его имя запомнила народная былина, изображая его въ своихъ пѣсняхъ о Грозномъ благодушнымъ посредникомъ между народомъ и сердитымъ царемъ. Изъ шести сыновей Никиты особенно выдавался старшій Ѳедоръ. Это былъ очень добрый и ласковый бояринъ, щеголь и очень любознательный человѣкъ. Англичанинъ Горсей, жившій тогда въ Москвѣ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что этотъ бояринъ непремѣнно хотѣлъ выучиться по-латыни, и по его просьбѣ Горсей составилъ для него латинскую грамматику, написавъ въ ней латинскія слова русскими литерами. Популярность Романовыхъ, пріобрѣтенная личными ихъ качествами, несомнѣнно, усилилась отъ гоненія, какому подверглись Никитичи при подозрительномъ Годуновѣ; А. Палицынъ даже ставитъ это гоненіе въ число тѣхъ грѣховъ, за которые Богъ покаралъ землю Русскую смутой. Вражда съ царемъ Васильемъ и связи съ Тушиномъ доставили Романовымъ покровительство и второго Лжедимитрія и популярность въ казацкихъ таборахъ. Такъ двусмысленное поведеніе фамиліи въ смутные годы подготовило Михаилу двустороннюю поддержку и въ земствѣ, и въ казачествѣ. Но всего больше помогла Михаилу на соборныхъ выборахъ родственная связь Романовыхъ съ преж-

ней династіей. Въ продолженіе Смуты русскій народъ столько разъ неудачно выбиралъ новыхъ царей, и теперь только то избраніе казалось ему прочно, которое падало на лицо, хотя какъ-нибудь связанное съ прежнимъ царскимъ домомъ. Въ царѣ Михаилѣ видѣли не соборнаго избранника, а племянника царя Ѳедора, природнаго, наслѣдственнаго царя. Современный хронографъ прямо говоритъ, что Михаила просили на царство „сродственнаго его ради союза царскихъ искръ". Не даромъ Авраамій Палицынъ зоветъ Михаила „избраннымъ отъ Бога прежде его рожденія", а дьякъ И. Тимоѳеевъ въ непрерывной цѣпи наслѣдственныхъ царей ставитъ Михаила прямо послѣ Ѳедора Ивановича, игнорируя и Годунова, и Шуйскаго, и всѣхъ самозванцевъ. И самъ царь Михаилъ въ своихъ грамотахъ обычно называлъ Грознаго своимъ дѣдомъ. Трудно сказать, насколько помогъ избранію Михаила ходившій тогда слухъ, будто царь Ѳедоръ, умирая, устно завѣщалъ престолъ своему двоюродному брату Ѳедору, отцу Михаила. Но бояръ, руководившихъ выборами, должно было склонять въ пользу Михаила еще одно удобство, къ которому они не могли быть равнодушны. Есть извѣстіе, будто бы Ѳ. И. Шереметевъ писалъ въ Польшу кн. Голицыну: „Миша де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ". Шереметевъ, конечно, зналъ, что престолъ не лишитъ Михаила способности зрѣть и молодость его не будетъ перманентна. Но другія качества обѣщали показать, что племянникъ будетъ второй дядя, напоминая его умственной и физической хилостью, выйдетъ добрымъ, кроткимъ царемъ, при которомъ не повторятся испытанія, пережитыя боярствомъ въ царствованіе Грознаго и Бориса. Хотѣли выбрать не способнѣйшаго, а удобнѣйшаго. Такъ явился родоначальникъ новой династіи, положившій конецъ Смутѣ.

Лекція XLIV.

Ближайшія слѣдствія Смуты. — Новыя политическія понятія. — Ихъ проявленія въ Смуту. — Перемѣна въ составѣ правительственнаго класса. — Разстройство мѣстничества. — Новая постановка верховной власти. — Царь и боярство. — Боярская дума и земскій соборъ. — Упрощеніе верховной власти. — Боярская попытка 1681 г. — Перемѣна въ составѣ и значенія земскаго собора. — Разореніе. — Настроеніе общества послѣ Смуты.

Обращаемся къ изученію ближайшихъ слѣдствій смуты, образовавшихъ политическую и нравственную обстановку, въ которой пришлось дѣйствовать первому царю новой династіи. Четырнадцать бурныхъ лѣтъ, пережитыхъ Московскимъ государствомъ, не прошли безслѣдно. Эти слѣдствія, обнаруживающіяся съ первыхъ минутъ царствованія Михаила, шли изъ двухъ главныхъ перемѣнъ, произведенныхъ смутой въ положеніи государства: во-первыхъ, прервалось политическое преданіе, старый обычай, на которомъ держался порядокъ въ Московскомъ государствѣ XVI в; во-вторыхъ, смута поставила государство въ такія отношенія къ сосѣдямъ, которыя требовали еще большаго напряженія народныхъ силъ для внѣшней борьбы, чѣмъ какое испытывало государство во XVI в. Отсюда, изъ этихъ двухъ перемѣнъ вышелъ рядъ новыхъ политическихъ понятій, утвердившихся въ московскихъ умахъ, и рядъ новыхъ полити-

ческихъ фактовъ, составляющихъ основное содержаніе нашей исторіи XVII в. Изучимъ тѣ и другіе.

Новыя политическія понятія.

Прежде всего изъ потрясенія, пережитаго въ Смутное время, люди Московскаго государства вынесли обильный запасъ новыхъ политическихъ понятій, съ которыми не были знакомы ихъ отцы, люди XVI в. Это печальная выгода тревожныхъ временъ: они отнимаютъ у людей спокойствіе и довольство и взамѣнъ того даютъ опыты и идеи. Какъ въ бурю листья на деревьяхъ повертываются изнанкой, такъ смутныя времена въ народной жизни, ломая фасады, обнаруживаютъ задворки, и при видѣ ихъ люди, привыкшіе замѣчать лицевую сторону жизни, невольно задумываются и начинаютъ думать, что они доселѣ видѣли далеко не все. Это и есть начало политическаго размышленія. Его лучшая, хотя и тяжелая школа — народные перевороты. Этимъ объясняется обычное явленіе — усиленная работа политической мысли во время и тотчасъ послѣ общественныхъ потрясеній. Понятія, какими обогатились московскіе умы въ продолженіе смуты, глубоко измѣнили старый привычный взглядъ общества на государя и государство. Мы уже знакомы съ этимъ взглядомъ. Московскіе люди XVI в. видѣли въ своемъ государѣ не столько блюстителя народнаго блага, сколько хозяина московской государственной территоріи, а на себя смотрѣли, какъ на пришельцевъ, обитающихъ до поры до времени на этой территоріи, какъ на политическую случайность. Личная воля государя служила единственной пружиной государственной жизни, а личный или династическій интересъ этого государя — единственной ея цѣлью. Изъ-за государя не замѣчали государства и народа. Смута поколебала этотъ закоснѣлый взглядъ. Въ эти тяжелые годы люди Московскаго государства не разъ были призываемы выбирать себѣ

государя; въ иные годы государство оставалось совсѣмъ безъ государя, и общество было предоставлено самому себѣ. Съ самаго начала XVII в. московскіе люди переживали такія положенія, видѣли такія явленія, которыя при ихъ отцахъ считались невозможными, прямо немыслимыми. Они видѣли, какъ падали цари, за которыхъ не стоялъ народъ, видѣли, какъ государство, оставшись безъ государя, не распалось, а собралось съ силами и выбрало себѣ новаго царя. Людямъ XVI в. и въ голову не приходила самая возможность подобныхъ положеній и явленій. Прежде государство мыслилось въ народномъ сознаніи только при наличности государя, воплощалось въ его лицѣ и поглощалось имъ. Въ Смуту, когда временами не бывало государя или не знали, кто онъ, нераздѣлимыя прежде понятія стали раздѣляться сами собою. *Московское государство* — эти слова въ актахъ Смутнаго времени являются для всѣхъ понятныхъ выраженіемъ, чѣмъ-то не мыслимымъ только, но и дѣйствительно существующимъ даже безъ государя. Изъ-за лица проглянула идея, и эта идея государства, отдѣляясь отъ мысли о государѣ, стала сливаться съ понятіемъ о народѣ. Въ тѣхъ же актахъ вмѣсто „государя царя и великаго князя всея Руси“ часто встрѣчаемъ выраженіе „люди Московскаго государства“. Мы видѣли, какъ трудно было московскимъ умамъ освоиться съ идеей выборнаго царя: виною этого было отсутствіе мысли, что воля народа въ случаѣ нужды можетъ быть вполнѣ достаточнымъ источникомъ законной верховной власти, а непониманіе этого происходило отъ недостатка мысли о народѣ, какъ о политической силѣ. По отношенію къ царю всѣ его подданные считались *холопами*, дворовыми его людьми, либо *сиротами*, безродными и безпріютными людьми, живущими на его землѣ. Какая можетъ быть политическая воля у хо-

лоповъ и сиротъ и какъ она можетъ стать источникомъ богоучрежденной власти помазанника Божія? Смута впервые и тронула глубоко это застоявшееся политическое сознаніе, давъ больно почувствовать, насколько народные умы отстали отъ задачъ, нежданно и грозно поставленныхъ стихійнымъ ходомъ народной жизни. Въ Смуту общество, предоставленное самому себѣ, поневолѣ пріучалось дѣйствовать самостоятельно и сознательно, и въ немъ начала зарождаться мысль, что оно, это общество, народъ, не политическая случайность, какъ привыкли чувствовать себя московскіе люди, не пришельцы, не временные обыватели въ чьемъ-то государствѣ, но что такая политическая случайность есть скорѣе династія: въ 15 лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью царя Ѳедора, сдѣлано было четыре неудачныхъ опыта основать новую династію и удался только пятый. Рядомъ съ государевой волей, а иногда и на ея мѣсто теперь не разъ становилась другая политическая сила, вызванная къ дѣйствію смутой, воля народа, выражавшаяся въ приговорахъ земскаго собора, въ московскомъ народномъ сборищѣ, выкрикнувшемъ царя Василія Шуйскаго, въ съѣздахъ выборныхъ отъ городовъ, поднимавшихся противъ вора Тушинскаго и поляковъ. Благодаря тому мысль о государѣ-хозяинѣ въ московскихъ умахъ постепенно если не отходила назадъ, то осложнялась новой политической идеей государя-избранника народа. Такъ стали переверстываться въ сознаніи, приходить въ иное соотношеніе основныя стихіи государственнаго порядка: *государь*, *государство* и *народъ*. Какъ прежде изъ-за государя не замѣчали государства и народа и скорѣе могли представить себѣ государя безъ народа, чѣмъ государство безъ государя, такъ теперь опытомъ убѣдились, что государство, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, можетъ быть безъ госу-

даря, но ни государь, ни государство не могутъ обойтись безъ народа. Къ тому же порядку понятій подходили, только съ другой, отрицательной стороны, и современные публицисты, писавшіе о Смутѣ, А. Палицынъ, И. Тимоѳеевъ и другіе, безымянные. Они видѣли корень бѣды въ недостаткѣ мужественной крѣпости у общества, умѣнья соединяться противъ властныхъ нарушителей порядка и закона. Когда Б. Годуновъ совершалъ свои беззаконія, губилъ столпы великіе, которыми земля укрѣплялась, всѣ „благороднѣйшіе" онѣмѣли, были безгласны, какъ рыбы, не оказалось крѣпкаго во Израилѣ, никто не осмѣлился правду говорить властителю. За это общественное попустительство, за „безумное молчаніе всего міра", по выраженію А. Палицына, и наказана земля.

Правда, на соборѣ 1613 г. среди общаго смятенія и раздора восторжествовала старая привычная идея „природнаго" царя, чему Михаилъ и былъ обязанъ своимъ избраніемъ. Это понятное движеніе было знакомъ того, что народный умъ, представленный на соборѣ выборными людьми, не справился съ новымъ положеніемъ и предпочелъ вернуться къ старинѣ, къ прежнему „безумному молчанію всего міра". Мы и послѣ увидимъ не разъ, какъ мутный стихійный потокъ народной жизни затягивалъ иломъ частичныя углубленія общественнаго сознанія. Но въ отдѣльныхъ кругахъ общества мысль о необходимости дѣятельнаго и благоустроеннаго земскаго участія въ дѣлахъ всей земли проявлялась въ продолженіе смуты иногда съ большою силой. Если вникнуть въ сущность и значеніе этой мысли и припомнить, какъ туго даются людямъ новыя политическія понятія, то можно предвидѣть, что такой переломъ въ умахъ не могъ пройти безслѣдно. Слѣды его дѣйствія и обнаруживаются въ нѣкоторыхъ явленіяхъ Смутнаго

Ихъ проявленія.

времени. Въ 1609 г. мятежный рязанскій дворянинъ Сунбуловъ собралъ на московской площади толпу народа и потребовалъ отъ бояръ низложенія царя Василья. Но въ толпѣ нашлись люди, которые возражали мятежникамъ: „хотя бы царь и неугоденъ вамъ былъ, однако безъ большихъ бояръ и *всенароднаго* собранія его съ царства свести не можно“. Значитъ, всенародное собраніе съ боярами во главѣ считалось единственнымъ учрежденіемъ, уполномоченнымъ рѣшать такія важныя дѣла. Новыя правительства признавали и поддерживали такой взглядъ на значеніе всенародной воли въ рѣшеніи коренныхъ политическихъ вопросовъ. Ту же самую мысль, какую на площади высказали мятежникамъ разсудительные граждане, выразилъ и самъ царь Василій. Когда Сунбуловъ съ сообщниками ворвался во дворецъ, царь встрѣтилъ ихъ словами: „Зачѣмъ вы, клятвопреступники, пришли ко мнѣ съ такимъ шумомъ и наглостью? Если хотите убить меня, я готовъ умереть; если же хотите согнать меня съ престола, то вамъ этого не сдѣлать, пока не соберутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди, и какой вся земля приговоръ постановитъ, я готовъ поступить по тому приговору“. Въ обществѣ, которое неоднократно было призываемо къ рѣшенію важныхъ государственныхъ вопросовъ, какъ будто стала пробиваться даже мысль, что всенародное земское собраніе, правильно составленное, въ правѣ не только избирать царя, но при случаѣ и судить его. По крайней мѣрѣ такая мысль оффиціально была высказана именемъ правительства царя Василія Шуйскаго. Въ самомъ началѣ его царствованія въ Польшу былъ посланъ нѣкто кн. Гр. Волконскій оправдать передъ польскимъ правительствомъ истребленіе перваго самозванца и избіеніе преданныхъ ему поляковъ. По оффиціальному наказу, какой данъ былъ послу, онъ говорилъ ко-

ролю и панамъ, что люди Московскаго государства, осудя истиннымъ судомъ, въ правѣ были наказать за злыя и богомерзкія дѣла такого царя, какъ Лжедимитрій. Князь Григорій сдѣлалъ еще болѣе смѣлый шагъ, развивая свои наказныя воззрѣнія передъ польскимъ правительствомъ: онъ прибавилъ, что хотя бы теперь явился и прямой, прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государствѣ не похотятъ, то ему силой на государствѣ быть не можно. У самого кн. Андрея Мих. Курбскаго, политическаго либерала XVI в., дыбомъ встали бы волосы, если бы онъ услышалъ такую политическую ересь.

Событія Смутнаго времени не только поселили въ умахъ новыя политическія понятія, но измѣнили и составъ правительственнаго класса, съ помощію котораго дѣйствовали цари первой династіи, и эта перемѣна много содѣйствовала успѣху самыхъ понятій. Старые московскіе государи правили своимъ государствомъ съ помощію боярскаго класса, плотно организованнаго, проникнутаго аристократическимъ духомъ и привычнаго къ власти. Политическое значеніе этого класса не было обезпечено прямымъ закономъ, держалось на старинномъ правительственномъ обычаѣ. Но этотъ обычай поддерживался двумя косвенными опорами. Одна статья Судебника 1550 г. утверждала законодательный авторитетъ Боярской думы, а въ думѣ преобладающее значеніе принадлежало боярству. Съ другой стороны, мѣстничество подчиняло должностныя назначенія въ управленіи генеалогическимъ отношеніямъ, продвигая усиленно наверхъ ту же боярскую знать. Одна опора поддерживала боярство, какъ высшее правительственное учрежденіе, другая — какъ правительственный классъ. Въ царствованіе Михаила одинъ изъ самыхъ родовитыхъ представителей этого класса, бояринъ кн. И. М. Воротынскій такъ изобразилъ правительственное Правящій классъ.

положеніе боярства въ прежнее время: „бывали на насъ опалы отъ прежнихъ государей, но правительства съ насъ не снимали; во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ, а худыми людьми насъ не безчестили". Бояринъ хотѣлъ сказать, что отдѣльнымъ лицамъ изъ боярскаго класса иногда больно доставалось отъ произвола прежнихъ государей, но самаго класса они не лишали правительственнаго значенія, не давали передъ нимъ хода худороднымъ людямъ. Князь Воротынскій хорошо выразилъ правительственную силу класса при политическомъ безсиліи лицъ. Этотъ классъ, державшій всякую справу въ государствѣ, и сталъ разрушаться съ начала Смутнаго времени, хотя починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ еще Грозному. Стройные мѣстническіе ряды боярства все болѣе рѣдѣли; на опустѣлыя мѣста врывались новые худые люди, непривычные къ власти, безъ фамильныхъ преданій и политическаго навыка. Вокругъ царей новой династіи не видно цѣлаго ряда старыхъ знатныхъ фамилій, которыя прежде постоянно держались наверху. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ нѣтъ уже ни князей Курбскихъ, ни князей Холмскихъ, ни князей Микулинскихъ, ни князей Пенковыхъ; скоро сойдутъ со сцены князья Мстиславскіе и Воротынскіе; въ спискѣ бояръ и думныхъ людей 1627 г. встрѣчаемъ послѣдняго кн. Шуйскаго и пока — ни одного кн. Голицына. Точно такъ же не замѣтно наверху фамилій нетитулованныхъ, но принадлежавшихъ къ старинному московскому боярству: нѣтъ Тучковыхъ, Челядниныхъ, падаютъ Сабуровы, Годуновы; на ихъ мѣстахъ являются все люди новыхъ родовъ, о которыхъ никто не зналъ или мало кто зналъ въ XVI в., Стрѣшневы, Нарышкины, Милославскіе, Лопухины, Боборыкины, Языковы, Чаадаевы, Чириковы, Толстые, Хитрые и пр., а изъ титулованныхъ князья Прозоровскіе, Мосальскіе, Долгорукіе,

Урусовы, да и изъ многихъ прежнихъ добрыхъ фамилій уцѣлѣли только худыя колѣна. Эта перемѣна въ составѣ правительственнаго класса была замѣчена и своими, и чужими. Въ началѣ царствованія Михаила остатокъ стараго московскаго боярства жаловался на то, что въ Смуту всплыло наверхъ много самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ и молодыхъ дѣтишекъ боярскихъ, т.-е. худородныхъ провинціальныхъ дворянъ, которымъ случайные цари и искатели царства надавали высшихъ чиновъ, возводя ихъ въ званія окольничьихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Въ 1615 г. польскіе комиссары, которые вели переговоры съ московскими послами, кололи глаза московскому боярству, говоря, что теперь на Москвѣ по грѣхамъ такъ повелось, что простые мужики, поповскіе дѣти и мясники негодные мимо многихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ не попригожу къ великимъ государственнымъ и земскимъ дѣламъ припускаются. Эти политическіе новики при новой династіи все смѣлѣе пробираются наверхъ и забираются даже въ Боярскую думу, которая все болѣе худѣетъ, становится все менѣе боярской. Они и были предшественниками и предвѣстниками тѣхъ государственныхъ дѣльцовъ XVIII в., которыхъ современники такъ мѣтко прозвали „случайными“ людьми, людьми „въ случаѣ“. Итакъ, говорю, государи прежней династіи правили съ помощью цѣльнаго правительственнаго класса; государи XVII в. начали править съ помощью отдѣльныхъ лицъ, случайно выплывавшихъ наверхъ. Эти новыя лица, свободныя отъ правительственныхъ преданій, и стали носителями и проводниками новыхъ политическихъ понятій, которыя въ Смуту проникли въ московскіе умы.

Вторженіе столькихъ новыхъ людей въ знатные правящіе круги запутало мѣстническіе счеты. Мѣстничество, **Разстройство мѣстничества.**

какъ мы уже видѣли (лекція XXVII), выстраивало боярскую знать въ замкнутую цѣпь лицъ и фамилій, которая въ мѣстническихъ спорахъ развертывалась въ сложную сѣть должностныхъ и генеалогическихъ отношеній. Два совмѣстника, не зная, какъ они доводятся другъ другу, опредѣляли свое относительное мѣстническое отечество, вовлекая въ счетъ третьихъ, четвертыхъ, пятыхъ лицъ, и если одинъ изъ соперниковъ проступался по недосмотру или уступчивости, онъ затрогивалъ родовую честь этихъ третьихъ-пятыхъ, которые вмѣшивались въ дѣло, чтобы отгородиться отъ посторонняго посягательства на ихъ честь. Князю Д. М. Пожарскому пришлось быть въ одномъ случаѣ меньше Б. Салтыкова. Въ думѣ разсчитывали такъ: Пожарскій родичъ и ровня кн. Ромодановскому — оба изъ князей Стародубскихъ, а Ромодановскій бывалъ меньше М. Салтыкова, а М. Салтыковъ въ своемъ родѣ меньше Б. Салтыкова: стало-быть, кн. Пожарскій меньше Б. Салтыкова. Новые люди разрывали эту цѣпь, входя въ нее неприлаженными къ ней звеньями. Они проникали въ ряды старой знати за прямыя заслуги или подъ предлогомъ заслугъ отечеству; но мѣстничество не признавало подвиговъ. Что ему заслуга отечеству? Оно знало родоначальника съ поколѣнной таблицей потомковъ да послужныя разрядныя росписи. У него было свое отечество — родовая честь. Но и новые люди не хотѣли поступаться своими заслугами и выслугами, и въ исторіи Московскаго государства едва ли была эпоха, столь обильная мѣстническими дрязгами, какъ царствованіе Михаила. Самый видный изъ новиковъ князь Д. М. Пожарскій на себѣ самомъ испыталъ всю тяжесть столкновеній, отсюда происходившихъ. Даромъ, что онъ Московское государство очистилъ отъ воровъ-казаковъ и враговъ-поляковъ, изъ худородныхъ стольниковъ пожало-

ванъ былъ въ бояре, получилъ „вотчины великія": къ нему придирались при всякомъ случаѣ, твердя одно, что Пожарскіе — люди не разрядные, большихъ должностей не занимали, кромѣ городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ прежде не бывали. Когда его учли передъ Б. Салтыковымъ, онъ ничего не возражалъ, однако царскаго указа и боярскаго приговора не послушался. Тогда ужъ Салтыковъ вчинилъ противъ него искъ о безчестьи, и спаситель отечества „отосланъ былъ головою" къ ничтожному, но родовитому сопернику, подвергся унизительному обряду, былъ проведенъ съ торжественнымъ позоромъ пѣшкомъ подъ руки подъ конвоемъ отъ царскаго двора до крыльца соперника. Зато Татищева, бившаго челомъ на того же кн. Пожарскаго не въ свою мѣру, высѣкли кнутомъ и отослали къ князю головою. Разстройство мѣстничества, начавшееся столкновеніемъ породы съ заслугой, продолжалось отрицаніемъ самой породы, какъ основы мѣстничества. Заслуга, выслуженный высокій чинъ не давалъ знатности. Основное правило мѣстничества — за службу государь жалуетъ деньгами и помѣстьями, а не отечествомъ. Когда мѣстническое сутяжничество разгорѣлось и рѣдкое должностное назначеніе обходилось безъ спора и ослушанія, правительство придумало способъ устранить вредъ, отсюда происходившій для службы: на должности, дотолѣ замѣщаемыя людьми родословными, стали назначать неродословныхъ, между которыми счета мѣстами не полагалось. Но неродословные, попавъ на родословныя должности, тотчасъ воображали себя пожалованными въ родословные и мѣстничались между собою не хуже родословной знати, даже принимались мѣстничаться съ настоящими родословными людьми. За это ихъ лишали чиновъ, сажали въ тюрьму, сѣкли кнутомъ; но они не унимались,

и разъ, выведенные нескончаемымъ и досаднымъ разбирательствомъ такихъ бездѣльныхъ споровъ, думный дьякъ и бояринъ среди самаго засѣданія Боярской думы собственноручно отколотили палками неугомоннаго худороднаго спорщика, приговаривая: „не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру“. Но это кляузничество худородныхъ было вызвано обстоятельствами времени. Смута произвела большую переборку служилыхъ фамилій, подняла однѣ, понизила другія. Служебный чинъ самъ по себѣ мало значилъ въ мѣстничествѣ, не давалъ родовитости; но родовитаго человѣка обыкновенно возводили въ высокій чинъ, служившій показателемъ его родовитости. Малые люди, дослуживавшіеся въ Смуту до большихъ чиновъ, пытались превратить признакъ родовитости въ ея источникъ и стали усвоять мысль, что государь, жалуя худородному большой чинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему и знатность. Эта мысль, отрицавшая самое основаніе мѣстничества, принадлежала къ новымъ политическимъ понятіямъ, возникшимъ въ Смуту, и была тогда отчетливо выражена однимъ захудалымъ служакой, сказавшимъ въ спорѣ о мѣстахъ своему родовитому сопернику: *великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ*. Эта же мысль повела къ отмѣнѣ мѣстничества въ 1682 г., потомъ легла въ основу петровской табели о рангахъ 1722 г. и всего болѣе содѣйствовала поглощенію старой боярской аристократіи чиновной дворянской бюрократіей.

Царь и боярство. Новыя политическія понятія, зародившіяся въ умахъ въ продолженіе Смуты, оказали прямое и замѣтное дѣйствіе на государственный порядокъ при новой династіи, именно на постановку верховной власти въ ходѣ высшаго управленія. Впрочемъ перемѣна, здѣсь происшедшая, была только продолженіемъ или осуществленіемъ стремленій,

заявленныхъ въ Смутное время. Я ужъ не разъ повторялъ, что взаимныя отношенія государя и цѣлаго боярскаго класса устанавливались практикой, обычаемъ, а не закономъ, зависѣли отъ случая или произвола, что между московскимъ государемъ-хозяиномъ и боярами-слугами въ хозяйскомъ домѣ могла быть рѣчь объ условіяхъ службы, но не о порядкѣ домоправленія. По пресѣченіи династіи эти дворовыя отношенія неизбѣжно переносились на политическую основу: для избраннаго царя изъ своихъ или чужихъ государство не могло оставаться вотчиной, да и бояре-прикащики хотѣли стать участниками управленія. Уже во время Смуты боярство и высшее дворянство нѣсколько разъ пытались установить государственный порядокъ, основанный на письменномъ договорѣ съ царемъ, т.-е. на формальномъ ограниченіи верховной власти. Такія попытки мы видѣли уже при воцареніи В. Шуйскаго и въ договорѣ Салтыкова 4 февраля 1610 г. Эти попытки — слѣдствіе перерыва московскаго политическаго преданія, какой произведенъ былъ пресѣченіемъ старой династіи. Боярство и теперь, по прекращеніи Смуты, не хотѣло отказаться отъ своего стремленія. Напротивъ, при политическомъ возбужденіи, какое вынесло боярство изъ временъ Грознаго и Годунова, это стремленіе разгорѣлось до жгучей потребности. Митрополитъ Филаретъ, отецъ Михаила, узнавъ о созывѣ избирательнаго собора въ Москвѣ, писалъ туда изъ польскаго плѣна, что возстановить власть прежнихъ царей значитъ подвергнуть отечество опасности окончательной гибели и онъ скорѣе готовъ умереть въ польской тюрьмѣ, чѣмъ на свободѣ быть свидѣтелемъ такого несчастія. Онъ и не подозрѣвалъ, что по возвращеніи въ отечество, гдѣ онъ сталъ потомъ подлѣ сына со властью и титуломъ государя, ему самому придется считаться со своимъ

конституціоннымъ порывомъ. При воцареніи Михаила случилось что-то, отвѣчавшее этому порыву. Эта новая попытка, потомъ какъ-то свѣянная временемъ въ московскихъ умахъ и съ государственнаго порядка, вскрывается свидѣтельствами, идущими съ разныхъ сторонъ. Объ немъ говоритъ одинъ современникъ-псковитянинъ, написавшій недурную повѣсть о Смутномъ времени и о воцареніи Михаила. Повѣствователь съ негодованіемъ разсказываетъ, какъ по избраніи Михаила бояре хозяйничали въ Русской землѣ, царя ни во что не ставили и не боялись его. Онъ прибавляетъ, что при вступленіи Михаила на престолъ бояре заставили его поцѣловать крестъ на томъ, чтобы никого изъ ихъ вельможныхъ и боярскихъ родовъ не казнить ни за какое преступленіе, а только ссылать въ заточеніе. Опредѣленнѣе передаетъ дѣло человѣкъ слѣдующаго поколѣнія, подьячій Посольскаго приказа Григорій Котошихинъ. Онъ бѣжалъ изъ Россіи въ 1664 г. и за границей, въ Швеціи, составилъ описаніе Московскаго государства. Покинувъ Москву 19 лѣтъ спустя по воцареніи второго государя новой династіи, онъ могъ по личнымъ воспоминаніямъ или по свѣжему преданію помнить все время Михаила. Въ своемъ описаніи онъ ставитъ этого царя въ одинъ рядъ съ государями, которые по пресѣченіи старой династіи вступали на престолъ не по праву наслѣдства, а по народному избранію. По его представленію, всѣ эти выборные цари вступали на престолъ съ ограниченной властью. Обязательства, какія они на себя принимали, на какихъ „были иманы съ нихъ письма", по его словамъ, состояли въ томъ, чтобы „имъ быть нежестокимъ и непальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что и мыслить о всякихъ дѣлахъ съ боярами и думными людьми сопча, а безъ ихъ вѣдома тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать".

О царѣ Михаилѣ Котошихинъ прибавляетъ, что хотя онъ и писался самодержцемъ, но безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего. То же подтверждаетъ и извѣстіе, идущее изъ XVIII в. Тогдашній русскій историкъ Татищевъ, пользовавшійся историческими документами, теперь неизвѣстными, по поводу дѣла верховниковъ въ 1730 г. составилъ небольшую историко-политическую записку, въ которой свидѣтельствуетъ о царѣ Михаилѣ, что хотя его избраніе на престолъ и было „порядочно всенародное", т.-е. правильно соборное, однако съ такою же записью, какая взята была съ царя В. Шуйскаго, черезъ что царь Михаилъ ничего не могъ сдѣлать, но радъ былъ покою, т.-е. предоставилъ все управленіе боярамъ. Но въ другомъ сочиненіи тотъ же Татищевъ рѣшительно сомнѣвается въ такой записи, когда разбираетъ извѣстіе о ней Страленберга, шведа, жившаго въ Россіи при Петрѣ I, говоря, что не знаетъ ни письменныхъ, ни устныхъ о томъ свидѣтельствъ. Въ описаніи Россіи, изданномъ въ 1730 г., Страленбергъ пользовался воспоминаніями и разсказами о XVII в., еще свѣжо хранившимися въ русскомъ обществѣ. Отсюда онъ узналъ, что царь Михаилъ, вступая на престолъ, долженъ былъ дать такое письменное клятвенное обязательство: блюсти и охранять православную вѣру, забыть прежніе фамильные счеты и недружбы, по собственному усмотрѣнію не издавать новыхъ законовъ и не измѣнять старыхъ, не объявлять войны и не заключать мира, важныя судныя дѣла вершить по закону, установленнымъ порядкомъ, наконецъ, свои родовыя вотчины отдать родственникамъ либо присоединить къ короннымъ землямъ. Подкрестная запись Михаила неизвѣстна, и обязательствъ, имъ принятыхъ, въ тогдашнихъ оффиціальныхъ документахъ не замѣтно. Въ пространной *Утвержденной грамотѣ*, которой земскій соборъ

закрѣпилъ избраніе Михаила, и въ записи, по которой ему присягали, можно уловить три черты, очерчивающія власть новаго царя: 1) его избрали на царство, потому что онъ доводился племянникомъ послѣднему царю старой династіи Ѳедору; 2) соборъ присягалъ не только избранному имъ царю, но и его будущей царицѣ и ихъ будущимъ дѣтямъ, видя въ своемъ избранникѣ если не наслѣдственнаго, то потомственнаго государя; 3) служилые люди обѣтъ давали быть „безъ прекословія во всякихъ государевыхъ дѣлахъ", какъ кому государь на своей службѣ быть велитъ. Можетъ возникнуть сомнѣніе въ самомъ фактѣ ограниченія Михаиловой власти. Однако преданіе объ этомъ пошло отъ современниковъ Михаила и держалось долѣе столѣтія. Неясные намеки помогаютъ догадаться, въ чемъ было дѣло. Наиболѣе довѣрія внушаетъ псковская повѣсть, передающая дѣло въ томъ видѣ, когда носившіеся слухи еще не успѣли разростись въ сказаніе, въ политическую легенду. Въ первыя пять лѣтъ царствованія Михаила, до возвращенія его отца изъ польскаго плѣна, при дворѣ всѣмъ ворочала родня Романовыхъ, Салтыковы, Черкасскіе, Сицкіе, Лыковы, Шереметевы. Но были еще цѣлы большіе бояре Голицыны, Куракинъ, Воротынскій, навязавшіе крестоцѣловальную запись своему собрату царю Василію Шуйскому и потомъ съ Мстиславскимъ во главѣ признавшіе королевича Владислава. Они были не безопасны для стороны Романовыхъ, могли затѣять новую смуту, если бы съ ними не подѣлились добычей. Да и для сторонниковъ Михаила власть, случайно или нечисто добытая, была костью, изъ-за которой они при случаѣ готовы были перегрызться. Общимъ интересомъ обѣихъ сторонъ было оградить себя отъ повторенія испытанныхъ уже непріятностей, когда царь или временщикъ его именемъ расправлялся съ боярами, какъ

съ холопами. Такъ за кулисами земскаго собора состоялась негласная придворная сдѣлка, подобная той, какая была разбита Годуновымъ и удалась при Шуйскомъ. Эта сдѣлка прежде всего была направлена къ обезпеченію личной безопасности боярства отъ царскаго произвола. Ничего не стоило связать слабодушнаго Михаила подобными клятвенными обязательствами, особенно при содѣйствіи его матери, инокини Мароы, своенравной интриганки, державшей сына въ крѣпкихъ рукахъ. Трудно только рѣшить, была ли при этомъ взята съ Михаила присяжная запись: повѣсть умалчиваетъ о записи, говоря только о присягѣ. Первые годы Михаилова правленія оправдываютъ мысль о такой сдѣлкѣ. Тогда видѣли и разсказывали, какъ своевольничали въ странѣ правящіе люди, „гнушаясь" своимъ государемъ, вынужденнымъ смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія своихъ приближенныхъ. Можно понять и то, почему не была обнародована присяжная запись царя, если только она существовала. Со времени В. Шуйскаго въ выборномъ царѣ съ ограниченной властью видѣли партійнаго государя, орудіе боярской олигархіи. Теперь, передъ лицомъ земскаго собора, особенно неловко было выносить на свѣтъ подобный слишкомъ партійный актъ. Негласное ограниченіе власти, какое бы оно ни было, разумѣется, не помѣшало Михаилу удержать титулъ *самодержца* и даже впервые изобразить его на новой царской печати, имъ заказанной.

Боярская дума и земскій соборъ.

Высшимъ правительственнымъ органомъ втихомолку стакнувшагося правящаго круга служила Боярская дума. Но въ царствованіе Михаила эта дума не была единственнымъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ при царѣ: рядомъ съ нею часто является другой высшій правительственный органъ, земскій соборъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ измѣнился въ своемъ составѣ, сталъ настоя-

щимъ представительнымъ собраніемъ. Царствованіе Михаила было временемъ усиленной работы правительства совмѣстно съ земскимъ соборомъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не собирались такъ часто выборные отъ всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства. Едва не каждый важный вопросъ внѣшней и внутренней политики заставлялъ правительство обращаться къ содѣйствію земли. По документамъ извѣстно за время царствованія Михаила до 10 созывовъ земскаго собора. Что еще важнѣе, земскій соборъ въ это время является съ компетенціей болѣе широкой, какой онъ не имѣлъ прежде и какой ему не давалъ даже договоръ Салтыкова. Теперь земскій соборъ разсматриваетъ такія дѣла, которыя прежде вѣдала только Боярская дума, текущія дѣла государственнаго управленія, напримѣръ, вопросы о налогахъ, которые по договору Салтыкова рѣшалъ царь съ думой. Значитъ, соборъ прямо входилъ въ кругъ дѣлъ Боярской думы. Но къ царю съ первыхъ минутъ по его избраніи соборъ сталъ въ особое отношеніе. Какъ временное правительство, онъ съ боярами во главѣ до пріѣзда новоизбраннаго царя въ Москву распоряжается всѣмъ въ государствѣ. Однако не онъ предписываетъ условія своему избраннику, а наоборотъ. Въ переговорахъ со стороны царя, точнѣе — его руководителей, все настойчивѣе звучитъ повелительная нота: „учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣньемъ, выбрали насъ, государя, всѣмъ государствомъ, крестъ намъ цѣловали вы своею волею, обѣщались служить и прямить намъ и быть въ соединеніи, а теперь вездѣ грабежи и убійства, разные непорядки, о которыхъ намъ докучаютъ; такъ вы эти докуки отъ насъ отведите и все приведите въ порядокъ“. И это говорилось соборнымъ посламъ иногда „съ большимъ гнѣвомъ и слезами“. Сами просили меня

на царство, такъ давайте мнѣ средства царствовать, а лишними хлопотами меня не обременяйте: такой тонъ данъ былъ переговорамъ. Учредительное собраніе, какимъ былъ избирательный соборъ 1613 г., по отношенію къ царю какъ-то превратилось въ исполнительное, отвѣтственное передъ тѣмъ, кому оно дало власть. Соображая изложенныя извѣстія, можно утверждать согласно съ однимъ извѣстіемъ, что власть царя Михаила была стѣснена обязательствами, подобными тѣмъ, какія были наложены на власть царя В. Шуйскаго, т.-е. ограничена была Боярской думой. Но послѣ Смуты, когда нужно было возстановлять государственный порядокъ, дума на каждомъ шагу встрѣчала затрудненія, съ которыми не могла справиться сама, и волей-неволей должна была искать содѣйствія у земскаго собора. Прямое участіе въ правительственной дѣятельности, какое принимала земля въ Смуту, не могло прекратиться тотчасъ по ея окончаніи; царь, избранный народной волей, совѣтомъ всей земли, естественно, долженъ былъ и править при содѣйствіи народа, земскаго представительства. Если Боярская дума стѣсняла власть царя, то земскій соборъ, помогая думѣ, сдерживалъ ее самоё, служилъ ей противовѣсомъ. Итакъ, подъ дѣйствіемъ политическихъ понятій и потребностей, вызванныхъ Смутой, которыя не погасли и по ея прекращеніи, власть царя получила очень сложную и условную, сдѣлочную конструкцію. Она была двойственна, даже двусмысленна и по своему происхожденію, и по составу. Дѣйствительнымъ ея источникомъ было соборное избраніе; но она выступала подъ покровомъ политической фикціи наслѣдственнаго преемства по родству. Она была связана негласнымъ договоромъ съ высшимъ правительственнымъ классомъ, который правилъ черезъ Боярскую думу, но публично, передъ народомъ, въ оффиціальныхъ

7*

актахъ являлась самодержавной въ томъ неясномъ, скорѣе титулярномъ, чѣмъ юридическомъ смыслѣ, который не мѣшалъ даже В. Шуйскому въ торжественныхъ актахъ титуловаться самодержцемъ. Такимъ образомъ власть новаго царя составлялась изъ двухъ параллельныхъ двусмыслицъ: по происхожденію она была наслѣдственно-избирательной, по составу ограниченно-самодержавной.

Упрощеніе верховной власти.

Такая постановка верховной власти не могла быть окончательной и прочной: она могла держаться только пока не улеглись противорѣчивые интересы и отношенія, встревоженные и перепутанные Смутой. Такое положеніе и является случайнымъ эпизодомъ въ исторіи Московскаго государства. Постепенно верховная власть упрощалась, разнородные элементы въ ея содержаніи ассимилировались и поглощались одни другими. Политическія обязательства, принятыя царемъ Михаиломъ, сколько можно о томъ судить, дѣйствовали во все продолженіе его царствованія. Воротившійся изъ плѣна отецъ государевъ, возведенный въ санъ патріарха и второго государя, твердою рукою взялся за кормило правленія и не всегда смотрѣлъ на боярскія лица; но управленіе до конца жизни Филарета велось совмѣстными силами обоихъ государей, при участіи Боярской думы и земскаго собора. Это двоевластіе было сдѣлкой семейныхъ понятій и политическихъ соображеній: родителю неловко было стать просто подданнымъ своего сына, а сынъ нуждался въ постоянномъ регентствѣ, которое всего естественнѣе было поручить отцу съ титуломъ второго государя. Съ идеей нераздѣльности верховной власти помирились съ помощью діалектики. Въ одномъ мѣстническомъ случаѣ вопросъ, который изъ государей больше или меньше другого, рѣшенъ былъ такъ: „каковъ онъ, государь, таковъ же и отецъ его государевъ; ихъ государское вели-

чество нераздѣльно". Царь Михаилъ не оставилъ и не могъ оставить завѣщанія, и понятно почему. Государство при новой династіи перестало быть вотчиной государя, и прежній юридическій способъ передачи власти, завѣщаніе, утратилъ силу. Но закона о престолонаслѣдіи не было; потому царь Алексѣй, какъ и его отецъ, вступилъ на престолъ путемъ, непохожимъ на тотъ, какимъ шли къ нему цари прежней династіи. Онъ принималъ власть, такъ сказать, по двумъ юридическимъ титуламъ, по наслѣдству безъ завѣщанія и по соборному избранію. Въ 1613 г. земля присягала Михаилу и его будущимъ дѣтямъ. Царь Алексѣй вступалъ на престолъ какъ преемникъ своего отца, и современники называли его „природнымъ", т.-е. наслѣдственнымъ царемъ. Но земскій соборъ уже три раза былъ призываемъ для избранія царей (Ѳедора, Бориса, Михаила). Соборное избраніе, какъ замѣна завѣщанія, стало признаннымъ прецедентомъ. Теперь въ четвертый разъ обратились къ тому же средству, чтобы случай превратить въ правило, въ порядокъ; соборнымъ избраніемъ только подтверждалось наслѣдованіе по закону, установленное клятвеннымъ соборнымъ приговоромъ 1613 г. Современники свидѣтельствуютъ, что по смерти Михаила собрался форменный земскій соборъ, который выбралъ на престолъ 16-лѣтняго сына Михаилова и присягнулъ ему. Иностранецъ, голштинскій посолъ Олеарій въ своемъ описаніи Московскаго государства пишетъ, что царь Алексѣй вступилъ на престолъ по единодушному согласію всѣхъ бояръ, знатныхъ господъ и всего народа. О созывѣ собора для избранія царя Алексѣя ясно говоритъ и упомянутый московскій подьячій Котошихинъ. Онъ пишетъ, что по смерти Михаила „обрали" на царство его сына духовенство, бояре, дворяне и дѣти боярскіе, гости и торговые и всякихъ чиновъ люди и *чернь*, вѣроятно,

столичное простонародье, огульно опрошенное о царѣ на площади, какъ въ 1613 г. Но обязательства, принятыя на себя Михаиломъ, не были повторены его сыномъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Котошихинъ замѣчаетъ: „а нынѣшняго царя обрали на царство, а письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому пишется *самодержцемъ* и государство свое правитъ по своей волѣ“. Но земскій соборъ не ограничивалъ верховной власти, и письма могли спрашивать съ Алексѣя только бояре. Значитъ, повтореніе закулисной сдѣлки и въ 1645 г. считалось возможнымъ, но было признано ненужнымъ. Царь Алексѣй оправдалъ довѣрчивость бояръ, не хотѣвшихъ связывать его при воцареніи никакими обязательствами. Онъ не напрягалъ своего полновластія, жилъ въ большомъ ладу съ этимъ классомъ, а въ новомъ боярскомъ поколѣніи, съ которымъ пришлось дѣйствовать Алексѣю, уже вывѣтрились политическія тенденціи Смутнаго времени, внушившія сдѣлку 1613 г. Въ то время какъ незамѣтно исчезали слѣды политическихъ обязательствъ, подъ гнетомъ которыхъ начала дѣйствовать новая династія, царь Алексѣй сдѣлалъ попытку и соборное избраніе превратить въ простой символическій обрядъ. Года за полтора до своей смерти, 1 сентября 1674 г. царь торжественно *объявилъ народу* старшаго царевича, какъ наслѣдника престола, на Красной площади въ Москвѣ въ присутствіи высшаго духовенства, думныхъ людей и иноземныхъ резидентовъ, находившихся тогда въ Москвѣ. Это торжественное объявленіе наслѣдника народу было формой, въ которой царь передавалъ власть сыну послѣ своей смерти, и единственнымъ актомъ, придававшимъ законный видъ воцаренію Ѳедора, на котораго, какъ на Михаилова внука не простирался соборный при-

говоръ 1613 г. Но такой явочный способъ передачи власти въ присутствіи народа съ его молчаливаго согласія не упрочился. По смерти Алексѣева сына царя Ѳедора, не оставившаго прямого наслѣдника, повторилось активное избраніе, вынужденное обстоятельствами, но въ упрощенной, точнѣе, искаженной формѣ. Въ апрѣлѣ 1682 г., какъ только закрылъ глаза Ѳедоръ, патріархъ, архіереи и бояре, пришедшіе проститься съ покойнымъ царемъ, собрались въ одной дворцовой палатѣ и стали думать, которому изъ двухъ оставшихся сыновей царя Алексѣя быть царемъ. Приговорили, что этотъ вопросъ должны рѣшить всѣхъ чиновъ люди Московскаго государства. Тотчасъ съ дворцоваго крыльца патріархъ съ архіереями и боярами велѣлъ собраться всѣхъ чиновъ людямъ на дворцовомъ дворѣ и тутъ же съ крыльца обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой предложилъ тотъ же вопросъ. Не совсѣмъ, впрочемъ, со значительнымъ перевѣсомъ голосовъ, былъ провозглашенъ младшій десятилѣтній царевичъ Петръ мимо слабоумнаго старшаго Ивана. Съ тѣмъ же вопросомъ патріархъ обратился къ высшему духовенству и къ боярству, стоявшимъ тутъ же на крыльцѣ, и тѣ высказались за Петра же. Послѣ того патріархъ пошелъ и благословилъ Петра на царство. Ввожу васъ въ эти подробности, чтобы показать, какъ просто дѣлалось тогда такое важное дѣло въ Москвѣ. Очевидно, на этомъ обыденномъ собраніи не было ни выборныхъ людей, ни соборныхъ совѣщаній. Вопросъ рѣшила разночиновная толпа, оказавшаяся въ Кремлѣ по случаю смерти царя. Очевидно также, что люди, рѣшавшіе судьбу государства въ эту минуту съ патріархомъ во главѣ, не имѣли никакого понятія ни о правѣ, ни о соборѣ, ни о самомъ государствѣ, или нашли такія понятія излишними въ данномъ случаѣ. Но стрѣльцы, поднятые партіей ца-

ревны Софьи, отвѣчая на образъ дѣйствій высшихъ властей, послѣ бунта 15 мая 1682 г. заставили наспѣхъ устроить такую же пародію собора, который и выбралъ на престолъ обоихъ царевичей. Въ актѣ этого вторичнаго, революціоннаго выбора также читаемъ, что *всѣ* чины государства били челомъ, чтобы „для всенароднаго умиренія оба брата учинились на престолѣ царями и самодержавствовали обще".

Боярская попытка 1681 г.

Мы прослѣдили, какъ измѣнялась постановка верховной власти въ три первыя царствованія новой династіи и къ чему привели эти измѣненія по смерти третьяго царя. Вѣкъ, начавшійся усиленными заботами правящихъ классовъ о созданіи основныхъ законовъ, о конституціонномъ устройствѣ высшаго управленія, завершился тѣмъ, что страна осталась безъ всякихъ основныхъ законовъ, безъ упорядоченнаго высшаго управленія и даже безъ закона о преемствѣ престола. Не имѣя силъ создать такой законъ, изворачивались придворной интригой, символической явкой, подделкой земскаго собора и, наконецъ, военнымъ бунтомъ. Однако бояре не покинули своего политическаго преданія. Въ концѣ 1681 г., когда возбужденъ былъ вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества, т.-е. о разрушеніи одной изъ основъ политическаго значенія боярства, оно втихомолку сдѣлало еще попытку спасти свое положеніе. Видя крушеніе своихъ давнихъ надеждъ на господство въ государственномъ центрѣ, оно попыталось упрочиться въ провинціи. Составленъ былъ планъ раздѣла государства на крупныя историческія области, вошедшія въ его составъ и бывшія нѣкогда самостоятельными государствами. Въ эти области изъ наличныхъ представителей московской знати назначались *вѣчные*, несмѣняемые пожизненные намѣстники. Такъ явились бы полномочные мѣстные правители, „бояринъ и намѣстникъ князь" царства Казанскаго или царства Сибирскаго и т. д. Царь

Θедоръ далъ уже согласіе на этотъ планъ аристократической децентрализаціи управленія; но патріархъ, на благословеніе котораго препровожденъ былъ проектъ, разрушилъ его, указавъ на опасности, какими онъ угрожаетъ государству.

Перемѣна въ составѣ и значеніи земскихъ соборовъ — одно изъ важнѣйшихъ слѣдствій Смутнаго времени. На соборы XVI в. призывались должностныя лица, органы центральнаго и мѣстнаго управленія. Но уже на соборахъ 1598 и 1605 гг. замѣтно присутствіе выборныхъ и отъ „простыхъ" людей. Смута создала условія, которыя дали выборному элементу рѣшительное численное преобладаніе надъ должностнымъ и тѣмъ сообщили земскому собору характеръ настоящаго представительнаго собранія. Обстоятельства заставляли тогда общество принимать прямое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и само правительство вовлекало его въ это участіе, обращаясь къ народу съ воззваніями и увѣщаніями о содѣйствіи и крѣпкомъ стояніи за православную вѣру. Всему народу торжественно читали въ соборномъ храмѣ памфлеты на текущія событія съ примѣсью чудеснаго. Слова, малознакомыя прежде, *совѣтъ всей земли, общій земскій совѣтъ, всенародное собраніе,* крѣпкая дума *міромъ,* стали ходячимъ выраженіемъ новыхъ понятій, овладѣвшихъ умами. Изъ этихъ понятій всего глубже врѣзывалась въ общественное сознаніе мысль объ избраніи государя „совѣтомъ всей земли". Расширяясь, эта мысль захватила всѣ земскія дѣла; о всякомъ земскомъ дѣлѣ считали необходимымъ учинить „крѣпкій общій совѣтъ", и для того города устраивали съѣзды, выбирая изъ своей среды „лучшихъ людей" отъ всякихъ чиновъ. Когда земля стала раздираться между царями-соперниками Василіемъ и Лжедимитріемъ II, пробудилась мысль о единствѣ и цѣ-

Земскіе соборы XVII в

лости государства, вспомнили о бѣдствіяхъ удѣльныхъ вѣковъ. Безъ выборныхъ представителей всѣхъ чиновъ не рѣшались дѣлать никакого важнаго шага. Посольство митрополита Филарета и кн. В. В. Голицына къ Сигизмунду въ 1610 г. сопровождала свита, въ которой числилось свыше 1000 человѣкъ выборныхъ изъ разныхъ чиновъ. Идя къ Москвѣ, кн. Пожарскій грамотами по городамъ также вызывалъ въ свой станъ выборныхъ изъ всякихъ чиновъ. Хотѣли, чтобы при каждомъ актѣ государственной важности присутствовала, по возможности, вся земля въ лицѣ своихъ представителей и этимъ присутствіемъ засвидѣтельствовала, что дѣло велось открыто и прямо, а не келейнымъ, застѣночнымъ заговоромъ противъ народа, какъ дѣйствовали Малюта Скуратовъ, Б. Годуновъ и самъ В. Шуйскій. Въ такомъ образѣ дѣйствій теперь видѣли корень бѣдъ, постигшихъ Русскую землю. Значитъ, выборный составъ земскаго собора схематически выработался въ общественномъ сознаніи пробными опытами еще до созыва избирательнаго собора 1613 г., который можно признать первымъ достовѣрнымъ опытомъ дѣйствительнаго народнаго представительства. Очистивъ Москву, бояре и воеводы второго ополченія призывали для земскаго совѣта и государскаго избранія выборныхъ лучшихъ людей, „крѣпкихъ и разумныхъ", изъ всѣхъ чиновъ, не исключая посадскихъ и уѣздныхъ людей, торгово-промышленныхъ обывателей провинціальныхъ городовъ и крестьянъ: представителей этихъ обоихъ классовъ не видимъ на земскихъ соборахъ XVI в. Вожди ополченія хотѣли въ точности осуществить клиномъ вбитую Смутой въ умы идею всенароднаго, „вселенскаго" или „всемірнаго совѣта", по выраженію актовъ того времени. Вмѣстѣ съ составомъ измѣнилось и значеніе собора. Въ XVI в. правительство созывало должностной соборъ, чтобы найти въ немъ

отвѣтственныхъ исполнителей соборнаго приговора или царскаго указа. Вожди второго ополченія писали въ окружной грамотѣ по городамъ, что безъ государя государство ничѣмъ не строится. Мы уже видѣли, что избирательный соборъ 1613 г., исполнивъ свое учредительное дѣло, выборъ царя, тотчасъ превратился въ распорядительную коммиссію, которая по указаніямъ и требованіямъ новоизбраннаго царя принимала предварительныя мѣры къ устроенію земли, пока не сформировалось постоянное правительство. Какъ скоро оно образовалось, собору указано было иное назначеніе. Въ 1619 г. было постановлено для устроенія земли вызвать въ Москву изъ всѣхъ чиновъ всякаго города выборныхъ, „добрыхъ и разумныхъ людей", которые умѣли бы разсказать обиды, насильства и разоренія, ими вынесенныя: выслушавъ отъ нихъ челобитье объ ихъ нуждахъ, тѣснотахъ, разореньи и обо всякихъ недостаткахъ, царь по совѣту съ отцомъ своимъ патріархомъ будетъ промышлять о государствѣ, „чтобы во всемъ поправить, какъ лучше". Такимъ образомъ выборнымъ людямъ предоставлялось возбужденіе законодательныхъ мѣръ въ формѣ ходатайствъ, а верховное управленіе удерживало за собою право рѣшать возбужденные вопросы. Земскій соборъ изъ носителя народной воли превращался въ выразителя народныхъ жалобъ и желаній, а это, разумѣется, не одно и то же. При дальнѣйшемъ изученіи явленій XVII в. мы будемъ имѣть случай видѣть, какъ на основѣ изложенныхъ двухъ перемѣнъ опредѣлились устройство, дѣятельность и судьба земскихъ соборовъ.

Всѣ изложенныя слѣдствія Смуты, и новыя политическія понятія съ новымъ освѣженнымъ составомъ правительственнаго класса, и новая постановка верховной власти съ новымъ характеромъ земскаго собора, повидимому, обѣщали Разореніе.

плодотворное развитіе государства и общества и давали новой династіи обильный запасъ средствъ дѣйствія, духовныхъ и политическихъ, какихъ не имѣла старая династія. Но крутые переломы въ умахъ и порядкахъ всегда несутъ съ собой одну опасность: сумѣютъ ли люди воспользоваться ими, какъ слѣдуетъ, не создадутъ ли изъ новыхъ средствъ новыхъ для себя затрудненій? Слѣдствія Смуты обнаруживали произведенный насильственный перерывъ стараго политическаго преданія, разрушеніе государственнаго обычая, а люди, даже овладѣвшіе значительнымъ запасомъ соотвѣтствующихъ перелому понятій, ступаютъ шатко, пока эти понятія, оторвавшія ихъ отъ стараго обычая, сами не переработаются въ твердые навыки. Изъ того, какъ перевернулась къ концу XVII в. постановка верховной власти, можно видѣть, что эта опасность сильно грозила Московскому государству. Опасность усиливалась еще другимъ рядомъ слѣдствій Смуты, совсѣмъ неблагопріятныхъ. Бури Смутнаго времени произвели глубокія опустошенія какъ въ хозяйственномъ положеніи народа, такъ и въ нравственномъ настроеніи русскаго общества. Страна была крайне разорена. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Московію вскорѣ по воцареніи Михаила, рисуютъ намъ страшную картину опустѣлыхъ или сожженныхъ селъ и деревень съ заброшенными избами, которыя были наполнены еще не убранными трупами (1615 г.). Смрадъ вынуждалъ зимнихъ путниковъ ночевать на морозѣ. Люди, уцѣлѣвшіе отъ Смуты, разбѣжались, кто куда могъ; весь гражданскій порядокъ разстроился, всѣ людскія отношенія перепутались. Нужно было много продолжительныхъ усилій, чтобы возстановить порядокъ, собрать разбѣжавшихся людей, усадить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, втолкнуть ихъ въ житейскій обиходъ, изъ котораго ихъ вырвала смута. Отъ времени царя Ми-

хаила сохранилось не мало поуѣздныхъ списковъ служилыхъ людей, *десятенъ*, и поземельныхъ описей, *писцовыхъ книгъ*, изображающихъ хозяйственное положеніе служилаго землевладѣльческаго и крестьянскаго населенія. Онѣ ярко рисуютъ экономическое разстройство Московскаго государства и народа въ первое царствованіе новой династіи. Прежде всего можно замѣтить перемѣну въ составѣ сельскаго крестьянскаго населенія, служившаго главнымъ источникомъ государственнаго дохода. По писцовымъ книгамъ XVI в., крестьянство распадалось по имущественной состоятельности на два класса: на крестьянъ собственно и на бобылей. Бобыли — тѣ же крестьяне, только маломочные, пахавшіе участки меньшихъ размѣровъ сравнительно съ крестьянскими или совсѣмъ безпашенные, владѣвшіе только усадьбами. Въ XVI в. крестьянство рѣшительно преобладало численностью надъ бобыльствомъ; по писцовымъ книгамъ Михаилова времени послѣ Смуты устанавливается иное, по мѣстамъ даже обратное отношеніе бобыльства къ крестьянству: первое уравнивается съ послѣднимъ или даже получаетъ надъ нимъ большой численный перевѣсъ. Такъ въ уѣздахъ Бѣлевскомъ, Мценскомъ и Елецкомъ на земляхъ уѣздныхъ служилыхъ людей въ 1622 г. находимъ 1187 крестьянъ и 2563 бобыля. Значитъ, смута заставила огромное количество крестьянъ бросить пашню или сократить ее. Такой ростъ бобыльства служилъ признакомъ расширенія пустоты, заброшенной пашни, и нельзя считать исключительнымъ случаемъ указаніе поземельной описи того времени на одинъ станъ Рязанскаго уѣзда, гдѣ въ 1616 г. въ помѣстьяхъ числилось пустоты въ 22 раза больше пашни. У келаря А. Палицына, хорошаго монастырскаго хозяина и хорошо освѣдомленнаго о хозяйственномъ положеніи отечества, находимъ любопытное подтвержденіе такого за-

пустѣнія. Онъ пишетъ, что во время трехлѣтняго неурожая при царѣ Борисѣ у многихъ въ житницахъ сберегались огромные запасы давно засыпаннаго хлѣба, гумна были переполнены одоньями и копнами и этими старыми запасами кормились свои и чужіе въ продолженіе 14 смутныхъ лѣтъ, когда „ораніе и сѣятва и жатва мятяшеся, мечу бо на выи у всѣхъ всегда належащу“. Это извѣстіе свидѣтельствуетъ и о развитіи хлѣбопашества до Смуты, и о недостаткѣ хлѣбнаго сбыта, и о паденіи земледѣлія въ Смуту. Разстройство сельскаго хозяйства, сопровождавшееся такой перемѣной въ хозяйственномъ составѣ сельскаго населенія, должно было тяжело отозваться на частномъ землевладѣніи, преимущественно на хозяйственномъ положеніи провинціальнаго дворянства. Приведу не для памяти, а для справки нѣсколько данныхъ по разнымъ наудачу взятымъ уѣздамъ изъ десятенъ 1622 г., когда слѣды разоренія уже заметались. Боевая годность служилаго класса зависѣла отъ доходности его имѣній, отъ количества и состоятельности крестьянъ, населявшихъ его вотчины и помѣстья. У немногихъ уѣздныхъ дворянъ были вотчины; огромное большинство жило доходами съ помѣстій. Такъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ вотчины составляли $^1/_4$ всего уѣзднаго дворянскаго землевладѣнія, въ Тульскомъ немного болѣе $^1/_5$, въ Мценскомъ $^1/_{17}$, въ Елецкомъ $^1/_{157}$, въ Тверскомъ даже у *выбора,* наиболѣе состоятельнаго слоя провинціальнаго дворянства, $^1/_4$. Помѣстья уѣздныхъ дворянъ были вообще очень мелки и населены крайне скудно: среднее помѣстье въ Тульскомъ уѣздѣ заключало въ себѣ 135 десятинъ пахотной земли, въ Елецкомъ — 124 дес., въ Бѣлевскомъ — 150 дес., въ Мценскомъ — 68 дес. Тяглыхъ хлѣбопашцевъ, крестьянъ и бобылей, въ этихъ четырехъ уѣздахъ приходилось по 2 человѣка на 120 дес. помѣстной земли, т.-е. по 60 дес. на каждаго

работника. Но не думайте, что вся эта пахотная земля дѣйствительно обрабатывалась и именно крестьянами и бобылями: вспахивалась незначительная ея доля, да и то не вся ими. Въ Тверскомъ уѣздѣ у зажиточнаго выборнаго дворяниил изъ 900 десятинъ вотчинной и помѣстной земли обрабатывалось всего 95 дес.; изъ нихъ 20 дес. землевладѣлецъ пахалъ на себя своими дворовыми людьми; остальными 75 десятинами пользовались 28 крестьянъ и бобылей домохозяевъ, жившихъ въ 19 дворахъ, такъ что на каждый дворъ круглымъ числомъ приходилось по 4,6 дес. Крестьянская запашка бо́льшихъ размѣровъ была довольно рѣдкимъ явленіемъ. Притомъ въ Елецкомъ и другихъ названныхъ южныхъ уѣздахъ было много дворянъ совсѣмъ безземельныхъ, однодворцевъ, имѣвшихъ только усадьбы, безъ крестьянъ и бобылей, и „пустопомѣстныхъ", у которыхъ не было и усадебъ: такъ въ Елецкомъ уѣздѣ изъ 878 дворянъ и дѣтей боярскихъ значилось 133 безземельныхъ и 296 однодворцевъ и пустопомѣстныхъ. Нѣкоторые дворяне бросали свои вотчины и помѣстья, поступали въ казаки или шли въ боярскіе дворы кабальными холопами и въ монастыри служками или же, по замѣчанію десятни, валялись по кабакамъ. Чѣмъ ниже падало служилое землевладѣніе, тѣмъ болѣе усиливалась необходимость возвышать служилымъ людямъ оклады денежнаго жалованья, чтобы поднимать ихъ на ноги для службы. Возвышеніе денежныхъ окладовъ вело къ увеличенію поземельныхъ налоговъ, падавшихъ на крестьянъ, а такъ какъ эти налоги разверстывались по пространству пашни, то крестьянинъ, не будучи въ состояніи выносить все возраставшей налоговой тяжести, сокращалъ свою запашку, чтобы платить меньше. Такъ казна попадала въ безысходный кругъ.

Настроеніе общества.

Наконецъ, внутреннія затрудненія правительства усиливались еще глубокой перемѣной въ настроеніи народа. Новой династіи приходилось имѣть дѣло съ инымъ обществомъ, далеко не похожимъ на то, какимъ правили прежніе цари. Тревоги Смутнаго времени разрушительно подѣйствовали на политическую выправку этого общества: съ воцаренія новой династіи въ продолженіе всего XVII вѣка всѣ общественныя состоянія немолчно жалуются на свои бѣдствія, на свое обѣднѣніе, разореніе, на злоупотребленія властей, жалуются на то, отчего страдали и прежде, но о чемъ прежде терпѣливо молчали. Недовольство становится и до конца вѣка остается господствующей нотой въ настроеніи народныхъ массъ. Изъ бурь Смутнаго времени народъ вышелъ гораздо впечатлительнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ былъ прежде, утратилъ ту политическую выносливость, какой удивлялись въ немъ иноземные наблюдатели XVII в., былъ уже далеко не прежнимъ безропотнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Эта перемѣна выразилась въ явленіи, какого мы не замѣчали прежде въ жизни Московскаго государства: XVII вѣкъ былъ въ нашей исторіи временемъ народныхъ мятежей. Это явленіе тѣмъ неожиданнѣе, что обнаруживается при царяхъ, которые своими личными качествами и образомъ дѣйствій, повидимому, всего менѣе его оправдывали.

Лекція XLV.

Внѣшнее положеніе Московскаго государства послѣ Смуты. — Задачи внѣшней политики при новой династіи. — Западная Русь со времени соединенія Литвы съ Польшей. — Перемѣны въ управленіи и въ сословныхъ отношеніяхъ. — Города и магдебургское право. — Люблинская унія. — Ея слѣдствія. Заселеніе степной Украйны. — Происхожденіе козачества. — Малороссійское козачество. — Запорожье.

Я изложилъ слѣдствія Смуты, обнаружившіяся во внутренней жизни государства и общества. Обратимся къ другому ряду явленій, шедшихъ изъ того же источника, къ внѣшнимъ отношеніямъ государства, установившимся послѣ Смуты.

Задачи внѣшней политики.

Внѣшнее международное положеніе государства существенно измѣнилось подъ дѣйствіемъ Смуты, стало несравненно тяжелѣе прежняго. Старая династія въ продолженіе полутора вѣка неуклонно вела внѣшнюю политику въ одномъ направленіи, дѣйствовала наступательно, медленно, но постоянно расширяла территорію своего государства, собирая разсыпанныя части Русской земли. Какъ только стало завершаться политическое объединеніе Великороссіи, тотчасъ выяснились дальнѣйшія задачи внѣшней политики. Великій князь Иванъ III, подбирая послѣдніе самостоятельные русскіе міры, въ то же время заявилъ въ борьбѣ съ Польшей, что объединенная Великороссія не положитъ оружія, пока не воротитъ всѣхъ остальныхъ частей Русской земли, оторванныхъ сосѣдями, пока не соберетъ всей народности.

Внукъ его, царь Иванъ, стремился распространить территорію русскаго государства до естественныхъ географическихъ границъ русской равнины, занятыхъ враждебными иноплеменниками. Такъ были поставлены на очередь двѣ задачи внѣшней политики: *завершеніе политическаго объединенія русской народности и расширеніе государственной территоріи до предѣловъ русской равнины*. Старая династія не разрѣшила ни той, ни другой задачи, ни національной, ни территоріальной; однако были достигнуты значительные успѣхи на этомъ пути. Дѣдъ и отецъ Грознаго воротили земли Смоленскую и Сѣверскую, пробившись такимъ образомъ до Днѣпра. Самъ Грозный сперва обратился въ другую сторону, овладѣлъ среднимъ и нижнимъ Поволжьемъ, расширивъ восточныя границы государства до Урала и Каспія. Менѣе удачно было его дальнѣйшее движеніе на западъ. Съ этой стороны онъ хотѣлъ пріобрѣсти Ливонію, продвинуть границы государства до Балтійскаго моря, т.-е. до восточнаго его берега, какъ естественнаго рубежа равнины. Но ему не удалось овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины, и въ борьбѣ съ Баторіемъ онъ даже потерялъ старинные русскіе города по Финскому заливу и Ладожскому озеру, Яму (Ямбургъ), Копорье, Корелу (Кексгольмъ) и Ивань-городъ. Его сынъ, царь Ѳедоръ, послѣ новой войны со шведами (1590—1595 гг.) воротилъ потери отца и удержался на побережьи Финскаго залива, старинной Вотьской пятины В. Новгорода, къ которой принадлежали эти города. Смутное время снова отбросило Московское государство съ западныхъ позицій, занятыхъ имъ въ XVI в. Поляки, оторвавъ у него области Смоленскую и Сѣверскую, отрѣзали Москву отъ Днѣпра, а шведы сбили ее съ береговъ Балтійскаго моря. Первый царь новой династіи вынужденъ былъ уступить Швеціи по договору

въ Столбовѣ (1517 г.) названные города и еще Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), а Польшѣ по договору въ Деулинѣ (1618 г.) земли Смоленскую и Сѣверскую. Москва опять принуждена была отступить далеко отъ завѣтныхъ западныхъ рубежей. Новая династія дурно начинала: она не только отказалась отъ національнаго дѣла старой династіи, но и растеряла многое изъ того, что̀ отъ нея унаслѣдовала. Внѣшнее положеніе государства ухудшалось еще пренебреженіемъ, съ какимъ стали относиться къ нему сосѣди со времени Смуты. Московскіе бояре въ 1612 г. писали въ окружной грамотѣ по городамъ: „со всѣхъ сторонъ Московское государство непріятели рвутъ; у всѣхъ окрестныхъ государей мы въ позоръ и въ укоризну стали“. Новая династія должна была еще болѣе прежней напрягать народныя силы, чтобы возвратить потерянное: это былъ ея національный долгъ и условіе ея прочности на престолѣ. Съ перваго царствованія она и ведетъ рядъ войнъ, имѣвшихъ цѣлью отстоять то, чѣмъ она владѣла, или воротить то, что̀ было потеряно. Народное напряженіе усиливалось еще тѣмъ, что эти войны, по происхожденію своему оборонительныя, сами собою, незамѣтно, помимо воли московскихъ политиковъ, превратились въ наступательныя, въ прямое продолженіе объединительной политики прежней династіи, въ борьбу за такія части Русской земли, которыми Московское государство еще не владѣло дотолѣ. Международныя отношенія въ восточной Европѣ тогда складывались такъ, что не давали Москвѣ перевести духъ послѣ первыхъ неудачныхъ усилій и приготовиться къ дальнѣйшимъ. Въ 1654 г. возставшая противъ Польши Малороссія отдалась подъ защиту московскаго государя. Это вовлекло государство въ новую борьбу съ Польшей. Такъ возникъ новый вопросъ — *малороссійскій*, еще болѣе усложнившій старые

запутанные смоленскіе и сѣверскіе счеты Москвы съ Рѣчью Посполитой. Малороссійскій вопросъ былъ исходнымъ моментомъ внѣшней московской политики съ половины XVII в. Онъ обращаетъ насъ къ исторіи Западной Руси. Но я коснусь ея лишь настолько, чтобы выяснить условія происхожденія этого вопроса. Эти условія вскрылись въ самомъ началѣ событія, его возбудившаго. Въ 1648 г. сотникъ малороссійскаго реестроваго войска Богданъ Хмельницкій поднялъ Запорожье противъ Рѣчи Посполитой. Его дружно поддержало малороссійское крестьянство, возставшее противъ своихъ господъ, польскихъ и ополячившихся русскихъ пановъ. Реестровые козаки также перешли на сторону Богдана, и образовалась грозная сила, съ которой Хмельницкій черезъ какія-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ имѣлъ въ своихъ рукахъ чуть не всю Малороссію. Что̀ такое была Рѣчь Посполитая, какое мѣсто занимала въ ней Малороссія, какъ очутились въ Малороссіи польскіе паны, какъ возникло малороссійское козачество и почему въ возстаніи примкнуло къ нему украинское крестьянство — вотъ что̀ нужно выяснить, чтобы видѣть корни малороссійскаго движенія 1648 г.

Западная Русь. Вопросъ о возсоединеніи Западной Руси былъ самымъ тяжелымъ дѣломъ внѣшней московской политики въ XVII в. Онъ сплелся изъ разнообразныхъ затрудненій, какія постепенно развились въ той Руси изъ политической сдѣлки польскихъ пановъ съ великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ въ концѣ XIV в. Въ силу этой сдѣлки 1386 г. великій князь литовскій вмѣстѣ съ рукой польской королевны Ядвиги получилъ и польское королевство. Сдѣлка основана была на обоюдныхъ разсчетахъ сторонъ: Ягайло надѣялся, ставъ королемъ и принявъ католицизмъ со всѣмъ своимъ народомъ, найти въ Польшѣ и папѣ поддержку противъ опаснаго Тевтонскаго ордена, а полякамъ хотѣлось черезъ

Ягайла взять въ свое распоряженіе силы и средства Литвы и особенно Западной Руси, Волыни, Подоліи, Украйны. Такъ сосѣднія государства Литва и Польша соединились династической связью. Это было механическое соединеніе двухъ несродныхъ и даже враждебныхъ государствъ, скорѣе дипломатическая интрига, разсчитанная на обоюдныя недоразумѣнія, чѣмъ политическій актъ, основанный на единствѣ взаимныхъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе это событіе произвело важныя перемѣны въ положеніи Западной Руси. Покореніе этой Руси литовскими князьями сопровождалось подчиненіемъ Литвы русскому вліянію. Въ началѣ XV в. русскія области, вошедшія въ составъ Литовскаго княжества, земли Подольская, Волынская, Кіевская, Сѣверская, Смоленская и другія, какъ по пространству, такъ и по количеству населенія значительно превосходили покорившее ихъ Литовское государство. По племенному и культурному своему составу это Литовско-Русское княжество являлось больше русскимъ, чѣмъ литовскимъ государствомъ. Русскій языкъ и русское право, русскіе нравы вмѣстѣ съ православіемъ уже около ста лѣтъ распространялись среди полудикой языческой Литвы. Культурное сближеніе соединенныхъ народностей подъ преобладающимъ воздѣйствіемъ болѣе развитой изъ нихъ русской шло такъ успѣшно, что еще два-три поколѣнія, и къ началу XVI в. можно было ожидать полнаго сліянія Литвы съ Западной Русью. Со времени соединенія Литвы съ Польшей русское вліяніе въ Литовскомъ княжествѣ начало вытѣсняться польскимъ, которое проникало туда различными путями. Однимъ изъ нихъ служили сеймы, на которыхъ рѣшались общія дѣла обоихъ союзныхъ государствъ: литовско-русскіе вельможи, встрѣчаясь здѣсь съ польскими панами, знакомились съ ихъ политическими понятіями и съ порядками, господствовавшими

въ Польшѣ. Съ другой стороны, польское вліяніе проводилось въ Литву-Русь жалованными грамотами великихъ князей литовскихъ, которыя назывались *привилеями* и устанавливали въ Литвѣ такой же порядокъ управленія, такія же права и отношенія сословій, какія господствовали въ Польшѣ. Проникая этими путями, польское вліяніе глубоко измѣнило какъ устройство управленія, такъ и складъ общества въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Литовскаго княжества.

Управленіе. Русскіе князья, владѣвшіе этими областями на древнемъ родовомъ правѣ подобно своимъ предкамъ XI и XII вв., подчиняясь власти вел. князя литовскаго, обязывались служить ему вѣрно и платить дань со своихъ владѣній, а онъ имъ жаловалъ ихъ княженія въ вотчину на наслѣдственномъ правѣ или иногда во временное владѣніе, до „своей господарской воли". Этимъ разрушено было старинное родовое владѣніе князей. Къ началу XVI в. они стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своихъ княжествъ и вмѣстѣ со знатнѣйшими русскими боярами и литовскими вельможами образовали землевладѣльческую аристократію, подобную польской и даже болѣе вліятельную. Члены этой аристократіи, *паны*, составили правительственный совѣтъ или *раду* вел. князя литовскаго, которая сильно ограничивала его власть. По привилею вел. кн. Александра 1492 г. литовскій государь не могъ безъ согласія пановъ-рады вести сношенія съ иноземными государствами, издавать и измѣнять законы, распоряжаться государственными доходами и расходами, назначать на должности; мнѣнія рады король признавалъ для себя обязательными и даже въ случаѣ своего несогласія съ ними принималъ ихъ къ исполненію „ради своей и общей пользы". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Литвѣ введены были по примѣру Польши

высшія правительственныя должности, *уряды*, становившіеся со временемъ пожизненными владѣніями, — *гетмана*, главнаго предводителя войскъ, *канцлера*, хранителя государственной печати, двухъ *подскарбіевъ*, министровъ финансовъ, *земскаго*, вѣдавшаго общегосударственные доходы и расходы, и *надворнаго*, по дворцовому хозяйству; начальниками отдѣльныхъ областей, которыми прежде управляли русскіе князья по соглашенію съ вѣчевыми городами, назначались *воеводы*, отъ которыхъ зависѣли *каштеляны*, коменданты городовъ, помощники воеводъ, и *старосты повѣтовъ*, округовъ, на которые дѣлились воеводства. Такъ центральное и областное управленіе Литвы-Руси приблизилось къ польскому и получило аристократическій строй.

Русско-литовское и польское дворянство

Привилеями, какъ общими или земскими, данными всему княжеству, такъ и мѣстными или областными, въ Литовской Руси устанавливались сословныя права и отношенія, подобныя тѣмъ, какія существовали въ Польшѣ. На Городельскомъ сеймѣ 1413 г., подтвердившемъ соединеніе Литвы съ Польшей, изданъ былъ привилей, по которому литовскіе бояре, принявшіе католицизмъ, получили права и привилегіи польской шляхты; привилей Казимира 1447 г. распространилъ эти права и на православную знать. По этимъ привилеямъ литовско-русскіе землевладѣльцы уравнивались съ польскими въ правахъ владѣнія вотчинами и жалованными имѣніями и освобождались отъ налоговъ и повинностей за исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ, имѣвшихъ не столько финансовое, сколько символическое значеніе, какъ знакъ подданства; крестьяне господскіе изъяты были отъ суда великокняжескихъ урядниковъ и подчинены юрисдикціи своихъ господъ; сверхъ того привилей Казимира воспретилъ переходъ крестьянъ съ земель частныхъ владѣльцевъ на великокняжескія и обратно; эти постановленія положили начало

закрѣпощенію крестьянъ въ Литовскомъ княжествѣ по примѣру Польши, гдѣ крѣпостное право установлено было еще въ XIV в. Общіе и мѣстные привилеи постепенно сравняли литовско-русское дворянство въ правахъ и вольностяхъ съ польской шляхтой и сообщили ему значеніе господствующаго сословія въ княжествѣ съ обширной властью надъ крестьянскимъ населеніемъ, жившимъ на его земляхъ, и съ вліятельнымъ участіемъ въ законодательствѣ, судѣ и управленіи. Такое положеніе литовско-русской шляхты закрѣплено было въ XVI в. законодательнымъ сводомъ Литовскаго княжества, *Литовскимъ Статутомъ*. Начало этому своду положено было при Сигизмундѣ I изданіемъ Статута 1529 г. Послѣ этотъ первый сводъ неоднократно пересматривали и дополняли, соглашая его съ польскимъ законодательствомъ, вслѣдствіе чего на этомъ уложеніи отразилось сильное вліяніе польскаго права, смѣшавшагося въ Статутѣ съ древне-русскими юридическими обычаями, какіе сохранились въ Литовской Руси отъ временъ Русской Правды. Въ окончательной редакціи Литовскій Статутъ былъ изданъ на русскомъ языкѣ при Сигизмундѣ III въ 1588 г. По второму Статуту, утвержденному на Виленскомъ сеймѣ въ 1566 г., въ Литовскомъ княжествѣ вводились подобные польскимъ повѣтовые шляхетскіе сеймики, которые собирались въ каждомъ *повѣтѣ* (уѣздѣ) для выбора мѣстныхъ земскихъ судей въ сословный шляхетскій судъ, а также для избранія *земскихъ пословъ*, т.-е. представителей шляхты на общемъ или *вальномъ* сеймѣ, по два отъ каждаго повѣта. Литовскій сеймъ, установленный Городельскимъ договоромъ, первоначально состоялъ только изъ литовскихъ князей и бояръ. Привилегированное положеніе, въ какое этотъ договоръ ставилъ литовскую знать, большею частью окатоличившуюся, передъ русской православной, побудило при-

соединенныя къ Литвѣ русскія области подняться противъ литовскаго правительства, когда по смерти Витовта (1430 г.) произошла новая усобица между Гедиминовичами. Въ этой борьбѣ русскіе князья и бояре завоевали себѣ права литовскихъ вельможъ и около половины XV в. получили доступъ на сеймъ, который сталъ общимъ или вальнымъ, какъ его теперь называли. Но сеймъ и послѣ того сохранялъ аристократическій характеръ: отъ русскихъ областей на немъ являлась только знать, князья и паны, которые призывались всѣ лично и имѣли рѣшающій голосъ. Въ первой половинѣ XVI в., при Сигизмундѣ I, русско-литовская шляхта ведетъ шумную борьбу съ своей знатью и добивается призыва на вальные сеймы. Статутъ 1566 г. устроилъ сеймовое представительство русско-литовской шляхты по образцу польскаго шляхетскаго сейма; въ вопросѣ о продолженіи литовско-польской уніи она была за вѣчное соединеніе съ Польшей: сліяніе русско-литовскаго сейма съ польскимъ по люблинскимъ постановленіямъ 1569 г. вполнѣ уравнивало ее въ политическихъ правахъ съ польской шляхтой.

Города.

Усиленіе дворянства въ Литовскомъ княжествѣ сопровождалось упадкомъ старинныхъ городовъ Западной Руси. Въ старой Кіевской Руси области со своими волостными городами составляли цѣльныя земли, которыя подчинялись рѣшеніямъ вѣча старшихъ городовъ. Теперь со введеніемъ господарскихъ урядовъ областной городъ оторвался отъ своей области; мѣсто вѣча заступилъ назначаемый великимъ княземъ воевода съ подручными ему старостами, кастелянами и другими державцами; земско-городовое управленіе замѣнено было короннымъ. Въ то же время подгородныя земли, находившіяся въ общинномъ пользованіи городовъ, розданы были великими князьями въ частное владѣніе съ обязательствомъ ратной службы. Служилые землевла-

дѣльцы, бояре и *земяне*, прежде входившіе въ составъ городскихъ обществъ, теперь шляхетскими своими привилегіями обособились отъ *мѣщанъ* (*мѣсто* по-польски городъ, посадъ), торгово-промышленнаго городского населенія, и начали покидать города, селясь въ своихъ вотчинахъ и *выслугахъ*, жалованныхъ имѣніяхъ. Старинныя области вѣчевыхъ русскихъ городовъ постепенно разлагались на княжескія и панскія вотчины, и обезсиленный вѣчевой городъ оставался одинокимъ среди этихъ чуждыхъ и часто враждебныхъ ему владѣльцевъ, расхитившихъ его исконную волость; голосъ его вѣча замыкался въ его стѣнахъ, не доходя до его пригородовъ. Великокняжескіе урядники, воеводы, кастеляны и старосты притѣсняли горожанъ. Чтобы вывести города Западной Руси изъ упадка, польско-литовскіе государи давали имъ нѣмецкое городовое самоуправленіе, *магдебургское право*, которое въ XIII и XIV вв. проникло въ Польшу вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами, наводнявшими тогда польскіе города. Еще въ XIV в. это самоуправленіе введено было въ городахъ Галицкой земли, которая присоединена была къ Польшѣ королемъ Казимиромъ Великимъ въ 1340 г.; съ половины XV в. магдебургское право распространилось и въ другихъ городахъ Западной Руси. По этому праву мѣщане получали нѣкоторыя торговыя привилегіи и льготы по отправленію казенныхъ повинностей и освобождались отъ подсудности воеводамъ и другимъ правительственнымъ урядникамъ. По магдебургскому праву городъ управлялся двумя совѣтами или коллегіями, *лавой*, члены которой (*лавники* — присяжные) подъ предсѣдательствомъ назначаемаго королемъ *войта* (нѣмецкое Vogt) производили судъ надъ горожанами, и *радой* съ выбранными изъ горожанъ *радцами* (ратманами) и *бурмистрами* во главѣ ихъ, которые завѣдывали дѣлами

по хозяйству, торговлѣ, благоустройству и благочинію города.

Политическое вліяніе Польши на Литву, сближая литовско-русскій государственный строй съ польскимъ, въ XV и первой половинѣ XVI в. кое-какъ поддерживало многократно обновлявшійся новыми договорами династическій союзъ обоихъ государствъ, то имѣвшихъ отдѣльныхъ государей, то соединявшихся подъ властью одного. Въ XVI в. сложилось новое сочетаніе обстоятельствъ, закрѣпившее польско-литовскую унію и сообщившее болѣе единства соединеннымъ государствамъ; это сочетаніе сопровождалось чрезвычайно важными слѣдствіями для всей восточной Европы и особенно для юго-западной Руси. Я разумѣю великій церковный расколъ въ западной Европѣ XVI в., т.-е. церковную реформацію. Казалось бы, какое было дѣло восточной Европѣ до какого-то нѣмецкаго доктора Мартина Лютера, который въ 1517 г. затѣялъ какой-то споръ объ истинномъ источникѣ вѣроученія, о спасеніи вѣрою и о другихъ богословскихъ предметахъ! Тѣмъ не менѣе этотъ церковный переворотъ на Западѣ не прошелъ безслѣдно и для восточной Европы: онъ не коснулся ея своими прямыми нравственно-религіозными слѣдствіями, но задѣлъ ее по отраженію или какъ отдаленный отзвукъ. Извѣстныя вольнодумныя движенія въ русскомъ церковномъ обществѣ XVI в. имѣли довольно тѣсную связь съ реформаціей и поддерживались идеями, шедшими съ протестантскаго Запада. Но я не рѣшаюсь сказать, гдѣ реформація сильнѣе подѣйствовала на международныя отношенія, на Западѣ или у насъ на Востокѣ. Съ этой стороны она является немаловажнымъ фактомъ и въ исторіи Русскаго государства. Вообще, я съ большой оговоркой принимаю мысль, будто древняя Русь жила полнымъ

Люблинская унія.

особнякомъ отъ западной Европы, игнорируя ее и игнорируемая ею, не оказывала на нее и не воспринимала отъ нея никакого вліянія. Западная Европа знала древнюю Россію не лучше, чѣмъ новую. Но какъ и теперь, три-четыре вѣка назадъ Россія если и не понимала хода дѣлъ на Западѣ, какъ должно, то его слѣдствія испытывала на себѣ иногда сильнѣе, чѣмъ было нужно. Такъ случилось и въ XVI в. Чтобы упрочить династическую связь Литвы и Польши, польское правительство съ духовенствомъ во главѣ предприняло усиленную пропаганду католицизма среди православной Литовской Руси. Эта пропаганда особенно была напряжена при третьемъ Ягеллонѣ Казимирѣ около половины XV в. и тотчасъ вызвала сильный отпоръ со стороны православнаго населенія Литвы. Благодаря тому уже въ концѣ XV в. началось распаденіе Литовскаго княжества: православные русскіе и даже литовскіе князья начали отходить отъ Литвы на службу къ московскому великому князю. Реформація круто измѣнила отношенія. Протестантскія ученія нашли въ Польшѣ воспріимчивую почву, подготовленную тѣсными культурными связями съ Германіей. Много польской молодежи училось въ Виттенбергскомъ и другихъ нѣмецкихъ университетахъ. Три года спустя послѣ спора въ Виттенбергѣ, въ 1520 г. съѣхалось въ Петроковѣ польское духовенство и запретило полякамъ читать нѣмецкія протестантскія сочиненія: такъ быстро и успѣшно они здѣсь распространялись. Поддерживая духовенство, и польское правительство на Торунскомъ съѣздѣ того же года издало постановленіе, грозившее конфискаціей имущества и вѣчнымъ изгнаніемъ всякому, кто будетъ ввозить, продавать и распространять въ Польшѣ сочиненія Лютера и другихъ протестантовъ. Эти строгія запрещенія все усиливались: черезъ нѣсколько лѣтъ угроза конфискаціей была

замѣнена угрозой смертной казнью. Но все это не помогало. Протестантизмъ овладѣвалъ польскимъ обществомъ; даже кіевскій бискупъ Пацъ открыто проповѣдывалъ лютеранскій образъ мыслей. Изъ Польши и другихъ сосѣднихъ странъ протестантизмъ проникалъ и въ Литву. Около половины XVI в. здѣсь въ 700 католическихъ приходахъ уцѣлѣла едва тысячная доля католиковъ; остальные прихожане перешли въ протестантство. Прусскій Тевтонскій орденъ въ 1525 г. отпалъ отъ Римской церкви вмѣстѣ со своимъ магистромъ Альбертомъ, который принялъ титулъ герцога. Въ этомъ орденѣ стали появляться переводы протестантскихъ сочиненій на литовскій языкъ. Главнымъ распространителемъ протестантизма въ Литвѣ былъ учившійся въ сѣверной Германіи и получившій тамъ степень доктора литвинъ Авраамъ Кульва, который потомъ нашелъ себѣ преемника въ нѣмецкомъ священникѣ Винклерѣ. Оба эти проповѣдника распространяли лютеранство. Еще успѣшнѣе прививался тамъ кальвинизмъ, поддерживаемый вліятельнымъ литовскимъ магнатомъ Николаемъ Радзивиломъ Чернымъ, двоюроднымъ братомъ королевы Варвары, сначала тайной, а потомъ явной жены короля Сигизмунда-Августа. Въ началѣ второй половины XVI в. огромное большинство католическаго дворянства уже перешло въ протестантизмъ, увлекши за собою и нѣкоторую часть литовско-русской православной знати, Вишневецкихъ, Ходкѣвичей и др. Эти успѣхи протестантизма и подготовили Люблинскую унію 1569 г. Протестантское вліяніе ослабило энергію католической пропаганды среди Литовской Руси. Послѣдніе Ягеллоны на польскомъ престолѣ Сигизмундъ I и Сигизмундъ II Августъ (1506—1572) были равнодушны къ религіозной борьбѣ, завязавшейся въ ихъ соединенномъ государствѣ. Сигизмундъ-Августъ, мягкій и праздный гуляка, воспитанный

среди новыхъ вѣяній, подъ рукой, насколько ему позволяло государственное его положеніе, даже покровительствовалъ новымъ ученіямъ, самъ выдавалъ для чтенія протестантскія книги изъ своей библіотеки, въ придворной церкви допускалъ проповѣди въ протестантскомъ духѣ; ему было все равно при выѣздѣ изъ дворца, въ праздникъ, куда ѣхать, въ костелъ или въ кирку. Покровительствуя протестантамъ, онъ благоволилъ и къ православнымъ; постановленіе Городельскаго сейма, запрещавшее православнымъ занимать государственныя и общественныя должности, онъ въ 1563 г. разъяснилъ такъ, что разъясненіе было равнозначительно отмѣнѣ. Съ ослабленіемъ католической пропаганды, которую поддерживали прежніе короли, православное населеніе Литвы перестало относиться боязливо или враждебно къ польскому правительству. Этотъ поворотъ въ народномъ настроеніи и сдѣлалъ возможнымъ продолженіе политической уніи Литвы съ Польшей. Сигизмундъ-Августъ приближался къ смерти бездѣтнымъ; съ нимъ гасла династія Ягеллоновъ, и слѣдовательно самъ собою прекращался династическій союзъ обоихъ государствъ. Пока католическая пропаганда, покровительствуемая польскимъ правительствомъ, дѣйствовала въ Литвѣ очень напряженно, православное литовско-русское населеніе не хотѣло и думать о продленіи союза. Поднимался тревожный вопросъ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ. Но благодаря вѣротерпимости или благожелательному индифферентизму Сигизмунда-Августа православные перестали пугаться этой мысли. Противодѣйствія продленію уніи можно было ожидать только отъ литовскихъ вельможъ, которые боялись, что ихъ задавитъ польская шляхта, рядовое дворянство, а литовско-русское дворянство именно потому и желало вѣчнаго союза съ Польшей. Въ январѣ 1569 г. собрался въ Люблинѣ сеймъ для рѣшенія

вопроса о продленіи уніи. Когда обнаружилось противодѣйствіе этому со стороны литовской знати, король привлекъ на свою сторону двухъ вліятельнѣйшихъ магнатовъ юго-западной Руси: то были Рюриковичъ кн. Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, и Гедиминовичъ кн. Александръ Чарторыйскій, воевода волынскій. Оба эти вельможи были вождями православнаго русско-литовскаго дворянства и могли надѣлать королю много хлопотъ. Князь Острожскій былъ могущественный удѣльный владѣлецъ, хотя и признавалъ себя подданнымъ короля; во всякомъ случаѣ онъ былъ богаче и вліятельнѣе послѣдняго, располагалъ обширными владѣніями, захватывавшими чуть не всю нынѣшнюю Волынскую губернію и значительныя части губерній Подольской и Кіевской. Здѣсь у него было 35 городовъ и болѣе 700 селъ, съ которыхъ онъ получалъ дохода до 10 милліоновъ злотыхъ (болѣе 10 мил. руб. на наши деньги). Эти два магната и увлекли за собой юго-западное русское дворянство, и безъ того тяготѣвшее къ шляхетской Польшѣ, а за нимъ послѣдовало и литовское, чтò и рѣшило вопросъ объ уніи. На Люблинскомъ сеймѣ политическій союзъ обоихъ государствъ быть признанъ навсегда неразрывнымъ и по пресѣченіи династіи Ягеллоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ соединенное государство получило окончательное устройство. Польша и Литва соединялись, какъ двѣ равноправныя половины единаго государства, называвшіяся первая *Короной,* вторая *Княжествомъ,* а обѣ вмѣстѣ получили названіе *Рѣчи Посполитой* (переводъ лат. respublica). Это была республикански устроенная избирательная монархія. Во главѣ управленія становился король, избираемый общимъ сеймомъ Короны и Княжества. Законодательная власть принадлежала сейму, составлявшемуся изъ *земскихъ пословъ,* т.-е. депутатовъ шляхты, только шляхты, и сенату, состоявшему

изъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ обѣихъ частей государства. Но при общемъ верховномъ правительствѣ, органами котораго были сеймъ, сенатъ и король, обѣ союзныя части Рѣчи Посполитой сохраняли отдѣльную администрацію, имѣли особыхъ министровъ, особое войско и особые законы. Для исторіи юго-западной Руси всего важнѣе были тѣ постановленія Люблинскаго сейма, по которымъ нѣкоторыя области этой Руси, входившія въ составъ Литовскаго княжества, отходили къ Коронѣ: это были *Подляхія* (западная часть Гродненской губ.), *Волынь* и *Украйна* (губерніи Кіевская и Полтавская съ частью Подольской, именно съ Браславскимъ воеводствомъ, и съ частью Черниговской). При такихъ обстоятельствахъ состоялась Люблинская унія 1569 г. Она сопровождалась чрезвычайно важными слѣдствіями, политическими и національно-религіозными, для юго-западной Руси и всей восточной Европы.

Слѣдствія уніи.

Постановленія Люблинскаго сейма были для Западной Руси завершеніемъ владычества Гедиминовичей и польскаго вліянія, которое они тамъ проводили. Поляки достигли, чего добивались почти 200 лѣтъ, вѣчнаго соединенія своего государства съ Литвой и прямого присоединенія къ Польшѣ заманчивыхъ по природнымъ богатствамъ областей юго-западной Руси. Гедиминовичи подъ польскимъ вліяніемъ разрушили много старины въ подвластной имъ Руси и внесли въ ея строй и жизнь не мало новаго. Областями старой Кіевской Руси правилъ княжескій родъ Рюриковичей со своими дружинами по соглашенію со старшими вѣчевыми городами областей, имѣя при слабомъ развитіи частнаго землевладѣнія непрочныя соціальныя и экономическія связи съ областными мірами. При Гедиминовичахъ этотъ зыбкій правительственный классъ смѣнила осѣдлая аристократія

крупныхъ землевладѣльцевъ, въ составъ которой вошли русскіе и литовскіе князья съ ихъ боярами, а надъ этой аристократіей съ упроченіемъ сеймовыхъ порядковъ сталъ брать верхъ военный классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, рядовое дворянство, шляхта. Старинныя области или земли Кіевской Руси, тянувшія къ своимъ старшимъ городамъ, какъ къ политическимъ центрамъ, въ Литовской Руси разбились на административные округа великокняжескихъ урядниковъ, объединявшіеся не мѣстными средоточіями, а общимъ государственнымъ центромъ. Наконецъ, сами старшіе города областей, чрезъ свои вѣча представлявшіе свои областные міры передъ князьями, оторваны были отъ этихъ міровъ великокняжской администраціей и частнымъ землевладѣніемъ, а замѣна вѣчевого строя магдебургскимъ правомъ превратила ихъ въ узко-сословныя мѣщанскія общества, заключенныя въ тѣсную черту городской осѣдлости, и лишили земскаго значенія, участія въ политической жизни страны. Господство шляхты, пожизненные, а по мѣстамъ и наслѣдственные уряды и магдебургское право — таковы три новости, принесенныя въ Литовскую Русь польскимъ вліяніемъ. Люблинская унія своими слѣдствіями сообщила усиленное дѣйствіе и четвертой новости, раньше подготовлявшейся польскимъ вліяніемъ, крѣпостному праву. Съ половины XVI в. замѣтно заселяется долго пустѣвшее среднее Поднѣпровье. Тамошнія привольныя степи сами собою манили къ себѣ поселенцевъ; успѣхи крѣпостного права въ Литвѣ поддерживали и усиливали этотъ переселенскій потокъ. Къ началу XVI в. здѣсь образовалось нѣсколько разрядовъ сельскаго земледѣльческаго населенія, различавшихся степенью зависимости отъ владѣльцевъ, начиная перехожими крестьянами, *засядлыми и незасядлыми*, селившимися со ссудой отъ владѣльца или безъ ссуды и сохранявшими

Заселеніе степной Украйны.

право перехода, и кончая *челядью невольной,* крѣпостными дворовыми хлѣбопашцами. Въ эпоху перваго и второго Статута (1529—1566 гг.), по мѣрѣ политическаго роста шляхты, эти разряды все болѣе уравнивались въ направленіи къ наименьшей свободѣ. Унія 1569 г. ускорила движеніе въ эту сторону. При избирательныхъ короляхъ Рѣчи Посполитой законодательство, какъ и направленіе всей политической жизни страны, стало подъ непосредственное вліяніе польско-литовской шляхты, господствующаго класса въ государствѣ. Она не преминула воспользоваться своимъ политическимъ преобладаніемъ насчетъ подвластнаго ей сельскаго населенія. Съ присоединеніемъ русскихъ областей по обѣимъ сторонамъ средняго Днѣпра къ Коронѣ здѣсь стала водворяться польская администрація, вытѣсняя туземную русскую, а подъ ея покровомъ сюда двинулась польская шляхта, пріобрѣтая здѣсь земли и принося съ собою польское крѣпостное право, получившее уже рѣзкія очертанія. Туземное литовско-русское дворянство охотно перенимало землевладѣльческія понятія и привычки своихъ новыхъ сосѣдей изъ Привислинья и Западнаго Побужья. Если въ интересахъ казны законъ и правительство еще кое-какъ присматривали за поземельными тягловыми отношеніями крестьянъ къ землевладѣльцамъ, то личность крестьянина вполнѣ предоставлялась усмотрѣнію его панарыцаря. Шляхта присвояла себѣ право жизни и смерти надъ своими крестьянами: убить хлопа для шляхтича было все равно, что убить собаку — такъ говорятъ современные польскіе писатели. Убѣгая отъ неволи, которая крѣпкой петлей затягивалась на крестьянинѣ, сельское населеніе усиленно отливало изъ внутреннихъ областей Короны и Княжества къ безбрежнымъ степямъ Украйны, спускаясь все ниже по Днѣпру и Восточному Бугу, куда

еще не успѣлъ пробраться шляхтичъ. Вскорѣ этимъ движеніемъ стала пользоваться землевладѣльческая спекуляція, сообщая ему новую силу. Паны и шляхта выпрашивали въ пожизненное владѣніе староства въ пограничныхъ украинскихъ городахъ, въ Браславѣ, Каневѣ, Черкасахъ, Переяславѣ, съ обширными подгородными пустырями, выхлопатывали и просто захватывали никѣмъ не мѣренныя степныя шири и спѣшили заселять ихъ, приманивая щедрыми льготами бѣглыхъ мѣщанъ и крестьянъ. Украинскими степями тогда распоряжались, какъ въ недавнее время башкирскими землями или угодьями по восточному побережью Чернаго моря. Самые знатные и высокопоставленные люди, князья Острожскіе и Вишневецкіе, паны Потоцкіе, Замойскіе и т. д. безъ конца не стыдились ревностно участвовать въ расхищеніи казенныхъ пустынь по Днѣпру и его степнымъ притокамъ справа и слѣва. Но тогдашніе земельные спекулянты дѣйствовали все же добросовѣстнѣе своихъ позднихъ уральскихъ и кавказскихъ подражателей. Благодаря имъ степная Украйна быстро оживала. Въ короткое время здѣсь возникали десятками новыя мѣстечки, сотнями и тысячами хутора и селенія. Одновременно съ заселеніемъ шло укрѣпленіе степей, безъ котораго оно было невозможно. Впереди цѣпи старыхъ городовъ, Браслава, Корсуня, Канева, Переяслава, выстраивались ряды новыхъ замковъ, подъ прикрытіемъ которыхъ возникали мѣстечки и села. Эти поселенія среди постоянной борьбы съ татарами складывались въ военныя общества, напоминавшія тѣ „заставы богатырскія", какими еще въ X—XI вв. огораживались степныя границы Кіевской Руси. Изъ этихъ обществъ и образовалось малороссійское козачество.

Происхожденіе козачества.

Козачество составляло слой русскаго общества, нѣкогда распространенный по всей Руси. Еще въ XVI в. *козаками*

звали наемныхъ рабочихъ, батрачившихъ по крестьянскимъ дворамъ, людей безъ опредѣленныхъ занятій и постояннаго мѣстожительства. Таково было первоначальное общее значеніе козака. Позднѣе этому бродячему бездомному классу въ Московской Руси усвоено было званіе *вольныхъ гулящихъ людей* или *вольницы.* Особенно благопріятную почву для развитія нашелъ этотъ людъ въ южныхъ краяхъ Руси, смежныхъ со степью, условія которой сообщили ему особый характеръ. Когда стала забываться гроза татарскаго погрома, завязалась хроническая мелкая борьба русскаго степного пограничья съ бродившими по степямъ татарами. Исходными и опорными пунктами этой борьбы служили укрѣпленные пограничные города. Здѣсь сложился классъ людей, съ оружіемъ въ рукахъ уходившихъ въ степь для рыбнаго и звѣринаго промысла. Люди отважные и бѣдные, эти вооруженные рыболовы и звѣрогоны, надобно думать, получали средства для своихъ опасныхъ промысловъ отъ мѣстныхъ торговцевъ, которымъ и сбывали свою добычу. Въ такомъ случаѣ они и здѣсь не теряли характера батраковъ, работавшихъ за счетъ своихъ хозяевъ. Какъ привычныхъ къ степной борьбѣ ратниковъ ихъ могли поддерживать и мѣстныя княжескія правительства. Этимъ людямъ при постоянныхъ столкновеніяхъ съ такими же татарскими степными добычниками и усвоено было татарское названіе *козаковъ,* потомъ распространившееся на вольныхъ бездомныхъ батраковъ и въ сѣверной Руси. Въ восточной полосѣ степного юга такія столкновенія начались раньше чѣмъ гдѣ-либо. Вотъ почему, думаю я, древнѣйшее извѣстіе о козачествѣ говоритъ о козакахъ рязанскихъ, оказавшихъ своему городу услугу въ столкновеніи съ татарами въ 1444 г. Въ Московской Руси еще въ XVI и XVII вв. повторялись явленія, которыя могли возникнуть только при зарожденіи козачества. Въ десят-

нихъ степныхъ уѣздовъ XVI в. встрѣчаемъ замѣтки о томъ или другомъ захудаломъ уѣздномъ сынѣ боярскомъ: „сбрелъ въ степь, сшелъ въ козаки". Это не значитъ, что онъ зачислился въ какое-либо постоянное козацкое общество, напримѣръ, на Дону: онъ просто нашелъ случайныхъ товарищей и съ ними, бросивъ службу и помѣстье, ушелъ въ степь погулять на волѣ, заняться временно вольными степными промыслами, особенно надъ татарами, а потомъ вернуться на родину и тамъ гдѣ-нибудь пристроиться. Елецкая десятня 1622 г. отмѣчаетъ цѣлую партію елецкихъ помѣщиковъ, бросившихъ свои вотчины и ушедшихъ въ козаки, а потомъ порядившихся въ боярскіе дворы холопами и въ монастыри служками. Первоначальной родиной козачества можно признать линію пограничныхъ со степью русскихъ городовъ, шедшую отъ средней Волги на Рязань и Тулу, потомъ переламывавшуюся круто на югъ и упиравшуюся въ Днѣпръ по чертѣ Путивля и Переяслава. Вскорѣ козачество сдѣлало еще шагъ въ своемъ наступленіи на степь. То было время ослабленія татаръ, раздѣленія Орды. Городовые козаки и прежде всего, вѣроятно, рязанскіе, стали осѣдать военно-промысловыми артелями въ открытой степи, въ области верхняго Дона. Донскихъ козаковъ едва ли не слѣдуетъ считать первообразомъ степного козачества. По крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVI в., когда козачество запорожское только еще начинало устрояться въ военное общество, донское является уже устроеннымъ. Въ составъ его входили и крещеные татары. Сохранилась челобитная такого новокрещена изъ крымскихъ татаръ. Въ 1589 г. онъ выѣхалъ изъ Крыма на Донъ и служилъ тамъ государю московскому 15 лѣтъ, „крымскихъ людей грамливалъ и на крымскихъ людей и на улусы на крымскіе воевать съ козаками донскими хаживалъ, а съ Дону

въ Путивль пришелъ“. Онъ проситъ государя освободить его дворъ въ Путивлѣ отъ налоговъ и повинностей, „обѣлить“ и велѣть ему служить царскую службу вмѣстѣ съ бѣлодворцами.

Малороссійское козачество.

Извѣстія о козакахъ днѣпровскихъ идутъ позднѣе рязанскихъ, съ конца XV в. Ихъ происхожденіе и первоначальное общественное обличье было такъ же просто, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Изъ городовъ Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго края, даже съ верховьевъ Днѣпра, выходили партіи добычниковъ въ дикую степь „козаковать“, промышлять пчелой, рыбой, звѣремъ и татариномъ. Весной и лѣтомъ эти прихожіе козаки работали на „уходахъ“, промысловыхъ угодьяхъ по Днѣпру и его степнымъ притокамъ, а на зиму стягивались со своей добычей въ приднѣпровскіе города и здѣсь осаживались, особенно въ Каневѣ и Черкасахъ, ставшихъ ранними и главными притонами козачества. Иные изъ этихъ козаковъ, какъ и въ сѣверной Руси, нанимались въ батраки къ мѣщанамъ и землевладѣльцамъ. Но мѣстныя географическія и политическія условія осложнили судьбы украинскаго козачества. Оно попало въ самый водоворотъ международныхъ столкновеній Руси, Литвы, Польши, Турціи и Крыма. Роль, какую пришлось играть днѣпровскому козачеству въ этихъ столкновеніяхъ, и сообщила ему историческое значеніе. Я только что сказалъ объ усиленіи колонизаціи Поднѣпровья, пополнявшей здѣшнее козаковавшее населеніе. Это былъ людъ, нужный для края и всего государства, но безпокойный, создававшій много затрудненій польскому правительству. Привычные къ борьбѣ степные промышленники доставляли лучшую оборону странѣ отъ татарскихъ набѣговъ. Но это было обоюдуострое оружіе. Однимъ изъ степныхъ отхожихъ промысловъ, даже главнымъ промысломъ козаковъ были ихъ

отвѣтные набѣги на татарскія и турецкія земли. Нападали и съ суши и съ моря: въ началѣ XVII в. легкіе козацкіе челны громили татарскіе и турецкіе города по сѣвернымъ, западнымъ и даже южнымъ берегамъ Чернаго моря, проникали и въ Босфоръ къ Константинополю. Въ отместку турки грозили Польшѣ войной, которой поляки пуще всего боялись. Еще въ началѣ XVI в. составился въ Варшавѣ планъ, какъ сдѣлать козачество безвреднымъ, не мѣшая ему быть полезнымъ. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы изъ безпорядочной и все разроставшейся массы козакующихъ выдѣлить наиболѣе благонадежную часть и взять ее на государственную службу съ жалованьемъ и съ обязанностью оборонять Украйну, а остальныхъ поворотить въ прежній родъ жизни. Впрочемъ, есть извѣстіе о козацкихъ ротахъ, навербованныхъ для пограничной сторожевой службы уже въ самомъ началѣ XVI в. Вѣроятно, это былъ одинъ изъ временныхъ опытовъ образованія пограничной стражи изъ степныхъ вооруженныхъ добычниковъ. Только въ 1570 г. составили постоянный отрядъ въ 300 человѣкъ штатныхъ или списочныхъ, *реестровыхъ* козаковъ, какъ они послѣ назывались. При Стефанѣ Баторіи штатъ былъ увеличенъ до 500, потомъ постепенно поднимался и наконецъ въ 1625 г. доведенъ до 6 тысячъ. Но ростъ козацкаго штата нисколько не убавлялъ заштатнаго козачества. Этихъ нелегальныхъ козаковъ, въ большинствѣ изъ крестьянъ, мѣстные правители и паны старались воротить въ „посполъство", крестьянство, къ покинутымъ ихъ повинностямъ; но люди, уже отвѣдавшіе козацкой воли, упирались и считали себя въ правѣ не слушаться, ибо то же правительство, которое загоняло ихъ, какъ мужиковъ, подъ панское ярмо, во время войнъ обращалось къ нимъ же за помощью и призывало ихъ подъ знамена не въ списочномъ числѣ, а десятками тысячъ.

Такой двуличный образъ дѣйствій правительства поселялъ въ заштатныхъ озлобленіе и приготовлялъ изъ нихъ взрывчатую массу, легко разгоравшуюся въ пожаръ, какъ скоро у нея являлся расторопный вожакъ. Между тѣмъ на нижнемъ Днѣпрѣ свивалось козацкое гнѣздо, въ которомъ украинское козацкое недовольство находило себѣ убѣжище и питомникъ, перерабатывавшій его въ открытыя возстанія. То было *Запорожье*.

Запорожье. Оно возникло незамѣтно изъ промысловаго козакованья, „козацства на полѣ“, въ степи. Козаковавшіе обыватели пограничныхъ городовъ Украйны спускались по Днѣпру далеко на низъ, за пороги. Проф. Любавскій высказалъ предположеніе, что зародышемъ Запорожской Сѣчи была крупная козацкая артель, промышлявшая за порогами вблизи татарскихъ кочевій, и слѣды ея онъ находитъ уже въ концѣ XV в. Когда городовые козаки стали подвергаться стѣсненіямъ отъ польскаго правительства, они убѣгали въ знакомыя запорожскія мѣста, куда не могли пробраться ни польскіе коммиссары, ни экзекуціонные отряды. Тамъ на островахъ, которые образуетъ Днѣпръ, вырвавшись изъ пороговъ въ открытую степь и разливаясь широкимъ русломъ, бѣглецы устраивали себѣ укрѣпленныя *сѣчи*. Въ XVI в главное поселеніе запорожцевъ возникло на ближайшемъ къ порогамъ острову Хортицѣ. Это и была знаменитая въ свое время Запорожская сѣчь. Позднѣе она переносилась съ Хортицы на другіе запорожскіе острова. Сѣчь представляла видъ укрѣпленнаго лагеря, обнесеннаго древесными завалами, *засѣкой*. Она снабжена была кое-какой артиллеріей, маленькими пушками, забранными въ татарскихъ и турецкихъ укрѣпленіяхъ. Здѣсь образовалось изъ безсемейныхъ и разноплеменныхъ пришельцевъ военно-промышленное товарищество, величавшее себя „рыцарствомъ

войска Запорожскаго". Сѣчевики жили въ шалашахъ изъ хвороста, покрытыхъ лошадиными кожами. Они различались занятіями: одни были преимущественно добычники, жили военной добычей, другіе больше промышляли рыбой и звѣремъ, снабжая первыхъ продовольствіемъ. Женщины не допускались въ Сѣчь; женатые козаки, *сидни, гнѣздюки,* жили отдѣльно по зимовникамъ и сѣяли хлѣбъ, снабжая имъ сѣчевиковъ. До конца XVI в. Запорожье оставалось подвижнымъ, измѣнчивымъ по составу обществомъ: на зиму оно расходилось по украинскимъ городамъ, оставивъ въ Сѣчи нѣсколько сотъ человѣкъ для охраны артиллеріи и прочаго сѣчевого имущества. Въ спокойное время лѣтомъ въ Сѣчи бывало налицо до 3 тысячъ человѣкъ; но она переполнялась, когда украинскому поспольству становилось невтерпежъ отъ татаръ или ляховъ и на Украйнѣ что-либо затѣвалось. Тогда всякій недовольный, гонимый или въ чемъ-либо попавшійся, бѣжалъ за пороги. Въ Сѣчи не спрашивали пришельца, кто онъ и откуда, какой вѣры, какого рода-племени: принимали всякаго, кто казался пригоднымъ товарищемъ. Въ концѣ XVI в. въ Запорожьи замѣтны признаки военной организаціи, хотя еще неустойчивой, установившейся нѣсколько позднѣе. Военнымъ братствомъ Запорожья, *кошемъ,* правилъ избираемый сѣчевою радой кошевой атаманъ, который съ выборными есауломъ, судьей и писаремъ составлялъ сѣчевую старшину, правительство. Кошъ размѣщался отрядами, *куренями,* которыхъ было потомъ 38, подъ командой выборныхъ куренныхъ атамановъ, также причислявшихся къ старшинѣ. Запорожцы всего болѣе дорожили товарищескимъ равенствомъ; все рѣшалъ сѣчевой кругъ, рада, козацкое *коло.* Со старшиной своей это коло поступало запросто, выбирало и смѣняло ее, а неугодившихъ казнило, сажало въ воду, насыпавъ за пазуху достаточное

количество песку. Въ 1581 г. въ Сѣчь явился знатный панъ изъ Галиціи, безшабашный авантюристъ Зборовскій подбивать козаковъ къ набѣгу на Москву. Скучавшее отъ бездѣлья и безденежья рыцарство съ радостью приняло затѣю пана и тотчасъ выбрало его въ гетманы. На походѣ козаки сами приставали къ нему, допытываясь, когда, Богъ дастъ, воротятся они изъ Москвы въ добромъ здоровьи, не найдется ли у него еще какого дѣла, на которомъ они могли бы хорошо заработать; но когда, отказавшись отъ Москвы, онъ предложилъ имъ походъ въ Персію, они едва его не убили, переругавшись между собой. Эта погоня за походнымъ заработкомъ, проще за грабежомъ и добычей, усиливалась по мѣрѣ накопленія козаковавшаго люда къ концу XVI в. Этотъ людъ не могъ уже продовольствоваться степнымъ рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ и тысячами шатался по правобережной Украйнѣ, обирая обывателей. Мѣстныя власти не могли никуда сбыть этихъ безработныхъ козаковъ, да и сами они не знали, куда дѣваться, и охотно шли за первымъ вожакомъ, звавшимъ ихъ въ Крымъ или Молдавію. Изъ такихъ козаковъ и составлялись шайки, набросившіяся на Московское государство, когда тамъ началась Смута. Набѣги на сосѣднія страны назывались тогда на Украйнѣ „козацкимъ хлѣбомъ". Ни до чего другого кромѣ добычи козакамъ не было дѣла, и на рѣчи Зборовскаго о преданности королю и отчизнѣ они отвѣчали простонародной поговоркой: *поки жита, поти бита* — до той поры живется, пока есть, чѣмъ кормиться. Но козаки не все пробавлялись чужбиной, крымской, молдавской или москальской: уже въ XVI в. очередь дошла и до отчизны. Неистощимо комплектуясь изъ накоплявшейся массы, Запорожье сдѣлалось очагомъ, на которомъ заваривались козацкія возстанія противъ самой Рѣчи Посполитой.

Итакъ Люблинская унія принесла въ юго-западную Русь три тѣсно связанныя между собою слѣдствія: крѣпостное право, усиленіе крестьянской колонизаціи Украйны и превращеніе Запорожья въ инсуррекціонное убѣжище для порабощеннаго русскаго населенія.

Лекція XLVI.

Нравственный характеръ малороссійскаго козачества. — Козаки становятся за вѣру и народность. — Рознь въ козачествѣ. — Малороссійскій вопросъ. — Вопросы балтійскій и восточный. — Европейскія отношенія Московскаго государства. — Значеніе внѣшней политики Москвы въ XVII в.

Нравственный характеръ козачества.

Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ исторію малороссійскаго козачества въ связи съ судьбами Литовской Руси до начала XVII в., когда въ его положеніи произошелъ важный переломъ. Мы видѣли, какъ измѣнялся характеръ козачества: ватаги степныхъ промышленниковъ выдѣляли изъ своей среды боевыя дружины, жившія набѣгами на сосѣднія страны, а изъ этихъ дружинъ правительство вербовало пограничную стражу. Всѣ эти разряды козаковъ одинаково смотрѣли въ степь, искали тамъ поживы и этими поисками въ большей или меньшей степени способствовали оборонѣ постоянно угрожаемой юго-восточной окраины государства. Съ Люблинской уніи малороссійское козачество поворачивается лицомъ назадъ, на то государство, которое оно доселѣ обороняло. Международное положеніе Малороссіи деморализировало эту сбродную и бродячую массу, мѣшало зародиться въ ней гражданскому чувству. На сосѣднія страны, на Крымъ, Турцію, Молдавію, даже Москву козаки привыкли смотрѣть, какъ на предметъ добычи, какъ на „козацкій хлѣбъ". Этотъ взглядъ они стали переносить

и на свое государство съ тѣхъ поръ, какъ на юго-восточной его окраинѣ начало водворяться панское и шляхетское землевладѣніе со своимъ крѣпостнымъ правомъ. Тогда они увидѣли въ своемъ государствѣ врага еще злѣе Крыма или Турціи, и съ конца XVI в. начали опрокидываться на него съ удвоенной яростью. Такъ малороссійское козачество осталось безъ отечества и, значитъ, безъ вѣры. Тогда весь нравственный міръ восточно-европейскаго человѣка держался на этихъ двухъ неразрывно связанныхъ одна съ другой основахъ, на отечествѣ и на отечественномъ богѣ. Рѣчь Посполитая не давала козаку ни того, ни другого. Мысль, что онъ православный, была для козака смутнымъ воспоминаніемъ дѣтства или отвлеченной идеей, ни къ чему не обязывавшей и ни на что непригодной въ козачьей жизни. Во время войнъ они обращались съ русскими и ихъ храмами нисколько не лучше, чѣмъ съ татарами, и хуже, чѣмъ татары. Православный русскій панъ Адамъ Кисель, правительственный комиссаръ у козаковъ, хорошо ихъ знавшій, въ 1636 г. писалъ про нихъ, что они очень любятъ религію греческую и ея духовенство, хотя въ религіозномъ отношеніи болѣе похожи на татаръ, чѣмъ на христіанъ. Козакъ оставался безъ всякаго нравственнаго содержанія. Въ Рѣчи Посполитой едва ли былъ другой классъ, стоявшій на болѣе низкомъ уровнѣ нравственнаго и гражданскаго развитія: развѣ только высшая іерархія малороссійской Церкви передъ церковной уніей могла потягаться съ козачествомъ въ одичаніи. Въ своей Украйнѣ при крайне тугомъ мышленіи оно еще не привыкло видѣть отечество. Этому мѣшалъ и чрезвычайно сбродный составъ козачества. Въ пятисотенный списочный, реестровый отрядъ козаковъ, навербованный при Стефанѣ Баторіи, вошли люди изъ 74 городовъ и уѣздовъ западной Руси и Литвы, даже такихъ

отдаленныхъ, какъ Вильна, Полоцкъ, потомъ — изъ 7 польскихъ городовъ, Познани, Кракова и др., кромѣ того москали изъ Рязани и откуда-то съ Волги, молдаване и вдобавокъ ко всему по одному сербу, нѣмцу и татарину изъ Крыма съ некрещенымъ именемъ. Что могло объединять этотъ сбродъ? На шеѣ у него сидѣлъ панъ, а на боку висѣла сабля: бить и грабить пана и торговать саблей — въ этихъ двухъ интересахъ замкнулось все политическое міросозерцаніе козака, вся соціальная наука, какую преподавала Сѣчь, козацкая академія, высшая школа доблести для всякаго добраго козака и притонъ бунтовъ, какъ его называли поляки. Свои боевыя услуги козаки предлагали за надлежащее вознагражденіе и императору германскому противъ турокъ, и своему польскому правительству противъ Москвы и Крыма, и Москвѣ и Крыму противъ своего польскаго правительства. Раннія козацкія возстанія противъ Рѣчи Посполитой носили чисто соціальный, демократическій характеръ безъ всякаго религіозно-національнаго оттѣнка. Они, конечно, зачинались на Запорожьи. Но въ первомъ изъ нихъ даже вождь былъ чужой, изъ враждебной козакамъ среды, измѣнившій своему отечеству и сословію, замотавшійся шляхтичъ изъ Подляхіи Крыштофъ Косинскій. Онъ пристроился къ Запорожью, съ отрядомъ запорожцевъ нанялся на королевскую службу и въ 1591 г. только изъ-за того, что наемникамъ во-время не уплатили жалованья, набралъ запорожцевъ и всякаго козацкаго сброда и принялся разорять и жечь украинскіе города, мѣстечки, усадьбы шляхты и пановъ, особенно богатѣйшихъ на Украйнѣ землевладѣльцевъ, князей Острожскихъ. Князь К. Острожскій побилъ его, взялъ въ плѣнъ, простилъ съ его запорожскими товарищами и заставилъ ихъ присягнуть на обязательствѣ смирно сидѣть у себя за порогами. Но мѣсяца

черезъ два Косинскій поднялъ новое возстаніе, присягнулъ на подданство московскому царю, хвалился съ турецкой и татарской помощью перевернуть вверхъ дномъ всю Украйну, перерѣзать всю тамошнюю шляхту, осадилъ городъ Черкасы, задумавъ вырѣзать всѣхъ его обывателей со старостой города, тѣмъ самымъ кн. Вишневецкимъ, который выпросилъ ему пощаду у кн. Острожскаго, и наконецъ сложилъ голову въ бою съ этимъ старостой. Его дѣло продолжали Лобода и Наливайко, которые до 1595 г. разоряли правобережную Украйну. И вотъ этой продажной саблѣ безъ Бога и отечества обстоятельства навязали религіозно-національное знамя, судили высокую роль стать оплотомъ западно-русскаго православія.

Козаки за вѣру и народность.

Эта неожиданная роль была подготовлена козачеству другой уніей, церковной, совершившейся 27 лѣтъ спустя послѣ политической. Напомню мимоходомъ главныя обстоятельства, которыя привели къ этому событію. Католическая пропаганда, возобновившаяся съ появленіемъ въ Литвѣ іезуитовъ въ 1569 г., скоро сломила здѣсь протестантизмъ и набросилась на православіе. Она встрѣтила сильный отпоръ сначала въ православныхъ магнатахъ съ княземъ К. Острожскимъ во главѣ, а потомъ въ городскомъ населеніи, въ братствахъ. Но среди высшей православной іерархіи, деморализованной, презираемой своими и притѣсняемой католиками, возникла старая мысль о соединеніи съ римской Церковью, и на Брестскомъ соборѣ 1596 г. русское церковное общество распалось на двѣ враждебныя части, православную и уніатскую. Православное общество перестало быть законной Церковью, признанной государствомъ. Рядовому православному духовенству со смертью двухъ епископовъ, не принявшихъ уніи, предстояло остаться безъ архіереевъ; русское мѣщанство теряло политическую опору

съ начавшимся повальнымъ переходомъ православной знати въ унію и католичество. Оставалась единственная сила, за которую могли ухватиться духовенство и мѣщанство, козачество со своимъ резервомъ, русскимъ крестьянствомъ. Интересы этихъ четырехъ классовъ были разные; но это различіе забывалось при встрѣчѣ съ общимъ врагомъ. Церковная унія не объединила этихъ классовъ, но дала новый стимулъ ихъ совмѣстной борьбѣ и помогла имъ лучше понимать другъ друга: и козаку, и хлопу легко было растолковать, что церковная унія — это союзъ ляшскаго короля, пана, ксендза и ихъ общаго агента жида противъ русскаго бога, котораго обязанъ защищать всякій русскій. Сказать загнанному хлопу или своевольному козаку, помышлявшимъ о погромѣ пана, на землѣ котораго они жили, что они этимъ погромомъ побораютъ по обижаемомъ русскомъ богѣ, значило облегчить и ободрить ихъ совѣсть, придавленную шевелившимся гдѣ-то на днѣ ея чувствомъ, что какъ никакъ, а погромъ не есть доброе дѣло. Первыя козацкія возстанія въ концѣ XVI в., какъ мы видѣли, еще не имѣли того религіозно-національнаго характера. Но съ начала XVII в. козачество постепенно втягивается въ православно-церковную оппозицію. Козацкій гетманъ Сагайдачный со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ вписался въ кіевское православное братство, въ 1620 г. черезъ іерусалимскаго патріарха самовольно, безъ разрѣшенія своего правительства, возстановилъ высшую православную іерархію, которая и дѣйствовала подъ козацкой защитой. Въ 1625 г. глава этой новопоставленной іерархіи, митрополитъ кіевскій, самъ призвалъ на защиту православныхъ кіевлянъ запорожскихъ козаковъ, которые и утопили кіевскаго войта за притѣсненіе православныхъ.

Рознь въ козачествѣ.

Такъ козачество получило знамя, лицевая сторона котораго призывала къ борьбѣ за вѣру и за народъ русскій,

а оборотная — къ истребленію или изгнанію пановъ и шляхты изъ Украйны. Но это знамя не объединяло всего козачества. Еще въ XVI в. среди него началось экономическое раздвоеніе. Козаки, ютившіеся по пограничнымъ городамъ и жившіе отхожими промыслами въ степи, потомъ начали осѣдать на промысловыхъ угодьяхъ, заводить хутора и пашни. Въ началѣ XVII в. иные пограничные округа, какъ Каневскій, были уже наполнены козацкими хуторами. Заимка, какъ обыкновенно бываетъ при заселеніи пустыхъ земель, становилась основаніемъ землевладѣнія. Изъ этихъ осѣдлыхъ козаковъ-землевладѣльцевъ преимущественно вербовалось реестровое козачество, получавшее отъ правительства жалованье. Съ теченіемъ времени реестровые раздѣлились на территоріальные отряды, *полки*, по городамъ, служившимъ административными средоточіями округовъ, гдѣ жили козаки. Договоръ козаковъ съ коронным гетманомъ Конецпольскимъ въ 1625 г. установилъ реестровое козацкое войско въ 6 тыс. человѣкъ; оно дѣлилось тогда на шесть полковъ (Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій и Переяславскій); при Б. Хмельницкомъ полковъ было уже 16 и въ нихъ числилось свыше 230 сотенъ. Начало этого полкового дѣленія относятъ ко времени гетмана Сагайдачнаго († 1622 г.), который является вообще организаторомъ малороссійскаго козачества. Въ образѣ дѣйствій этого гетмана и вскрылся внутренній разладъ, таившійся въ самомъ складѣ козачества. Сагайдачный хотѣлъ рѣзко отдѣлить реестровыхъ козаковъ, какъ привилегированное сословіе, отъ простыхъ посполитыхъ крестьянъ, переходившихъ въ козаки, и на него жаловались, что при немъ посполитству было тяжело. Шляхтичъ самъ по происхожденію, онъ и на козачество переносилъ свои шляхетскія понятія. При такомъ отношеніи борьба козачества съ украин-

ской шляхтой получала особый характеръ: ея цѣлью становилось не очищеніе Украйны отъ пришлаго иноплеменнаго дворянства, а замѣщеніе его своимъ туземнымъ привилегированнымъ классомъ; въ реестровомъ козачествѣ готовилась будущая козацкая шляхта. Но истинная сила козачества заключалась не въ реестровыхъ. Реестръ даже въ составѣ 6 тысячъ вбиралъ въ себя не болѣе десятой доли того люда, который причислялъ себя къ козачеству и присвоялъ козацкія права. Это былъ вообще народъ бѣдный, бездомный, *голота*, какъ его называли. Значительная часть его проживала въ панскихъ и шляхетскихъ вотчинахъ и въ качествѣ вольныхъ козаковъ не хотѣла нести одинаковыхъ съ посполитыми крестьянами повинностей. Польскіе управители и паны не хотѣли знать вольностей этого народа и старались повернуть вольницу въ посполъство. Когда польское правительство нуждалось въ боевомъ содѣйствіи козаковъ, оно допускало въ козацкое ополченіе всѣхъ, реестровыхъ и нереестровыхъ, но по минованіи надобности вычеркивало, *выписывало* лишнихъ изъ реестра, чтобы вернуть ихъ въ прежнее состояніе. Эти *выпищики*, угрожаемые хлопской неволей, скоплялись въ своемъ убѣжищѣ Запорожьи и оттуда вели возстанія. Такъ зачинались козацкіе мятежи, которые идутъ съ 1624 г. на протяженіи 14 лѣтъ подъ предводительствомъ Жмайла, Тараса, Сулимы, Павлюка, Остранина и Гуни. Реестръ при этомъ или расходился на двѣ стороны, или весь становился за поляковъ. Всѣ эти возстанія были неудачны для козаковъ и кончились въ 1638 г. потерей важнѣйшихъ правъ козачества. Реестръ былъ обновленъ и поставленъ подъ команду польскихъ шляхтичей; мѣсто гетмана занялъ правительственный коммиссаръ; осѣдлые козаки потеряли свои наслѣдственныя земли; нереестровые возвращены въ панскую неволю. Воль-

ное козачество было уничтожено. Тогда, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, всякую свободу у козаковъ отняли, тяжкія небывалыя подати наложили, церкви и службу церковную жидамъ запродали.

Ляхи и русскіе, русскіе и евреи, католики и уніаты, уніаты и православные, братства и архіереи, шляхта и посполъство, посполъство и козачество, козачество и мѣщанство, реестровые козаки и вольная голота, городовое козачество и Запорожье, козацкая старшина и козацкая чернь, наконецъ, козацкій гетманъ и козацкая старшина — всѣ эти общественныя силы, сталкиваясь и путаясь въ своихъ отношеніяхъ, попарно враждовали между собой и всѣ эти парныя вражды, еще скрытыя или уже вскрывшіяся, переплетаясь, затягивали жизнь Малороссіи въ такой сложный узелъ, распутать который не могъ ни одинъ государственный умъ ни въ Варшавѣ, ни въ Кіевѣ. Возстаніе Б. Хмельницкаго было попыткой разрубить этотъ узелъ козацкой саблей. Трудно сказать, предвидѣли ли въ Москвѣ это возстаніе и необходимость волей-неволей въ него вмѣшаться. Тамъ не спускали глазъ со Смоленской и Сѣверской земли и послѣ неудачной войны 1632—1634 гг. исподтишка готовились при случаѣ поправить неудачу. Малороссія лежала еще далеко за горизонтомъ московской политики, да и память о черкасахъ Лисовскаго и Сапѣги была еще довольно свѣжа. Правда, изъ Кіева засылали въ Москву съ заявленіями о готовности служить православному московскому государю, даже съ челобитьемъ къ нему взять Малороссію подъ свою высокую руку, ибо имъ, православнымъ малороссійскимъ людямъ, кромѣ государя дѣться негдѣ. Въ Москвѣ осторожно отвѣчали, что когда отъ поляковъ утѣсненіе въ вѣрѣ будетъ, тогда государь и подумаетъ, какъ бы вѣру православную отъ еретиковъ избавить. Съ самаго начала воз- Малороссійскій вопросъ.

станія Хмельницкаго между Москвой и Малороссіей установились двусмысленныя отношенія. Успѣхи Богдана превзошли его помышленія: онъ вовсе не думалъ разрывать въ Рѣчью Посполитой, хотѣлъ только припугнуть зазнавшихся пановъ, а тутъ послѣ трехъ побѣдъ почти вся Малороссія очутилась въ его рукахъ. Онъ самъ признавался, что ему удалось сдѣлать то, о чемъ онъ и не помышлялъ. У него начала кружиться голова, особенно за обѣдомъ. Ему мерещилось уже Украинское княжество по Вислу съ великимъ княземъ Богданомъ во главѣ; онъ называлъ себя „единовладнымъ самодержцемъ русскимъ", грозилъ всѣхъ ляховъ перевернуть вверхъ ногами, всю шляхту загнать за Вислу и т. д. Онъ очень досадовалъ на московскаго царя за то, что тотъ не помогъ ему съ самаго начала дѣла, не наступилъ тотчасъ на Польшу, и въ раздраженіи говорилъ московскимъ посламъ вещи, непригожія и къ концу обѣда, грозилъ сломать Москву, добраться и до того, кто на Москвѣ сидитъ. Простодушная похвальба смѣнялась униженнымъ, но не простодушнымъ раскаяніемъ. Эта измѣнчивость настроенія происходила не только отъ темперамента Богдана, но и отъ чувства лжи своего положенія. Онъ не могъ сладить съ Польшей однѣми козацкими силами, а желательная внѣшняя помощь изъ Москвы не приходила, и онъ долженъ былъ держаться за крымскаго хана. Послѣ первыхъ побѣдъ своихъ онъ намекалъ на свою готовность служить московскому царю, если тотъ поддержитъ козаковъ. Но въ Москвѣ медлили, выжидали, какъ люди, не имѣющіе своего плана, а чающіе его отъ хода событій. Тамъ не знали, какъ поступить съ мятежнымъ гетманомъ, принять ли его подъ свою власть, или только поддерживать изъ-за угла противъ поляковъ. Какъ подданный, Хмельницкій былъ менѣе удобенъ, чѣмъ какъ негласный союзникъ: поддан-

наго надобно защищать, а союзника можно покинуть по миновании въ немъ надобности. Притомъ открытое заступничество за козаковъ вовлекало въ войну съ Польшей и во всю путаницу малороссійскихъ отношеній. Но и остаться безучастными къ борьбѣ значило выдать врагамъ православную Украйну и сдѣлать Богдана своимъ врагомъ: онъ грозилъ, если его не поддержать изъ Москвы, наступать на нее съ крымскими татарами, а не то, побившись съ ляхами, помириться да вмѣстѣ съ ними поворотиться на царя. Вскорѣ послѣ Зборовскаго договора, сознавая неизбѣжность новой войны съ Польшей, Богданъ высказалъ царскому послу желаніе въ случаѣ неудачи перейти со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ въ московскіе предѣлы. Только года черезъ полтора, когда Хмельницкій проигралъ уже вторую кампанію противъ Польши и потерялъ почти всѣ выгоды, завоеванныя въ первой, въ Москвѣ, наконецъ, признали эту мысль Богдана удобнѣйшимъ выходомъ изъ затрудненія и предложили гетману со всѣмъ войскомъ козацкимъ переселиться на пространныя и изобильныя земли государевы по рѣкамъ Донцу, Медвѣдицѣ и другимъ угожимъ мѣстамъ: это переселеніе не вовлекало въ войну съ Польшей, не загоняло козаковъ подъ власть султана турецкаго и давало Москвѣ хорошую пограничную стражу со стороны степи. Но событія не слѣдовали благоразумному темпу московской политики. Хмельницкій вынужденъ былъ къ третьей войнѣ съ Польшей при неблагопріятныхъ условіяхъ и усиленно молилъ московскаго царя принять его въ подданство; иначе ему остается отдаться подъ давно предлагаемую защиту турецкаго султана и хана крымскаго. Наконецъ въ началѣ 1653 г. въ Москвѣ рѣшили принять Малороссію въ подданство и воевать съ Польшей. Но и тутъ проволочили дѣло еще почти на годъ, только лѣтомъ объявили

Хмельницкому о своемъ рѣшеніи, а осенью собрали земскій соборъ, чтобы обсудить дѣло по чину, потомъ еще подождали, пока гетманъ потерпѣлъ новую неудачу подъ Жванцемъ, снова выданный своимъ союзникомъ ханомъ, и только въ январѣ 1654 г. отобрали присягу отъ козаковъ. Послѣ капитуляціи подъ Смоленскомъ въ 1634 г. 13 лѣтъ ждали благопріятнаго случая, чтобы смыть позоръ. Въ 1648 г. поднялись козаки малороссійскіе. Польша очутилась въ отчаянномъ положеніи; изъ Украйны просили Москву помочь, чтобы обойтись безъ предательскихъ татаръ, и взять Украйну подъ свою державу. Москва не трогалась, боясь нарушить миръ съ Польшей, и 6 лѣтъ съ неподвижнымъ любопытствомъ наблюдала, какъ дѣло Хмельницкаго, испорченное татарами подъ Зборовомъ и Берестечкомъ, клонилось къ упадку, какъ Малороссія опустошалась союзниками татарами и звѣрски свирѣпою усобицей, и наконецъ, когда страна уже никуда не годилась, ее приняли подъ свою высокую руку, чтобы превратить правящіе украинскіе классы изъ польскихъ бунтарей въ озлобленныхъ московскихъ подданныхъ. Такъ могло идти дѣло только при обоюдномъ непониманіи сторонъ. Москва хотѣла прибрать къ рукамъ украинское козачество, хотя бы даже безъ козацкой территоріи, а если и съ украинскими городами, то непремѣнно подъ условіемъ, чтобы тамъ сидѣли московскіе воеводы съ дьяками, а Богданъ Хмельницкій разсчитывалъ стать чѣмъ-то въ родѣ герцога Чигиринскаго, правящаго Малороссіей подъ отдаленнымъ сюзеренным надзоромъ государя московскаго и при содѣйствіи козацкой знати, есауловъ, полковниковъ и прочей старшины. Не понимая другъ друга и не довѣряя одна другой, обѣ стороны во взаимныхъ сношеніяхъ говорили не то, что думали, и дѣлали то, чего не желали. Богданъ ждалъ отъ Москвы открытаго

разрыва съ Польшей и военнаго удара на нее съ востока, чтобы освободить Малороссію и взять ее подъ свою руку, а московская дипломатія, не разрывая съ Польшей, съ тонкимъ разсчетомъ поджидала, пока козаки своими побѣдами доканають ляховъ и заставять ихъ отступиться отъ мятежнаго края, чтобы тогда легально, не нарушая вѣчнаго мира съ Польшей, присоединить Малую Русь къ Великой. Жестокой насмѣшкой звучалъ московскій отвѣтъ Богдану, когда онъ мѣсяца за два до зборовскаго дѣла, имѣвшаго рѣшить судьбу Польши и Малороссіи, низко билъ челомъ царю „благословить рати своей наступить“ на общихъ враговъ, а онъ въ Божій часъ пойдетъ на нихъ отъ Украйны, моля Бога, чтобы правдивый и православный государь надъ Украйной царемъ и самодержцемъ былъ. На это видимо искреннее челобитье изъ Москвы отвѣчали: вѣчнаго мира съ поляками нарушить нельзя, но *если король гетмана и все войско Запорожское освободитъ, то государь гетмана и все войско пожалуетъ, подъ свою высокую руку принять велитъ.* При такомъ обоюдномъ непониманіи и недовѣріи обѣ стороны больно ушиблись объ то, чего не доглядѣли во-время. Отважная козацкая сабля и изворотливый дипломатъ, Богданъ былъ заурядный политическій умъ. Основу своей внутренней политики онъ разъ навеселѣ высказалъ польскимъ комиссарамъ: „провинится князь, рѣжь ему шею; провинится козакъ, и ему тоже — вотъ будетъ правда“. Онъ смотрѣлъ на свое возстаніе, только какъ на борьбу козаковъ со шляхетствомъ, угнетавшимъ ихъ, какъ послѣднихъ рабовъ, по его выраженію, и признавался, что онъ со своими козаками ненавидитъ шляхту и пановъ до смерти. Но онъ не устранилъ и даже не ослабилъ той роковой соціальной розни, хотя ее и чуялъ, какая таилась въ самой козацкой средѣ, завелась до него и рѣзко

проявилась тотчасъ послѣ него: это — вражда козацкой старшины съ рядовымъ козачествомъ, „городовой и запорожской чернью“, какъ тогда называли его на Украйнѣ. Эта вражда вызвала въ Малороссіи безконечныя смуты и привела къ тому, что правобережная Украйна досталась туркамъ и превратилась въ пустыню. И Москва получила по заслугамъ за свою тонкую и осторожную дипломатію. Тамъ смотрѣли на присоединеніе Малороссіи съ традиціонно-политической точки зрѣнія, какъ на продолженіе территоріальнаго собиранія Русской земли, отторженіе обширной русской области отъ враждебной Польши къ вотчинѣ московскихъ государей, и по завоеваніи Бѣлоруссіи и Литвы въ 1655 г. поспѣшили внести въ царскій титулъ „всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца Литовскаго, Волынскаго и Подольскаго“. Но тамъ плохо понимали внутреннія общественныя отношенія Украйны, да и мало занимались ими, какъ дѣломъ неважнымъ, и московскіе бояре недоумѣвали, почему это посланцы гетмана Выговскаго съ такимъ презрѣніемъ отзывались о запорожцахъ, какъ о пьяницахъ и игрокахъ, а между тѣмъ все козачество и съ самимъ гетманомъ зовется *Войскомъ Запорожскимъ,* и съ любопытствомъ расспрашивали этихъ посланцовъ, гдѣ живали прежніе гетманы, въ Запорожьи или въ городахъ, и изъ кого ихъ выбирали, и откуда самъ Богданъ Хмельницкій выбранъ. Очевидно, московское правительство, присоединивъ Малороссію, увидѣло себя въ тамошнихъ отношеніяхъ, какъ въ темномъ лѣсу. Зато малороссійскій вопросъ, такъ криво поставленный обѣими сторонами, затруднилъ и испортилъ внѣшнюю политику Москвы на нѣсколько десятилѣтій, завязилъ ее въ невылазныя малороссійскія дрязги, раздробилъ ея силы въ борьбѣ съ Польшей, заставилъ ее отказаться и отъ Литвы, и отъ Бѣлоруссіи

съ Волынью и Подоліей и еле-еле далъ возможность удержать лѣвобережную Украйну съ Кіевомъ на той сторонѣ Днѣпра. Послѣ этихъ потерь Москва могла повторить про себя самоё слова, какія однажды сказалъ, заплакавъ, Б. Хмельницкій въ упрекъ ей за неподаніе помощи во-время: „не того мнѣ хотѣлось и не такъ было тому дѣлу быть".

Малороссійскій вопросъ своимъ прямымъ или косвеннымъ дѣйствіемъ усложнилъ внѣшнюю политику Москвы. Царь Алексѣй, начавъ войну съ Польшей за Малороссію въ 1654 г., быстро завоевалъ всю Бѣлоруссію и значительную часть Литвы съ Вильной, Ковной и Гродной. Въ то время какъ Москва забирала восточныя области Рѣчи Посполитой, на нее же напалъ съ сѣвера другой врагъ, шведскій король Карлъ X, который такъ же быстро завоевалъ всю Великую и Малую Польшу съ Краковомъ и Варшавой, выгналъ короля Яна Казимира изъ Польши и провозгласилъ себя польскимъ королемъ, наконецъ, даже хотѣлъ отнять Литву у царя Алексѣя. Такъ два непріятеля, бившіе Польшу съ разныхъ сторонъ, столкнулись и поссорились изъ-за добычи. Царь Алексѣй вспомнилъ старую мысль царя Ивана о балтійскомъ побережьи, о Ливоніи, и борьба съ Польшей прервалась въ 1656 г. войной со Швеціей. Такъ опять сталъ на очередь забытый вопросъ о распространеніи территоріи Московскаго государства до естественнаго ея рубежа, до балтійскаго берега. Вопросъ ни на шагъ не подвинулся къ рѣшенію: Риги взять не удалось и скоро царь прекратилъ военныя дѣйствія, а потомъ заключилъ миръ со Швеціей (въ Кардисѣ 1661 г.), воротивъ ей всѣ свои завоеванія. Какъ ни была эта война безплодна и даже вредна Москвѣ тѣмъ, что помогла Польшѣ оправиться отъ шведскаго погрома, все же она помѣшала нѣсколько соединиться подъ властью одного короля двумъ государствамъ, Балтійскій вопросъ.

хотя одинаково враждебнымъ Москвѣ, но постоянно ослаблявшимъ свои силы взаимною враждой.

Восточный вопросъ.

Уже умиравшій Богданъ и тутъ сталъ поперекъ дороги и друзьямъ, и недругамъ, обоимъ государствамъ, и тому, которому измѣнилъ, и тому, которому присягалъ. Испуганный сближеніемъ Москвы съ Польшей, онъ вошелъ въ соглашеніе со шведскимъ королемъ Карломъ X и трансильванскимъ княземъ Рагоци, и они втроемъ составили планъ раздѣла Рѣчи Посполитой. Истый представитель своего козачества, привыкшаго служить на всѣ четыре стороны, Богданъ перебывалъ слугой или союзникомъ, а подчасъ и предателемъ всѣхъ сосѣднихъ владѣтелей, и короля польскаго, и царя московскаго, и хана крымскаго, и султана турецкаго, и господаря молдавскаго, и князя трансильванскаго и кончилъ замысломъ стать вольнымъ удѣльнымъ княземъ малороссійскимъ при польско-шведскомъ королѣ, которымъ хотѣлось быть Карлу X. Эти предсмертныя козни Богдана и заставили царя Алексѣя кое-какъ кончить шведскую войну. Малороссія втянула Москву и въ первое прямое столкновеніе съ Турціей. По смерти Богдана началась открытая борьба козацкой старшины съ чернью. Преемникъ его Выговскій передался королю и съ татарами подъ Конотопомъ уничтожилъ лучшее войско царя Алексѣя (1659 г.). Ободренные этимъ и освободившись отъ шведовъ съ помощью Москвы, поляки не хотѣли уступать ей ничего изъ ея завоеваній. Началась вторая война съ Польшей, сопровождавшаяся для Москвы двумя страшными неудачами, пораженіемъ кн. Хованскаго въ Бѣлоруссіи и капитуляціей Шереметева подъ Чудновомъ на Волыни вслѣдствіе козацкой измѣны. Литва и Бѣлоруссія были потеряны. Преемники Выговскаго, сынъ Богдана Юрій и Тетеря измѣнили. Украйна раздѣлилась по Днѣпру на двѣ враждеб-

ныя половины, лѣвую московскую и правую польскую. Король захватилъ почти всю Малороссію. Обѣ боровшіяся стороны дошли до крайняго истощенія: въ Москвѣ нечѣмъ стало платить ратнымъ людямъ и выпустили мѣдныя деньги по цѣнѣ серебряныхъ, что̀ вызвало московскій бунтъ 1662 г.; Великая Польша взбунтовалась противъ короля подъ предводительствомъ Любомирскаго. Москва и Польша, казалось, готовы были выпить другъ у друга послѣднія капли крови. Ихъ выручилъ врагъ обѣихъ гетманъ Дорошенко, поддавшись съ правобережной Украйной султану (1666 г.). Въ виду грознаго общаго врага Андрусовское перемиріе 1667 г. положило конецъ войнѣ. Москва удержала за собой области Смоленскую и Сѣверскую и лѣвую половину Украйны съ Кіевомъ, стала широко растянутымъ фронтомъ на Днѣпрѣ отъ его верховьевъ до Запорожья, которое согласно своей исторической природѣ осталось въ межеумочномъ положеніи, на службѣ у обоихъ государствъ, Польскаго и Московскаго. Новая династія замолила свои столбовскіе, деулинскіе и поляновскіе грѣхи. Андрусовскій договоръ произвелъ крутой переломъ во внѣшней политикѣ Москвы. Руководителемъ ея вмѣсто осторожно-близорукаго Б. И. Морозова сталъ виновникъ этого договора А. Л. Ординъ-Нащокинъ, умѣвшій заглядывать впередъ. Онъ началъ разрабатывать новую политическую комбинацію. Польша перестала казаться опасной. Вѣковая борьба съ ней пріостановилась надолго, на цѣлое столѣтіе. Малороссійскій вопросъ заслонили другія задачи, имъ же и поставленныя. Онѣ направлены были на Ливонію, т.-е. Швецію, и на Турцію. Для борьбы съ той и другой нуженъ былъ союзъ съ Польшей, угрожаемой обѣими; она сама усиленно хлопотала объ этомъ союзѣ. Ординъ-Нащокинъ развилъ идею этого союза въ цѣлую систему. Въ запискѣ, поданной царю еще

до Андрусовскаго договора, онъ тремя соображеніями доказывалъ необходимость этого союза: только этотъ союзъ дастъ возможность покровительствовать православнымъ въ Польшѣ; только при тѣсномъ союзѣ съ Польшей можно удержать козаковъ отъ злой войны съ Великороссіей по наущенію хана и шведа; наконецъ, молдаване и волохи, теперь отдѣленные отъ православной Руси враждебной Польшей, при нашемъ союзѣ съ нею къ намъ пристанутъ и отпадутъ отъ турокъ, и тогда отъ самаго Дуная черезъ Днѣстръ изъ всѣхъ волоховъ, изъ Подоліи, Червонной Руси, Волыни, Малой и Великой Руси составится цѣльный многочисленный народъ христіанскій, дѣти одной матери, православной Церкви. Послѣднее соображеніе должно было встрѣтить въ царѣ особенное сочувствіе: мысль о турецкихъ христіанахъ давно занимала Алексѣя. Въ 1656 г. на Пасху, похристосовавшись въ церкви съ жившими въ Москвѣ греческими купцами, онъ спросилъ ихъ, хотятъ ли они, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ турецкой неволи, и на понятный отвѣтъ ихъ продолжалъ: „когда вернетесь въ свою страну, просите своихъ архіереевъ, священниковъ и монаховъ молиться за меня, и по ихъ молитвамъ мой мечъ разсѣчетъ выю моихъ враговъ“. Потомъ съ обильными слезами онъ сказалъ, обращаясь къ боярамъ, что его сердце сокрушается о порабощеніи этихъ бѣдныхъ людей невѣрными и Богъ взыщетъ съ него въ день судный за то, что имѣя возможность освободить ихъ, онъ пренебрегаетъ этимъ, но онъ принялъ на себя обязательство принести въ жертву свое войско, казну, даже кровь свою для ихъ избавленія. Такъ разсказывали сами греческіе купцы. Въ договорѣ 1672 г. не задолго до нашествія султана на Польшу царь обязался помогать королю въ случаѣ нападенія турокъ и послать къ султану и хану отговаривать ихъ отъ

войны съ Польшей. Виды непривычныхъ союзниковъ далеко не совпадали: Польша прежде всего заботилась о своей внѣшней безопасности; для Москвы къ этому присоединялся еще вопросъ объ единовѣрцахъ и притомъ вопросъ обоюдосторонній — о турецкихъ христіанахъ съ русской стороны и о русскихъ магометанахъ съ турецкой. Такъ скрестились религіозныя отношенія на европейскомъ Востокѣ еще въ XVI в. Московскій царь Иванъ, какъ вы знаете, покорилъ два магометанскія царства, Казанское и Астраханское. Но покоренные магометане съ надеждой и мольбой обращались къ своему духовному главѣ, преемнику халифовъ, султану турецкому, призывая его освободить ихъ отъ христіанскаго ига. Въ свою очередь подъ рукой турецкаго султана жило на Балканскомъ полуостровѣ многочисленное населеніе, единовѣрное и единоплеменное съ русскимъ народомъ. Оно также съ надеждой и мольбой обращалось къ московскому государю, покровителю православнаго Востока, призывая его освободить турецкихъ христіанъ отъ магометанскаго ярма. Мысль о борьбѣ съ турками при помощи Москвы тогда стала бойко распространяться среди балканскихъ христіанъ. Согласно договору московскіе послы поѣхали въ Константинополь отговорить султана отъ войны съ Рѣчью Посполитой. Знаменательныя вѣсти привезли они изъ Турціи. Проѣзжая по Молдавіи и Валахіи, они слышали такіе толки въ народѣ: „далъ бы только Богъ хотя малую побѣду одержать надъ турками христіанамъ, и мы тотчасъ стали бы промышлять надъ невѣрными“. Но въ Константинополѣ московскимъ посламъ сказали, что недавно приходили сюда послы отъ казанскихъ и астраханскихъ татаръ и отъ башкиръ, которые просили султана принять въ свое подданство царства Казанское и Астраханское, жалуясь, что московскіе люди, ненавидя ихъ басурманскую вѣру,

многихъ изъ нихъ бьютъ до смерти и разоряютъ безпрестанно. Султанъ велѣлъ татарамъ потерпѣть еще немного и пожаловалъ челобитчиковъ халатами.

Европейскія отношенія.

Такъ малороссійскій вопросъ потянулъ за собой два другихъ: вопросъ балтійскій — о пріобрѣтеніи балтійскаго побережья и восточный — объ отношеніяхъ къ Турціи изъ-за балканскихъ христіанъ. Послѣдній вопросъ тогда вынашивался только въ идеѣ, въ благожелательныхъ помыслахъ царя Алексѣя и Ордина-Нащокина: тогда еще не подъ силу былъ русскому государству прямой практическій приступъ къ этому вопросу, и онъ пока сводился для московскаго правительства къ борьбѣ съ врагомъ, стоявшимъ на пути къ Турціи, съ Крымомъ. Этотъ Крымъ сидѣлъ бѣльмомъ на глазу у московской дипломатіи, входилъ досаднымъ элементомъ въ составъ каждой ея международной комбинаціи. Уже въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя, не успѣвъ еще свести своихъ очередныхъ счетовъ съ Польшей, Москва склоняла ее къ наступательному союзу противъ Крыма. Когда Андрусовское перемиріе по Московскому договору 1686 г. превратилось въ вѣчный миръ и Московское государство впервые вступило въ европейскую коалицію, въ четверной союзъ съ Польшей, Германской имперіей и Венеціей противъ Турціи, Москва взяла на себя въ этомъ предпріятіи наиболѣе разученную ею партитуру, борьбу съ татарами, наступленіе на Крымъ. Такъ съ каждымъ шагомъ осложнялась внѣшняя политика Московскаго государства. Правительство завязывало вновь или возстановляло порванныя связи съ обширнымъ кругомъ державъ, которыя были ему нужны по его отношеніямъ къ ближайшимъ враждебнымъ сосѣдямъ или которымъ оно было нужно по ихъ европейскимъ отношеніямъ. А Московское государство оказалось тогда нелишнимъ въ Европѣ. Въ пору

крайняго международнаго своего униженія, вскорѣ послѣ Смуты, оно не теряло извѣстнаго дипломатическаго вѣса. Международныя отношенія на Западѣ складывались тогда для него довольно благопріятно. Тамъ начиналась Тридцатилѣтняя война и отношенія государствъ теряли устойчивость; каждое искало внѣшней опоры, боясь одиночества. Московскому государству при всемъ его политическомъ безсиліи придавало силу его географическое положеніе и церковное значеніе. Французскій посолъ Курмененъ, первый посолъ изъ Франціи, явившійся въ Москву, не изъ одной только французской вѣжливости называлъ царя Михаила начальникомъ надъ восточной страною и надъ греческою вѣрою. Москва стояла въ тылу у всѣхъ государствъ между Балтійскимъ и Адріатическимъ моремъ и когда здѣсь международныя отношенія запутались и завязалась борьба, охватившая весь континентальный Западъ, каждое изъ этихъ государствъ заботилось обезпечить свой тылъ съ востока заключеніемъ союза или пріостановкой вражды съ Москвой. Вотъ почему съ самаго начала дѣятельности новой династіи кругъ внѣшнихъ сношеній Московскаго государства постепенно расширяется даже безъ усилій со стороны его правительства. Его вовлекаютъ въ различныя политическія и экономическія комбинаціи, складывавшіяся тогда въ Европѣ. Англія и Голландія помогаютъ царю Михаилу уладить дѣла съ враждебными ему Польшей и Швеціей, потому что Московія для нихъ выгодный рынокъ и удобный транзитный путь на востокъ, въ Персію, даже въ Индію. Французскій король предлагаетъ Михаилу союзъ тоже по торговымъ интересамъ Франціи на востокѣ, соперничая съ англичанами и голландцами. Самъ султанъ зоветъ Михаила воевать вмѣстѣ Польшу, а шведскій король Густавъ Адольфъ, обобравшій Москву по Столбовскому договору, имѣя общихъ

съ нею недруговъ въ Польшѣ и Австріи, внушаетъ московскимъ дипломатамъ идею антикатолическаго союза, соблазняетъ ихъ мыслью сдѣлать ихъ униженное отечество органическимъ и вліятельнымъ членомъ европейскаго политическаго міра, называетъ побѣдоносную шведскую армію, дѣйствовавшую въ Германіи, передовымъ полкомъ, бьющимся за Московское государство, и первый заводитъ постояннаго резидента въ Москвѣ. Государство царя Михаила было слабѣе государства царей Ивана и Ѳедора, но было гораздо менѣе одинокимъ въ Европѣ. Еще въ большей степени можно сказать это о государствѣ царя Алексѣя. Пріѣздъ иноземнаго посольства становится тогда привычнымъ явленіемъ въ Москвѣ. Московскіе послы ѣздятъ ко всевозможнымъ европейскимъ дворамъ, даже къ испанскому и тосканскому. Впервые московская дипломатія выходитъ на такое широкое поприще. Съ другой стороны, то теряя, то пріобрѣтая на западныхъ границахъ, государство непрерывно продвигалось на востокъ. Русская колонизація, еще въ XVI в. перевалившая за Уралъ, въ продолженіе XVII в. уходитъ далеко въ глубь Сибири и достигаетъ китайской границы, расширяя московскую территорію уже къ половинѣ XVII в. по крайней мѣрѣ тысячъ на 70 кв. миль, если только можно прилагать какую-либо геометрическую мѣру къ тамошнимъ пріобрѣтеніямъ. Эти успѣхи колонизаціи на востокѣ привели Московское государство въ столкновеніе и съ Китаемъ.

Значеніе внѣшней политики.

Такъ осложнялись и затруднялись внѣшнія отношенія государства. Они оказали разностороннее дѣйствіе на его внутреннюю жизнь. Учащавшіяся войны все ощутительнѣе давали чувствовать неудовлетворительность домашнихъ порядковъ и заставляли присматриваться къ чужимъ. Учащавшіяся посольства умножали случаи для поучительныхъ на-

блюденій. Болѣе близкое знакомство съ западно-европейскимъ міромъ выводило хотя бы только правящія сферы изъ заколдованнаго предразсудками и одиночествомъ круга москворѣцкихъ понятій. Но всего больнѣе войны и наблюденія давали чувствовать скудость своихъ матеріальныхъ средствъ, доисторическую невооруженность и малую производительность народнаго труда, неумѣлость прибыльнаго его приложенія. Каждая новая война, каждое пораженіе несло правительству новыя задачи и заботы, народу новыя тяжести. Внѣшняя политика государства вынуждала все большее напряженіе народныхъ силъ. Достаточно краткаго перечня войнъ, веденныхъ первыми тремя царями новой династіи, чтобы почувствовать степень этого напряженія. При царѣ Михаилѣ шли двѣ войны съ Польшей и одна со Швеціей; всѣ три кончились неудачно. При Михаиловомъ преемникѣ шли опять двѣ войны съ Польшей за Малороссію и одна со Швеціей; двѣ изъ нихъ кончились опять неудачно. При царѣ Ѳедорѣ шла тяжелая война съ Турціей, начавшаяся при его отцѣ въ 1673 г. и кончившаяся безполезнымъ Бахчисарайскимъ перемиріемъ въ 1681 г.: западная заднѣпровская Украйна осталась за турками. Если вы разсчитаете продолжительность всѣхъ этихъ войнъ, увидите, что на какія-нибудь 70 лѣтъ (1613—1682) приходится до 30 лѣтъ войны, иногда одновременно съ нѣсколькими непріятелями.

Лекція XLVII.

Колебанія во внутренней жизни Московскаго государства XVII в. — Два ряда нововведеній. — Направленіе законодательства и потребность въ новомъ сводѣ законовъ. — Московскій мятежъ 1648 г. и его отношеніе къ Уложенію. — Приговоръ 16 іюля 1648 г. о составленіи Уложенія и исполненіе приговора. — Письменные источники Уложенія. — Участіе соборныхъ выборныхъ въ его составленіи. — Пріемы составленія. — Значеніе Уложенія. — Новыя идеи. — Новоуказныя статьи.

Возвращаемся ко внутренней жизни Московскаго государства. Изъ обзора ближайшихъ слѣдствій Смуты и внѣшней политики государства мы видѣли, что правительство новой династіи стало передъ трудными внѣшними задачами съ оскудѣвшими наличными средствами, матеріальными и нравственными. Гдѣ оно будетъ искать недостававшихъ ему средствъ и какъ найдетъ ихъ — вотъ вопросъ, который теперь намъ предстоитъ изучить.

Колебанія. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы переберемъ всѣ наиболѣе видныя явленія нашей внутренней жизни. Они очень сложны, идутъ различными, часто пересѣкающимися и иногда встрѣчными теченіями. Но можно разглядѣть ихъ общій источникъ: это былъ тотъ же глубокій переломъ, произведенный Смутнымъ временемъ въ умахъ и отношеніяхъ, на который я уже указывалъ, говоря о ближайшихъ слѣдствіяхъ Смуты. Онъ состоялъ въ томъ, что пошатнулся обычай, на которомъ держался государственный порядокъ

при старой династіи, перервалось преданіе, которымъ руководились созидатели и охранители этого порядка. Когда люди перестають дѣйствовать по привычкѣ, выпускають изъ рукъ нить преданія, они начинають усиленно и суетливо размышлять, а размышленіе дѣлаетъ ихъ мнительными и колеблющимися, заставляеть ихъ пугливо пробовать различные способы дѣйствія. Этой робостью отличались и московскіе государственные люди XVII в. Въ нихъ обиліе новыхъ понятій, плодъ тяжкаго опыта и усиленнаго размышленія, совмѣщалось съ шаткостью политической поступи, съ измѣнчивостью направленій, признакомъ непривычки къ своему положенію. Сознавая несоразмѣрность наличныхъ средствъ съ задачами, ставшими на очередь, они сначала ищуть новыхъ средствъ въ старыхъ домашнихъ національныхъ источникахъ, напрягають силы народа, чинять и достроивають или возстановляють порядокъ, завѣщанный отцами и дѣдами. Но замѣчая истощеніе домашнихъ источниковъ, они хлопотливо бросаются на-сторону, привлекають иноземныя силы въ подмогу изнемогающимъ своимъ, а потомъ опять впадають въ пугливое раздумье, не зашли ли слишкомъ далеко въ уклоненіи отъ родной старины, нельзя ли обойтись своими домашними средствами, безъ чужой помощи. Эти направленія, смѣняясь одно другимъ, во второй половинѣ XVII в. идуть нѣкоторое время рядомъ, а къ концу его сталкиваются, производять рядъ политическихъ и церковныхъ потрясеній и переступивъ въ XVIII в., сливаются въ петровской реформѣ, которая насильственно вгоняеть ихъ въ одно русло, направляеть къ одной цѣли. Вотъ въ общихъ чертахъ ходъ внутренней жизни Московскаго государства съ окончанія Смуты до начала XVIII в. Теперь обратимся къ изученію отдѣльныхъ его моментовъ.

Два ряда нововведеній.

Какъ ни старалась новая династія дѣйствовать въ духѣ старой, чтобы заставить забыть, что она новая и потому менѣе законна, ей нельзя было обойтись безъ нововведеній. Смута такъ много поломала стараго, что самое возстановленіе разрушеннаго неизбѣжно получало характеръ обновленія, реформы. Нововведенія идутъ прерывистымъ рядомъ съ перваго царствованія новой династіи до конца вѣка, подготовляя преобразованія Петра Великаго. Согласно съ двумя указанными сейчасъ направленіями въ жизни Московскаго государства въ потокѣ этихъ подготовительныхъ нововведеній можно различить двѣ струи неодинаковаго происхожденія и характера, хотя по временамъ онѣ соприкасались и какъ будто даже сливались одна съ другой. Реформы одного ряда велись домашними средствами, безъ чужой помощи, по указаніямъ собственнаго опыта и разумѣнія. А такъ какъ домашнія средства состояли только въ расширеніи государственной власти насчетъ общественной свободы и въ стѣсненіи частнаго интереса во имя государственныхъ требованій, то каждая реформа этого порядка сопровождалась какой-либо тяжкой жертвой для народнаго благосостоянія и общественной свободы. Но въ людскихъ дѣлахъ есть своя внутренняя закономѣрность, не поддающаяся усмотрѣнію людей, которые ихъ дѣлаютъ, и обыкновенно называемая *силою вещей*. Съ перваго приступа къ реформамъ *по-своему* стала чувствоваться ихъ недостаточность или безуспѣшность, и чѣмъ болѣе росло это чувство, тѣмъ настойчивѣе пробивалась мысль о необходимости подражанія *чужому* или заимствованій со-стороны.

Потребность въ сводѣ законовъ.

По самой цѣли самобытныхъ нововведеній, направленныхъ къ охранѣ или возстановленію разрушеннаго Смутой порядка, они отличались московской осторожностью и неполнотой, вводили новыя формы, новые пріемы дѣйствія, избѣгая

новыхъ началъ. Общее направленіе этой обновительной дѣятельности можно обозначить такими чертами: предполагалось произвести въ государственномъ строѣ пересмотръ безъ переворота, частичную починку безъ перестройки цѣлаго. Прежде всего необходимо было упорядочить людскія отношенія, спутанныя Смутой, уложить ихъ въ твердыя рамки, въ точныя правила. Здѣсь правительству царя Михаила приходилось бороться со множествомъ затрудненій: нужно было все возстановлять, чуть не сызнова строить государство — дотого былъ разбитъ весь его механизмъ. Авторъ упомянутой псковской повѣсти о Смутномъ времени прямо говоритъ, что при царѣ Михаилѣ „царство вновѣ строитися начатъ". Царствованіе Михаила было временемъ оживленной законодательной дѣятельности правительства, касавшейся самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной жизни. Благодаря тому къ началу царствованія Михаилова преемника накопился довольно обильный запасъ новыхъ законовъ и почувствовалась потребность разобраться въ немъ. По установившемуся порядку московскаго законодательства новые законы издавались преимущественно по запросамъ изъ того или другого московскаго приказа, вызывавшимся судебно-административной практикой каждаго, и обращались къ руководству и исполненію въ тотъ приказъ, вѣдомства котораго они касались. Тамъ согласно съ одной статьей Судебника 1550 г. новый законъ приписывали къ этому своду. Такъ основной кодексъ подобно стволу дерева давалъ отъ себя вѣтви въ разныхъ приказахъ: этими продолженіями Судебника были *указныя книги* приказовъ. Надобно было объединить эти вѣдомственныя продолженія Судебника, свести ихъ въ одинъ цѣльный сводъ, чтобы избѣгнуть повторенія случая, едва ли одиночнаго, какой былъ при Грозномъ: А. Адашевъ внесъ въ Боярскую думу изъ своего

Челобитнаго приказа законодательный запросъ, который былъ уже рѣшенъ по запросу изъ Казеннаго приказа, и дума, какъ бы позабывъ сама недавнее выраженіе своей воли, велѣла казначеямъ записать въ ихъ указную книгу законъ, ими уже записанный. Бывало и такъ, что иной приказъ искалъ по другимъ закона, записаннаго въ его собственной указной книгѣ. Понятно, какъ дьякъ невѣжа могъ путать дѣла, а дьякъ дока вертѣть ими. Эту собственно кодификаціонную потребность, усиленную приказными злоупотребленіями, можно считать главнымъ побужденіемъ, вызвавшимъ новый сводъ и даже частью опредѣлившимъ самый его характеръ. Можно замѣтить или предположить и другія условія, повліявшія на характеръ новаго свода. Необычайное положеніе, въ какомъ очутилось государство послѣ Смуты, неизбѣжно возбуждало новыя потребности, ставило правительству непривычныя задачи. Эти государственныя потребности скорѣе, чѣмъ вынесенныя изъ Смуты новыя политическія понятія, не только усилили движеніе законодательства, но и сообщили ему новое направленіе, несмотря на все стараніе новой династіи сохранить вѣрность старинѣ. До XVII в. московское законодательство носило казуальный характеръ, давало отвѣты на отдѣльные текущіе вопросы, какіе ставила правительственная практика, не касаясь самыхъ основаній государственнаго порядка. Замѣной закона въ этомъ отношеніи служилъ старый обычай, всѣмъ знакомый и всѣми признаваемый. Но какъ скоро этотъ обычай пошатнулся, какъ скоро государственный порядокъ сталъ сходить съ привычной колеи преданія, тотчасъ возникла потребность замѣнить обычай точнымъ закономъ. Вотъ почему законодательство при новой династіи получаетъ болѣе органическій характеръ, не ограничивается разработкой частныхъ, конкретныхъ случаевъ государствен-

наго управленія и подходитъ все ближе къ самымъ основаніямъ государственнаго порядка, пытается, хотя и неудачно, уяснить и выразить его начала.

Труднѣе установить отношеніе Уложенія къ московскому мятежу 1648 г., случившемуся мѣсяца за полтора до приговора государя съ думой составить новый сводъ законовъ. Въ этомъ мятежѣ явственно вскрылось положеніе новой династіи. Два первые царя ея не пользовались народнымъ уваженіемъ. Несмотря на свое земское происхожденіе эта династія довольно скоро вошла въ привычки старой, стала смотрѣть на государство, какъ на свою вотчину, и управлять имъ по-домашнему, съ благодушной небрежностью вотчинной усадьбы, вообще успѣшно перенимала недостатки прежней династіи, можетъ быть, потому, что больше перенимать было нечего. Изъ плохихъ остатковъ разбитаго боярства съ примѣсью новыхъ людей не лучше ихъ составился придворный кругъ, которому очень хотѣлось стать правящимъ классомъ. Вліятельнѣйшую часть этого круга составляли царскіе и особенно царицыны родственники и любимцы. Престолъ новой династіи надолго облегла атмосфера придворнаго фавора; временщики длиннымъ рядомъ тянутся по тремъ первымъ царствованіямъ: Салтыковы, кн. Репнинъ, опять Салтыковы при Михаилѣ, Морозовъ, Милославскіе, Никонъ, Хитрово при Алексѣѣ, Языковъ и Лихачевъ при Ѳедорѣ. Самъ патріархъ Филаретъ титуломъ второго великаго государя прикрывалъ въ себѣ самаго обыкновеннаго временщика, вовсе непохожаго на обходительнаго боярина, какимъ онъ былъ прежде, и назначившаго себѣ преемникомъ на патріаршемъ престолѣ человѣка, все достоинство котораго заключалось лишь въ томъ, что онъ былъ дворовымъ сыномъ боярскимъ, попросту холопомъ Филарета. Какъ нарочно три первые царя вступали на

Мятежъ 1648 г.

престолъ въ незрѣломъ возрастѣ, оба первые 16-ти лѣтъ, третій 14-ти. Пользуясь сначала ихъ молодостью, а потомъ безхарактерностью, правящая среда развила въ управленіи произволъ и корыстолюбіе въ размѣрахъ, которымъ позавидовали бы худшіе дьяки временъ Грознаго, кормившіе царя одной половиной казенныхъ доходовъ, а другую прибeрегавшіе себѣ, по выраженію тогдашнихъ московскихъ эмигрантовъ. Вспомогательнымъ поощреніемъ правительственныхъ злоупотребленій служила и привилегированная ихъ наказуемость: царь Михаилъ обязался, какъ мы знаемъ, людей вельможныхъ родовъ не казнить смертью ни за какое преступленіе, а только ссылать въ заточеніе, и при царѣ Алексѣѣ бывали случаи, когда за одно и то же преступленіе высокіе чины подвергались только царскому гнѣву или отставкѣ, а дьякамъ, подьячимъ и простымъ людямъ отсѣкали руки и ноги. Эти обязательства, принятыя передъ боярами негласно, необнародованныя, составляли коренную ложь въ положеніи новой династіи и придавали ея воцаренію видъ царско-боярскаго заговора противъ народа. Характерно въ этомъ смыслѣ выраженіе Котошихина о царѣ Михаилѣ, что „хотя онъ самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего“, но радъ былъ покою, прибавляетъ къ этому Татищевъ, т.-е. предоставилъ все управленіе боярамъ. Народъ своимъ стихійнымъ чутьемъ понялъ эту ложь, и воцареніе новой династіи стало эрой народныхъ мятежей. Царствованіе Алексѣя въ особенности было „бунташнымъ временемъ“, какъ его тогда называли. Къ тому времени окончательно сложился въ составѣ московскаго общества и управленія типъ „сильнаго человѣка“ или „временника“, по тогдашнему выраженію. Это — властное лицо, заручившійся льготами землевладѣлецъ, свѣтскій либо духовный, или пріятный при дворѣ правитель, крѣпкій вѣрой

въ свою безнаказанность и достаточно безсовѣстный, чтобы всегда быть готовымъ, пользуясь своею мочью и общимъ безправіемъ, употребить силу надъ беззаступнымъ людомъ, „затѣснить и изобидѣть многими обидами". Это было едва ли не самое характерное и особенно удавшееся произведеніе внутренней политики новой династіи, выросшее въ московской правительственной средѣ изъ мысли, что царь въ ея рукахъ и безъ нея не обойдется. Простой народъ относился къ этимъ временщикамъ съ самой задушевной ненавистью. Московскій іюньскій мятежъ 1648 г., отозвавшійся во многихъ другихъ городахъ, былъ яркимъ выраженіемъ этого чувства. Столичное простонародье было особенно изобижено сильными людьми, свѣтскими и духовными, не отстававшими отъ свѣтскихъ, патріархомъ, епископами, монастырями: выгонныя земли города были расхищены и заняты подъ слободы, загородные дворы и огороды, проѣзды въ окрестные лѣса распаханы, такъ что московскому простому обывателю некуда стало ни выгнать животину, ни проѣхать за дровами, чего искони при прежнихъ государяхъ не бывало. Іюньскій бунтъ и былъ возстаніемъ „черныхъ людей" на „сильныхъ", когда „всколыбалася чернь на бояръ" и принялась грабить боярскіе, дворянскіе и дьячьи дворы и избивать наиболѣе ненавистныхъ правителей. Острастка возымѣла сильное дѣйствіе: дворъ перепугался; принялись задабривать столичное войско и чернь; стрѣльцовъ поили по приказу царя; царскій тесть нѣсколько дней сряду угощалъ у себя въ домѣ выборныхъ изъ московскихъ тяглыхъ обывателей; самъ царь во время крестнаго хода говорилъ рѣчь народу, звучавшую извиненіемъ, со слезами „упрашивалъ у черни" свояка и дорогого человѣка Морозова; на обѣщанія не скупились. „Міра" стали бояться; пошли толки, что государь сталъ милостивъ, сильныхъ

изъ царства выводить, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ. При старой династіи Москва не переживала такихъ бурныхъ проявленій народнаго озлобленія противъ правящихъ классовъ, не видывала такой быстрой смѣны пренебреженія къ народу заискиваніемъ передъ толпой, не слыхала такихъ непригожихъ рѣчей про царя, какія пошли послѣ мятежа: „царь глупъ, глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ и самъ государь все это знаетъ да молчитъ, чортъ у него умъ отнялъ". Не лѣтній московскій мятежъ 1648 г., скоро отозвавшійся и въ другихъ городахъ, внушилъ мысль объ Уложеніи — на то были свои причины; но онъ побудилъ правительство привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ земскихъ представителей: на земскій соборъ, созванный на 1 сентября того же года для выслушанія и подписи свода, правительство смотрѣло, какъ на средство умиротворенія народа. Можно повѣрить патріарху Никону, который писалъ, какъ о дѣлѣ всѣмъ вѣдомомъ, что этотъ соборъ былъ созванъ не добровольно, „боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради". Несомнѣнно, эти мятежи, не бывъ первоначальной причиной предпринятой кодификаціонной работы, однако отразились на ея ходѣ: правительственный испугъ испортилъ дѣло.

Приговоръ 16 іюля.

Мысль составить Уложеніе, починъ дѣла исходилъ отъ государя съ тѣснымъ соборомъ, т.-е. правительственнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ Освященнаго собора и Боярской думы. Въ грамотахъ, разосланныхъ по областямъ лѣтомъ 1648 г., было объявлено, что велѣно написать Уложенную книгу по указу государя и патріарха, по приговору бояръ и по челобитью стольниковъ и стряпчихъ и всякихъ чиновъ людей. Трудно догадаться, когда и какъ было представлено правительству это челобитье всѣхъ чиновъ, даже было ли

когда-либо представлено. Говорить отъ имени всей земли было привычкой московскихъ правительствъ, смѣнявшихся по пресѣченіи старой династіи. При новыхъ царяхъ челобитье „всякихъ чиновъ людей“ сдѣлалось стереотипной формулой, которой хотѣли оправдать всякое большое правительственное дѣло, не стѣсняясь точностью выраженій: достаточно было какой-либо случайно составившейся группѣ людей разныхъ чиновъ обратиться съ ходатайствомъ на государево имя, чтобы вызвать указъ „по челобитью всѣхъ чиновъ людей“. Приказная поддѣлка подъ народную волю стала своего рода политической фикціей, сохранившейся для извѣстныхъ случаевъ доселѣ въ видѣ пережитка съ чисто-условнымъ значеніемъ. Достовѣрно то, что 16 іюля 1648 г. государь съ Боярской думой и Освященнымъ соборомъ приговорилъ выбрать „пристойныя къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ статьи“ изъ правилъ апостольскихъ и св. отцовъ, изъ законовъ греческихъ царей, а также собрать указы прежнихъ русскихъ государей и боярскіе приговоры, „справить“ эти указы и приговоры со старыми судебниками, а по какимъ дѣламъ въ судебникахъ прежнихъ государей указа не положено и боярскихъ приговоровъ не было, написать новыя статьи и все это сдѣлать „общимъ совѣтомъ“. Составить проектъ Уложенія поручено было особой кодификаціонной коммиссіи изъ 5 членовъ, изъ бояръ князей Одоевскаго и Прозоровскаго, окольничаго кн. Волконскаго и двухъ дьяковъ, Леонтьева и Грибоѣдова. Все это были люди не особенно вліятельные, ничѣмъ не выдававшіеся изъ придворной и приказной среды; о кн. Одоевскомъ самъ царь отзывался пренебрежительно, раздѣляя общее мнѣніе Москвы; только дьякъ Грибоѣдовъ оставилъ по себѣ слѣдъ въ нашей письменности составленнымъ позднѣе, вѣроятно, для царскихъ дѣтей, первымъ у насъ

учебникомъ русской исторіи, гдѣ авторъ производитъ новую династію черезъ царицу Анастасію отъ сына небывалаго „государя Прусской земли“ Романова, сродника Августу, кесарю римскому. Три главные члена этой коммиссіи были думные люди: значитъ, этотъ „приказъ кн. Одоевскаго съ товарищи“, какъ онъ называется въ документахъ, можно считать коммиссіей думы. Коммиссія выбирала статьи изъ указанныхъ ей въ приговорѣ источниковъ и составляла новыя; тѣ и другія писались „въ докладъ“, представлялись государю съ думой на разсмотрѣніе. Между тѣмъ къ 1 сентября 1648 г. въ Москву созваны были выборные изъ всѣхъ чиновъ государства, служилыхъ и торгово-промышленныхъ посадскихъ; выборные отъ сельскихъ или уѣздныхъ обывателей, какъ отъ особой куріи, не были призваны. Съ 3 октября царь съ духовенствомъ и думными людьми слушалъ составленный коммиссіей проектъ Уложенія, и въ то же время его читали выборнымъ людямъ, которые къ тому „общему совѣту“ были призваны изъ Москвы и изъ городовъ, „чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно“. Затѣмъ государь указалъ высшему духовенству, думнымъ и выборнымъ людямъ закрѣпить списокъ Уложенія своими руками, послѣ чего оно съ подписями членовъ собора въ 1649 г. было напечатано и разослано во всѣ московскіе приказы и по городамъ въ воеводскія канцеляріи для того, чтобы „всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію“.

Составленіе свода.

Такова внѣшняя исторія памятника, какъ она разсказана въ оффиціальномъ къ нему предисловіи. На коммиссію возложена была двоякая задача: во-первыхъ, собрать, разобрать и переработать въ цѣльный сводъ дѣйствующіе законы, разновременные, несоглашенные, разбросанные по вѣдомствамъ, и потомъ нормировать случаи, не предусмотрѣнные этими законами. Вторая задача была особенно трудна.

Коммиссія не могла ограничиться собственной юридической предусмотрительностью и своимъ правовымъ разумѣніемъ, чтобы установить такіе случаи и найти нормы для ихъ опредѣленія. Необходимо было знать общественныя нужды и отношенія, изучить правовой разумъ народа, а также практику судебныхъ и административныхъ учрежденій; по крайней мѣрѣ, мы такъ посмотрѣли бы на такую задачу. Въ первомъ дѣлѣ коммиссіи могли помочь своими указаніями выборные; для второго ей надобно было пересмотрѣть дѣлопроизводство тогдашнихъ канцелярій, чтобы найти прецеденты, „примѣрные случаи“, какъ тогда говорили, чтобы видѣть, какъ рѣшали не предусмотрѣнные закономъ вопросы областные правители, центральные приказы, самъ государь съ Боярской думой. Предстояла обширная работа, требовавшая долгихъ и долгихъ лѣтъ. Впрочемъ до такого мечтательнаго предпріятія дѣло не дошло: рѣшили составить Уложеніе ускореннымъ ходомъ, по упрощенной программѣ. Уложеніе раздѣлено на 25 главъ, содержащихъ въ себѣ 967 статей. Уже къ октябрю 1648 г., т.-е. въ два съ половиной мѣсяца, изготовлено было къ докладу 12 первыхъ главъ, почти половина всего свода; ихъ и началъ съ 3 октября слушать государь съ думой. Остальныя 13 главъ были составлены, выслушаны и утверждены въ думѣ къ концу января 1649 г., когда закончилась дѣятельность коммиссіи и всего собора и Уложеніе было закончено въ рукописи. Значитъ, этотъ довольно обширный сводъ составленъ былъ всего въ полгода съ чѣмъ-нибудь. Чтобы объяснить такую быстроту законодательной работы, надобно припомнить, что Уложеніе составлялось среди тревожныхъ вѣстей о мятежахъ, вспыхивавшихъ вслѣдъ за іюньскимъ московскимъ бунтомъ въ Сольвычегодскѣ, Козловѣ, Талицкѣ, Устюгѣ и другихъ городахъ, и заканчивалось въ январѣ 1649 г.

подъ вліяніемъ толковъ о готовившемся новомъ возстаніи въ столицѣ. Торопились покончить дѣло, чтобы соборные выборные поспѣшили разнести по своимъ городамъ разсказы о новомъ курсѣ московскаго правительства и объ Уложеніи, обѣщавшемъ всѣмъ „ровную", справедливую расправу.

Источники. Дѣйствительно, Уложеніе составлялось наспѣхъ, кое-какъ и сохранило на себѣ слѣды этой спѣшности. Не погружаясь въ изученіе всего приказнаго матеріала, коммиссія ограничилась основными источниками, указанными ей въ приговорѣ 16 іюля. Это были Кормчая, именно вторая ея часть, заключающая въ себѣ кодексы и законы греческихъ царей (лекція XIII), московскіе судебники, собственно Судебникъ царскій, и дополнительные къ нему указы и боярскіе приговоры, т.-е. указныя книги приказовъ. Эти указныя книги — самый обильный источникъ Уложенія. Цѣлый рядъ главъ свода составленъ по этимъ книгамъ съ дословными или измѣненными выдержками: напримѣръ, двѣ главы о помѣстьяхъ и вотчинахъ составлены по книгѣ Помѣстнаго приказа, глава „о холопьѣ судѣ" по книгѣ приказа Холопьяго суда, глава „о разбойныхъ и о татиныхъ дѣлахъ" по книгѣ Разбойнаго приказа. Кромѣ этихъ основныхъ источниковъ коммиссія пользовалась и вспомогательными. Своеобразное употребленіе сдѣлала она изъ памятника сторонняго, Литовскаго Статута 1588 г. Въ сохранившемся подлинномъ свиткѣ Уложенія встрѣчаемъ неоднократныя ссылки на этотъ источникъ. Составители Уложенія, пользуясь этимъ кодексомъ, слѣдовали ему, особенно при составленіи первыхъ главъ, въ расположеніи предметовъ, даже въ порядкѣ статей, въ подборѣ казусовъ и отношеній, требовавшихъ законодательнаго опредѣленія, въ постановкѣ правовыхъ вопросовъ, но отвѣтовъ искали всегда въ своемъ туземномъ правѣ, брали формулы самыхъ нормъ, правовыхъ положеній, но только общихъ тому и дру-

тому праву или безразличныхъ, устраняя все ненужное или несродное праву и судебному порядку московскому, вообще перерабатывали все, что заимствовали. Такимъ образомъ Статутъ послужилъ не столько юридическимъ источникомъ Уложенія, сколько кодификаціоннымъ пособіемъ для его составителей, давалъ имъ готовую програму.

Участіе соборныхъ выборныхъ

Коммиссіи пришлось черпать еще изъ одного вспомогательнаго источника, тѣмъ болѣе важнаго, что это былъ источникъ живой, не архивный: разумѣю самый соборъ, точнѣе, соборныхъ выборныхъ, призванныхъ выслушать и подписать Уложеніе. Мы видѣли, какъ составлялся сводъ: инициатива дѣла шла отъ государя съ Боярской думой, проектъ свода былъ выработанъ канцелярскимъ порядкомъ, коммиссіей думы при содѣйствіи приказовъ, доставлявшихъ матеріалы и справки, разсмотрѣнъ, исправленъ и утвержденъ той же думой, а соборнымъ выборнымъ прочитанъ, сообщенъ къ свѣдѣнію и для подписи. Однако земское представительство не оставалось лишь страдательнымъ слушателемъ свода, помимо него заготовленнаго. Правда, ни изъ чего не видно, чтобы статьи Уложенія при чтеніи выборнымъ обсуждались ими; читая имъ статью за статьею, у нихъ не спрашивали, *да* или *нѣтъ*; однако имъ предоставлено было значительное участіе въ дѣлѣ, принимавшее довольно разнообразныя формы. Приговоръ 16 іюля не имѣлъ въ виду новаго кодекса: онъ поручилъ коммиссіи только свести и согласить наличный запасъ законодательства, „государскіе указы и боярскіе приговоры со старыми судебниками справить". Новыми статьями коммиссія только пополняла пробѣлы дѣйствующихъ законовъ. Она должна была дѣлать свое дѣло „общимъ совѣтомъ" съ земскими выборными, которыхъ для того и призвали, чтобы быть на Москвѣ „для государева и земскаго дѣла съ государевыми боя-

рами“ кн. Одоевскимъ съ товарищами или „быть у нихъ въ приказѣ“. Земскіе представители, значитъ, вводились въ составъ кодификаціонной коммиссіи или при ней состояли. Знакомясь съ изготовлявшимся проектомъ, выборные, какъ свѣдущіе люди, указывали кодификаторамъ, что въ немъ слѣдуетъ измѣнить или пополнить, заявляли о своихъ нуждахъ, а коммиссія облекала эти заявленія и указанія въ форму земскихъ челобитныхъ, которыя вносила въ думу. Тамъ по этимъ челобитнымъ „приговаривали“, давали рѣшенія, которыя объявлялись выборнымъ, какъ законы, и вносились въ Уложеніе. Такъ выборнымъ открытъ былъ путь къ участію въ самомъ проектѣ Уложенія. Трудно сказать, какъ происходили эти совѣщанія коммиссіи, въ общемъ ли собраніи выборныхъ, которыхъ было не менѣе 290, или по какой-либо группировкѣ. Знаемъ, что 30 октября 1648 г. выборные отъ служилыхъ и посадскихъ торговыхъ людей подали въ коммиссію отдѣльныя челобитныя о поворотѣ въ посадское тягло подгородныхъ слободъ, городскихъ дворовъ и торгово-промышленныхъ заведеній, принадлежавшихъ нетяглымъ владѣльцамъ. Коммиссія объединила обѣ эти челобитныя и внесла въ думу, какъ общее ходатайство „отъ всея земли“. Изъ этихъ челобитныхъ, докладовъ, выписокъ или справокъ и думскихъ по нимъ приговоровъ выработалось цѣлое положеніе о составѣ посадскихъ обществъ и объ отношеніи къ нимъ стороннихъ людей, промышлявшихъ въ городахъ. Изъ этого положенія составлена глава XIX Уложенія „о посадскихъ людѣхъ“. Совѣщательныя указанія членамъ кодификаціонной коммиссіи и представленіе черезъ нее челобитій въ думу — таковы двѣ формы участія выборныхъ въ составленіи Уложенія. Но была и третья форма, наиболѣе важная, ставившая соборныхъ выборныхъ въ прямое отношеніе уже не къ ком-

миссіи, а къ самой государевой думѣ: это когда царь съ думой являлся среди выборныхъ и вмѣстѣ съ ними произносилъ приговоръ по возбужденному вопросу. Въ Уложеніи отмѣченъ одинъ такой случай, не единственный въ дѣйствительности. Выборные люди всѣхъ чиновъ били челомъ отъ всей земли отобрать церковныя земли, перешедшія во владѣніе духовенства вопреки закону 1580 г. Въ главу XVII Уложенія о вотчинахъ внесена статья (42), которая гласитъ, что государь, по совѣту съ Освященнымъ соборомъ и поговоривъ съ думными и выборными служилыми людьми, „соборомъ уложили" воспретить всякое отчужденіе вотчинъ въ пользу Церкви. Выборные люди здѣсь прямо введены въ составъ законодательной власти, но не всѣ, а только *служилые*, какъ представители вотчинниковъ, которыхъ касалось дѣло, хотя челобитье шло отъ всей земли, отъ всякихъ чиновъ. Верховное правительство по уровню политическаго сознанія оказалось ниже земскаго представительства: послѣднее понимало интересъ всеземскій, а первое — только сословный. По документамъ извѣстны еще два прямо не указанные въ Уложеніи соборные приговора съ участіемъ выборныхъ. По челобитью выборныхъ служилыхъ людей государь съ думой и съ челобитчиками соборомъ уложилъ отмѣнить „урочныя лѣта", т.-е. срокъ давности для возврата бѣглыхъ крестьянъ; этотъ приговоръ изложенъ въ первыхъ статьяхъ главы XI Уложенія о крестьянахъ. Еще важнѣе глава VIII „о искупленіи плѣнныхъ", устанавливающая общій подворный налогъ для выкупа плѣнныхъ и таксу выкупа: эта глава заимствована изъ соборнаго приговора государя съ думой и „всякихъ чиновъ съ выборными людьми". На этотъ разъ весь выборный составъ собора возымѣлъ законодательную власть. Наконецъ, одинъ частный случай живо рисуетъ и отношеніе выборныхъ

къ дѣлу Уложенія, и отношеніе правительства къ земскимъ челобитьямъ. Депутатъ курскаго дворянства Малышевъ, возвращаясь домой по окончаніи собора, выпросилъ себѣ царскую „береженую", охранную грамоту, чтобы защитить его — отъ кого бы вы думали? — отъ его собственныхъ избирателей. Онъ опасался отъ нихъ всякаго дурна по двумъ причинамъ: за то, что не всѣ „нужи" избирателей провелъ на соборѣ въ Уложеніе, и за то, что черезчуръ поревновалъ о благочестіи, въ особой челобитной царю „всякимъ дурномъ огласилъ", охаялъ своихъ земляковъ курчанъ въ неблагопристойномъ провожденіи воскресныхъ и праздничныхъ дней. Грамота обѣляетъ депутата передъ избирателями отъ перваго обвиненія, что онъ „розныхъ ихъ *прихотей* въ Уложенье не исполнилъ", а отвѣтственность по второму пункту Малышевъ взваливаетъ на правительство, на самого царя, жалуясь въ челобитной, что въ Уложеніи указаны только часы работы и торговли въ праздничные дни (X, 25), а запрета и наказанія за праздничное неблагоповеденіе согласно его челобитью указа не написано. Царь уважилъ просьбу неугомоннаго моралиста, велѣлъ послать грамоты о достодолжномъ провожденіи праздниковъ „съ великимъ запрещеніемъ", но Уложенія не пополнилъ.

Пріемы составленія.

Теперь мы можемъ уяснить себѣ, какъ составлялось Уложеніе. Это былъ сложный процессъ, въ которомъ можно различить моменты *кодификаціи, совѣщанія, ревизіи, законодательнаго рѣшенія* и *заручной скрѣпы:* такъ назовемъ послѣдній моментъ, примѣняясь къ языку приговора 16 іюля. Эти моменты распредѣлялись между составными частями собора, Боярской думой и Освященнымъ соборомъ съ государемъ во главѣ, пятичленной коммиссіей кн. Одоевскаго и выборными людьми, которые состояли собственнно при коммиссіи, а не при думѣ; совокупность этихъ частей и со-

ставляла соборъ 1648 г. Кодификаціонная часть была дѣломъ приказа кн. Одоевскаго и состояла въ выборкѣ и сводкѣ узаконеній изъ указанныхъ ему источниковъ, а также въ редактированіи челобитій выборныхъ людей. Совѣщательный моментъ заключался въ участіи, какое принимали выборные въ работахъ коммиссіи. Это участіе, видѣли мы, выражалось въ челобитьяхъ, которыя имѣли значеніе дебатовъ, замѣняли пренія, обсужденіе, и извѣстенъ случай, когда челобитная выборныхъ получила характеръ прямого возраженія, сопровождавшагося отмѣной или исправленіемъ государева указа, противъ котораго она была направлена. Я уже упоминалъ о челобитьѣ выборныхъ поворотить въ тягло льготныя подгородныя слободы частныхъ владѣльцевъ. Состоялся указъ отписать эти слободы на государя въ тягло, „сыскавъ", разслѣдовавъ, откуда и когда пришли ихъ обыватели, и не распространяя этого сыска назадъ за 1613 г. Выборные, опасаясь обычной московской приказной проволочки и сыскныхъ козней, обратились съ новой челобитной отписать слободы на государя „безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ". Въ тотъ же день ходатайство было доложено государю и получило полное удовлетвореніе. Ревизія и законодательное рѣшеніе принадлежали государю съ думой. Ревизія состояла въ пересмотрѣ дѣйствующихъ законовъ, какъ ихъ сводила коммиссія въ своемъ проектѣ. Приговоръ 16 іюля какъ бы пріостанавливалъ дѣйствіе этихъ законовъ, низводилъ ихъ на степень временныхъ правилъ — впредь до новаго законодательнаго ихъ утвержденія. Теряя силу правовыхъ нормъ, эти старые законы при составленіи Уложенія сохраняли однако значеніе источниковъ права. Въ думѣ или исправляли ихъ текстъ, или касались и содержанія, измѣняя или отмѣняя самыя нормы, чаще пополняя проектъ старымъ указомъ,

пропущённымъ коммиссіей, или новымъ узаконеніемъ, дававшимъ норму на не предусмотрѣнный прежде случай: такъ ревизія соединялась съ редакціей. Ограничусь однимъ отмѣченнымъ въ Уложеніи примѣромъ. Въ началѣ главы XVII о вотчинахъ коммиссія помѣстила указы царя Михаила и патріарха Филарета о порядкѣ, въ какомъ призывать наслѣдниковъ къ наслѣдованію родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ. Дума утвердила эти статьи проекта, но прибавила къ нимъ постановленіе о томъ, въ какихъ случаяхъ матери и бездѣтныя вдовы вотчинниковъ обезпечиваются на счетъ выслуженныхъ вотчинъ. Ревизіей дума пользовалась безраздѣльно; но при законодательномъ рѣшеніи по свойству рѣшаемыхъ вопросовъ она принимала разнообразный составъ, дѣлясь своей законодательной властью съ другими частями собора. Иногда приговоръ произносился только государемъ съ думой, иногда съ участіемъ Освященнаго собора; по временамъ призывались выборные только нѣкоторыхъ чиновъ, и еще рѣже вопросъ рѣшался всѣмъ соборомъ съ выборными людьми всякихъ чиновъ. Желая, „чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно", его вырабатывали собраніемъ, лишеннымъ всякой прочности и неподвижности. Общимъ и обязательнымъ дѣломъ собора, для чего собственно и созывали его, было закрѣпленіе свода подписями всѣхъ членовъ, должностныхъ, какъ и выборныхъ: это должно было со стороны правящихъ лицъ и народныхъ представителей служить ручательствомъ въ томъ, что они признаютъ Уложеніе правильнымъ, удовлетворяющимъ ихъ нуждамъ, и что „всякія дѣла будутъ дѣлать по тому Уложенію". Патріархъ Никонъ былъ совсѣмъ неправъ, когда позорилъ этотъ сводъ законовъ, называя его „проклятой книгой, дьявольскимъ закономъ": зачѣмъ онъ молчалъ, слушая и подписывая эту проклятую книгу

въ 1649 г. въ санѣ архимандрита Новоспасскаго монастыря?

Значеніе Уложенія

По мысли, какую можно предположить въ основаніи Уложенія, оно должно было стать послѣднимъ словомъ московскаго права, полнымъ сводомъ всего накопившагося въ московскихъ канцеляріяхъ къ половинѣ XVII в. законодательнаго запаса. Эта мысль сквозитъ въ Уложеніи, но осуществлена не особенно удачно. Въ техническомъ отношеніи, какъ памятникъ кодификаціи, оно не перегнало старыхъ судебниковъ. Въ расположеніи предметовъ законодательства пробивается желаніе изобразить государственный строй въ вертикальномъ разрѣзѣ, спускаясь сверху, отъ Церкви и государя съ его дворомъ до козаковъ и корчмы, о чемъ говорятъ двѣ послѣднія главы. Можно съ немалыми усиліями свести главы Уложенія въ отдѣлы государственнаго права, судоустройства и судопроизводства, вещнаго и уголовнаго права. Но такія группировки остались для кодификаторовъ только порывами къ системѣ. Источники исчерпаны неполно и безпорядочно; статьи, взятыя изъ разныхъ источниковъ, не всегда соглашены между собою и иногда попали не на свои мѣста, скорѣе свалены въ кучу, чѣмъ собраны въ порядокъ. Если Уложеніе дѣйствовало у насъ почти въ продолженіе двухъ столѣтій до Свода Законовъ 1833 г., то это говоритъ не о достоинствахъ Алексѣевскаго свода, а лишь о томъ, какъ долго у насъ можно обойтись безъ удовлетворительнаго закона. Но какъ памятникъ законодательства, Уложеніе сдѣлало значительный шагъ впередъ сравнительно съ судебниками. Это уже не простое практическое руководство для судьи и управителя, излагающее способы и порядокъ возстановленія нарушеннаго права, а не самое право. Правда, и въ Уложеніи всего больше мѣста отведено формальному праву:

глава X о судѣ — самая обширная, по числу статей составляетъ едва не треть всего Уложенія. Оно допустило важные, но понятные пробѣлы и въ матеріальномъ правѣ. Въ немъ не находимъ основныхъ законовъ, о которыхъ тогда въ Москвѣ не имѣли и понятія, довольствуясь волей государя и давленіемъ обстоятельствъ; отсутствуетъ и систематическое изложеніе семейнаго права, тѣсно связаннаго съ обычнымъ и церковнымъ: не рѣшались трогать ни обычая, слишкомъ сопнаго и неповоротливаго, ни духовенства, слишкомъ щекотливаго и ревниваго къ своимъ духовно-вѣдомственнымъ монополіямъ. Но все-таки Уложеніе гораздо шире судебниковъ захватываетъ область законодательства. Оно пытается уже проникнуть въ составъ общества, опредѣлить положеніе и взаимныя отношенія различныхъ его классовъ, говоритъ о служилыхъ людяхъ и служиломъ землевладѣніи, о крестьянахъ, о посадскихъ людяхъ, холопахъ, стрѣльцахъ и козакахъ. Разумѣется, здѣсь главное вниманіе обращено на дворянство, какъ на господствующій военно-служилый и землевладѣльческій классъ: безъ малаго половина всѣхъ статей Уложенія прямо или косвенно касается его интересовъ и отношеній. Здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ частяхъ, Уложеніе старается удержаться на почвѣ дѣйствительности.

Новыя идеи. Но при общемъ охранительномъ своемъ характерѣ Уложеніе не могло воздержаться отъ двухъ преобразовательныхъ стремленій, указывающихъ, въ какомъ направленіи пойдетъ или уже шла дальнѣйшая стройка общества. Одно изъ этихъ стремленій въ приговорѣ 16 іюля прямо поставлено, какъ задача кодификаціонной коммиссіи: ей поручено было составить проектъ такого Уложенія, чтобы „всякихъ чиновъ людемъ отъ большого и до меньшого чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ

ровна". Это — не равенство всѣхъ передъ закономъ, исключающее различіе въ правахъ: здѣсь разумѣется равенство суда и расправы для всѣхъ, безъ привилегированныхъ подсудностей, безъ вѣдомственныхъ различій и классовыхъ льготъ и изъятій, какія существовали въ тогдашнемъ московскомъ судоустройствѣ, имѣется въ виду судъ одинаковый, нелицепріятный и для боярина, и для простолюдина, съ одинаковой подсудностью и процедурой, хотя и не съ одинаковой наказуемостью; судить всѣхъ, даже пріѣзжихъ иноземцевъ, однимъ и тѣмъ же судомъ въ правду, „не стыдяся лица сильныхъ, и избавляти обидящаго (обидимаго) отъ руки неправеднаго" — такъ предписываетъ глава X, гдѣ сдѣлана попытка начертать такой ровный для всѣхъ судъ и расправу. Идея такого суда исходила изъ принятаго Уложеніемъ общаго правила устранять всякое льготное состояніе и отношеніе, соединенное съ ущербомъ для государственнаго, особенно казеннаго интереса. Другое стремленіе, исходившее изъ того же источника, проведено въ главахъ о сословіяхъ и выражало новый взглядъ на отношеніе свободнаго лица къ государству. Чтобы выразумѣть это стремленіе, надобно нѣсколько отрѣшиться отъ современныхъ понятій о личной свободѣ. Для насъ личная свобода, независимость отъ другого лица, не только неотъемлемое право, ограждаемое закономъ, но и обязанность, требуемая еще и нравами. Никто изъ насъ не захочетъ да и не можетъ стать формальнымъ холопомъ по договору, потому что никакой судъ не дастъ защиты такому договору. Но не забудемъ, что мы изучаемъ русское общество XVII в., — общество холоповладѣльческое, въ которомъ дѣйствовало крѣпостное право, выражавшееся въ различныхъ видахъ холопства, и къ этимъ видамъ именно въ эпоху Уложенія, какъ увидимъ это скоро, готовъ былъ прибавиться новый

видъ зависимости, крѣпостная крестьянская неволя. Тогда въ юридическій составъ личной свободы входило право свободнаго лица отдать свою свободу на-время или навсегда другому лицу безъ права прекратить эту зависимость по своей волѣ. На этомъ правѣ и основались различные виды древнерусскаго холопства. Но до Уложенія у насъ существовала личная зависимость безъ крѣпостного характера, создававшаяся личнымъ *закладомъ*. Заложиться за кого-либо значило: въ обезпеченіе ссуды или въ обмѣнъ за какую-либо иную услугу, напримѣръ, за податную льготу или судебную защиту, отдать свою личность и трудъ въ распоряженіе другого, но сохраняя право прервать эту зависимость по своему усмотрѣнію, разумѣется, очистивъ принятыя на себя обязательства заклада. Такіе зависимые люди назывались въ удѣльные вѣка *закладнями*, а въ московское время *закладчиками*. Заемъ подъ работу былъ для бѣднаго человѣка въ древней Руси наиболѣе выгоднымъ способомъ помѣщенія своего труда. Но отличаясь отъ холопства, закладничество стало усвоять себѣ холопью льготу, свободу отъ государственныхъ повинностей, что было злоупотребленіемъ, за которое теперь законъ и ополчился противъ закладчиковъ и ихъ пріемщиковъ: поворотивъ закладчиковъ въ тягло, Уложеніе (гл. XIX, ст. 13) пригрозило имъ за повторительный закладъ „жестокимъ наказаніемъ“, кнутомъ и ссылкой въ Сибирь на Лену, а пріемщикамъ „великой опалой“ и конфискаціей земель, гдѣ закладчики впредь жить будутъ. Между тѣмъ для многихъ бѣдныхъ людей холопство и еще больше закладничество было выходомъ изъ тяжелаго хозяйственнаго положенія. При тогдашней дешевизнѣ личной свободы и при общемъ безправіи льготы и покровительство, „заступа“, сильнаго пріемщика были цѣнными благами; потому отмѣна

закладничества поразила закладчиковъ тяжкимъ ударомъ, такъ что они въ 1649 г. затѣвали въ Москвѣ новый бунтъ, понося царя всякой неподобной бранью. Мы поймемъ ихъ настроеніе, не раздѣляя его. Свободное лицо, служилое или тяглое, поступая въ холопы или въ закладники, пропадало для государства. Уложеніе, стѣсняя или запрещая такіе переходы, выражало общую норму, въ силу которой свободное лицо, обязанное государственнымъ тягломъ или службой, не могло отказываться отъ своей свободы, самовольно слагая съ себя обязанности передъ государствомъ, лежавшія на свободномъ лицѣ; лицо должно принадлежать и служить только государству и не можетъ быть ничьей частной собственностью: „крещеныхъ людей никому продавати не велѣно (XX, 97)". Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутомъ. Но право, пользованіе которымъ становится обязательнымъ, превращается въ повинность. Мы не чувствуемъ на себѣ тяжести этой повинности, потому что государство, не дозволяя намъ быть холопами и даже полухолопами, оберегаетъ въ насъ самое дорогое наше достояніе, человѣческую личность, и все наше нравственное и гражданское существо стоитъ за это стѣсненіе нашей воли со стороны государства, за эту повинность, которая дороже всякаго права. Но въ русскомъ обществѣ XVII в. ни личное сознаніе, ни общественные нравы не поддерживали этой общечеловѣческой повинности. Благо, которое для насъ выше всякой цѣны, для русскаго чернаго человѣка XVII в. не имѣло никакой цѣны. Да и государство, воспрещая лицу частную зависимость, не оберегало въ немъ человѣка или гражданина, а берегло для себя своего солдата или плательщика. Уложеніе не отмѣняло личной неволи во имя свободы, а личную свободу превращало въ неволю во имя государствен-

наго интереса. Но въ строгомъ запретѣ закладничества есть сторона, гдѣ мы встрѣчаемся съ закладчиками въ одномъ порядкѣ понятій. Эта мѣра была частичнымъ выраженіемъ общей цѣли, поставленной въ Уложеніи, овладѣть общественной группировкой, разсажавъ людей по запертымъ наглухо сословнымъ клѣткамъ, сковать народный трудъ, сжавъ его въ узкія рамки государственныхъ требованій, поработивъ имъ частные интересы. Закладчики только раньше почувствовали на себѣ тяжесть, ложившуюся и на другіе классы. Это была общая народная жертва, вынужденная положеніемъ государства, какъ увидимъ, изучая устройство управленія и сословій послѣ Смуты.

Новоуказныя статьи. Завершая собою законодательную работу прежняго времени, Уложеніе послужило исходнымъ моментомъ для дальнѣйшей законодательной дѣятельности. Недостатки его стали чувствоваться скоро по вступленіи его въ дѣйствіе. Его дополняли и исправляли по частямъ *новоуказныя статьи*, служившія прямымъ его продолженіемъ: таковы статьи *о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ* 1669 г., *о помѣстьяхъ и вотчинахъ* 1676—1777 гг. и др. Этотъ детальный, часто мелочный пересмотръ отдѣльныхъ статей Уложенія, исполненный колебаній, то отмѣнявшій, то возстановлявшій отдѣльныя узаконенія свода 1649 г., очень любопытенъ, какъ отраженіе момента московской государственной жизни, когда ея руководителями начало овладѣвать сомнѣніе въ пригодности нормъ права и пріемовъ управленія, въ добротность которыхъ такъ вѣровали, и они конфузливо стали чувствовать потребность въ чемъ-то новомъ, недоморощенномъ, „еуропскомъ“.

Лекція XLVIII.

Затрудненія правительства. — Централизація мѣстнаго управленія; воеводы и губные старосты. — Судьба земскихъ учрежденій. — Окружные *разряды*. — Сосредоточеніе центральнаго управленія. — Приказы Счетныхъ и Тайныхъ дѣлъ. — Сосредоточеніе общества. — Основные и переходные классы. — Образованіе сословій. — Служилые люди. — Посадское населені ; возвратъ закладниковъ въ посадское тягло.

Соборное Уложеніе 1649 г. завершило собой рядъ процессовъ нашей внутренней жизни, начавшихся со Смуты и подъ ея вліяніемъ, закрѣпило закономъ положеніе государства, создавшееся изъ этихъ процессовъ къ половинѣ XVII в. Мы замѣтили при новой династіи новыя понятія въ умахъ и новыхъ людей въ управленіи, новую постановку верховной власти и новый составъ земскаго собора. Всѣ эти новизны вытекали прямо или косвенно изъ одного печальнаго источника, изъ глубокаго общаго перелома русской жизни, произведеннаго Смутой, надломившаго силы народа и пошатнувшаго внѣшнее положеніе государства. Тогда сталъ передъ правительствомъ новой династіи вопросъ, какъ выйти изъ затрудненій, въ какихъ оно очутилось. Мы обратились къ изученію капитальнаго памятника нашего законодательства XVII в., чтобы видѣть, въ какомъ направленіи дѣйствовало правительство, гдѣ и какъ оно искало выхода изъ тяжелаго положенія. Мы замѣтили, что

провозгласивъ отмѣну всякихъ льготныхъ изъятій въ судѣ и запретъ дальнѣйшаго расширенія несвободныхъ состояній, освобождавшихъ отъ государственныхъ тягостей, оно стремилось собрать въ своихъ рукахъ всѣ наличныя силы народа. Оно вообще тогда собирало все, что уцѣлѣло отъ разрухи и могло ему пригодиться, недостававшія ему деньги, разбѣгавшихся людей, податныхъ плательщиковъ и ратниковъ, земскихъ выборныхъ для совѣта, наконецъ — самые законы.

Воеводы. Въ борьбѣ съ затрудненіями московское правительство хотѣло прежде всего собраться съ собственными силами, чувствовало потребность пріобрѣсти болѣе единства воли и болѣе энергіи въ дѣйствіяхъ. Съ этой цѣлью оно принялось послѣ Смуты централизовать управленіе, стягивать въ свои руки работу его силъ, мѣстныхъ и даже центральныхъ. Впрочемъ тогда въ Москвѣ понимали централизацію по-своему, не въ смыслѣ вѣдомственнаго подчиненія мѣстныхъ органовъ центральному управленію, а какъ соединеніе въ одномъ лицѣ или учрежденіи разнородныхъ предметовъ, взаимно соприкасающихся въ жизни: такъ въ сельской лавкѣ подъ одной вывѣской сосредоточиваются разнообразные товары по мѣстнымъ пунктамъ спроса, а не разбрасываются по спеціальностямъ. Сами обыватели стояли на одной точкѣ зрѣнія съ правительствомъ, предпочитали имѣть дѣло съ однимъ учрежденіемъ по всякимъ своимъ нуждамъ и иногда заявляли правительству, что ихъ не въ мѣру тяготятъ приказы, которые вѣдаютъ ихъ по разнымъ дѣламъ, и что лучше бы вѣдать ихъ во всемъ одному приказу, чтобы „напрасныхъ обидъ и разоренья не было“. Этимъ практическимъ удобствомъ и руководились при царѣ Михаилѣ въ перестройкѣ мѣстнаго управленія. Старая династія покинула областное управленіе въ состояніи крайняго раз-

дробленія. Земская реформа царя Ивана разбила область, уѣздъ, на нѣсколько вѣдомствъ и на множество мѣстныхъ сословныхъ міровъ, городскихъ и сельскихъ, служилыхъ и тяглыхъ (лекціи XXXIII и XXXIX). Каждый такой мѣстный міръ дѣйствовалъ обособленно, имѣлъ свое особое выборное управленіе. Всѣ эти міры ничѣмъ не объединялись между собою на мѣстѣ, кромѣ рѣдкихъ всесословныхъ и всеуѣздныхъ выборовъ губныхъ старостъ, и каждый изъ этихъ міровъ черезъ своихъ выборныхъ управителей имѣлъ непосредственное отношеніе къ центральнымъ учрежденіямъ, приказамъ. Только въ пограничныхъ городахъ, гдѣ требовалась сильная военная власть, уже въ XVI в. введены были *воеводы*, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть надъ всѣмъ уѣздомъ по всѣмъ дѣламъ кромѣ духовныхъ. Такое раздробленное выборное областное управленіе могло дѣйствовать только въ спокойныя времена. Съ пресѣченіемъ старой династіи такія времена миновали надолго. Въ продолженіе Смуты всѣ области, даже внутреннія, подверглись опасности непріятельскаго нападенія; поэтому даже и во внутреннихъ уѣздахъ стали появляться воеводы. До насъ дошелъ документъ, составленной около 1628 г.: это — роспись 32 городовъ, гдѣ прежде воеводъ не было и гдѣ они явились съ „Разстригина прихода“, т.-е. съ царствованія перваго самозванца, съ 1605 г. Это преимущественно центральные города, *замосковные*, какъ они тогда назывались, Владиміръ, Переяславль, Ростовъ, Бѣлозерскъ и другіе. Изъ перечня этихъ городовъ, въ которыхъ воеводъ прежде не было, а были земскіе судьи, губные старосты и городовые прикащики, т.-е. выборныя сословныя власти, видно, что воеводство при царѣ Михаилѣ стало повсемѣстнымъ учрежденіемъ. Воеводѣ подчиненъ былъ весь уѣздъ со всѣми классами общества и по всѣмъ дѣламъ;

власть его простиралась на уѣздный городъ и на всѣ сельскія общества уѣзда, по дѣламъ какъ финансовымъ и судебнымъ, такъ и полицейскимъ и военнымъ. Съ внѣшней стороны введеніе воеводства могло казаться улучшеніемъ мѣстнаго управленія. Разрозненные мѣстные сословные міры объединились подъ одной властью; уѣздъ сталъ цѣльной административной единицей. Зато мѣстнымъ управленіемъ теперь руководилъ представитель центральной государственной власти, приказный человѣкъ по назначенію, а не земскій правитель по выбору. Съ этой стороны воеводство было рѣшительнымъ поворотомъ отъ земскаго начала, положеннаго въ основу мѣстныхъ учрежденій царя Ивана, къ бюрократическому порядку мѣстнаго управленія. Но оно не было возвратомъ къ старымъ намѣстничествамъ. Воевода назначался вѣдать уѣздъ не на себя подобно кормленщику, а на государя, какъ истая коронная власть. Поэтому воеводамъ неприличны были кормы и пошлины, какіе по уставнымъ грамотамъ шли въ пользу намѣстниковъ. Для центральныхъ московскихъ приказовъ воеводство дѣйствительно было удобствомъ. Сподручнѣе было имѣть дѣло съ однимъ общимъ правителемъ уѣзда, притомъ своимъ ставленникомъ, чѣмъ съ многочисленными выборными уѣздными властями. Но для мѣстнаго населенія воеводство стало не только возстановленіемъ, но и ухудшеніемъ намѣстничьяго управленія. Воеводы XVII в. были сыновья или внуки намѣстниковъ XVI в. На протяженіи одного-двухъ поколѣній могли измѣниться учрежденія, а не нравы и привычки. Воевода не собиралъ кормовъ и пошлинъ въ размѣрахъ, указанныхъ уставной грамотой, которой ему не давали; но не были воспрещены добровольные приносы „въ почесть“, и воевода бралъ ихъ безъ уставной таксы, сколько рука выможетъ. Въ своихъ челобитныхъ

о назначеніи соискатели воеводскихъ мѣстъ такъ напрямки и просили отпустить ихъ въ такой-то городъ на воеводство „покормиться". На дѣлѣ вопреки своей идеѣ воеводство стало ухудшеннымъ продолженіемъ намѣстничества. Последнее по идеѣ было административнымъ жалованьемъ за ратную службу, а на дѣлѣ стало административной службой подъ предлогомъ жалованья за ратную повинность, потому что намѣстникъ все-таки правилъ и судилъ. Воеводство хотѣли сдѣлать административной службой безъ жалованья, а на дѣлѣ оно вышло неокладнымъ жалованьемъ подъ предлогомъ административной службы. Неопредѣленная точно широта власти воеводы поощряла къ злоупотребленіямъ. Стѣснительно-подробные наказы, какими снабжалъ воеводу отправлявшій его приказъ, однако предписывали ему въ концѣ концовъ поступать, „какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, какъ Богъ вразумитъ", предоставляя ему полный произволъ. Понятно, почему земскіе люди XVII в. впослѣдствіи съ сожалѣніемъ вспоминали времена, когда не было воеводъ. Неизбѣжная при такомъ сочетаніи регламентаціи съ произволомъ неопредѣленность правъ и обязанностей располагала злоупотреблять первыми и пренебрегать вторыми, и въ воеводскомъ управленіи превышеніе власти чередовалось съ ея бездѣйствіемъ.

Губные старосты.

Воевода судилъ и рядилъ въ *съѣзжей* или *приказной избѣ:* это — наше губернское правленіе. Рядомъ съ воеводой стоялъ другой органъ центральной власти въ уѣздѣ со спеціальнымъ назначеніемъ, *губной староста,* сидѣвшій въ *губной избѣ;* въ иныхъ уѣздахъ ихъ было двое и даже больше. Эта высшая судебно-полицейская власть въ уѣздѣ, возникшая еще въ XVI в., какъ мы знаемъ, имѣла смѣшанный характеръ, земскій по источнику полномочій и приказный по вѣдомству: губной староста выбирался на всесословномъ

мѣстномъ съѣздѣ, но вѣдалъ не мѣстныя земскія, а общегосударственныя дѣла по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ. Въ XVII в. губное вѣдомство расширилось: сверхъ разбоя и татьбы къ нему отнесены были дѣла о душегубствѣ, поджогѣ, совращеніи изъ православія, оскорбленіи родительской власти и др. Вліяніе общаго направленія внутренней политики правительства сказалось въ томъ, что приказный элементъ въ должности губного старосты получилъ рѣшительное преобладаніе надъ земскимъ и это сближало губного старосту по характеру должности съ воеводой. Но это направленіе не соединялось съ опредѣленнымъ планомъ, было скорѣе правительственнымъ позывомъ, чѣмъ программой, что и отразилось на безконечныхъ колебаніяхъ, какимъ подверглось взаимное отношеніе обѣихъ должностей: губные старосты то отмѣнялись, то возстановлялись; въ иныхъ мѣстахъ губныя дѣла поручались воеводамъ, въ другихъ губные старосты вѣдали воеводскія дѣла. По просьбѣ обывателей городомъ правилъ вмѣсто воеводы губной староста, а когда онъ становился неугоденъ городу, назначался опять воевода съ порученіемъ вѣдать и губныя дѣла; губной староста дѣйствовалъ то независимо отъ воеводы, то былъ подчиненъ ему.

Судьба земскихъ учрежденій. Что же сталось съ собственно земскимъ сословнымъ самоуправленіемъ, вѣдавшимъ тяглое населеніе? Съ повсемѣстнымъ введеніемъ воеводъ оно не исчезло, но было стѣснено и подчинено воеводамъ и кругъ его дѣйствія сузился. Съ переходомъ судебной власти къ воеводамъ судныя коллегіи излюбленныхъ головъ съ цѣловальниками были закрыты; только въ дворцовыхъ и черныхъ крестьянскихъ волостяхъ да въ сѣверныхъ „поморскихъ“ уѣздахъ, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Архангельской, Олонецой, Вятской и Пермской, уцѣлѣли выборные земскіе судейки.

Въ кругу выборнаго земскаго управленія теперь остались дѣла финансовыя, т.-е. казенные сборы, и дѣла мѣстныя хозяйственныя. Казенные косвенные сборы, таможенные, питейные и другіе, вѣдались попрежнему *вѣрными* головами съ цѣловальниками. Сборъ прямыхъ налоговъ и хозяйственныя дѣла земскихъ обществъ городскихъ и сельскихъ оставались на рукахъ земскихъ старость съ цѣловальниками. Эти хозяйственныя дѣла состояли въ сборахъ на мірскія нужды, въ распоряженіи мірской землей, въ выборахъ на разныя должности по земскому управленію, а также въ выборѣ приходскаго священника съ причтомъ. Земскій староста велъ свои дѣла въ *земской избѣ*, городской или уѣздной земской управѣ, всегда находившейся на посадѣ, за стѣнами городского кремля, гдѣ помѣщались избы съѣзжая и губная. Ближайшій надзоръ за дѣйствіями земской избы принадлежалъ „совѣтнымъ людямъ“, выборнымъ гласнымъ посадскаго или сельскаго населенія уѣзда. Со введеніемъ воеводствъ на земское управленіе пала новая тяжкая повинность, кормленіе воеводъ и приказныхъ людей, дьяковъ и подъячихъ; этотъ расходъ едва ли не всего болѣе истощалъ „земскую коробку“. Земскій староста велъ расходную книгу, въ которую записывалъ все, на что тратились мірскія деньги, для отчета совѣтнымъ людямъ. Эти книги старость наглядно показываютъ, что значило въ XVII в. кормить воеводу. Изо дня въ день староста записывалъ, что онъ тратилъ на воеводу и его приказныхъ людей. Онъ носилъ на воеводскій дворъ все нужное для домашняго и канцелярскаго обихода воеводы, мясо, рыбу, пироги, свѣчи, бумагу, чернила. Въ праздники или въ именины онъ ходилъ поздравлять воеводу и приносилъ подарки, калачи или деньги „въ бумажкѣ“, какъ ему самому, такъ и его женѣ, дѣтямъ, приказнымъ людямъ, дворовымъ слугамъ,

приживалкамъ, даже юродивому, проживавшему у воеводы. Эти расходныя книги всего лучше объясняютъ значеніе земскаго самоуправленія при воеводахъ. Староста земскій со своими цѣловальниками — лишь послушныя орудія приказной администраціи; на нихъ возложена вся черная административная работа, въ которой не хотѣлъ марать рукъ воевода съ дьякомъ и подъячими. Земство вело свои дѣла подъ наблюденіемъ и по указаніямъ воеводы; земскій староста вѣчно на посылкахъ у воеводы и лишь изрѣдка рѣшается вступаться за свой міръ противъ его распоряженій, заявляетъ протестъ, идетъ на воеводскій дворъ „лаять“ воеводу, выражаясь языкомъ тогдашней земской оппозиціи. Изъ такого отношенія земскаго управленія къ приказному развились чрезвычайныя злоупотребленія. Воеводское кормленіе часто вело къ разоренію земскихъ міровъ. Правительство, не прибѣгая къ радикальнымъ мѣрамъ, старалось по возможности устранить или ослабить это зло, изыскивая разныя къ тому средства, назначало на должности по указанію міра или предоставляло міру выбирать должностныхъ приказныхъ лицъ, веводскія дѣла поручало выборнымъ губнымъ старостамъ, грозило въ указахъ и въ Уложеніи строгими взысканіями за неправый судъ, дозволяло тяжущимся заявлять подозрѣніе на своего воеводу, предоставляя имъ въ такомъ случаѣ переносить свое дѣло на рѣшеніе къ воеводѣ сосѣдняго уѣзда. При царѣ Алексѣѣ запрещено было назначать дворянъ воеводами въ города, гдѣ у нихъ были вотчины или помѣстья. Неоднократно запрещаемы были при царѣ Михаилѣ и его преемникѣ всякіе денежные и натуральные кормы для воеводъ подъ угрозой взыскать взятое вдвое. Такъ централизація мѣстнаго управленія уронила земскія учрежденія, исказила ихъ первоначальный характеръ, лишила ихъ самостоятельности, не уменьшивъ

ихъ обязанностей и отвѣтственности. Это была также одна изъ жертвъ, принесенныхъ обществомъ государству.

Сосредоточеніе мѣстнаго управленія не ограничилось предѣлами уѣзда: уже при царѣ Михаилѣ сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ въ эту сторону. Во время войнъ съ Польшей и Швеціей пограничные уѣзды по западной, южной и юговосточной окраинѣ государства съ цѣлью лучшаго устройства внѣшней обороны правительство соединяло въ крупные военные округа, называвшіеся *разрядами*, въ которыхъ уѣздные воеводы были поставлены въ зависимость отъ главныхъ окружныхъ воеводъ, какъ высшихъ мѣстныхъ военно-гражданскихъ управителей и предводителей военно-служилыхъ людей, составлявшихъ окружные корпуса. Такъ еще въ началѣ царствованія Михаила упоминаются разряды *Рязанскій* и *Украинный*, въ составъ котораго входили Тула, Мценскъ и Новосиль. При царѣ Алексѣѣ появляются разряды *Новгородскій*, *Сѣвскій* или Сѣверскій, *Бѣлгородскій*, *Тамбовскій*, *Казанскій*. При царѣ Ѳедорѣ предположено было и внутренніе уѣзды соединить въ такіе же военные округа, образовавъ разряды *Московскій*, *Владимірскій*, *Смоленскій*. Эти военные округа и послужили основаніемъ губернскаго дѣленія, введеннаго Петромъ Великимъ. Окружные разряды.

Централизація, хотя въ меньшей степени, коснулась и центральнаго управленія, гдѣ она была даже нужнѣе, чѣмъ въ областномъ. Говоря о московскихъ приказахъ XVI в., я уже имѣлъ случай замѣтить, что они и въ XVII в. строились попрежнему (лекція XXXVIII). Осложненіе государственныхъ потребностей и отправленій нагромоздило ихъ до полусотни. Въ нихъ трудно найти какую-либо систему: это была скорѣе куча крупныхъ и мелкихъ учрежденій, министерствъ, конторъ и временныхъ коммиссій, какъ бы мы ихъ назвали. Количество приказовъ и безпорядочное раз- Сосредоточеніе центр. управленія.

граниченіе въ нихъ вѣдомствъ затрудняли контроль и направленіе ихъ дѣятельности: иногда само правительство не знало, куда приткнуть необычное дѣло, и безъ дальнѣйшихъ размышленій учреждало для него новый приказъ. Отсюда возникла потребность стянуть слишкомъ раздробленное центральное управленіе. Его сосредоточивали двумя способами: или подчиняли одному начальнику нѣсколько сродныхъ по вѣдомствамъ приказовъ, или нѣсколько приказовъ сливали въ одно учрежденіе; въ первомъ случаѣ группѣ приказовъ сообщалось одно руководство и направленіе, во второмъ нѣсколькимъ приказамъ сообщалась одинаковая организація. Тесть царя Алексѣя И. Д. Милославскій былъ начальникомъ приказа Большой Казны, одного изъ департаментовъ министерства Финансовъ; но онъ же правилъ и приказами, вѣдавшими новые роды войскъ, какіе заводились въ XVI и XVII вв., именно *Стрѣлецкимъ*, *Рейтарскимъ*, *Иноземскимъ* да кстати и невоеннымъ *Аптекарскимъ*, такъ какъ при немъ состояли лѣкаря, тоже иноземцы. *Посольскому* приказу, вѣдавшему иностранныя дѣла, были подчинены девять другихъ приказовъ, вѣдавшихъ новоприсоединенныя области, *Малороссійскій*, *Смоленскій*, *Литовскій* и другіе, а также *Полоняничный*, завѣдывавшій выкупомъ плѣнныхъ. Вѣроятно, эти приписанные къ Посольскому приказы и помѣщались съ нимъ рядомъ въ длинномъ зданіи приказовъ, тянувшемся отъ Архангельскаго собора по кремлевскому обрыву къ Спасскимъ воротамъ. Путемъ этого сосредоточенія изъ множества мелкихъ учрежденій складывалось нѣсколько крупныхъ вѣдомствъ, которыя послужили предшественниками коллегій Петра Великаго.

Приказы Счетныхъ и Тайныхъ дѣлъ.

Съ цѣлью надзора при царѣ Алексѣѣ возникли два новыхъ приказа. Контроль финансовый былъ порученъ приказу *Счетныхъ Дѣлъ:* онъ считалъ государственные

доходы и расходы по книгамъ всѣхъ другихъ центральныхъ приказовъ и областныхъ учрежденій и стягивалъ къ себѣ остатки отъ текущихъ расходовъ, гдѣ таковые оказывались, обращался въ другіе приказы съ запросами по исполненію ассигновокъ, данныхъ должностнымъ лицамъ, посламъ, полковымъ воеводамъ, вызывалъ къ отчету изъ городовъ земскихъ цѣловальниковъ съ ихъ приходо-расходными книгами. Это было мѣсто, гдѣ объединялось финансовое счетоводство. Счетный приказъ существовалъ уже въ 1621 г. Другой былъ приказъ *Тайныхъ Дѣлъ*. Названіе этого приказа страшнѣе его вѣдомства: это не тайная полиція, а просто вѣдомство государева спорта, „потѣхи", какъ тогда говорили. Царь Алексѣй былъ страстный сокольничій охотникъ. Приказъ Тайныхъ Дѣлъ вѣдалъ 200 сокольниковъ и кречетниковъ, больше 3000 соколовъ, кречетовъ, ястребовъ и до 100.000 голубиныхъ гнѣздъ для корма и выучки охотничьихъ птицъ. Къ этимъ кречетамъ и голубямъ благодушный и разсчетливый царь пристроилъ множество разнородныхъ дѣлъ не только своего личнаго обнхода, но и общегосударственнаго управленія. Черезъ Тайный приказъ онъ велъ свою личную переписку, особенно по дипломатическимъ и военнымъ дѣламъ, слѣдилъ за хозяйствомъ нѣкоторыхъ своихъ имѣній, за дворцовыми соляными и рыбными промыслами; приказъ завѣдывалъ дѣлами любимаго царскаго Саввина Сторожевскаго монастыря, раздачей царской милостыни и т. п. Но черезъ тотъ же приказъ царь дѣлалъ личныя распоряженія по всевозможнымъ предметамъ общаго управленія, когда находилъ нужнымъ непосредственно вмѣшаться въ ходъ дѣлъ или взять на себя починъ и руководство въ какомъ-либо новомъ предпріятіи, еще не вошедшемъ въ обычный составъ управленія: такъ Тайный приказъ вѣдалъ рудное дѣло и гранатные заводы. Словомъ, это — собственная цар-

ская канцелярія. Она служила и органомъ особаго царскаго надзора за управленіемъ, который дѣйствовалъ помимо общаго контроля, шедшаго изъ Боярской думы. Котошихинъ описываетъ одинъ пріемъ этого надзора. Присутствіе приказа состояло только изъ дьяка съ десяткомъ подьячихъ: думнымъ людямъ туда закрыты были двери. Этихъ подьячихъ царь причислялъ къ посольствамъ, ѣхавшимъ въ иностранныя государства, къ воеводамъ, шедшимъ въ походъ, для наблюденія за ихъ словами и поступками: „и тѣ подьячіе, пишетъ Котошихинъ, надъ послы и надъ воеводами подсматриваютъ и царю пріѣхавъ сказываютъ“. Разумѣется, великородные послы и воеводы понимали назначеніе этихъ маленькихъ лишнихъ людей въ ихъ свитѣ и задабривали ихъ „выше ихъ мѣры“, по выраженію Котошихина, и какъ органъ тайнаго административнаго надзора, предшественникъ петровскаго института фискаловъ, приказъ Тайныхъ Дѣлъ едва ли былъ удаченъ. Притомъ онъ былъ и безтактенъ. Котошихинъ пишетъ, что царь Алексѣй устроилъ этотъ приказъ „для того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали“. Такъ царь дѣйствовалъ тайкомъ отъ ближайшихъ исполнителей своей воли, которыхъ самъ же и призывалъ къ власти и съ которыми жилъ въ такомъ видимомъ „совѣтѣ“, конспирировалъ противъ собственнаго правительства. По атавизму, притомъ совершенно фиктивному, старый удѣльный инстинктъ опричнины сказался въ царѣ, предки котораго никогда не бывали удѣльными князьями. Тайный приказъ поспѣшили закрыть тотчасъ по смерти учредителя.

Составъ общества. Вмѣстѣ съ централизаціей управленія еще въ усиленной степени шло сосредоточеніе общества. Изъ устроительной дѣятельности старой династіи общество вышло столь же

дробнымъ, какъ и управленіе. Оно было разбито на множество разрядовъ, *чиновъ*, которые, не считая духовенства, можно свести въ четыре основныхъ класса или состоянія: это были 1) люди *служилые*, 2) *тяглые* посадскіе, 3) тяглые сельскіе и 4) *холопы*. По отношенію къ государству основные классы различались *родомъ повинностей*, связанныхъ съ имущественнымъ положеніемъ лицъ, въ служиломъ классѣ еще и съ происхожденіемъ, чины—*размѣрами* или степенью тяжести однородныхъ повинностей. Такъ повинностью служилыхъ людей землевладѣльцевъ была наслѣдственная служба ратная и соединенная съ нею придворная и административная; по степени ея важности и тяжести, соотвѣтствовавшей размѣрамъ землевладѣнія и породѣ, служилый классъ распадался на чины думные, служилые московскіе и городовые. Посадскіе торгово-промышленные обыватели тянули посадское тягло „по животамъ и по промысламъ“, по оборотнымъ средствамъ и промысловымъ занятіямъ, а по размѣрамъ или доходности тѣхъ и другихъ и по связанной съ ними тяжести посадскихъ повинностей они дѣлились на *лучшихъ, середнихъ и молодшихъ*. На такіе же имущественно-податные разряды распадался и классъ сельскихъ людей или крестьянъ, тянувшихъ поземельное тягло по размѣрамъ пашни. Холопы по праву не имѣли закономъ защищаемой собственности и ни служили, ни тянули тягла государству, а состояли въ крѣпостномъ дворовомъ услуженіи у частныхъ лицъ, образуя такъ же нѣсколько видовъ неволи. Но эти классы, какъ и чины, не были устойчивыми и неподвижными обязательными состояніями. Лица могли переходить изъ одного класса или чина въ другой, свободныя по своей или государевой волѣ, холопы по волѣ своихъ господъ или по закону, могли мѣнять или соединять хозяйственныя занятія: служилый

человѣкъ могъ торговать въ городѣ, крестьянинъ перейти въ холопство или заниматься городскимъ промысломъ. При такой подвижности между основными классами образовалось нѣсколько промежуточныхъ, переходныхъ слоевъ разнороднаго соціальнаго состава. Такъ между служилыми людьми и холопствомъ кружился слой мелкопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ, которые то отбывали ратную службу со своихъ или отцовыхъ помѣстій, то поступали холопами во дворы къ боярамъ и другимъ служилымъ людямъ высшихъ чиновъ, образуя особый слой *боярскихъ служилыхъ людей*. Между служилымъ классомъ и посадскимъ населеніемъ стояли служилые люди „меньшихъ чиновъ", служившіе не *по отечеству*, наслѣдственно, а *по прибору*, по казенному найму: это были казенные кузнецы и плотники, воротники, пушкари и затинщики, состоявшіе при крѣпостяхъ и крѣпостной артиллеріи; они примыкали къ служилому классу, неся военно-ремесленную службу, но близко стояли и къ посадскому населенію, изъ котораго обыкновенно набирались, и занимались городскими промыслами, не неся посадскаго тягла. Около привилегированныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, ютились, выходя такъ же изъ посадовъ, закладчики, о которыхъ я уже говорилъ и еще буду говорить сейчасъ. Наконецъ, между холопами и свободными классами бродилъ многочисленный смѣшанно составленлый слой *вольныхъ* или *гулящихъ* людей: въ него входили и затяглые родственники тяглыхъ домохозяевъ, неотдѣленные сыновья, братья и племянники, и захребетники, такъ же не имѣвшіе своего хозяйства, работавшіе при чужомъ, и дѣти духовенства, не пристроившіеся къ приходамъ, и дѣти боярскіе, замотавшіеся и бросившіе службу, но ни къ кому не поступившіе во дворъ, и крестьяне, покинувшіе пашню и не избравшіе опредѣленнаго рода

жизни, и холопы, вышедшіе на волю и еще не давшіе на себя новой крѣпости. Всѣ такіе люди, живя въ селѣ, не имѣли земельнаго надѣла и не несли поземельнаго тягла, а обитая въ городѣ, промышляли, но не отбывали городскихъ повинностей.

Дробность чиновнаго дѣленія и присутствіе бродячихъ промежуточныхъ слоевъ придавали обществу видъ чрезвычайно пестрой и безпорядочной массы. Такой подвижностью и пестротой общественнаго состава поддерживалась свобода народнаго труда и передвиженія. Но эта свобода крайне затрудняла приказное правительство и противорѣчила его стремленію, потомъ проведенному въ Уложеніи, всѣхъ привлечь къ работѣ на государство и строго регулировать народный трудъ въ интересахъ казны. Особенно неудобны были для него состоянія закладчиковъ и вольныхъ людей, грозившія постепеннымъ оскудѣніемъ ратныхъ силъ и изсякновеніемъ самыхъ источниковъ государственнаго дохода: пользуясь правомъ отказа отъ личной свободы и отъ соединенныхъ съ ней государственныхъ повинностей, оба эти состоянія грозили стать соціальными убѣжищами для служилыхъ и тяглыхъ людей, не хотѣвшихъ ни служить, ни тянуть тягла. Устраняя эти затрудненія и опасности, законодательство съ воцаренія Михаила начинаетъ стягивать общество, какъ оно стягивало управленіе: оно соединяло дробные чины съ однородными повинностями въ крупные замкнутые классы, оставляя самые чины подвижными въ предѣлахъ того или другого класса, а промежуточные слои вгоняло въ эти классы по наибольшей сродности занятій. Эту соціальную перестройку оно производило двумя пріемами: наслѣдственнымъ прикрѣпленіемъ людей къ состояніямъ, въ которыхъ заставалъ ихъ крѣпившій ихъ законъ, и лишеніемъ свободныхъ лицъ права отказываться отъ личной

Образованіе сословій.

свободы. Такимъ образомъ общественный составъ упрощался и твердѣлъ: служба и тягло по колеблющемуся имущественному положенію или по измѣнчивому занятію превращались въ неподвижныя повинности по рожденію; каждый классъ, округляясь, становился плотнѣе самъ въ себѣ и обособленнѣе отъ другихъ. Эти замкнутые и обязанные классы впервые въ исторіи нашего общественнаго строенія получили характеръ *сословій*, а самый процессъ, которымъ они созидались, можно назвать фиксаціей, *отвержденіемъ состояній*. Такъ какъ этотъ процессъ совершался насчетъ свободы народнаго труда, то и достигавшійся имъ результатъ слѣдуетъ отнести къ числу жертвъ общества въ пользу государства.

Служилые люди. Это укрѣпленіе и обособленіе сословій повидимому началось со служилаго класса, наиболѣе нужнаго государству, какъ боевая сила. Уже Судебникъ 1550 г. дозволилъ принимать въ холопство только отставныхъ дѣтей боярскихъ, воспретивъ пріемъ служащихъ и ихъ сыновей, даже не начавшихъ еще службы. Это былъ низшій и бѣднѣйшій служилый чинъ, въ которомъ находилось много охотниковъ поступать въ боярскіе люди. Законъ 1558 г. пояснилъ, что только сыновья дѣтей боярскихъ, достигшіе служилаго совершеннолѣтія (15 лѣтъ) и еще не поверстанные въ службу, могли становиться холопами, а несовершеннолѣтіе и совершеннолѣтніе, но уже записанные въ службу, не могли. Нужда и тяжесть службы побуждали нарушать и эти ограниченія. При царѣ Михаилѣ дворяне и дѣти боярскіе жаловались на массовое бѣгство въ холопы ихъ братьевъ, дѣтей и племянниковъ. Указомъ 9 марта 1642 г. велѣно было взять такихъ дворянъ-холоповъ изъ боярскихъ дворовъ на службу, если они имѣли помѣстья или вотчины и были уже зачислены въ службу, а впредь запрещалось принимать въ

холопство всякихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Этотъ запретъ внесенъ и въ Уложеніе. Такъ ратная служба стала наслѣдственной безысходной сословной повинностью служилыхъ людей. Тогда же опредѣлились и спеціальныя ихъ сословныя права, какъ землевладѣльцевъ. Правомъ землевладѣнія пользовались дотолѣ и боярскіе люди, и соотвѣтствовавшіе имъ по общественному положенію монастырскіе служки; въ число тѣхъ и другихъ вступали государевы служилые люди съ вотчинами и помѣстьями. Законъ 1642 г. поворотилъ первыхъ на государеву службу, а Уложеніе лишило тѣхъ и другихъ права пріобрѣтать вотчины. Личное землевладѣніе, вотчинное и помѣстное, стало теперь сословной привилегіей служилаго класса, какъ ратная служба осталась его спеціальной сословной повинностью: тѣмъ и другимъ служилые чины объединялись въ одно сословіе и обособлялись отъ другихъ классовъ.

Посадское населеніе.

Такому же обособленію подверглось и посадское населеніе. Мы уже видѣли, какъ развитіе служилаго землевладѣнія въ XVI в. задержало ростъ города (лекція XXXIII). Смута разорила и разогнала посадскихъ тяглецовъ. Затрудненія, наступившія съ новой династіей, грозили новымъ разрушеніемъ едва начавшимъ оживать посадамъ. Чтобы быть исправными казенными плательщиками, посадскимъ обществамъ, связаннымъ круговой тягловой порукой, необходимы были достаточный постоянный комплектъ членовъ и обезпеченный сбытъ труда и товара. Тяжесть податей заставляла слабосильныхъ выходить изъ посада, продавая или закладывая свои дворы людямъ нетяглымъ, *бѣлымъ*. Въ то же время къ посадамъ пристраивался разночинный людъ: стрѣльцы, крестьяне изъ подгородныхъ селъ, церковные слуги, поповичи торговали и промышляли, отбивая торги и промыслы у оставшихся посадскихъ тяглецовъ, но не участвуя въ ихъ тяглѣ;

даже попы и дьяконы вопреки церковнымъ правиламъ сидѣли въ лавкахъ. Бѣгство изъ посадскаго тягла находило себѣ влiятельное поощренiе сверху. Стоитъ замѣтить, что всякiй разъ, какъ верховная власть слабѣла, господствующiе классы у насъ спѣшили пользоваться минутой и развивали широкую спекуляцiю насчетъ свободы народнаго труда. Такъ при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ современники жалуются на усиленное развитiе кабальнаго холопства, въ чемъ дѣятельно участвовалъ самъ правитель Борисъ Годуновъ со своей
Закладчики. родней. При царѣ Михаилѣ то же повторилось съ закладничествомъ. Я уже говорилъ объ этомъ видѣ частной зависимости, отличавшейся отъ холопства тѣмъ, что она не была крѣпостная, прекращалась по волѣ закладчика. Закладывались преимущественно посадскiе люди, торговые и ремесленные, и обыкновенно „за сильныхъ людей“, за бояръ, патрiарха, епископовъ, за монастыри. Это было большое бѣдствiе для тяглыхъ посажанъ. Значительные посады въ Московскомъ государствѣ опоясывались казенными служилыми слободами, стрѣлецкими, пушкарскими, ямскими; населявшiе ихъ служилые приборные люди конкуррировали въ торгахъ и промыслахъ съ посадскими людьми, не раздѣляя ихъ повинностей. Закладчики явились еще болѣе опасными соперниками. Сильные люди принимали ихъ массами и селили цѣлыми слободами на посадахъ или около не только на своихъ, но и на общественныхъ посадскихъ земляхъ. Въ патрiаршей слободѣ на посадѣ Нижняго Новгорода жило въ 1648 г. болѣе 600 новоприбылыхъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, „которые въ тое слободу сошлися изъ разныхъ городовъ и поселилися для своего промыслу и легости“, какъ жаловались выборные отъ посадскихъ людей на Уложенномъ соборѣ. Это былъ новый видъ закладничества, притомъ незаконный. Личный закладъ

въ собственномъ, простѣйшемъ видѣ былъ заемъ подъ работу съ обязательствомъ заработать его службой во дворѣ или на землѣ заимодавца. Теперь тяглые посадскіе закладывались безъ займа или съ фиктивнымъ займомъ обыкновенно за привилегированныхъ землевладѣльцевъ, свѣтскихъ и духовныхъ, и не отбывали имъ дворовой службы, а селились на ихъ льготныхъ земляхъ дворами и цѣлыми слободами и присвояли себѣ ихъ поземельныя льготы, самовольно избывая посадскаго тягла и занимаясь „всякими промыслами и торгами большими". Это были капиталисты, а не бѣдные дворовые рабочіе подъ ссуду. Такія условія были нарушеніемъ закона. Уже Судебникъ 1550 г. запретилъ торговымъ посадскимъ людямъ жить на нетяглой церковной землѣ въ посадахъ, пользуясь ея льготами. При царѣ Михаилѣ законъ строго обособлялъ посадскія земли тяглыя или черныя отъ нетяглыхъ или бѣлыхъ. Какъ воспрещалось бѣломѣстцамъ обѣливать пріобрѣтаемые ими посадскіе тяглые дворы и мѣста, такъ не дозволялось и тяглымъ людямъ, селясь на бѣлой землѣ, по ней обѣливать самихъ себя. Закладничество было прямымъ злоупотребленіемъ: не будучи крѣпостнымъ холопствомъ, освободавшимъ отъ тягла, оно соединяло выгоды крѣпостной неволи съ выгодами тяглаго посадскаго промысла, не неся тягла, пользовалось правами безъ обязанностей. Уже при царѣ Михаилѣ жаловались на это зло, и правительство новой династіи по усвоенной имъ привычкѣ ничего не предупреждать и уступать только силѣ или угрозамъ удовлетворяло отдѣльныя жалобы, не объединяя ихъ въ общую мѣру. Такъ въ 1643 г. посадскіе гор. Тобольска жаловались на размноженіе закладчиковъ у тамошняго монастыря, которые тѣснили и обижали ихъ во всякихъ промыслахъ, и при этомъ челобитчики ставили правительству на видъ, что у нихъ государевыхъ службъ служить

и оброка платить некому. Государь указалъ взять закладчиковъ въ посадъ и тягло имъ тянуть съ посадскими людьми вмѣстѣ. Настойчивыя жалобы на закладничество до собора и на самомъ соборѣ 1648 г., внушительныя и еще не остывшія впечатлѣнія іюньскаго бунта въ Москвѣ и доступное даже тогдашнему московскому правительству опасеніе за казенные доходы вмѣстѣ съ желаніемъ пріобрѣсти многія тысячи новыхъ плательщиковъ — все это повело къ капитальной переборкѣ состава посадскаго населенія. Отдѣльныя мѣры, тогда принятыя, сведены въ главѣ XIX Уложенія о посадскихъ людяхъ. Всѣ слободы частныхъ владѣльцевъ, поселенныя на посадской землѣ, купленной или захваченной, отбирались на государя и приписывались въ тягло къ посадамъ безвозмездно за то: „не строй на государевой землѣ слободъ и не покупай посадской земли“. Заемныя и ссудныя записи, данныя на себя закладчиками пріемщикамъ, объявлены недѣйствительными. Подгородныя вотчины и помѣстья, которыя сошлись съ посадами „дворы съ дворами“, такъ же приписывались къ посадамъ и обмѣнивались на казенныя села въ другихъ мѣстахъ. Закладничество впредь запрещалось подъ угрозой тяжкой кары, а посадскіе прикрѣплялись къ своему тяглу и къ посадамъ съ такой строгостью, что указъ 8 февраля 1658 г. грозилъ смертной казнью за переходъ изъ посада въ посадъ, даже за женитьбу внѣ посада. Такъ посадское тягло съ торговъ и промысловъ стало сословной повинностью посадскаго населенія, а право городского торга и промысла его сословной привилегіей. Крестьяне могли продавать въ городѣ „всякіе товары“ на гостиномъ дворѣ только прямо съ возовъ, не держа лавокъ въ торговыхъ рядахъ.

Лекція XLIX.

Крестьяне на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. — Условія ихъ положенія. — Холопство въ древней Руси. — Происхожденіе холопства кабальнаго. — Апрѣльскій указъ 1597 г. — Задворные люди. — Появленіе крѣпостной крестьянской записи. — Ея происхожденіе. — Ея условія. — Крѣпостные крестьяне по Уложенію 1649 г. — Крестьянскіе *животы*. — Податная отвѣтственность за крѣпостныхъ крестьянъ. — Отличіе крѣпостного крестьянства отъ холопства въ эпоху Уложенія.

Въ одно время съ обособленіемъ классовъ служилаго и посадскаго окончательно опредѣлилось и положеніе сельскаго земледѣльческаго населенія. Впрочемъ существенная перемѣна произошла лишь въ судьбѣ крестьянъ, жившихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ и составлявшихъ главную массу сельскаго населенія. Эта перемѣна обособила ихъ рѣзче прежняго не только отъ другихъ классовъ, но и отъ другихъ разрядовъ сельскаго же населенія, отъ крестьянъ черныхъ или казенныхъ и дворцовыхъ: разумѣю установленіе крѣпостной неволи владѣльческихъ крестьянъ. Мы покинули сельскіе классы на началѣ XVII в. (лекція XXXVII). Мы видѣли, что казенные и дворцовые крестьяне уже къ этому времени были прикрѣплены къ землѣ или къ сельскимъ обществамъ. Положеніе крестьянъ владѣльческихъ оставалось неопредѣленнымъ, потому что на

немъ столкнулись разносторонніе интересы. Чтеніе о крестьянахъ въ XVI в. я закончилъ замѣчаніемъ, что въ началѣ XVII в. уже дѣйствовали всѣ экономическія условія неволи господскихъ крестьянъ и оставалось только найти юридическую норму, которая превратила бы фактическую ихъ неволю въ крѣпостную по закону.

Въ положеніи владѣльческаго крестьянства XVI в., какъ общественнаго класса, надобно различать три элемента: поземельное тягло, право выхода и нужду въ господской ссудѣ, т.-е. элементы политическій, юридическій и экономическій. Каждый изъ нихъ былъ враждебенъ обоимъ остальнымъ, и измѣнчивый ходъ ихъ борьбы производилъ колебанія законодательства въ опредѣленіи государственнаго положенія класса. Борьба была вызвана элементомъ экономическимъ. По разнымъ причинамъ, частью нами уже изученнымъ, съ половины XVI в. стало увеличиваться количество крестьянъ, нуждавшихся въ ссудѣ для обзаведенія и для веденія своего хозяйства. Эта нужда влекла крестьянина къ долговой неволѣ и, столкнувшись съ его правомъ выхода, одолѣла его: это право, не отмѣненное закономъ, стало юридической фикціей. Тогда противъ неволи крестьянина выступило его поземельное тягло, отъ котораго освобождала крѣпостная неволя, и законодательство начала XVII в. борется противъ превращенія крестьянина въ холопа, установляя *вѣчность крестьянскую*, безвыходность тяглаго крестьянскаго состоянія. Въ сочетаніи этихъ элементовъ крестьянскаго положенія съ условіями древнерусской личной крѣпости и найдена была юридическая норма, установившая крѣпостную неволю владѣльческихъ крестьянъ.

Крѣпостью въ древнерусскомъ правѣ назывался актъ, символическій или письменный, утверждавшій власть лица надъ извѣстной вещью. Власть, укрѣпленная такимъ ак-

томъ, давала владѣльцу *крѣпостное* право на эту вещь. Предметомъ крѣпостного обладанія въ древней Руси были и люди. Такіе крѣпостные назывались *холопами* и *робами*. На древнерусскомъ юридическомъ языкѣ холопомъ назывался крѣпостной мужчина, робой — крѣпостная женщина. Въ документахъ нѣтъ терминовъ „рабъ" и „холопка": *рабъ* встрѣчается только въ церковно-литературныхъ памятникахъ. Холопство и было древнѣйшимъ крѣпостнымъ состояніемъ на Руси, установившимся за много вѣковъ до возникновенія крѣпостной неволи крестьянъ. До конца XV в. на Руси существовало только холопство *обельное* или *полное*, какъ оно стало называться позднѣе. Оно создавалось различными способами: 1) плѣномъ, 2) добровольной или по волѣ родителей продажей свободнаго лица въ холопство, 3) нѣкоторыми преступленіями, за которыя свободное лицо обращалось въ холопство по распоряженію власти, 4) рожденіемъ отъ холопа, 5) долговой несостоятельностью купца по собственной винѣ, 6) добровольнымъ вступленіемъ свободнаго лица въ личное дворовое услуженіе къ другому безъ договора, обезпечивающаго свободу слуги, и 7) женитьбой на рабѣ безъ таковаго же договора. Полный холопъ не только самъ зависѣлъ отъ своего *государя*, какъ назывался владѣлецъ холопа въ древней Руси, и отъ его наслѣдниковъ, но передавалъ свою зависимость и своимъ дѣтямъ. *Право на полнаго холопа наслѣдственно, неволя полнаго холопа потомственна.* Существенною юридическою чертою холопства, отличавшею его отъ другихъ, некрѣпостныхъ видовъ частной зависимости, была непрекращаемость его по волѣ холопа: холопъ могъ выйти изъ неволи только по волѣ своего государя.

Въ Московской Руси изъ полнаго холопства выдѣлились различные виды смягченной, условной крѣпостной неволи. **Виды неполнаго холопства.**

Такъ изъ личнаго услуженія, именно изъ службы приказчикомъ по господскому хозяйству, тіуномъ или ключникомъ, возникло въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. холопство *докладное*, названное такъ потому, что крѣпостной актъ на такое холопство, *докладная грамота*, утверждался съ доклада намѣстнику. Это холопство отличалось отъ полнаго тѣмъ, что право на докладного холопа мѣняло свои условія, иногда прекращалось со смертью господина, иногда передавалось его дѣтямъ, но не далѣе. Потомъ, я уже говорилъ о закладничествѣ. Оно возникало въ разныя времена на разныхъ условіяхъ. Первоначальнымъ и простѣйшимъ его видомъ былъ личный закладъ или заемъ съ обязательствомъ должника работать на заимодавца, живя у него во дворѣ. *Закупъ* временъ Русской Правды, *закладень* удѣльныхъ вѣковъ, какъ и закладчикъ XVII в., не были холопы, потому что ихъ неволя могла быть прекращена по волѣ заложившагося лица. Долгъ погашался или его уплатой, или срочной отработкой по договору: „отслужатъ свой урокъ (срокъ) да пойдутъ прочь, рубль заслужатъ, а не отслужатъ своего урока, ино дадутъ“, возвратятъ всѣ занятыя деньги, какъ читаемъ про такихъ долговыхъ слугъ въ одномъ актѣ XV в. Но бывали закладныя, по которымъ закладникъ обязывался не погашать службой самаго долга, а только оплачивать проценты, служить „за ростъ“, и по истеченіи условленнаго срока возвратить „истину“, занятой капиталъ. Заемное письмо въ древней Руси называлось заимствованнымъ изъ еврейскаго словомъ *кабала*. Личная зависимость, возникавшая изъ обязательства служить за ростъ, укрѣплялась актомъ, который въ отличіе отъ заемной кабалы съ личнымъ закладомъ на условіи отработки назывался въ XVI в. *служилой кабалой* или *кабалой за ростъ служити*. Съ конца XV в. въ документахъ появляются *ка-*

Кабальное холопство.

бальные люди; но въ нихъ долго еще незамѣтно признаковъ кабальнаго холопства. Заемная кабала подъ личный закладъ была собственно *заживная,* давала закладнику право зарабатывать взятую впередъ ссуду безъ роста, погашать безпроцентный долгъ. По кабалѣ *ростовой,* получившей спеціальное названіе *служилой,* кабальный своей службой во дворѣ заимодавца зарабатывалъ только проценты, не освобождаясь отъ возврата капитала въ условленный срокъ или *урокъ.* Съ такимъ характеромъ являются кабальные люди въ документахъ до половины XVI в., и только такія служилыя кабалы зналъ Судебникъ 1550 г., установляя высшей суммой займа подъ личный закладъ 15 руб. (700—800 руб. на наши деньги). Изъ одного закона 1560 г. видно, что кабальные люди по ростовымъ служилымъ кабаламъ подлежали искамъ объ уплатѣ долга — знакъ, что они не стали еще крѣпостными людьми, а оставались закладнями съ правомъ выкупиться въ случаѣ возможности. Изъ него узнаемъ, что иные кабальные, оказавшись несостоятельными въ уплатѣ кабальнаго долга, сами просились въ холопство полное или докладное къ своимъ заимодавцамъ. Законъ воспретилъ это, предписавъ попрежнему выдавать несостоятельныхъ кабальныхъ истцамъ-заимодавцамъ „головой до искупа", до уплаты или до отработки долга. Это запрещеніе вмѣстѣ съ готовностью самихъ кабальныхъ итти въ полное холопство и съ извѣстіемъ англійскаго посла Флетчера, которому въ 1588 г. сказывали въ Москвѣ, что законъ дозволялъ кредитору продавать жену и дѣтей выданнаго ему головой должника навсегда или на время — все это показываетъ, что кабальныхъ тянули въ разныя стороны, ихъ собственныя дворовыя и господскія привычки къ привычному полному холопству, законъ ко временной некрѣпостной неволѣ. Въ этой

борьбѣ закладничество на условіи службы за ростъ переработалось, правда, въ холопство, только не въ полное, а въ кабальное. Выдача головой до искупа при обычной несостоятельности выданныхъ подвергала ихъ безсрочной отработкѣ займа. Такъ въ кабальную службу за ростъ входило и погашеніе самаго долга, личный закладъ подъ заемъ превращался въ личный наемъ съ полученіемъ наемной платы впередъ. Это соединеніе службы за ростъ съ погашеніемъ долга и личный характеръ кабальнаго обязательства стали юридическими основами служилой кабалы, какъ крѣпости; ими полагался и предѣлъ кабальной службы. Какъ личное обязательство, связывавшее одно лицо съ другимъ, служилая кабала теряла силу со смертью одной изъ сторонъ. Въ XVII в. встрѣчаемъ по мѣстамъ кабалы съ обязательствомъ кабальнаго „у государя своего служить во дворѣ до своей смерти". Но въ случаѣ смерти господина раньше холопа это условіе нарушало личный характеръ кабалы, заставляя кабальнаго служить женѣ и дѣтямъ умершаго какъ бы наслѣдственно. Между тѣмъ было два рода дворовыхъ слугъ, для которыхъ установился другой предѣлъ службы — смерть господина. Уже законъ 1556 г. постановилъ, что плѣнникъ, выданный въ холопство по суду, служитъ господину „до его живота". Съ другой стороны, нѣкоторые на томъ же условіи поступали просто въ личное услуженіе не только безъ займа, но и безъ найма. Встрѣчаемъ служилую кабалу 1596 г., въ которой вольный человѣкъ обязуется служить не за ростъ, безъ займа, „по животъ" господина, которому послѣ своей смерти отпустить слугу на волю съ женой, дѣтьми „и что у него живота наживетъ, и *въ приданые* его и дѣтей не дати за своими дѣтьми". Здѣсь передъ нами три условія, въ которыхъ выражался личный характеръ служилой кабалы:

пожизненность владѣнія кабальнымъ, неотчуждаемость этого владѣнія и право кабальнаго на добытое на службѣ имущество. Эти условія, также вошедшія въ юридическій составъ кабальной службы, здѣсь устанавливаются договоромъ; по крайней мѣрѣ, до 1597 г. не извѣстны указы, узаконяющіе ихъ для кабальныхъ съ воли, не для полоняниковъ. Съ установленіемъ пожизненности служилая кабала получила характеръ холопьей крѣпости: кабальный самъ по договору отказывался отъ права выкупиться и его неволя прекращалась только смертью или волей господина. Уже въ указѣ 1555 г. служилая кабала является со значеніемъ *крѣпости*, крѣпостного акта, на ряду съ полной и докладной, а въ одномъ завѣщаніи 1571 г. встрѣчаемъ и терминъ *кабальные холопы и робы* вмѣсто обычнаго дотолѣ выраженія *кабальные люди* или просто *кабальные*. Тогда же становится извѣстна и форма служилой кабалы, державшаяся неизмѣнно цѣлое столѣтіе: вольный человѣкъ, одинъ или съ женой и дѣтьми, занималъ у извѣстнаго лица, обыкновенно у служилаго человѣка, нѣсколько рублей всегда ровно на годъ, отъ такого-то числа до того же числа слѣдующаго года, обязуясь „за ростъ у государя своего служити во дворѣ по вся дни, а полягутъ деньги по сроцѣ и мнѣ за ростъ у государя своего потому же служити по вся дни". Эта стереотипная форма показываетъ, что она составилась по нормѣ срочной закладной съ закладомъ лица, а не вещи, и съ предвидѣніемъ просрочки. Такія закладныя нерѣдки и сходны со служилыми кабалами въ условіяхъ и даже въ выраженіяхъ. Въ 1636 г. отецъ отдалъ заимодавцу своего сына „на годъ служить" съ обязательствомъ въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ отпустить сына къ заимодавцу „во дворъ".

Въ такомъ положеніи нашелъ кабальное холопство указъ, **Указъ 1597 г** объявленный Холопьему приказу 25 апр. 1597 г. Цѣлью

его было упорядочить холоповладѣніе, установить прочный порядокъ его укрѣпленія. Въ юридическій составъ кабальной крѣпости онъ не вносилъ ничего новаго, только утвердивъ и формулировавъ сложившіяся уже отношенія. Постановивъ, что законную силу имѣютъ только служилыя кабалы, записанныя въ московскія кабальныя книги Холопьяго Суда и въ городахъ у приказныхъ людей, законъ предписываетъ кабальнымъ людямъ со своими женами и дѣтьми, поименованными въ ихъ кабалахъ, оставаться въ холопствѣ по тѣмъ кабаламъ, какъ и по докладнымъ, т.-е. до смерти своихъ господъ, и если кабальные будутъ предлагать выкупъ, господа могутъ денегъ отъ нихъ не принимать, челобитья о томъ холоповъ суду не слушать, а выдавать ихъ въ службу по тѣмъ кабаламъ до смерти ихъ господъ; дѣти кабальнаго, записанныя въ его кабалѣ или родившіяся во время его холопства, крѣпки отцову государю такъ же до его смерти. Но въ этомъ законѣ есть и новыя постановленія, вскрывающія закулисную игру господствующихъ классовъ насчетъ свободнаго труда. Рядомъ съ кабальными тогда существовали вольные слуги, служившіе безъ кабалъ, какъ вольнонаемная прислуга, или „добровольные холопы“, какъ называютъ ихъ документы. Иные служили такъ лѣтъ по 10 и больше, не желая давать на себя кабалъ своимъ хозяевамъ и сохраняя за собой право, признанное указомъ 1555 г., отойти отъ нихъ, когда захотятъ. Апрѣльскій законъ 1597 г. назначилъ срокъ для такой добровольной службы — меньше полугода: прослужившій полгода или больше обязанъ былъ давать на себя кабалу государю, который, его „кормилъ, одѣвалъ и обувалъ“. Карамзинъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ это постановленіе, назвавъ его закономъ, „недостойнымъ сего имени своею явною несправедливостью“, изданнымъ „единственно

въ угодность знатному дворянству“. Однако это стѣсненіе вольной службы не обошлось безъ законодательныхъ колебаній: боярскій царь Василій Шуйскій воротился было къ закону 1555 г., но Боярская дума возстановила полугодовой срокъ добровольной службы, а Уложеніе сократило и этотъ короткій срокъ наполовину. Въ указѣ 1597 г. есть и другое постановленіе, показывающее, чьи интересы брали верхъ при слабомъ царѣ Ѳедорѣ. Законъ 1560 г., противодѣйствуя расширенію полнаго холопства, какъ я уже говорилъ, запретилъ несостоятельнымъ кабальнымъ людямъ продаваться въ полные и докладные холопы своимъ заимодавцамъ; по закону 1597 г. бѣглымъ кабальнымъ, пойманнымъ ихъ господами, разрѣшено было переходить въ болѣе тяжкую неволю къ своимъ господамъ, если сами того пожелаютъ. Апрѣльскій указъ скорѣе отягчилъ, чѣмъ облегчилъ крѣпостную неволю. Наблюдательный монахъ, келарь Авраамій Палицынъ помогаетъ объяснить такое направленіе законодательства. По его словамъ, при царѣ Ѳедорѣ вельможами, особенно родней и сторонниками всесильнаго правителя Годунова, какъ и большимъ дворянствомъ, обуяла страсть порабощать, кого только было можно: завлекали въ неволю всячески, ласками, подарками, вымогали „написаніе служивое“, служилую кабалу, силою и муками; иныхъ зазывали къ себѣ „винца токмо испить“; выпьетъ неосторожный гость три-четыре чарочки — и холопъ готовъ: „о трехъ или четырехъ чарочкахъ достовѣренъ неволею рабъ бываше тѣмъ“. Но умеръ царь Ѳедоръ, воцарился Борисъ и наступили страшные голодные годы. Господа осмотрѣлись, и, увидавъ, что не могутъ прокормить многочисленной челяди, однихъ отпускали на волю, другихъ прогоняли безъ отпускныхъ, третьи разбѣгались сами, и все это живое богатство, такъ грѣшно нажитое,

разсыпалось и пошло прахомъ, а въ смуту многіе брошенные холопи зло отплатили своимъ господамъ.

Сближеніе ссуднаго крестьянства и кабальнаго холопства.

Я коснулся исторіи кабальнаго холопства настолько, чтобы объяснить его дѣйствіе на судьбу владѣльческихъ крестьянъ. При первомъ взглядѣ трудно замѣтить точки соприкосновенія между столь различными общественными состояніями, какъ холопъ и крестьянинъ: одинъ былъ человѣкъ нетяглый, другой тянулъ тягло; одинъ работалъ на господскомъ дворѣ, другой на господской землѣ. Но въ господинѣ и заключалась точка соприкосновенія: онъ служилъ общимъ узломъ юридическихъ и хозяйственныхъ отношеній того и другого, распоряжался тѣмъ и другимъ. По воцареніи новой династіи, какъ мы видѣли (конецъ лекціи XXXVII), отношеніе крестьянъ къ землѣ и къ землевладѣльцамъ оставалось неопредѣленнымъ. Законъ царя Василья 1607 г. о личномъ прикрѣпленіи по писцовымъ книгамъ въ Смуту утратилъ силу. Въ селѣ дѣйствовали порядки, установившіеся къ началу XVII в. Крестьянскіе договоры совершались на прежнихъ условіяхъ добровольнаго соглашенія: крестьянамъ „издѣлья на меня дѣлать по порядным записямъ какъ язъ съ ними уговоръ учиню полюбовно и въ записехъ напишемъ"—такъ писали въ договорахъ. При переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки крестьяне, не связанные давностью или обязательствами по ссудѣ, могли уходить, куда хотѣли, новымъ владѣльцамъ до нихъ и до ихъ животовъ дѣла не было, „отпустить ихъ совсѣмъ", какъ писалось въ актахъ. При этомъ крестьяне *старинные*, родившіеся на своихъ участкахъ или за своими владѣльцами, и *старожильцы*, отсидѣвшіе десятилѣтнюю давность, оставались на своихъ мѣстахъ, а новопосаженныхъ со ссудой владѣлецъ, ихъ посадившій, увозилъ къ себѣ въ другое свое имѣнье. Крестьяне продолжали

отрабатывать ростъ за полученную ссуду издѣльемъ, барщиной. Эта отработка роста и стала сближать ссудное крестьянство съ кабальнымъ холопствомъ. Издѣлье крестьянина было такой же личной работой на господина, какъ и служба кабальнаго за ростъ; только послѣдній служилъ во дворѣ, а первый работалъ на дворъ, „ходилъ во дворъ, дворовое дѣло дѣлалъ", какъ писалось въ порядныхъ грамотахъ. Хозяйственная близость вела и къ юридическому сближенію. Какъ скоро въ правѣ установилась мысль, что кабальное обязательство простирается не только на дѣйствія, но и на лицо кабальнаго, дѣлая его крѣпостнымъ, эта мысль настойчиво стала пробивать себѣ путь въ сознаніе землевладѣльцевъ и въ ихъ отношенія къ крестьянамъ. Такое распространительное пониманіе крестьянскихъ отношеній облегчалось и съ холопьей стороны: движеніе крестьянства въ сторону холопства встрѣтилось съ противоположнымъ движеніемъ холопства въ сторону крестьянства. Подлѣ крестьянина-хлѣбопашца, исполнявшаго работу на барскій дворъ, появляется дворовый, ставовившійся хлѣбопашцемъ. Смутное время пронеслось по странѣ ураганомъ, который вымелъ массы крестьянства изъ центральныхъ областей государства. Почувствовалась острая нужда въ рабочихъ земледѣльческихъ рукахъ, которая заставила землевладѣльцевъ обратиться къ старинному испытанному средству, искать новыхъ рукъ для сельской работы въ холопствѣ. Они начали сажать своихъ дворовыхъ людей на пашню, давать имъ ссуду, обзаводить ихъ дворами, хозяйствомъ и земельными надѣлами. При этомъ съ холопомъ заключали особый договоръ, который подобно крестьянскому назывался *ссудной записью*. Такъ, среди холопства возникъ сельскій классъ, получившій названіе *задворныхъ людей*, потому что они селились особыми **Задворные люди.**

избами „за дворомъ“ землевладѣльца. Этотъ классъ появляется еще во второй половинѣ XVI вѣка: въ актахъ 1570—1580-хъ гг. встѣчаемъ „задворья“, „задворныя дворишки“ за большимъ барскимъ дворомъ. Численность этого несвободнаго сельскаго класса замѣтно растетъ въ продолженіе XVII в. Въ поземельныхъ описяхъ первой половины вѣка они отмѣчаются не часто, но во второй половинѣ являются во многихъ мѣстностяхъ обычной и значительной составной частью земледѣльческаго населенія. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ по переписи 1630-хъ годовъ „людскіе“, холопьи дворы, которые далеко не всѣ принадлежали задворнымъ, составляли немного менѣе 9% всего земледѣльческаго населенія, крестьянскаго, бобыльскаго и холопьяго, жившаго на земляхъ служилыхъ землевладѣльцевъ особыми дворами; по переписи 1678 г. однихъ задворныхъ значилось 12%. Съ теченіемъ времени къ нимъ присоединилась и часть господской дворни, *дѣловые люди*, которые въ переписяхъ прописывались живущими въ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ дворахъ, но состояли въ хозяйственномъ и юридическомъ положеніи, совершенно одинаковомъ съ задворными людьми. Задворные выходили изъ всѣхъ разрядовъ холопства, преимущественно изъ холопства кабальнаго. Но положеніе задворнаго человѣка, какъ холопа-хозяина, дворовладѣльца, имѣло и нѣкоторое юридическое дѣйствіе: задворный человѣкъ по закону 1624 г. самъ своимъ имуществомъ отвѣчалъ за свое преступленіе, а не его господинъ. Значитъ, его имущество признавалось его собственностью, хотя бы и не полной. Задворный и укрѣплялся особымъ способомъ: онъ давалъ на себя ссудную запись, не только селясь за барскимъ дворомъ съ воли, но и при переходѣ за барскій дворъ изъ дороваго холопства. Такимъ образомъ задворная запись созда-

вала особый видъ холопства, служившій переходомъ отъ дворовой службы на крестьянскую пашню.

Крѣпостная крестьянская запись

Въ одной грамотѣ 1628 г. помѣщикъ пишетъ, что въ заселенную имъ пустошь онъ „своихъ дворовыхъ кабальныхъ и старинныхъ людей во крестьяне посадилъ и ссуду имъ давалъ“. Это не значитъ, что онъ сдѣлалъ своихъ холоповъ настоящими крестьянами: такая перемѣна положенія выводила холопа на волю и превращала его изъ нетяглаго человѣка въ податного хлѣбопашца; ни то, ни другое не было выгодно владѣльцу. И прежде холоповъ сажали на пашню: это былъ привычный пріемъ частнаго землевладѣльческаго хозяйства. Но прежде не говорили при этомъ, что сажали холоповъ „во крестьяне“. *Посадить* холопа *во крестьяне*—выраженіе, взятое не изъ права, а изъ новой практики поземельныхъ отношеній, и показываетъ, насколько тогда ссудный крестьянинъ приблизился къ холопу. Около того именно времени и въ крестьянскихъ договорахъ съ землевладѣльцами появляется чисто крѣпостное условіе. Сохранилась ссудная запись того же 1628 года, гдѣ вольный человѣкъ обязуется „за государемъ своимъ жить во крестьянехъ по свой животъ безвыходно“. Это условіе безвыходности принимало довольно разнообразныя формы выраженія. Прежде крестьянинъ, рядившійся на землю со ссудой, писалъ въ ссудной записи, что если онъ уйдетъ, не исполнивъ принятыхъ на себя обязательствъ, то на немъ взять землевладѣльцу свою ссуду и пеню или неустойку „за убытки и за волокиту“, за хозяйственныя потери и за издержки судебнаго взысканія—и только. Теперь къ обязательству крестьянина уплатить неустойку за уходъ прибавлялось условіе: землевладѣльцу, *государю*, „вольно меня отовсюду къ себѣ взяти“, „а и впредь таки я на томъ участкѣ крестьянинъ

и жилецъ и тяглецъ“; „а крестьянство и впредь въ крестьянство“, за ту ссуду за государемъ мнѣ „жить во крестьянствѣ вѣчно и никуды не сбѣжать“ и т. п. Всѣ эти формы значили одно: крестьянинъ самъ навсегда отказывался отъ права выхода и неустойку, погашавшую обязательства договора, превращалъ въ пеню за побѣгъ, не возвращавшую ему этого права и не уничтожавшую договора. Скоро эта безвыходность стала общимъ заключительнымъ условіемъ ссудныхъ записей: она и составила *крестьянскую крѣпость* или *вѣчность крестьянскую*, какъ говорили въ XVII в. Это условіе впервые и сообщило крестьянской ссудной записи значеніе крѣпостного акта, утверждавшаго личную зависимость безъ права зависимаго лица прекратить ее.

Ея происхожденіе. Хронологическое совпаденіе крестьянской крѣпости съ посадкой холоповъ „во крестьяне“ въ третьемъ десятилѣтіи XVII в. не было случайностью: то и другое имѣло тѣсную связь съ большимъ тогдашнимъ переломомъ въ государственномъ и землевладѣльческомъ хозяйствѣ. Смута сдвинула съ насиженныхъ мѣстъ массы старожилаго тяглаго люда, городского и сельскаго, и разстроила старые земскіе міры, круговою порукой обезпечивавшіе казнѣ податную исправность своихъ членовъ. Одною изъ первыхъ заботъ правительства новой династіи было возстановить эти міры. На земскомъ соборѣ 1619 г. было постановлено переписать и разобрать тяглыхъ обывателей и при этомъ бѣглецовъ возвратить на старыя мѣста жительства, а закладчиковъ повернуть въ тягло. Долго это дѣло не удавалось по негодности исполнителей, писцовъ и дозорщиковъ. Эта неудача вмѣстѣ съ большимъ московскимъ пожаромъ 1626 г., истребившимъ поземельныя описи въ столичныхъ приказахъ, понудила правительство предпринять

въ 1627—1628 гг. новую общую перепись по болѣе широкому и обдуманному плану. Книги этой переписи имѣли полицейско-финансовое назначеніе привести въ извѣстность и укрѣпить на мѣстахъ податныя силы, какими могла располагать казна; съ этой цѣлью пользовались ими по отношенію къ крестьянамъ и впослѣдствіи, со времени Уложенія. Переписью провѣрялись дѣйствовавшія поземельныя отношенія между крестьянами и владѣльцами, разрѣшались столкновенія, спорные случаи; но она не вносила въ эти отношенія новыхъ нормъ, не устанавливала этихъ отношеній, гдѣ ихъ не было, предоставляя это добровольному частному соглашенію сторонъ. Однако „писцовая записка“ по мѣсту жительства давала общую основу для такихъ соглашеній, регулировала ихъ и косвенно ихъ вызывала. Бродячій вольный хлѣбопашецъ, застигнутый писцомъ на землѣ владѣльца, куда онъ забрелъ для временной „крестьянской пристани“ и за нимъ записанный, волей-неволей рядился къ нему въ крестьяне на условіяхъ добровольнаго соглашенія и вдвойнѣ укрѣплялся за нимъ, какъ этой писцовой, такъ и порядной записью, какую давалъ на себя. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе договоры прямо съ кабальными условіями. Одни, прежде чѣмъ порядиться въ крестьяне, по нѣсколько лѣтъ жили у землевладѣльцевъ „добровольно“, безъ записи, какъ это дѣлали кабальные. Другіе, рядясь безъ ссуды, писали въ записяхъ, что они впредь обязуются жить за своими господами во крестьянствѣ по ихъ господскую смерть, а какъ ихъ, господъ, судомъ Божіимъ въ животѣ не станетъ, вольно имъ, крестьянамъ, прочь отойти, куда похотятъ: это — основное условіе служилой кабалы. Иной, какъ въ приведенной порядной 1628 г., обязывался „за государемъ своимъ жить во крестьянехъ по *свой* животъ безвыходно“; Кв условія.

такъ иногда рядились и кабальные. Но обыкновенно крестьяне рядились „съ воли“ попрежнему со ссудой, которую иногда обязывали возвратить „всю сполна“ въ срокъ, иногда съ разсрочкой, „исподоволу“; чаще же всего договоры умалчивали объ этомъ предметѣ и обусловливали возвратъ ссуды только неисполненіемъ хозяйственныхъ обязательствъ крестьянина или его побѣгомъ. Какъ ни были разнообразны, запутаны и сбивчивы условія крестьянскихъ записей того времени, въ нихъ все же можно разглядѣть основныя нити, изъ которыхъ сплеталась крестьянская крѣпость: то была *полицейская приписка* по мѣсту жительства, *ссудная задолженность, дѣйствіе кабальнаго холопства и добровольное соглашеніе*. Первые два элемента были основными источниками крѣпостного права, создававшими землевладѣльцу возможность пріобрѣсти крѣпостную власть надъ крестьяниномъ; вторые два имѣли служебное значеніе, какъ средства дѣйствительнаго пріобрѣтенія такой власти. Въ крестьянскихъ договорахъ можно, кажется, уловить самый моментъ перехода отъ воли къ крѣпости, и этотъ моментъ указываетъ на связь этого перехода съ общей переписью 1627 г. Самая ранняя изъ извѣстныхъ порядныхъ съ крѣпостнымъ обязательствомъ относится къ тому самому 1627 году, когда предпринята была эта перепись. Здѣсь „старые“ крестьяне помѣщика заключаютъ съ нимъ новый договоръ съ условіемъ отъ него „не сойти и не сбѣжать, оставаться крѣпкими ему во крестьянствѣ“. Какъ у старыхъ крестьянъ, у нихъ были опредѣленныя, установившіяся отношенія къ помѣщику; можетъ быть, по старожильству они и безъ того уже были безвыходными сидѣльцами на своихъ участкахъ, не могли разсчитаться по полученнымъ когда-то ссудамъ; въ другихъ порядныхъ крестьяне прямо обязываются сво-

ему старому помѣщику быть крѣпкими „попрежнему". Значить, новое крѣпостное условіе было только юридическимъ закрѣпленіемъ фактически сложившагося положенія. Полицейское прикрѣпленіе къ тяглу или къ состоянію по мѣсту жительства поднимало вопросъ объ укрѣпленіи крестьянина за владѣльцемъ, на землѣ котораго онъ записанъ. Готовыхъ юридическихъ нормъ для этого не было и ихъ по сходству хозяйственныхъ отношеній стали заимствовать изъ сторонних образцовъ, изъ служилой кабалы или задворной ссудной записи, комбинируя въ разныхъ мѣстахъ различно по добровольному соглашенію условія крестьянскаго тягла и дворовой службы. Къ такому смѣшенію разнородныхъ юридическихъ отношеній велъ самый переломъ, совершавшійся послѣ Смуты въ землевладѣльческомъ хозяйствѣ. Прежде предметомъ сдѣлки между крестьяниномъ-съемщикомъ и землевладѣльцемъ служила земля подъ условіемъ выдѣла доли произведеній земли или равноцѣннаго ей денежнаго оброка въ пользу землевладѣльца. Ссуда вовлекала въ разсчетъ еще и личный крестьянскій трудъ на землевладѣльца, барщину, какъ дополнительную повинность за долгъ, и даже крестьянское имущество, инвентарь, создававшійся съ помощью ссуды. Послѣ Смуты условія поземельнаго учета еще измѣнились: опустѣлая земля упала въ цѣнѣ, а крестьянскій трудъ и барская ссуда вздорожали; крестьянинъ нуждался больше въ ссудѣ, чѣмъ въ землѣ, землевладѣлецъ искалъ больше работника, чѣмъ арендатора. Этой обоюдной нуждой можно объяснить одну запись 1647 г., когда крестьянская крѣпость уже упрочилась и изъ личной превращалась въ потомственную: здѣсь не крестьянинъ даетъ обязательство не уходить отъ помѣщика, а помѣщикъ обязуется не сгонять крестьянина съ его стараго обстроеннаго жеребья—

иначе вольно ему, крестьянину, отъ помѣщика „прочь отойти на всѣ четыре стороны“. Та же обоюдная нужда со временемъ подъ давленіемъ общей переписи 1627 г. превратила крестьянскія порядныя изъ договоровъ о пользованіи господской землей въ сдѣлки на обязательный крестьянскій трудъ, а право на трудъ стало основой власти надъ личностью, надъ ея волей; да и самая эта перепись, какъ увидимъ, была вызвана потребностью казны перенести податное поземельное обложеніе съ пашни на самого хлѣбопашца. Въ новомъ складѣ хозяйственныхъ отношеній стали мѣшаться прежнія юридическія состоянія: холопы переходили въ крестьянство и наоборотъ, дворовые принимались за крестьянскую пашню, а пашенные крестьяне дѣлали дворовое дѣло, и изъ этого смѣшенія вышла крестьянская крѣпость.

Государство и землевладѣльцы.

Законъ и помѣщикъ, повидимому, поддерживали другъ друга въ погонѣ за крестьяниномъ. Но согласіе было только наружное: обѣ стороны тянули въ разныхъ направленіяхъ. Государству нуженъ былъ усидчивый тяглецъ, котораго всегда можно было бы найти по писцовой книгѣ на опредѣленномъ участкѣ и который частными обязательствами не ослаблялъ бы своей податной способности, а помѣщикъ искалъ пахотнаго холопа, который дѣлалъ бы исправно „дѣло его помѣщицкое, пашенное и гуменное и дворовое“ и оброкъ платилъ бы, котораго сверхъ того можно было бы при случаѣ продать, заложить и въ приданое отдать безъ земли. Правительству перваго царя новой династіи, избраннаго при поддержкѣ высшей церковной іерархіи и дворянства, но связаннаго обязательствами передъ боярствомъ, въ крестьянскомъ дѣлѣ пришлось сводить счеты и съ крупнымъ землевладѣніемъ, боярскимъ и церковнымъ, и съ мелкимъ дворянствомъ. Поль-

зуясь тяжелымъ положеніемъ податного населенія послѣ Смуты, крупные землевладѣльцы, бояре, архіереи, монастыри оттянули у казны къ себѣ въ льготные закладчики, подъ свою сильную „заступу“, множество тяглаго люда, въ томъ числѣ и крестьянъ. Земскій соборъ еще 3 іюля 1619 г. постановилъ: „тѣмъ закладчикамъ быть попрежнему, гдѣ кто былъ напередъ сего“, поворотить ихъ въ тягло на прежнія мѣста. Но цѣлыхъ 30 лѣтъ властная знать обоего чина, бѣлаго и чернаго, отбивалась отъ этого соборнаго приговора всей земли, и только въ Уложеніи 1649 г. дворянскіе и посадскіе выборные люди провели рѣшительныя статьи о конфискаціи боярскихъ и церковныхъ слободъ, населенныхъ закладчиками. Въ отношеніи къ крестьянамъ законодательству предстояло рѣшить много вопросовъ; но оно не спѣшило съ этимъ дѣломъ. Около Михаила, царя совсѣмъ несеріознаго, не стояло ни одного серіознаго государственнаго человѣка, и правительство шло за текущими дѣлами, не обгоняя ихъ и предоставляя самой жизни завязывать узлы, съ которыми не знали что̀ дѣлать дальнѣйшія поколѣнія. Съ появленіемъ крѣпостного обязательства въ крестьянскихъ договорахъ законодательству необходимо было разграничить точною межой интересы государственный и частный. Писцовая книга крѣпила крестьянина къ состоянію, къ тяглу по мѣсту жительства, ссудная запись къ лицу по личному договору. Эта двойственность отразилась въ крестьянскихъ записяхъ шаткостью крѣпостной формулы. Чаще всего крестьянинъ неопредѣленно говоритъ, что онъ „по сей записи и впредь за государемъ своимъ во крестьянехъ крѣпокъ“. Нерѣдко крестьянинъ прикрѣпляется къ лицу по землѣ безъ обозначенія опредѣленнаго участка: крестьяне обязывались жить за государемъ своимъ въ такомъ-то селѣ или „гдѣ онъ

намъ укажетъ"; крестьянинъ рядился на крестьянскій участокъ, на который „онъ, государь, меня пожалуетъ по моей силѣ, на который я измогу". Рѣже крестьянинъ укрѣплялся своему государю „по своему тяглому участку и по сей записи", соединяя личное укрѣпленіе съ поземельнымъ, съ сидѣньемъ на извѣстномъ тягломъ участкѣ, обязуясь жить на томъ участкѣ безвыходно и „съ того участка никуда не сойти". Наконецъ, еще рѣже, и то уже къ концу XVII в., встрѣчаемъ прикрѣпленіе къ мѣсту, къ поселку, независимо отъ лица владѣльца; въ ссудной записи 1688 г. къ обычному крѣпостному обязательству крестьянина жить за владѣльцемъ въ такой-то деревнѣ прибавлено условіе — жить тому крестьянину въ той деревнѣ „и впредь за кѣмъ та деревня будетъ". Точно такъ же законъ не устанавливалъ ни срока крестьянской крѣпости, ни размѣровъ повинностей, изъ нея вытекавшихъ, предоставляя все это добровольному соглашенію, а ссудныя записи здѣсь, какъ мы видѣли, придерживались неопредѣленныхъ условій служилой кабалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, судя по сохранившимся порядным записямъ Залѣсской половины Шелонской пятины 1646—1652 гг., точно опредѣлялась барщина: бобыль обязывался работать на боярина, „дѣлать боярское дѣло по одному дню пѣшему" въ недѣлю, крестьянинъ по одному или по два дня „съ лошадью", либо одну недѣлю по одному дню, а другую по два. Но это были мѣстные обычаи, сложившіеся независимо отъ законодательной нормировки поземельныхъ отношеній. Стереотипной общей нормой было глухое обязательство крестьянина „помѣщицкое всякое дѣло дѣлать и оброкъ платить, чѣмъ онъ меня пожалуетъ, по моему участку изоброчить съ сосѣды вмѣстѣ", или „помѣщика во всемъ слушати, пашню на него пахати и дворовое дѣло дѣлати" и т. п.

Такъ безпорядочной борьбѣ частныхъ интересовъ предоставлено было рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго порядка — о предѣлахъ права землевладѣльца на трудъ его крѣпостного крестьянина. Это была либо недоглядка, либо малодушная уступка небрежнаго законодательства интересамъ дворянства, которое, какъ сильнѣйшая сторона, не приминуло воспользоваться своимъ преимуществомъ.

Другой правительственной уступкой дворянству въ крестьянскомъ дѣлѣ была отмѣна *урочныхъ лѣтъ*, давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Съ начала XVI в. дѣйствовалъ пятилѣтній срокъ, смѣнившійся по закону 1607 г. пятнадцатилѣтнимъ. Но послѣ Смуты воротились къ прежнему пятилѣтнему. При такомъ короткомъ срокѣ бѣглый легко пропадалъ для владѣльца, который не успѣвалъ провѣдать бѣглеца, чтобы вчинить искъ о немъ. Въ 1641 г. дворяне просили царя „отставить урочныя лѣта“; но вмѣсто того была только удлинена исковая давность для бѣглыхъ крестьянъ до десяти лѣтъ, для вывозныхъ до пятнадцати. Въ 1645 г. въ отвѣтъ на повторенное челобитье дворянъ правительство подтвердило указъ 1641 г. Наконецъ, въ 1646 г., предпринимая новую общую перепись, оно вняло настойчивымъ ходатайствамъ дворянства и въ писцовомъ наказѣ этого года обѣщало, что „какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“. Это обѣщаніе и было исполнено правительствомъ въ Уложеніи 1649 г., которое узаконило возвращать бѣглыхъ крестьянъ по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ и по переписнымъ 1646—1647 гг. „безъ урочныхъ лѣтъ“. Отмѣна исковой давности сама по себѣ не измѣняла юриди-

Отмѣна урочныхъ лѣтъ.

ческаго характера крестьянской крѣпости, какъ гражданскаго обязательства, нарушеніе котораго преслѣдовалось по частному почину потерпѣвшаго; она только клала на крестьянство еще одну общую черту съ холопствомъ, иски о которомъ не подлежали давности. Но писцовый наказъ, отмѣняя исковую давность, при этомъ крѣпилъ не отдѣльныя лица, а цѣлые дворы, сложные семейные составы; писцовая приписка къ состоянію по мѣсту жительства, захватывавшая крестьянъ-домохозяевъ съ ихъ неотдѣленными нисходящими и боковыми, вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляла ихъ и за владѣльцемъ, получавшимъ теперь право искать ихъ въ случаѣ побѣга безсрочно, какъ холоповъ, и личную крестьянскую крѣпость превращала въ потомственную. Можно думать, впрочемъ, что такое расширеніе крестьянской крѣпости было только закрѣпленіемъ давно сложившагося фактическаго положенія: въ массѣ крестьянства сынъ при нормальномъ наслѣдованіи отцовскаго двора и инвентаря не заключалъ новаго договора съ владѣльцемъ; только когда наслѣдницей оставалась незамужняя дочь, владѣлецъ заключалъ особый договоръ съ ея женихомъ, входившимъ въ ея домъ „къ отца ея ко всему животу“. Наказъ 1646 г. отразился и на крестьянскихъ договорахъ: съ того времени учащаются записи, распространяющія обязательства договаривающихся крестьянъ и на ихъ семейства, а одинъ вольноотпущенный холостой крестьянинъ, рядясь на землю Кириллова монастыря со ссудой, простираетъ принимаемыя обязательства и на свою будущую жену съ дѣтьми, которыхъ „дастъ ему Богъ по женитьбѣ“. Потомственность крестьянской крѣпости поднимала вопросъ объ отношеніи государства къ владѣльцу крѣпостныхъ крестьянъ. Обезпечивая интересы казны, законодательство еще въ XVI в. прикрѣпило казенныхъ крестьянъ къ тяглу

по участку или по мѣсту жительства и стѣснило передвиженіе крестьянъ владѣльческихъ. Съ начала XVII в. подобное же сословное укрѣпленіе постигло и другіе классы. То была генеральная переборка общества по родамъ государственныхъ тягостей. Въ отношеніи къ владѣльческимъ крестьянамъ эта переборка осложнялась тѣмъ, что между казной, въ интересѣ которой она производилась, и крестьяниномъ стоялъ землевладѣлецъ, у котораго были свои интересы. Законъ не вмѣшивался въ частныя сдѣлки одного съ другимъ, пока онѣ не нарушали казеннаго интереса: такъ допущено было въ ссудныя записи крѣпостное обязательство. Но то были частныя сдѣлки съ отдѣльными крестьянами—дворохозяевами. Теперь безсрочно укрѣплялось за землевладѣльцами все крестьянское населеніе ихъ земель и съ неотдѣленными членами крестьянскихъ семействъ. Личная крестьянская крѣпость *по договору*, по ссудной записи, превращалась въ потомственное укрѣпленіе *по закону*, по писцовой или переписной книгѣ; изъ частнаго гражданскаго обязательства рождалась для крестьянъ новая государственная повинность. Доселѣ законодательство строило свои нормы, собирая и обобщая отношенія, возникавшія изъ сдѣлокъ крестьянъ съ землевладѣльцами. Писцовымъ наказомъ 1646 г. оно само давало норму, изъ которой должны были возникнуть новыя отношенія хозяйственныя и юридическія. Уложенію 1649 г. предстояло ихъ направить и предусмотрѣть.

Крѣпостные по Уложенію.

Это Уложеніе по своему обычаю отнеслось къ крѣпостнымъ крестьянамъ поверхностно, даже прямо фальшиво: статья 3 главы XI утверждаетъ, будто „по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ (рѣчь идетъ о бѣглыхъ) не пріимати“, тогда какъ указъ 1641 г. ясно говоритъ: „не пріи-

май чужихъ крестьянъ и бобылей“. Почти вся XI глава Уложенія трактуетъ только о крестьянскихъ побѣгахъ, не выясняя ни сущности крестьянской крѣпости, ни предѣловъ господской власти, и набрана кой съ какими прибавками изъ прежнихъ узаконеній, не исчерпывая, впрочемъ, своихъ источниковъ. При составленіи схемы крестьянской крѣпости по казуальнымъ статьямъ Уложенія эти узаконенія помогаютъ пополнить недомолвки неисправнаго кодекса. Законъ 1641 г. различаетъ въ составѣ крестьянской крѣпости три исковыя части: *крестьянство, крестьянскіе животы и крестьянское владѣніе.* Такъ какъ крестьянское владѣніе значитъ право владѣльца на трудъ крѣпостного крестьянина, а крестьянскіе животы — это его земледѣльческій инвентарь со всею движимостью, „пашенной и дворовой посудой“, то подъ *крестьянствомъ* остается разумѣть самую принадлежность крестьянина владѣльцу, т.-е. право послѣдняго на личность перваго независимо отъ хозяйственнаго положенія и отъ употребленія, какое дѣлалъ владѣлецъ изъ крестьянскаго труда. Это право укрѣплялось прежде всего писцовыми и переписными книгами, а также и „иными крѣпостями“, гдѣ крестьянинъ или его отецъ написанъ за владѣльцемъ. Безвредное пользованіе этими тремя составными частями крестьянской крѣпости зависѣло отъ степени точности и предусмотрительности, съ какою законъ опредѣлялъ условія крестьянскаго укрѣпленія. По Уложенію крѣпостной крестьянинъ наслѣдственно и потомственно былъ крѣпокъ *лицу*, физическому или юридическому, за которымъ его записала писцовая или однородная съ ней книга; онъ былъ этому лицу крѣпокъ *по землѣ*, по участку въ томъ имѣніи, въ помѣстьѣ или вотчинѣ, гдѣ его заставала перепись; наконецъ, онъ былъ крѣпокъ состоянію, крестьянскому тяглу, которое онъ

несъ по своему земельному участку. Ни одно изъ этихъ условій не проведено въ Уложеніи послѣдовательно. Оно запрещало переводить помѣстныхъ крестьянъ на вотчинныя земли, потому что это разоряло государственныя имущества, какими были помѣстья, запрещало владѣльцамъ брать служилыя кабалы на своихъ крестьянъ и ихъ дѣтей и отпускать помѣстныхъ крестьянъ на волю, потому что тотъ и другой актъ выводилъ крестьянъ изъ тяглаго состоянія, лишая казну податныхъ плательщиковъ; но рядомъ съ этимъ оно разрѣшало увольненіе вотчинныхъ крестьянъ (XI, 30; XX, 113; XV, 3). Кромѣ того, Уложеніе молчаливо допускало или прямо утверждало совершавшіяся въ то время между землевладѣльцами сдѣлки, которыя отрывали крестьянъ отъ ихъ участковъ, допускало отчужденія безъ земли и притомъ съ отнятіемъ животовъ, даже предписывало переводы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому безъ всякаго повода съ крестьянской стороны, по винѣ самихъ господъ. Дворянинъ, продавшій послѣ переписи свою вотчину съ бѣглыми крестьянами, подлежавшими возврату, обязанъ былъ вмѣсто нихъ отдать покупщику изъ другой своей вотчины „такихъ же крестьянъ", неповинныхъ въ плутнѣ своего господина, или у помѣщика, убившаго безъ умысла чужого крестьянина, брали по суду его „лучшаго крестьянина съ семьей" и передавали владѣльцу убитаго (XI, 7; XXI, 71). Законъ оберегалъ только интересы казны или землевладѣльца; власть помѣщика встрѣчала законную преграду только при столкновеніи съ казеннымъ интересомъ. Личныя права крестьянина не принимались въ разсчетъ; его личность исчезала въ мелочной казуистикѣ господскихъ отношеній; его, какъ хозяйственную подробность, судъ бросалъ на свои вѣсы для возстановленія нарушеннаго равновѣсія дворянскихъ интересовъ.

Для этого даже разрывали крестьянскія семьи: крѣпостная бѣглянка, вышедшая замужъ за вдовца, крестьянина или холопа чужого господина, выдавалась своему владѣльцу съ мужемъ, но дѣти его отъ первой жены оставались у прежняго владѣльца. Такое противоцерковное дробленіе семьи законъ допускалъ совершать безразлично надъ крестьяниномъ такъ же, какъ и надъ холопомъ (XI, 13). Одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ по своимъ слѣдствіямъ недосмотровъ Уложенія состоялъ въ томъ, что оно не опредѣляло точно юридическаго существа крестьянскаго инвентаря: ни составители кодекса, ни пополнявшіе его соборные выборные, среди которыхъ не было владѣльческихъ крестьянъ, не сочли нужнымъ ясно установить, насколько „животы" крестьянина принадлежатъ ему и насколько его владѣльцу. Неумышленный убійца чужого крестьянина, свободный человѣкъ, платилъ „кабальные долги" убитаго, подтверждаемые заемными письмами (XXI, 71). Значитъ, крестьянинъ какъ будто считался правоспособнымъ входить въ обязательства по своему имуществу. Но крестьянинъ, женившійся на бѣглой крестьянкѣ, выдавался вмѣстѣ съ женой ея прежнему владѣльцу безъ животовъ, которые удерживалъ за собой владѣлецъ ея мужа (XI, 12). Выходитъ, что инвентарь крестьянина былъ только его хозяйственной принадлежностью, какъ крестьянина, а не его правовою собственностью, какъ правоспособнаго лица, и крестьянинъ терялъ его даже въ томъ случаѣ, когда женился на бѣглянкѣ свѣдома и даже по волѣ своего владѣльца.

Крестьянскіе животы

Практика, вскрывающаяся въ частныхъ актахъ, выясняетъ эту двусмысленность закона. Здѣсь видимъ составъ и съ нѣкоторыхъ сторонъ самое юридическое значеніе крестьянскихъ животовъ. Это — земледѣльческій инвентарь, деньги, скотъ, хлѣбъ сѣяный и молоченый, „платье всякое

и всякій домовый запасъ". Изъ порядныхъ записей видимъ, что крестьянскіе животы переходили отъ крестьянина къ его сыновьямъ, женѣ, дочери въ видѣ наслѣдства, къ зятю какъ бы въ приданое, но во всѣхъ случаяхъ съ согласія или по волѣ владѣльца. Нерѣдко вольный холостой человѣкъ шелъ съ пустыми руками, только „душою да тѣломъ", въ домъ къ помѣщикову крестьянину „въ годы и въ животы", женясь на его дочери и обязуясь у тестя жить въ одномъ дворѣ извѣстное число лѣтъ, напримѣръ 8 или 10, съ правомъ, отживъ урочныя лѣта, отдѣлиться и взять у тестя или послѣ него у его сына половину или треть во всемъ, не только въ животѣ, но и „въ хоромахъ и въ землѣ, въ полевой пашнѣ и въ огородахъ". Точно такъ же женились на крестьянскихъ дочеряхъ и вдовахъ, идя въ ихъ домы къ животамъ ихъ умершихъ отцовъ или мужей. Этими животами „владѣли" крестьяне, на дочеряхъ или вдовахъ которыхъ женились пришельцы; но женихи брали эти животы вмѣстѣ съ невѣстами у ихъ господъ, къ которымъ они при этомъ рядились „во крестьяне", становясь ихъ крѣпостными. Такое совмѣщеніе въ одномъ имуществѣ двухъ различныхъ обладателей объясняется двойственнымъ происхожденіемъ крестьянскихъ животовъ: они обычно создавались трудомъ крестьянина съ помощью барской ссуды. По Уложенію, видѣли мы, мужъ бѣглой крестьянки терялъ свои животы при выдачѣ его владѣльцу своей жены. Въ порядныхъ записяхъ 1630-хъ годовъ встрѣчаемъ еще болѣе выразительные случаи, не предвиденные Уложеніемъ: бѣглые выдавались по суду ихъ владѣльцамъ вмѣстѣ съ женами-крестьянками, на которыхъ они женились въ бѣгахъ; но имущество, унаслѣдованное этими крестьянками отъ отцовъ или первыхъ мужей, удерживали за собой ихъ владѣльцы, разрѣшавшіе имъ эти браки. Господа считали

себя даже въ правѣ отчуждать животы своихъ крестьянъ по договору съ третьими лицами: въ 1640 г. вольный человѣкъ, женясь на вскормленницѣ крестьянина, порядился въ крестьяне къ его владѣльцу по кабальному праву до смерти господина, съ условіемъ, отживъ урочные годы во дворѣ „тестя своего“, взять у него или у его сына половину живота и съ женой „отойти прочь на волю“ къ прямому ущербу и крестьянскаго двора, и крестьянскаго общества. Очевидно, крестьянскіе животы — имущество, въ которомъ различались фактическое владѣніе и право собственности: первое принадлежало крѣпостному крестьянину, второе — землевладѣльцу. Это — нѣчто похожее на рабскій пекулій римскаго права или на *отарицу* древнѣйшаго права русскаго; владѣльческій крестьянъ эпохи Уложенія по имущественному своему состоянію возвращался въ положеніе своего соціальнаго предка, ролейнаго закупа Русской Правды. Такіе животы или *собины*, какъ они еще назывались въ XVII в., бывали и у холоповъ, которые по нимъ могли вступать въ имущественныя сдѣлки даже со своими господами: въ одной служилой кабалѣ 1596 г. холопъ, обязуясь служить господину „по его животъ“, обязываетъ и господина послѣ своего живота отпустить его на волю съ тѣмъ, что онъ, холопъ, „у него живота наживетъ“. Холопъ по закону не имѣлъ права собственности и могъ возложить на своего господина такое обязательство только въ разсчетѣ на его нравственную порядочность. Очевидно, и Уложеніе смотрѣло на животы крѣпостныхъ крестьянъ такъ, какъ на холопьи: только при такомъ взглядѣ оно могло постановить долги дворянъ и дѣтей боярскихъ въ случаѣ ихъ несостоятельности править въ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ на ихъ людяхъ, т.-е. холопахъ, и на крестьянахъ (X, 262). Этимъ объясняется

возможность упоминаемыхъ въ Уложеніи „кабальныхъ долговъ“ у крѣпостныхъ крестьянъ: такой крестьянинъ могъ по своимъ животамъ входить въ обязательства и на нихъ могли быть обращаемы взысканія, какъ и на животы задворныхъ холоповъ. Заслуживаетъ вниманія, что крестьянскій инвентарь является съ характеромъ холопьяго живота въ то самое время, когда въ ссудную запись только что стало входить крѣпостное обязательство: уже въ 1627—1628 гг. встрѣчаемъ явки помѣщиковъ, что у нихъ побѣжали ихъ крестьяне и „снесли живота *своего*“, лошадей и пр., на такую-то сумму. Крѣпостное право еще не успѣло установиться, какъ государственный институтъ, а владѣльцы, называя инвентарь крестьянъ ихъ животами, искали ихъ, какъ *сноса*, т.-е. какъ своей собственности, покраденной у нихъ бѣглецами. *Сносъ* — терминъ холопьяго языка: это — господское имущество, которое уносилъ съ собой или на себѣ (платье) бѣглый холопъ. Съ первыхъ же минутъ крѣпостной неволи крестьяне увидѣли себя прямо тяглыми холопами. Значитъ, признаніе крестьянскаго живота господской собственностью безъ точно опредѣленнаго закономъ юридическаго участія въ ней самого крестьянина было не слѣдствіемъ, а одной изъ основъ крѣпостной неволи владѣльческихъ крестьянъ: это — норма, въ какую отлилась давняя ссудная ихъ задолженность.

Податная отвѣтственность за крѣпостныхъ.

Писцовая приписка со ссудной записью, какъ юридическія средства потомственнаго укрѣпленія крестьянина, ссуда, какъ экономическая основа господскаго права на крестьянскіе животы, на инвентарь крестьянина, и барское тягло за земельный надѣлъ, какъ источникъ права дискреціоннаго распоряженія трудомъ крѣпостного — вотъ три узла, которые затянулись въ мертвую петлю, называвшуюся *крестьянской крѣпостью*. Затягивая ее, законодательство

руководилось не чувствомъ справедливости, даже не разсчетомъ общей пользы, а соображеніемъ возможности, создавало не право, а только временное положеніе. Такой взглядъ держался еще при Петрѣ Великомъ и рѣшительно выраженъ крестьяниномъ Посошковымъ въ его книгѣ *О скудости и богатствѣ,* гдѣ онъ пишетъ, что помѣщики владѣютъ крестьянами временно, „а царю они вѣковые". Стало-быть, на крѣпостное крестьянство смотрѣли какъ на помѣстныя земли: это — государственное достояніе, уступленное на время частнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Но какъ могло правительство даже временно такъ довѣрчиво подчинить частному интересу трудъ огромной массы населенія, которымъ питалось государство? Здѣсь недальнозоркое правительство опиралось на наличное положеніе дѣлъ, созданное частью законодательствомъ, частью фактическими отношеніями прежняго времени. Издавна многіе землевладѣльцы получали право судить своихъ крестьянъ во всѣхъ дѣлахъ кромѣ важнѣйшихъ уголовныхъ, душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Мы видѣли также, что уже въ XVI в. землевладѣлецъ становился посредникомъ между своими крестьянами и казной въ дѣлахъ о казенныхъ платежахъ и иногда платилъ подати за нихъ (см. *о ссудахъ* въ лекціи XXXVII). Въ XVII в. отдѣльныя мѣстныя явленія стали обычными общими отношеніями. Съ переписи 1620-хъ гг. къ судебной власти владѣльца присоединился еще полицейскій надзоръ за крестьянами, которые за нимъ были записаны. Съ другой стороны, хозяйственный бытъ владѣльческихъ крестьянъ посредствомъ ссудъ, льготъ, издѣлій и оброковъ такъ перепутался съ барскимъ хозяйствомъ, что здѣсь обѣимъ сторонамъ стало трудно разграничиться. Въ столкновеніяхъ владѣльческихъ крестьянъ со сторонними людьми, особенно въ поземель-

ныхъ спорахъ, землевладѣлецъ, естественно, становился впереди своихъ крестьянъ, какъ собственникъ спорнаго предмета. Уложеніе (XIII, 7) только отмѣчаетъ, какъ общій, давній и привычный фактъ своего времени, что „за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ они же, дворяне и дѣти боярскіе, во всякихъ дѣлѣхъ, кромѣ татьбы и разбоя и поличного и смертныхъ убійствъ"; значитъ, землевладѣльцы представляли своихъ крестьянъ въ тѣхъ судныхъ дѣлахъ съ посторонними, въ которыхъ сами судили своихъ крестьянъ. Вотчинный судъ, полицейскій надзоръ и ходатайство по дѣламъ своихъ крестьянъ были судебно-административныя отправленія, въ которыхъ землевладѣлецъ замѣнялъ правительственнаго чиновника, и имѣли значеніе скорѣе обязанностей, чѣмъ правъ. Къ этимъ тремъ функціямъ, восполнявшимъ недостатокъ правительственныхъ орудій, прибавилась четвертая, направленная къ обезпеченію казеннаго интереса. Крестьянская крѣпость была допущена подъ условіемъ, чтобы тяглый крестьянинъ, ставъ крѣпостнымъ, не переставалъ быть тяглымъ и способнымъ къ государственному тяглу. Крестьянинъ тянулъ это тягло со своего тяглаго участка за право земледѣльческаго труда. Какъ скоро крестьянскій трудъ былъ отданъ въ распоряженіе владѣльца, на послѣдняго переходила обязанность поддерживать его тяглоспособность и отвѣчать за его податную исправность. Это дѣлало землевладѣльца даровымъ инспекторомъ крѣпостного труда и отвѣтственнымъ сборщикомъ казенныхъ податей со своихъ крестьянъ, а эти подати превращало для крестьянъ въ одну изъ статей барскаго тягла, какъ крестьянское хозяйство, съ котораго шли эти подати, входило въ составъ барскаго имущества. За бѣглыхъ крестьянъ владѣлецъ платилъ подати до новой переписи. Уложеніе признаетъ уже устано-

вившимся порядкомъ правило „имати за крестьянъ государевы всякіе поборы съ вотчинниковъ и помѣщиковъ“, а за держаніе бѣглыхъ назначаетъ одно общее взысканіе съ пріемщика, какъ за государевы подати, такъ и за вотчинниковы и помѣщичьи доходы „по десяти рублевъ на годъ“ (XI, 6 и 21).

Отличія крестьянства отъ холопства.

Законодательное признаніе податной отвѣтственности землевладѣльцевъ за своихъ крестьянъ было завершительнымъ дѣломъ въ юридической постройкѣ крѣпостной неволи крестьянъ. На этой нормѣ помирились интересы казны и землевладѣльцевъ, существенно расходившіеся. Частное землевладѣніе стало разсѣянной по всему государству полицейско-финансовой агентурой государственнаго казначейства, изъ его соперника превратилось въ его сотрудника. Примиреніе могло состояться только въ ущербъ интересамъ крестьянства. Въ той первой формаціи крестьянской крѣпости, какую закрѣпило Уложеніе 1649 г., она еще не сравнялась съ холопьей, по нормамъ которой строилась. Законъ и практика проводили еще хотя и блѣдныя черты, ихъ раздѣлявшія: 1) крѣпостной крестьянинъ оставался казеннымъ тяглецомъ, сохраняя нѣкоторый обликъ гражданской личности; 2) какъ такового, владѣлецъ обязанъ былъ обзавести его земельнымъ надѣломъ и земледѣльческимъ инвентаремъ; 3) онъ не могъ быть обезземеленъ взятіемъ во дворъ, а помѣстный и отпускомъ на волю; 4) его животы, хотя и находившіеся только въ его подневольномъ обладаніи, не могли быть у него отняты „насильствомъ“, по выраженію Котошихина; 5) онъ могъ жаловаться на господскіе поборы „черезъ силу и грабежомъ“ и по суду возвратить себѣ насильственный переборъ. Плохо выработанный законъ помогъ стереть эти раздѣльныя черты и погналъ крѣпостное крестьянство

въ сторону холопства. Мы это увидимъ, когда будемъ изучать крѣпостное хозяйство, экономическія слѣдствія крѣпостного права; доселѣ мы изучали его происхожденіе и составъ. Теперь замѣтимъ только, что съ установленіемъ этого права русское государство вступило на путь, который подъ покровомъ наружнаго порядка и даже преуспѣянія велъ его къ разстройству народныхъ силъ, сопровождавшемуся общимъ пониженіемъ народной жизни, а отъ времени до времени и глубокими потрясеніями.

Лекція L.

Господа и крѣпостные. — Крѣпостное право и земскій соборъ. — Общественный составъ земскаго собора въ XVII в. — Численный составъ его. — Выборы. — Ходъ дѣлъ на соборахъ. — Политическій характеръ соборовъ. — Условія ихъ непрочности. — Мысль о земскомъ соборѣ въ торговыхъ классахъ. — Распаденіе соборнаго представительства. — Что сдѣлалъ земскій соборъ XVII в. — Обзоръ сказаннаго.

Однимъ изъ слѣдствій обособленія сословій была новая политическая жертва, новая потеря для рускаго государственнаго порядка — *прекращеніе созывовъ земскаго собора*.

Господа и крѣпостные.

Самымъ ѣдкимъ элементомъ сословнаго взаимоотчужденія было крѣпостное право, составившееся изъ холопьей и крестьянской неволи. Нравственное дѣйствіе этого права было шире юридическаго. Оно глубоко понизило уровень нашей гражданственности, и безъ того очень невысокій. Всѣ классы общества въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно участвовали въ крѣпостномъ грѣхѣ по тѣмъ или другимъ крѣпостямъ, привилегированные „бѣлые" чины, свѣтскіе и духовные, по ссуднымъ записямъ на крестьянъ, по служилымъ кабаламъ и другимъ актамъ на холоповъ, рядовые люди и даже боярскіе холопы по *жилымъ* записямъ на урочныя лѣта. Но особенно зловредно сказывалось это право на общественномъ положеніи и политическомъ воспитаніи землевладѣльческихъ классовъ. Допущенное закономъ и поддерживаемое полицейской силой, крѣпостное

право дѣлало самихъ душевладѣльцевъ холопами наличной власти, расположенной къ такой поддержкѣ, и врагами всякой власти иного направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе энергичнымъ, жизненнымъ интересомъ землевладѣльческой среды становилась мелочная сутяжная борьба господъ съ крѣпостными и другъ съ другомъ изъ-за крѣпостныхъ; постепенно перерождаясь въ глубокую соціальную разладицу, эта борьба надолго задержала правильный ростъ народныхъ силъ, и по ея винѣ землевладѣльческое дворянство, какъ руководящій классъ, дало извращенное, уродливое направленіе всей русской культурѣ. Такое дѣйствіе крѣпостного права уже въ XVII в. обнаруживалось яркими чертами. Холопій приказъ заваливался господскими явками о людскихъ и крестьянскихъ побѣгахъ и сносахъ, объ ихъ подговорахъ и похвальбахъ подметомъ, поклепомъ, поджогомъ, смертнымъ убойствомъ и всякими недобрыми дѣлами. Явка была необходима, чтобы не отвѣчать за бѣглеца, если онъ въ бѣгахъ начнетъ красть и разбивать. Бѣгали всѣ, и рядовые крѣпостные, и приказчики надъ людьми и животами, служившіе лѣтъ по 25, и сидѣвшіе у господъ своихъ „вверху у письма", ихъ домашніе секретари. Бѣглые уносили и свои животы, платье, скотъ, и прямое господское добро, иногда на большія суммы, тысячи на двѣ, на три (на наши деньги). Особенно старательно выкрадывали господскія коробейки съ людскими крѣпостями, чтобы скрыть исковыя улики, перемѣнивъ себѣ въ бѣгахъ имена. Но изощрялись и господа: съ погоней за бѣглецами они посылали дворовыхъ охотничьихъ собакъ, которыя при видѣ своихъ настигнутыхъ знакомцевъ ласками своими выдавали ихъ личность: „знае де ихъ". Побѣги совершались въ одиночку и скопомъ семей въ пять-шесть. У подьячаго побѣжалъ изъ Суздаля крѣпостной съ семьей,

захвативъ господское имущество, при чемъ покушался поджечь и госпожу свою съ дѣтьми въ хоромахъ. Подьячій, находившійся тогда по дѣламъ службы въ Москвѣ, „побѣжалъ оттуда погоней“ за бѣглецами, а тотчасъ по его отъѣздѣ побѣжалъ съ Москвы оставшійся тамъ другой его крѣпостной, „поимавъ достальные его животы“: все это совершилось въ Суздалѣ и Москвѣ въ 8 дней. Общественныя положенія и отношенія, сами по себѣ не имѣвшія ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ, втягивались въ него и искажались. Въ 1628 г. отъ дьяка бѣжалъ кабальный его человѣкъ Васька съ женой и черезъ 8 лѣтъ воротился къ нему попомъ Василіемъ, поставленнымъ въ этотъ санъ рукою митрополита казанскаго и свіяжскаго. Послѣ Уложеніе постановило такихъ священнослужителей изъ холоповъ по искамъ ихъ господъ отсылать къ церковнымъ властямъ на предметъ поступленія съ ними „по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ“ (XX, 67). Попа Василія дьякъ принялъ, неизвѣстно, съ какимъ назначеніемъ, и въ томъ же году „тотъ его человѣкъ попъ Василій съ женою сбѣжалъ отъ него и снесъ съ собою его денегъ 28 руб.“ Условіямъ крѣпостного права было порабощено даже дѣло народнаго образованія въ самыхъ элементарныхъ его видахъ. Мальчика для обученія мастерству грамоты отдавали мастеру въ крѣпостные по жилой записи на урочные годы съ правомъ смирять ученика за ослушаніе „всякимъ смиреніемъ“. Въ 1624 г. московская богадѣленка отдала священнику московскаго женскаго монастыря своего сына для обученія грамотѣ и вмѣстѣ съ бабушкой ученика, старицей того же монастыря, ручалась съ неустойкой за его благоповеденіе и за то, что ученикъ, живя у своего учителя, будетъ у него „всякое дворовое дѣло дѣлать“. О. Харитонъ обучилъ ученика грамотѣ и письму въ 4 года, а крѣпостная

„пись на него взята была на 20 лѣтъ. Мать и бабушка, увидя, что о. Харитонъ „того малаго сдѣлалъ человѣкомъ, грамотѣ вывучилъ“, а еще 16 лѣтъ будетъ томить его въ крѣпостной неволѣ, рѣшили, стакнувшись съ подходящими людьми, того малаго у попа скрасть и потомъ на немъ же попѣ „его искать“. Исходъ дѣла неизвѣстенъ. Бытъ бѣглыхъ, какъ онъ рисуется въ актахъ, заставляетъ забывать, что имѣемъ дѣло съ христіанскимъ обществомъ, оборудованнымъ всякими властями, церковными и полицейскими. Дворовый человѣкъ убѣгалъ, бросая жену и дѣтей, бродилъ по барскимъ усадьбамъ, сказываясь вольнымъ и холостымъ, подъ чужимъ именемъ. Въ одной усадьбѣ его женили на дворовой и брали на него въ Холопьемъ приказѣ служилую кабалу. Новая жена становилась ему не „въ любовь“; онъ бросалъ ее и „попамятовавъ свой грѣхъ“, шелъ къ прежнему барину „старой своей жены и дочери выкрадывать“, но здѣсь и попадался. Такую повѣсть читаемъ въ одномъ актѣ 1627 г. Подобныя похожденія крѣпостныхъ были столь обычны, что ихъ отмѣтило и Уложеніе (XX, 84).

Крѣпостное право и земскій соборъ.

Закрѣпощеніе крестьянъ нанесло земскому представительству двойной вредъ, политическій и нравственный. Едва земскій соборъ сталъ складываться въ выборное всенародное представительное собраніе, какъ изъ состава его выпало почти все сельское земледѣльческое населеніе. Земскій соборъ потерялъ подъ собою земскую почву, сталъ представлять собою только службу и посадское тягло съ ихъ узкими сословными интересами. Принося къ престолу мысль лишь немногихъ классовъ, онъ не могъ привлечь къ себѣ ни должнаго вниманія сверху, ни широкаго довѣрія снизу. Мелкія черты крѣпостного быта, только что приведенныя мною изъ частныхъ актовъ, самой своей мелочностью на-

глядно очерчиваютъ уровень и объемъ тѣхъ житейскихъ интересовъ и отношеній, съ какими приходилъ носитель крѣпостного права въ среду народныхъ представителей. Въ господствующемъ землевладѣльческомъ классѣ, отчужденномъ отъ остального общества своими привилегіями, поглощенномъ дрязгами крѣпостного владѣнія, разслабляемомъ даровымъ трудомъ, тупѣло чувство земскаго интереса, и дряхлѣла энергія общественной дѣятельности. Барская усадьба, угнетая деревню и чуждаясь посада, не могла сладить со столичной канцеляріей, чтобы дать земскому собору значеніе самодѣятельнаго проводника земской мысли и воли.

Общественный составъ соборовъ XVII в.

„Земскій соборъ", „земскій совѣтъ", „вселенскій соборъ" Московскаго государства въ XVII в. составлялся изъ „всякихъ чиновъ людей" или „изъ всякихъ людей всѣхъ городовъ Россійскаго царствія", по выраженію соборныхъ актовъ. И теперь, какъ въ XVI в., въ составѣ земскаго собора различались два неравныя отдѣленія, выборное и невыборное, должностное. Это послѣднее состояло изъ двухъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, являвшихся на соборъ въ полномъ и даже расширенномъ составѣ, съ привлеченіемъ лицъ, не входившихъ въ ихъ обычный составъ: то были 1) Боярская дума съ дьяками изъ приказовъ и 2) Освященный соборъ патріарха, митрополитовъ и епископовъ съ приглашенными архимандритами, игуменами и протоіереями. Выборный составъ земскаго собора былъ довольно сложенъ. Это происходило отъ дробности и разнообразія избирательныхъ единицъ или „статей". Такими единицами были, во-первыхъ, высшіе служилые столичные чины, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы, также высшіе столичные торговые чины, гости и сотни гостинная и суконная (гильдіи): каждый изъ

этихъ чиновъ посылалъ на соборъ особыхъ представителей. За столичными чинами слѣдовало городовое, провинціальное дворянство. Здѣсь избирательной единицей служилъ не чинъ, а уѣздная сословная корпорація, состоявшая изъ трехъ чиновъ, выбора, дворянъ и дѣтей боярскихъ; только въ двухъ областяхъ, Новгородской и Рязанской, избирательными округами являются не цѣлые уѣзды, а ихъ части, въ первой пятины, во второй восемь становъ. Люди служилые *приборные*, не принадлежавшіе къ потомственному дворянству, въ томъ числѣ и служилые иноземцы, посылали на соборъ выборныхъ—столичные отъ своихъ строевыхъ частей, напримѣръ, стрѣльцы отъ стрѣлецкихъ приказовъ, полковъ, уѣздные отъ подгородныхъ слободъ, какими они были тамъ разселены, стрѣлецкихъ, козачьихъ, пушкарскихъ. Проще было представительство тяглаго населенія: здѣсь господствовала территоріальная избирательная единица, мѣстное общество или скученный земскій міръ, а не чиновная курія или разбросанная сословная корпорація. Посадъ г. Москвы, точнѣе, посады дѣлились на „черныя сотни и слободы“; послѣднихъ считалось въ первой половинѣ XVIII в. 33. На соборахъ встрѣчаемъ выборныхъ отъ черныхъ сотенъ Дмитровской, Покровской, Срѣтенской, отъ полусотенъ Кожевницкой, Мясницкой, отъ слободъ Огородной, Садовой, Ордынской, Кузнецкой. Названія этихъ обществъ, доселѣ сохраняющіяся за московскими улицами, указываютъ какъ на территоріальное, такъ и на промысловое, цеховое ихъ значеніе. Провинціальные, „городовые“ посады представляли цѣльные избирательные округа. Итакъ соборные представители выбирались отъ высшаго столичнаго дворянства и купечества по *чинамъ*, отъ дворянъ городовыхъ по сословнымъ *корпораціямъ*, отъ приборныхъ служилыхъ людей въ столицѣ

по *строевымъ частямъ*, отъ приборныхъ городовыхъ, какъ и отъ всѣхъ тяглыхъ людей, столичныхъ и городовыхъ, по *мірамъ*. На соборѣ 1613 г. сверхъ перечисленныхъ классовъ видимъ еще выборныхъ отъ городового духовенства и отъ „уѣздныхъ людей", т.-е. сельскаго населенія. Трудно угадать порядокъ ихъ выборовъ. Подъ грамотой объ избраніи царя Михаила протопопъ г. Зарайска руку приложилъ за себя „и въ выборныхъ посадскихъ поповъ и уѣздныхъ мѣсто". Но какъ получили свои полномочія эти выборные городскіе и сельскіе священники съ соборнымъ протоіереемъ во главѣ, на общемъ ли съѣздѣ всего зарайскаго духовенства, образовавшаго уѣздную духовную курію, или какъ иначе, — этого изъ документа не видно. Еще труднѣе уяснить себѣ представительство уѣздныхъ людей. Въ уѣздѣ, особенно на пристепномъ югѣ и юго-востокѣ, жили иногда крупными поселеніями приборные служилые люди, именно козаки. Но они причислялись къ городовымъ, а не къ уѣзднымъ людямъ и въ подписяхъ подъ грамотой 1613 г. подобно другимъ приборнымъ такъ прямо и прописываются своимъ спеціальнымъ козачьимъ званіемъ. Значитъ, подъ уѣздными людьми остается предполагать крестьянъ; потому, вѣроятно, они, какъ неслужилые тяглые люди, въ этихъ подписяхъ и стоятъ всегда рядомъ съ посадскими. Но ихъ здѣсь встрѣчаемъ въ такихъ уѣздахъ, какъ Коломенскій, Тульскій, гдѣ уже въ концѣ XVI в. по писцовымъ книгамъ незамѣтно казенныхъ крестьянъ. Значитъ, въ уѣздныхъ людяхъ избирательнаго собора можно предполагать и крестьянъ владѣльческихъ: слѣдовательно въ 1613 г. они еще признавались вольными, государевыми. Въ сѣверныхъ „поморскихъ" городахъ, гдѣ было слабо или совсѣмъ отсутствовало служилое землевладѣніе, уѣздные крестьяне въ дѣлахъ по

земскому хозяйству и по отбыванію казенныхъ повинностей смыкались въ одно общество съ посадскими людьми своего города, составляли съ ними одинъ земскій уѣздный міръ, посылая въ городскую земскую избу, управу, „къ совѣту“, для совмѣстныхъ совѣщаній, своихъ выборныхъ повѣренныхъ. Такъ поступали они и при выборѣ соборныхъ представителей, среди которыхъ потому могли являться и уѣздные крестьяне. Такъ ли было и въ южныхъ городахъ въ 1613 г., или уѣздные крестьяне образовали тамъ особую отъ посада избирательную курію, сказать не умѣю. Но на дальнѣйшихъ земскихъ соборахъ выборные представители духовенства и уѣздныхъ людей исчезаютъ, и соборы теряютъ всесословный составъ.

Численный составъ.

Число выборныхъ отъ каждой избирательной статьи измѣнялось и не имѣло значенія. На соборѣ 1619 г. было приговорено созвать въ Москву новый соборъ, выбравъ изъ всякаго города отъ духовныхъ людей по человѣку, отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, да по стольку же отъ посадскихъ людей, а на соборъ 1642 г. призывали „изъ большихъ статей“, людныхъ курій, отъ 5 до 20 выборныхъ, а „не изо многихъ людей“ отъ 2 до 5 человѣкъ. На соборъ 1648 г. указъ призывалъ отъ московскихъ служилыхъ чиновъ и отъ провинціальныхъ дворянскихъ корпорацій „большихъ городовъ“ по два представителя, „изъ меньшихъ“ по одному, отъ городовыхъ посадовъ и отъ столичныхъ черныхъ сотенъ и слободъ тоже по одному, отъ высшихъ сотенъ по два и отъ гостей троихъ. Полноты и однообразія представительства не добивались или не умѣли добиться. На соборѣ 1642 г. встрѣчаемъ среди 192 выборныхъ его членовъ 44 депутата отъ столичныхъ служилыхъ чиновъ, именно 10 стольниковъ, 22 столичныхъ дворянина, 12 жильцовъ, а на со-

боръ 1648 г., одинъ изъ самыхъ людныхъ и полныхъ, на которомъ было не менѣе 290 выборныхъ членовъ, отъ столичныхъ служилыхъ чиновъ призвано было только 8 представителей. На соборахъ, составъ которыхъ извѣстенъ, отсутствуетъ цѣлый рядъ дворянскихъ корпорацій и посадовъ, потому что на мѣстные дворянскіе съѣзды являлись немногіе люди и выбрать было „не отъ чего" или изъ посадскихъ людей выбрать было „не изъ кого", посадскихъ людей въ городѣ мало или совсѣмъ нѣтъ, „а которые, писалъ воевода, посадскіе людишки есть, и они въ твоемъ, государь, дѣлѣ на кабакѣ и въ таможенномъ сборѣ въ цѣловальникахъ". Вообще составъ собора былъ очень измѣнчивъ, лишенъ твердой, устойчивой организаціи. Въ этомъ отношеніи трудно подобрать два собора, похожіе другъ на друга, и едва ли хоть на одномъ соборѣ встрѣтились выборные отъ всѣхъ чиновъ и уѣздовъ, изъ всѣхъ избирательныхъ статей. На соборѣ 1648 г. присутствовали выборные отъ дворянъ и посадскихъ людей изъ 117 уѣздныхъ городовъ, а на соборѣ 1642 г. только выборные отъ дворянъ и только изъ 42 городовъ. При спѣшномъ созывѣ считали даже достаточнымъ присутствіе на соборѣ выборныхъ отъ областныхъ дворянъ, въ данную минуту отбывавшихъ въ Москвѣ очередную службу, а иногда соборъ составлялся только изъ столичныхъ чиновъ. Въ 1634 г. царь по дѣлу о новомъ налогѣ на военныя надобности 28 января указалъ быть собору, а на другой день собрался и самый соборъ; на немъ среди другихъ столичныхъ чиновъ присутствовали „дворяне, которые на Москвѣ".

Выборы. Выборные члены собора избирались на мѣстныхъ сходахъ и съѣздахъ, въ уѣздныхъ городахъ по призыву и подъ надзоромъ городовыхъ воеводъ. Указы предписывали выбирать „лучшихъ людей, добрыхъ, умныхъ и постоятель-

ныхъ". Это значило, что требовались люди состоятельные, исправные и смышленые; потому старались выбирать изъ лучшихъ статей: напримѣръ, провинціальные дворяне выбирали совѣтныхъ людей на соборъ изъ высшаго городового чина, называвшагося *выборомъ*. Грамотность не была непремѣннымъ условіемъ избираемости. Изъ 292 выборныхъ на соборѣ 1648 г. объ 18 членахъ неизвѣстно, были ли они грамотны; изъ остальныхъ 274 человѣкъ 141, т.-е. больше половины было неграмотныхъ. Избирательный протоколъ, подписанный избирателями, „выборный списокъ за руками", передавался воеводѣ, какъ ручательство за годность избранниковъ „къ государеву и земскому дѣлу". Воевода отсылалъ выборныхъ вмѣстѣ со своей отпиской въ Москву въ Разрядный приказъ, гдѣ провѣряли правильность выборовъ. Одинъ воевода отписалъ въ Москву, что онъ исполнилъ царскій указъ, послалъ на соборъ 1651 г. двоихъ лучшихъ дворянъ своего уѣзда, а касательно двухъ лучшихъ посадскихъ людей, сообразивъ, что въ его городѣ и всего-то налицо только три посадскихъ человѣка, да и тѣ худы, бродятъ межъ дворъ и къ такому дѣлу непригодны, самъ назначилъ представлять посадъ на соборѣ сына боярскаго да пушкаря. За это дьякъ Разряднаго приказа, оберегая свободу земскихъ выборовъ, положилъ на отпискѣ строгую помѣту: послать воеводѣ грамоту „съ осудомъ", съ выговоромъ — „велѣно дворянамъ промежъ себя выбрать дворянъ добрыхъ, а не ему воеводѣ выбрать, и за то его осудить гораздо; да онъ же воевода сглупилъ, мимо посадскихъ людей прислалъ въ ихъ мѣсто сына боярскаго да пушкаря". Не видно, чтобы выборные приносили на соборъ письменныя инструкціи, наказы отъ своихъ избирателей. Только въ 1613 г. временное московское правительство въ грамотахъ по городамъ о при-

сылкѣ выборныхъ для избранія царя писало, чтобы эти выборные договорились со своими избирателями накрѣпко и взяли у нихъ о царскомъ избраніи „полные договоры". Это былъ случай исключительной важности, требовавшій всенароднаго единодушія и непосредственнаго народнаго голоса. Потому и кн. Пожарскій съ Мининымъ въ 1612 г., идя выручать Москву и созывая земскій соборъ, писалъ, чтобы города прислали съ выборными „совѣтъ свой за своими руками", письменныя и подписанныя избирателями указанія, какъ имъ, вождямъ земскаго ополченія, противъ общихъ враговъ стоять и выбрать государя. Акты обыкновенныхъ соборовъ не упоминаютъ о письменныхъ наказахъ, и выборные на нихъ не ссылаются. Депутату предоставлялся извѣстный просторъ, а курскій дворянскій представитель на соборѣ 1648 г. даже выступилъ обличителемъ своихъ земляковъ, въ докладной запискѣ государю „курчанъ весь городъ всякимъ дурномъ огласилъ", обвинивъ ихъ въ зазорномъ провожденіи церковныхъ праздниковъ. Такая ревность о благоповеденіи была превышеніемъ депутатскихъ полномочій, вызвавшимъ горячій протестъ курчанъ, которые грозились „всякое дурно учинить" надъ обличителемъ. Самый источникъ полномочій обязывалъ соборнаго представителя и безъ формальнаго наказа дѣйствовать въ согласіи съ избирателями, быть ходатаемъ „о нужахъ своей братіи", какія были ему заявлены при избраніи, и изъ дѣла того же курскаго депутата видимъ, что избиратели считали себя въ правѣ требовать отчета отъ своего выборнаго, почему на соборѣ не о всѣхъ нуждахъ земскихъ людей по ихъ челобитью государевъ указъ учиненъ. Такъ понимало соборнаго представителя и само правительство. Въ 1619 г. оно призывало выборныхъ отъ духовенства, дворянства и посадскаго населенія, „которые бы

умѣли разсказать обиды, насильства и разоренія", чтобы царю „всякія ихъ нужи и тѣсноты и всякіе недостатки были вѣдомы", и царь, выслушавъ отъ нихъ челобитья, учалъ бы „промышлять объ нихъ ко всему добру". Выборный народный челобитчикъ на земскомъ соборѣ XVII в. смѣнилъ собою правительственнаго агента XVI в.; соборное челобитье стало нормой народнаго представительства, высшимъ порядкомъ законодательнаго взаимодѣйствія верховной власти и народа, и мы уже знаемъ, какъ много пополненъ и исправленъ былъ этимъ порядкомъ плохой канцелярскій проектъ Уложенія 1649 г.

Ходъ дѣлъ на соборахъ.

Въ такомъ отношеніи къ власти со стороны народнаго представительства не могло быть ничего требовательнаго, обязующаго власть, ничего юридическаго: соборные вопросы могли рѣшаться обѣими сторонами только путемъ обоюднаго обмѣна психологическихъ настроеній. Это сказывалось и въ порядкѣ обсужденія соборныхъ вопросовъ. Избирательный соборъ 1613 г., какъ исключительный, имѣвшій учредительное значеніе, конечно, не можетъ быть вводимъ въ общую норму. Соборъ созывался всякій разъ особымъ царскимъ указомъ. Только однажды Освященный соборъ взялъ на себя оффиціальный починъ въ дѣлѣ. Когда воротившійся изъ плѣна отецъ царя Михаила въ 1619 г. былъ посвященъ въ патріархи, онъ съ духовными властями приходилъ къ царю и совѣтовался съ нимъ о разныхъ нестроеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царь съ отцомъ своимъ и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ, съ боярами и со всѣми людьми Московскаго государства, „учиня соборъ", говорили, какъ бы то все исправить и землю устроить. Этотъ случай объясняется тѣмъ, что патріархъ былъ не только предсѣдателемъ Освященнаго собора, но и государемъ-соправителемъ. Обыкновенно царь указывалъ по воз-

никшему дѣлу „учинити соборъ“ и открывалъ его (въ Столовой избѣ или въ Грановитой палатѣ) тѣмъ, что самъ „говорилъ на соборѣ“ или по его приказу и въ его присутствіи думный дьякъ читалъ „всѣмъ людямъ вслухъ письмо“ или „рѣчь“ съ изложеніемъ предмета, который подлежалъ соборному обсужденію. Такъ на соборѣ 1634 г. было объявлено, что для продолженія войны съ Польшей нуженъ новый чрезвычайный налогъ, безъ котораго государевой денежной казнѣ „быть не умѣть“. Царское предложеніе оканчивалось заявленіемъ собору, что государь „то ваше вспоможеніе учинитъ памятно и николи незабытно и впередъ учнетъ жаловать своимъ государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ“. Всѣ соборные чины, среди которыхъ незамѣтно городовыхъ, въ отвѣтъ на прочитанную рѣчь „говорили на соборѣ, что они денегъ дадутъ, смотря по своимъ пожиткамъ, что кому мочно дать“. Вотъ и все: выходитъ, какъ будто вопросъ порѣшенъ былъ однимъ днемъ, на одномъ общемъ засѣданіи, въ одинъ присѣстъ, и черезъ 6 дней для сбора новаго налога „со всякихъ людей“ царь учредилъ коммиссію изъ боярина, окольничаго, чудовского архимандрита и двухъ дьяковъ. Но по соборному акту 1642 г. подобный же вопросъ прошелъ черезъ сложную процедуру, которая, можетъ-быть, примѣнялась и на другихъ соборахъ, но стерта въ суммарномъ протокольномъ изложеніи сохранившихся актовъ. Въ 1737 г. донскіе козаки взяли Азовъ, отбили турецкіе приступы и предложили царю взятую крѣпость. На соборѣ въ присутствіи царя, духовныхъ властей и Боярской думы думный дьякъ сказалъ царскій указъ о созывѣ собора и затѣмъ только въ присутствіи думы прочиталъ выборнымъ письмо, въ которомъ царь ставилъ имъ двойной вопросъ: съ турками и крымцами за Азовъ воевать ли и если вое-

вать, гдѣ взять деньги, которыхъ понадобится много? Письмо указывало выборнымъ „помыслить о томъ накрѣпко и государю мысль свою объявить на письмѣ, чтобъ ему государю про то про все было извѣстно". Царское письмо по прочтеніи было „всякихъ чиновъ выборнымъ людямъ для подлиннаго вѣдома роздано порознь при боярѣхъ", а церковнымъ властямъ послано особо, чтобъ онѣ, поговоривъ о томъ отдѣльно, письменно объявили свою мысль государю. Думному дьяку велѣно было сказать чинамъ и допросить ихъ о соборномъ дѣлѣ. И на другихъ соборахъ чины были допрашиваны „порознь" и отвѣчали письменными „сказками" или „памятями". Эти „допросы порознь по чинамъ" были одной изъ формъ соборнаго голосованія. Другую форму встрѣчаемъ на соборѣ 1621 г., когда на предложеніе царя и патріарха воевать съ Польшей чины отвѣчали челобитьемъ — воевать. Разница между обѣими формами, сказкой по допросу и челобитьемъ на предложеніе, сколько можно судить по соборнымъ актамъ, заключалась въ томъ, что допросная память только излагала соображенія чиновъ по данному вопросу, предоставляя рѣшеніе государю, а челобитье давало болѣе рѣшительный отвѣтъ на предложеніе верховной власти и при этомъ могло осложнять дѣло какимъ-либо связаннымъ съ нимъ предложеніемъ и со стороны чиновъ, хотя это допускалось и въ допросныхъ памятяхъ. Выборные служилые люди на соборѣ 1642 г. были раздѣлены на три группы, изъ коихъ одну образовали стольники, другую московскіе дворяне, головы стрѣлецкіе и жильцы, третью всѣ городовые дворяне, и къ каждой группѣ приставленъ былъ особый дьякъ, вѣроятно, для руководства и особенно для редакціи письменнаго мнѣнія группы; только торговымъ людямъ столицы не дали дьяка, а посадскихъ людей изъ уѣздовъ совсѣмъ

не видно на соборѣ. Но мнѣнія подавались не по этой группировкѣ. Всего представлено было 11 письменныхъ „рѣчей“ или „сказокъ“: отъ духовныхъ властей, отъ стольниковъ, отъ дворянъ московскихъ, отъ двухъ дворянъ же, выдѣлившихся изъ своей группы съ особымъ мнѣніемъ, отъ московскихъ стрѣльцовъ (сказки жильцовъ нѣтъ въ актѣ), отъ городовыхъ дворянъ владимірцевъ, отъ дворянъ трехъ другихъ „замосковныхъ“ же, т.-е. центральныхъ городовъ, еще отъ 16 центральныхъ и западныхъ городовъ, отъ 23 городовъ, преимущественно южныхъ, отъ гостей и сотенъ гостинной и суконной, наконецъ отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ. Въ такомъ порядкѣ записки и помѣщены въ актѣ собора вслѣдъ за поименнымъ перечнемъ 192 соборныхъ выборныхъ. По сказкамъ оказались выборные дворяне отъ 43 уѣздныхъ городовъ вмѣсто 42, обозначенныхъ въ перечнѣ; разница произошла отъ того, что въ подачѣ записокъ не участвовали выборные дворяне отъ 8 городовъ, поименованные въ перечнѣ, зато участвовали выборные отъ 9 городовъ, тамъ не упомянутыхъ. Трудно объяснить, какъ это случилось. Можно замѣтить, что въ составленіи записокъ участвовали не одни выборные городовые дворяне, но и ихъ земляки, случившіеся тогда въ Москвѣ по дѣламъ службы: такъ въ запискѣ трехъ городовъ значатся „лушане, которые здѣсь на Москвѣ“, тогда какъ въ перечнѣ отъ гор. Луха поименованъ всего 1 выборный. Да и городовые дворянскіе депутаты, поименованные въ соборномъ перечнѣ, кажется, не были вызваны на соборъ изъ своихъ городовъ, а выбраны въ Москвѣ изъ дворянъ, отбывавшихъ здѣсь очередную службу. Указъ о созывѣ собора состоялся 3-го января, а съ 8-го января началась уже подача сказокъ. Этой спѣшностью объясняется и отсутствіе на соборѣ выборныхъ отъ городовыхъ посадовъ. За-

писки выборныхъ имѣютъ внутреннюю связь между собою: однѣ заимствуютъ изъ другихъ мысли, отдѣльныя выраженія, цѣлыя мѣста. Этимъ вскрывается ходъ соборныхъ совѣщаній. Выборные собирались гдѣ-то и какъ-то по группамъ, совѣщались, обмѣнивались мыслями съ другими, по ихъ сказкамъ пополняли и измѣняли свои записки: такъ сказка 23 городовъ во многомъ сходна съ запиской 16-ти, а мнѣніе черныхъ сотенъ и слободъ составлено по сказкѣ гостей и обѣихъ высшихъ сотенъ съ надлежащимъ примѣненіемъ къ классу. Между тѣмъ общихъ соборныхъ совѣщаній незамѣтно и общій соборный приговоръ не состоялся. Вопросъ рѣшенъ былъ царемъ съ боярами и рѣшенъ отрицательно, вѣроятно, подъ вліяніемъ угнетеннаго тона поданныхъ записокъ: Азова отъ козаковъ не принимать, съ турками и крымцами не воевать, потому что денегъ нѣтъ и взять ихъ не съ кого.

Не всѣ соборы шли, какъ въ 1642 г. Но подробный соборный протоколъ этого года помогаетъ уяснить политическое значеніе соборовъ XVII в. И тогда, какъ въ XVI в., они созывались въ чрезвычайныхъ случаяхъ для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ внутренняго государственнаго строенія и внѣшней политики, преимущественно вопросовъ о войнѣ и сопряженныхъ съ нею тягостяхъ. Перемѣна произошла не въ компетенціи собора, а въ составѣ и характерѣ соборнаго представительства: теперь правительству приходилось имѣть дѣло не съ должностными своими агентами, а съ выборными ходатаями о нуждахъ и недостаткахъ ихъ избирателей. Политическое значеніе соборныхъ совѣщаній зависѣло отъ участія въ нихъ Боярской думы съ государемъ во главѣ. Здѣсь можно замѣтить двоякій порядокъ: дума дѣйствовала или совмѣстно съ выборными, или отдѣльно отъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ бояре

Ихъ политическій характеръ.

съ государемъ присутствовали только при чтеніи собору правительственнаго предложенія, но потомъ отдѣлялись отъ собора, не участвовали въ дальнѣйшей работѣ выборныхъ. Впрочемъ эта работа ограничивалась совѣщаніями по группамъ и подачей отдѣльныхъ мнѣній, но не составлялось ни общаго заключительнаго засѣданія, ни соборнаго приговора. При такомъ порядкѣ соборъ получалъ только совѣщательное или освѣдомительное значеніе: заявленныя выборными мнѣнія государь и бояре принимали къ свѣдѣнію, но законодательный моментъ, рѣшеніе вопроса удерживали за собой. Такъ шло дѣло на соборѣ 1642 г.; то же видѣли мы и на уложенномъ соборѣ 1648 г. Проектъ Уложенія одновременно читали выборнымъ и докладывали государю съ думой, засѣдавшей въ другой палатѣ, отдѣльно отъ выборныхъ, съ которыми при этомъ „сидѣлъ" особо для того назначенный бояринъ съ двумя товарищами, какъ бы образуя ихъ президіумъ. Но при такой раздѣльности занятій дума и соборъ совсѣмъ не походили на верхнюю и нижнюю палаты, какъ ихъ иногда называютъ. Дума съ государемъ во главѣ не являлась только однимъ изъ органовъ законодательства: это было само верховное правительство, вмѣщавшее въ себѣ всю полноту законодательной власти. Слушая статьи Уложенія, она исправляла и утверждала ихъ, создавала законы. Соборъ выборныхъ не стоялъ рядомъ съ думой, а былъ пристроенъ къ ея кодификаціонной коммиссіи. При слушаніи статей Уложенія выборные били челомъ государю объ ихъ отмѣнѣ или пополненіи, и эти ходатайства черезъ коммиссію восходили къ государю и боярамъ, которые, принявъ во уваженіе челобитье всякихъ чиновъ людей, приговаривали по нимъ новые законы. Въ другихъ случаяхъ соборные выборные получали болѣе прямое участіе въ законодательствѣ. Это

бывало, когда дума съ государемъ во главѣ прямо входила въ составъ собора, какъ бы сливалась съ нимъ въ одинъ законодательный корпусъ. Тогда бояре подавали мнѣніе наравнѣ съ выборными, и составлялся общій соборный приговоръ, получавшій силу закона, а дума становилась распорядительной властью, принимавшей мѣры для исполненія соборнаго приговора. Такой порядокъ наблюдаемъ на цѣломъ рядѣ соборовъ царя Михаила, слѣдовавшихъ за избирательнымъ соборомъ 1613 г., именно на соборахъ 1618, 1619, 1621, 1632 и 1634 гг. Особенно выразительно проявился такой порядокъ на соборѣ 1621 г. Турція съ Крымомъ и Швеція звали Москву въ коалицію противъ Польши. Представлялся заманчивый случай расквитаться съ поляками за Смутное время. На соборѣ по этому дѣлу духовныя власти обязались молиться „о побѣдѣ и одолѣніи на вся враги", бояре и всякіе служилые люди биться противъ короля, не щадя головъ своихъ, торговые люди давать деньги, какъ кому мочно, смотря по прожиткамъ. Составился общій соборный приговоръ всѣхъ чиновъ стать на польскаго короля въ союзѣ съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ и со свейскимъ королемъ. При этомъ дворяне и дѣти боярскіе били челомъ государю разобрать ихъ по городамъ, кто какъ можетъ государеву службу служить, чтобъ „никаковъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ". Но указъ о разборкѣ дворянъ и о разсылкѣ грамотъ по городамъ съ извѣщеніемъ о соборномъ приговорѣ и съ приказомъ служилымъ людямъ готовиться къ походу, „лошадей кормить и запасъ пасти" государи, отецъ и сынъ, издали, „говоря съ бояры", по приговору только думы безъ участія собора.

Такое законодательное значеніе земскій соборъ удерживаетъ за собой до послѣднихъ лѣтъ царствованія Михаила, Условія ихъ непрочности.

до 1642 г. Оно проявляется и позднѣе на соборѣ 1653 г. по малороссійскому дѣлу, когда бояре голосовали на соборѣ наравнѣ съ выборными, которые были „допрашиваны по чинамъ, порознь“, какъ въ 1642 г., но рѣшеніе принять Богдана Хмельницкаго въ московское подданство было принято государемъ по совѣту со всѣмъ соборомъ, а не по приговору только бояръ. Даже совѣщательная дѣятельность собора 1648 г. прерывалась подъ часъ законодательнымъ моментомъ. Такъ „соборомъ уложили“ запретить церковнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать и принимать въ закладъ служилыя вотчины (Уложеніе, XVII, 42). Но самая двойственность соборнаго голоса, то совѣщательнаго, то законодательнаго, обнаруживала политическую непрочность соборнаго представительства. Законодательный авторитетъ падалъ на соборъ заимствованнымъ свѣтомъ, не былъ ничѣмъ обезпеченъ, служилъ не признаніемъ народной воли, какъ политической силы, а только милостивымъ и временнымъ расширеніемъ власти на подданныхъ, не умалявшимъ ея полноты, да кстати и ослаблявшимъ ея отвѣтственность въ случаѣ неудачи. Это была подачка, а не уступка. Отсюда видимыя несообразности собора. Есть выборы, избиратели и выборные, вопросы правительства и отвѣты представителей, совѣщанія, подача мнѣній и приговоры, —словомъ, есть представительная процедура, но нѣтъ политическихъ опредѣленій, не устанавливается даже порядокъ дѣятельности, не опредѣляются ни сроки созыва соборовъ, ни ихъ однообразный составъ и компетенція, ни отношенія къ высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ; формы являются безъ нормъ, полномочія безъ правъ и обезпеченій, а между тѣмъ налицо есть поводы и побужденія, которыми обыкновенно вызываются и нормы, и обезпеченія; только поводы остаются безъ послѣдствій, побужденія безъ дѣйствія. Извѣстно,

какимъ дѣятельнымъ источникомъ правъ народнаго представительства на Западѣ служила правительственная нужда въ деньгахъ: она заставляла созывать государственные чины и просить у нихъ вспоможенія. Но чины вспомогали казнѣ не даромъ, вымогали уступки, покупали субсидіями права, обезпеченія. И у насъ въ XVII в. не было недостатка въ такихъ поводахъ и побужденіяхъ. Изъ всѣхъ соборовъ того вѣка, не говоря объ избирательныхъ, только три не имѣли видимой связи съ финансами: это — соборы 1618 г. по поводу движенія королевича Владислава на Москву, 1648 г. по дѣлу объ Уложеніи и 1650 г. по поводу псковскаго мятежа, когда правительство хотѣло воспользоваться нравственнымъ вліяніемъ собора на мятежниковъ. Всего чаще и внушительнѣе напоминала правительству о земскомъ соборѣ пустота казны: пока не возстановилось послѣ разоренія равновѣсіе обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, то и дѣло приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ налогамъ и заимообразнымъ или безвозвратнымъ запросамъ у капиталистовъ „на вспоможеніе", безъ чего государевой казнѣ „быть не умѣть". Оправдать такіе поборы можно было лишь волею всей земли. Въ 1616 г. съ богачей Строгановыхъ потребовали сверхъ 16 тыс. окладного налога еще 40 тыс. руб. авансомъ, въ зачетъ ихъ будущихъ казенныхъ платежей, и такое крупное требованіе, свыше 600 тыс. руб. на наши деньги, подкрѣпили „всемірнымъ приговоромъ" собора: такъ „приговорили власти и всѣхъ городовъ выборные люди", которыхъ трудно было ослушаться. Для нетяглыхъ людей такой соборный запросъ получалъ характеръ добровольной подписки на экстренныя нужды государства: въ 1632 г., въ началѣ польской войны, соборъ приговорилъ съ нетяглыхъ людей собрать на жалованье войску, „что кто дастъ", и духовныя власти тутъ же на со-

борѣ объявили, сколько даютъ своихъ домовыхъ и келейныхъ денегъ, а бояре и всѣ служилые люди обѣщали принести роспись тому, что кто дастъ. Соборный приговоръ сообщалъ доброхотному даянію видъ обязательнаго самообложенія. Соборъ открывалъ казнѣ источники дохода, безъ которыхъ она не могла обойтись и которыхъ помимо собора никакъ не могла добыть. Здѣсь казна вполнѣ зависѣла отъ собора. Выборные, жалуясь на управленіе, давали деньги, но не требовали, даже не просили правъ, довольствуясь благодушнымъ, ни къ чему не обязывавшимъ обѣщаніемъ „то вспоможенье учинить памятно и николи незабытно и впередъ жаловать своимъ государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ“. Очевидно, мысль о правомѣрномъ представительствѣ, о политическихъ обезпеченіяхъ правомѣрности еще не зародилась ни въ правительствѣ, ни въ обществѣ. На соборъ смотрѣли, какъ на орудіе правительства. Дать совѣтъ, когда его спрашивали у земли, это — не политическое право земскаго собора, а такая же обязанность земскихъ совѣтниковъ, какъ и платежъ, какого требовала казна отъ земскихъ плательщиковъ. Отсюда — равнодушіе къ земскому представительству. Выборные изъ городовъ ѣхали на соборъ, какъ на службу, отбывали соборную повинность, а избиратели неохотно, часто только по вторичной повѣсткѣ воеводы являлись въ свой городъ на избирательные съѣзды. Не имѣя опоры въ политическихъ понятіяхъ, соборъ не находилъ ея ни въ строѣ складывавшагося тогда управленія, ни въ своемъ собственномъ составѣ. Когда передъ русскимъ обществомъ послѣ Смуты стали тяжелые вопросы, рѣшать ихъ пришлось не единичному лицу, не какой-либо политической партіи или замкнутому кругу правительственныхъ лицъ: надъ рѣшеніемъ ихъ призывался поработать коллективный разумъ всей земли;

до чего додумывались отдѣльные умы правительственные и рядовые, все это собиралось въ одну земскую соборную думу и выражалось въ соборномъ приговорѣ или въ земскомъ челобитьѣ. Можно было ожидать, что при такомъ значеніи собора въ центральномъ управленіи соборное, земское начало будетъ поддержано или даже усилено и въ управленіи мѣстномъ. Народное представительство немыслимо безъ мѣстнаго самоуправленія. Свободный выборный и подневольный избиратель — внутреннее противорѣчіе. Между тѣмъ эпоха усиленной дѣятельности земскихъ соборовъ совпала со временемъ упадка земскихъ учрежденій, подчиненія ихъ приказной власти. Законодательная дѣятельность при новой династіи потекла двумя встрѣчными струями; правительство одной рукой разрушало то, что̀ создавало другой. Въ то время, когда земскихъ выборныхъ призывали изъ уѣздовъ рѣшать вопросы высшаго управленія рядомъ съ боярами и столичными дворянами, ихъ уѣздныхъ избирателей отдавали во власть этихъ бояръ и дворянъ. Приказный центръ становился убѣжищемъ земскаго начала, когда въ земскомъ уѣздѣ хозяйничалъ приказный. Такое же противорѣчіе обнаружилось и съ другой стороны: вскорѣ послѣ того какъ началъ дѣйствовать совѣтъ всякихъ чиновъ людей, создавшій новую династію, почти все сельское населеніе (85%, а съ дворцовыми крестьянами 95%) выведено было изъ состава свободнаго общества, и его выборные перестали являться на земскіе соборы, которые черезъ это потеряли всякое подобіе земскаго представительства. Наконецъ, съ обособленіемъ сословій и настроеніе отдѣльныхъ классовъ пошло врозь, ихъ взаимныя отношенія разлаживались. На соборѣ 1642 г. послышалась полная разноголосица мнѣній и интересовъ. Освященный соборъ на вопросъ о войнѣ далъ стереотипный

отвѣтъ, что на то дѣло ратное — „разсмотрѣніе его царскаго величества и государевыхъ бояръ, а имъ государевымъ богомольцамъ то все не заобычай“, впрочемъ, въ случаѣ войны обѣщалъ дать на ратныхъ людей по силѣ. Стольники и дворяне московскіе, верхи дворянства, будущая гвардія, кратко отписались, предоставивъ государю рѣшить вопросъ о войнѣ, объ изысканіи ратныхъ людей и средствъ на войну, а козакамъ велѣть удерживать Азовъ, пославъ имъ въ помощь охотниковъ. Дворяне Беклемишевъ и Желябужскій посовѣстились присоединиться къ отпискѣ своей братіи и подали разсудительно составленную записку, рѣшительно высказавшись за принятіе Азова и за уравнительную разверстку тягостей предстоящей войны между всѣми классами, не изъемля и монастырей. Наиболѣе сильные голоса послышались съ низовъ общества, представленнаго на соборѣ. Двѣ записки городовыхъ дворянъ 39 центральныхъ и южныхъ уѣздовъ — настоящіе политическіе доклады съ рѣзкой критикой дѣйствующихъ порядковъ и съ цѣлой преобразовательной программой. Они полны горькихъ жалобъ на разореніе, на неравномѣрное распредѣленіе служебныхъ тягостей, на льготное положеніе столичныхъ дворянъ, особенно служащихъ по дворцовому вѣдомству. Бѣльмомъ на глазу сидѣло у городового дворянства московское дьячество, разбогатѣвшее „неправеднымъ мздоимствомъ“ и настроившее себѣ такихъ палатъ каменныхъ, въ какихъ прежде и великородные люди не живали. Городовое дворянство просило распредѣлять служебныя повинности землевладѣльцевъ не по пространству земли, а по числу крестьянскихъ дворовъ, точно счесть, сколько за кѣмъ крестьянъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, пересмотрѣть земельныя богатства духовенства, пустить въ оборотъ на нужды государства „лежачую домовую

казну“ патріарха, архіереевъ и монастырей. Дворянство готово работать противъ враговъ „головами своими и всею душой“, но проситъ собирать ратныхъ людей со всякихъ чиновъ, только не трогая его „крѣпостныхъ людишекъ и крестьянишекъ“. Свои жалобы и проекты дворянство завершаетъ рѣзкимъ порицаніемъ всего управленія: „а разорены мы пуще турскихъ и крымскихъ басурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“. Высшее московское купечество и торговые люди московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ подобно городовому дворянству — за принятіе Азова, не боятся войны, готовы на денежныя жертвы, но говорятъ скромнѣе, минорнѣе, меньше проектируютъ, хотя такъ же горько плачутся на свое обнищаніе отъ налоговъ, казенныхъ служебъ, отъ воеводъ, просятъ государя „воззрить на ихъ бѣдность“, съ грустью вспоминаютъ о разрушенномъ земскомъ самоуправленіи. Общій тонъ соборныхъ сказокъ 1642 г. довольно выразителенъ. На вопросъ царя, какъ быть, одни чины сухо отвѣчаютъ: какъ хочешь; другіе съ вѣрноподданнымъ добродушіемъ говорятъ: гдѣ взять людей и деньги, въ томъ ты, государь, воленъ и вѣдаютъ то твои бояре, „вѣчные наши господа промышленники“, попечители, но при этомъ даютъ понять земскому царю, что правленіе его изъ рукъ вонъ плохо, порядки, имъ заведенные, никуда не годятся, службы и налоги, имъ требуемые, людямъ не въ мочь, правители, имъ поставленные, всѣ эти воеводы, судьи и особенно дьяки своимъ мздоимствомъ и насильствомъ довели народъ до конечнаго обнищанія, разорили страну пуще татаръ, а богомольцы государевы, духовныя власти, только копятъ свою лежачую казну — „то наша холопей мысль и сказка“. Недовольство управленіемъ обострялось сословнымъ разладомъ: общественные классы

не единодушны, недовольны своимъ положеніемъ, сѣтуютъ на неравенство въ тягостяхъ, новую тягость верхніе стараются свалить на нижніе, торговые люди колютъ глаза служилымъ ихъ многими помѣстьями и вотчинами, а служилые торговымъ людямъ ихъ большими торгами, столичное дворянство коритъ городовое легкою службою, а городовые дворяне попрекаютъ столичныхъ доходными ихъ должностями и наживаемыми великими пожитками, не забывая при этомъ напомнить о пропадающихъ для государства богатствахъ Церкви и о неприкосновенности своихъ собственныхъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ. Читая записки, поданныя сословными представителями на этомъ соборѣ, чувствуешь, что этимъ представителямъ нечего дѣлать вмѣстѣ, у нихъ общаго дѣла нѣтъ, а осталась только вражда интересовъ. Каждый классъ думаетъ про себя, особо отъ другихъ, знаетъ только свои ближайшія нужды и несправедливыя преимущества другихъ. Очевидно, политическое обособленіе сословій повело ко взаимному нравственному ихъ отчужденію, при которомъ не могла не расторгнуться ихъ совмѣстная соборная дѣятельность.

Земская мысль въ торговыхъ классахъ.

Но погасая въ правящихъ и привилегированныхъ слояхъ, идея земскаго собора нѣкоторое время еще держалась въ небольшихъ кучкахъ тяглаго земства, оставшихся съ закрѣпощеніемъ владѣльческихъ крестьянъ подъ защитой закона. Въ заявленіяхъ высшаго московскаго купечества и московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, на которыя падала черная работа управленія, проскользнула едва замѣтная черта, возвышающая ихъ надъ властными „бѣлыми чинами“. Выражая готовность служить государю своими головами, торговые и черносотенные люди заявляютъ, что принятіе Азова — дѣло не сословное, „дошло до всей государевой земли, православныхъ христіанъ головъ“,

и вся земля безъ всякихъ изъятій должна понести тяжести этого дѣла, чтобъ никто въ избылыхъ не былъ. Ничего подобнаго не слышно со служилой дворянской стороны: тѣ чины только перекоряются другъ съ другомъ, смотрятъ на чужіе рты, негодуя, что туда перепадаютъ лишніе куски, и стараясь свалить новыя служебныя тягости со своихъ плечъ на чужія. Торгово-промышленные люди знаютъ, зачѣмъ они пришли на соборъ, понимаютъ общеземскій интересъ, душу земскаго представительства. Въ этихъ черносотенцахъ XVII в., представлявшихъ собою низъ общества, еще теплилось чувство гражданскаго долга, уже гаснувшее въ верхнихъ слояхъ, которые громоздились на ихъ плечахъ. Еще прямѣе и настойчивѣе выразили идею земскаго собора тѣ же классы нѣсколько позднѣе, когда онъ уже замиралъ. Отъ неудачной кредитной операціи съ мѣдными деньгами, выпущенными въ 1656 г., произошла дороговизна, вызвавшая сильный ропотъ. Кризисъ касался всѣхъ и могъ быть устраненъ дружными совмѣстно съ правительствомъ усиліями всѣхъ классовъ общества; но правительство думало выйти изъ затрудненія посредствомъ совѣщанія только со столичными торговыми людьми. Допросить ихъ о томъ, какъ помочь горю, въ 1662 г. указано было вмѣстѣ съ другими Ильѣ Милославскому, тестю царя, совсѣмъ безсовѣстному боярину, который своими злоупотребленіями и обострилъ бѣду. Въ письменныхъ сказкахъ теперь, какъ и на соборѣ 1642 г., гости и торговые люди гостинной и суконной сотни, также черныхъ сотенъ и слободъ московскихъ сказали много дѣльнаго, обстоятельно вскрыли наличныя экономическія отношенія въ странѣ, ихъ нескладицу, сословный антагонизмъ села и посада, землевладѣльческаго и торговаго капитала, сказали много горькой правды и самому правительству, указавъ на его

непониманіе того, что̀ творится въ странѣ, на его неумѣнье поддержать законный порядокъ, на его равнодушіе къ общественному голосу. По закону право городского торга и промысла соединено было съ торговымъ тягломъ, съ платежомъ торговыхъ податей и пошлинъ, которыми государева казна полнилась, а нынѣ, жаловались торговые люди, всякими большими и лучшими промыслами и торгами, презрѣвъ „*всякое государственное правленіе*, завладѣлъ *духовный и воинскій и судебный чинъ*, архіереи, монастыри, попы, всякіе служилые и приказные люди торгуютъ „въ тарханахъ безпошлинно“, отчего чинится государству немалая тщета, а казнѣ въ пошлинахъ и во всякихъ податяхъ великая убыль. Притомъ, вынужденные продавать товары дорого на упавшія въ цѣнѣ мѣдныя деньги, торговые люди навлекли на себя ненависть всѣхъ чиновъ по ихъ недомыслію, „отъ неразсужденія“. Высказавъ свои соображенія, московскіе торговцы прибавляли въ одинъ голосъ, что о томъ, какъ дѣлу помочь, они больше ничего сказать не умѣютъ, потому что „*то дѣло великое всего государства, всей земли, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ*, и они у государя милости просятъ, указалъ бы онъ для того дѣла взять *изъ всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лутчихъ людей*, а безъ городовыхъ людей имъ однимъ того дѣла рѣшить не умѣть“. Эта просьба торговыхъ свѣдущихъ людей о созывѣ собора — прикрытый протестъ противъ наклонности правительства замѣнять совѣтъ всей земли совѣщаніями съ сословными свѣдущими людьми, въ чемъ они видѣли дѣло правительственнаго недомыслія. Теперь московскіе торговые выборные указывали на ту же административную и общественную неурядицу, о которой такъ горячо заявляли 20 лѣтъ назадъ на соборѣ 1642 г. Но тогда они пользовались соборомъ для протеста противъ этой неурядицы,

а теперь смотрятъ на соборъ, какъ на средство ея устраненія. Но вѣдь соборъ и составлялся изъ виновниковъ этой неурядицы, изъ представителей классовъ, ее создававшихъ своимъ взаимнымъ антагонизмомъ. Значитъ, московскіе торговцы признавали соборъ единственнымъ средствомъ соглашенія разъединившихся общественныхъ силъ и интересовъ. Этимъ указывалась земскому представительству новая, дальнѣйшая задача. Оно возникло изъ смуты, чтобы возстановить власть и порядокъ; теперь ему предстояло установить порядокъ, котораго не умѣла создать возстановленная власть, устроить общество, какъ прежде оно устроило правительство. Но была ли подъ силу собору такая устроительная задача, когда само правительство было дѣятельнымъ факторомъ общественнаго разстройства? Возможно ли было такое соглашеніе, когда правящіе круги и привилегированные служилые классы въ немъ не нуждались, какъ виновники неурядицы, имъ выгодной, и были равнодушны къ общественному раздору, лишь бы не трогали ихъ „крѣпостныхъ людишекъ и крестьянишекъ", а московскіе „гостишки и торговые людишки", какъ они сами себя величали на соборѣ, были слишкомъ легковѣсной величиной, чтобы уравновѣсить общественныя отношенія? Съ установленіемъ крѣпостного права, при ничтожномъ политическомъ значеніи и гражданскомъ малодушіи духовенства, нужды и пользы тяглаго земскаго міра имѣли слабыхъ проводниковъ на соборѣ только въ торговыхъ столичныхъ и городовыхъ посадскихъ людяхъ. Гнетомые своими сословными тягостями, эти люди становились на соборѣ передъ подавляющимъ большинствомъ служилаго люда и передъ служилымъ же боярско-приказнымъ правительствомъ. Соборъ, на которомъ настаивали торговые люди въ 1662 г., не былъ созванъ, и правительству при-

шлось выдержать новый московскій бунтъ, поднятый и подавленный съ обычнымъ московскимъ безсмысліемъ.

Распаденіе соборнаго представительства.

Двойственность политическаго характера и политическая неустроенность собора, централизація и крѣпостное право, сословная разрозненность, наконецъ неспособность къ выполненію дальнѣйшей задачи, ставшей на очередь, — таковы наиболѣе замѣтныя условія непрочности земскаго собора; ими объясняется и прекращеніе его дѣятельности, постепенное замираніе соборнаго представительства. Я уже не говорю о низкомъ уровнѣ политическихъ понятій, привычекъ и потребностей, какъ бы сказать, политической температуры, — уровнѣ, при которомъ мерзнетъ всякое государственное учрежденіе, назначенное своей природой возбуждать духъ свободы: это условіе лежитъ въ основѣ всѣхъ остальныхъ, какъ оно же допустило всѣ неудачныя или вредныя нововведенія, которыми новая династія начала свою дѣятельность. Дѣйствіе перечисленныхъ условій обнаруживается въ постепенномъ распаденіи состава земскаго собора, которое началось очень рано. Уже на соборахъ, слѣдовавшихъ за избирательнымъ 1613 г., оно обозначилось исчезновеніемъ выборныхъ отъ духовенства и сельскаго населенія. Тогда соборъ утратилъ значеніе земскаго, всесословнаго, сталъ представлять службу и посадское тягло, а не землю. Но и это упрощенное, оторванное отъ всенародной почвы представительство иногда еще обрубалось: по нуждѣ или по усмотрѣнію правительство, не тревожа городовыхъ посадскихъ, призывало на совѣтъ только выборныхъ отъ столичныхъ чиновъ да отъ тѣхъ городовыхъ дворянъ, которые въ ту минуту по дѣламъ службы находились въ Москвѣ, а на соборѣ 1634 г., установившемъ чрезвычайный всеземскій сборъ „со всякихъ людей“ и между прочимъ пятую деньгу, падавшую преимущественно

на посадское населеніе, выборныхъ отъ городовыхъ посадовъ не видимъ. Такъ земскій соборъ разрушался снизу: отъ него отваливались нижніе, коренные земскіе его элементы, выборные отъ мѣстныхъ областныхъ обществъ, духовныхъ, тяглыхъ городскихъ и сельскихъ, даже служилыхъ, и земскій соборъ, теряя представительное значеніе, поворачивалъ назадъ къ старому типу XVI в., къ должностному собранію столичныхъ чиновъ, служилыхъ и торговыхъ, такъ какъ и торговые столичные чины соединяли въ себѣ тягло съ казенной службой. На соборѣ 1650 г. также не было городовыхъ посадскихъ гласныхъ, а столичныхъ торговыхъ тяглыхъ людей представляли должностныя лица, старосты и соцкіе, какъ это бывало на соборахъ XVI в. Рядомъ съ территоріальнымъ сокращеніемъ соборнаго состава шло и соціальное его разложеніе: правительство взамѣнъ земскаго собора обращалось къ такой формѣ совѣщаній, которая отрицала самую его идею. Извѣстному государственному вопросу оно придавало спеціальное вѣдомственное или классовое значеніе и для обсужденія его призывало по выбору или по должности представителей только одного класса, котораго по его воззрѣнію вопросъ ближе касался. Такъ въ 1617 г. англійское правительство обратилось къ московскому съ предложеніями о позволеніи англійскимъ купцамъ ѣздить Волгой въ Персію и о торговыхъ льготахъ и концессіяхъ. Боярская дума отвѣчала на эти предложенія, что теперь „такого дѣла рѣшить безъ совѣта всего государства нельзя ни по одной статьѣ“; но совѣтъ всего государства ограничился опросомъ однихъ гостей и торговыхъ людей гор. Москвы. Даже на общемъ земскомъ соборѣ иные вопросы разрѣшались не всѣмъ его составомъ: такъ упомянутое соборное постановленіе о служилыхъ вотчинахъ было принято государемъ и думой

по совѣщанію съ духовенствомъ и служилыми людьми, безъ участія представителей другихъ классовъ. Съ 1654 г. земскій соборъ не созывался до смерти царя Ѳедора (апрѣль 1682 г.). Государственныя дѣла чрезвычайной важности рѣшались государемъ съ думой и Освященнымъ соборомъ безъ земскаго. Такъ въ 1672 г., когда грозило страшное нашествіе султана, чрезвычайные сборы назначены были по приговору государя только съ думой и высшимъ духовенствомъ. Въ 1642 г. подобный случай, даже менѣе важный, заставилъ созвать земскій соборъ. Зато теперь правительство все чаще обращается къ сословнымъ совѣщаніямъ, и они остаются единственной формой участія общества въ правительственныхъ дѣлахъ. За 1660—1682 гг. извѣстно не менѣе 7 такихъ обращеній правительства къ сословнымъ выборнымъ. Въ 1681 г. по вопросу о военной реформѣ призваны были на совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ боярина кн. В. В. Голицына выборные отъ служилыхъ чиновъ; на всѣ остальныя сословныя совѣщанія по финансовымъ вопросамъ призывались выборные лишь отъ тяглыхъ людей. Такъ само правительство разрушало земскій соборъ, замѣняя или, точнѣе, подмѣняя земское представительство ни къ чему не обязывавшими особыми совѣщаніями со свѣдущими людьми, превращая общее государственное дѣло въ спеціальный классовый вопросъ.

Чтó сдѣлалъ соборъ.

Такъ исторія земскаго собора въ XVII в. есть исторія его разрушенія. Это потому, что онъ возникъ изъ временной потребности безгосударной земли выйти изъ безнарядья и безгосударья, а потомъ держался на временной потребности новаго правительства укрѣпиться въ землѣ. Новой династіи и классамъ, на которые она опиралась, духовенству и дворянству, земскій соборъ былъ нуженъ, пока земля не оправилась отъ самозванческой встряски: по мѣрѣ успокоенія слабѣла и правительственная нужда

въ соборѣ. Однако слѣды его дѣятельности были долговѣчнѣе его самого. Явившись въ 1613 г. учредительнымъ и всесословнымъ собраніемъ, онъ создалъ новую династію, возстановилъ разрушенный порядокъ, два года слишкомъ замѣнялъ правительство, готовъ былъ превратиться въ постоянное учрежденіе, потомъ по временамъ получалъ законодательное значеніе, впрочемъ ничѣмъ не укрѣпляемое, собирался при царѣ Михаилѣ не менѣе 10 разъ, иногда изъ года въ годъ, при царѣ Алексѣѣ только 5 разъ и то лишь въ первыя 8 лѣтъ царствованія, при этомъ постепенно уродовался, теряя одинъ свой органъ за другимъ, изъ всесословнаго превращаясь въ двухсословный и даже односословный, дворянскій, наконецъ распался на сословныя совѣщанія свѣдущихъ людей, ни разу не былъ созванъ при царѣ Ѳедорѣ, дважды собирался наспѣхъ въ кой-какомъ случайномъ составѣ въ 1682 г., чтобы посадить на единодержавный престолъ рядомъ обоихъ его младшихъ братьевъ, и въ послѣдній разъ созванъ былъ Петромъ въ 1698 г., чтобы судить царевну-заговорщицу Софью. Будучи не политической силой, а правительственнымъ пособіемъ, соборъ не разъ выручалъ правительство изъ затрудненій, оставилъ по себѣ слабый законодательный слѣдъ въ нѣсколькихъ статьяхъ Уложенія, подержался нѣкоторое время въ политическомъ сознаніи московскихъ торговыхъ людей, а потомъ скоро былъ забытъ, и только крѣпкая историческая память поморскаго Сѣвера сохранила о немъ смутное воспоминаніе, разсказывая въ былинѣ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ, тотъ самый, который въ шутку писалъ, что „всегда мірскихъ рѣчей слушаютъ“, но который собственно и заморилъ земскій соборъ, — какъ этотъ царь съ Лобнаго мѣста въ Москвѣ обращался къ своимъ подданнымъ:

Пособите государю думу думати.
Надо думать крѣпка дума, не продумати.

Обзоръ сказаннаго.

Земскій выборный соборъ входитъ въ жизнь Московскаго государства случайно по механическому толчку, какой дало пресѣченіе старой династіи, и потомъ появляется эпизодически, отъ времени до времени. На немъ впервые земля, народъ выступаетъ на правительственную сцену, когда на ней не стало правительства, появляется и послѣ, когда возстановленное правительство чувствовало нужду въ помощи земли, народа. Бѣдствія Смутнаго времени соединили послѣднія силы русскаго общества для возстановленія разрушеннаго государственнаго порядка. Представительный соборъ былъ созданъ этимъ вынужденнымъ общественнымъ единодушіемъ и поддерживалъ его. Народное представительство возникло у насъ не для ограниченія власти, а чтобы найти и укрѣпить власть: въ этомъ его отличіе отъ западно-европейскаго представительства. Но создавъ и поддерживая власть, соборъ, естественно, становился до времени ея участникомъ и со временемъ могъ стать въ силу привычки постояннымъ сотрудникомъ. Помѣшало то, что нужды возстановленнаго государства при правительственномъ способѣ ихъ удовлетворенія разстроили вымученное бѣдой общественное единодушіе, заставили разбить общество на обособленныя сословія и при этомъ отдать большинство крестьянства въ крѣпостную неволю землевладѣльцамъ. Это лишило земскій соборъ земскаго характера, сдѣлало его представительствомъ только верхнихъ классовъ, а въ то же время разъединило и эти классы политически и нравственно, политически — неравенствомъ сословныхъ правъ и обязанностей, нравственно — вытекавшимъ отсюда антагонизмомъ сословныхъ интересовъ. Съ другой стороны, испытанія Смутнаго времени и усиленная дѣятельность земскаго собора при царѣ Михаилѣ не расширили политическаго сознанія въ обществѣ

настолько, чтобы сдѣлать земское представительство его насущной политической потребностью и превратить соборъ изъ временнаго вспомогательнаго средства правительства въ постоянный органъ народныхъ нуждъ и интересовъ. Въ обществѣ не образовалось вліятельнаго класса, для котораго соборное представительство стало бы такой потребностью. Съ установленіемъ крѣпостной неволи крестьянъ, дворянство, поглощая въ себя боярство, стало на дѣлѣ господствующимъ классомъ; но оно помимо собора нашло болѣе удобный путь для проведенія своихъ интересовъ — непосредственное обращеніе къ верховной власти съ коллективными челобитьями, а боярско-дворянскіе кружки, преемственно обсѣдавшіе престолъ слабыхъ царей, облегчали этотъ путь. Столичное купечество, усвоившее идею земскаго представительства, одно не было въ силахъ отстоять ее, и ихъ выборные въ 1662 г. жаловались, что по ихъ представленіямъ мало что исполнялось. Такъ выясняются два ряда условій, помѣшавшихъ соборному представительству упрочиться въ XVII в.: 1) служа сначала опорой новой династіи и вспомогательнымъ органомъ управленія, земскій соборъ становился все менѣе нуженъ правительству по мѣрѣ упроченія династіи и роста правительственныхъ средствъ, особенно приказнаго чиновничества; 2) общество, разъединяемое сословными повинностями и классовой розныю при общей придавленности чувства права, не было въ состояніи дружной дѣятельностью превратить соборъ въ постоянное законодательное учрежденіе, огражденное политическими обезпеченіями и органически связанное съ государственнымъ порядкомъ. Значитъ, земское представительство пало вслѣдствіе усиленія централизаціи въ управленіи и государственнаго закрѣпощенія сословій.

Лекція LI.

Связь явленій. — Войско и финансы. — Окладные налоги: косвенные; прямые — деньги данныя и оброчныя, ямскія, полоняничныя, стрѣлецкія. — Писцовыя книги. — Неокладные сборы. — Опыты и реформы. — Соляная пошлина и табачная монополія. — Мѣдные кредитные знаки и московскій бунтъ 1662 г. — Живущая четверть. — Подворное тягло и переписныя книги. — Сословная разверстка прямыхъ налоговъ. — Финансы и земство. — Распространеніе тягла на задворныхъ людей. — Распредѣленіе народнаго труда между государственными силами. — Чрезвычайные налоги. — Роспись доходовъ и расходовъ 1680 г.

Связь явленій. Земское соборное представительство замерло позднѣе мѣстнаго земскаго самоуправленія. Исчезновеніе одного и паденіе другого — параллельныя, хотя и не совпадающія по времени слѣдствія двухъ основныхъ перемѣнъ въ государственномъ порядкѣ, упомянутыхъ мною въ концѣ прошедшаго чтенія. Усиленіе централизаціи придавило мѣстныя земскія учрежденія, а ихъ упадкомъ и разобщеніемъ закрѣпощенныхъ сословій разбитъ былъ земскій соборъ, служившій высшимъ органомъ участія мѣстныхъ сословныхъ міровъ въ законодательствѣ. Обѣ эти основныя перемѣны вытекали изъ одного источника, изъ финансовыхъ нуждъ государства; эти нужды были скрытой пружиной, направлявшей и административныя и соціальныя мѣры правительства, возбуждавшей его дѣятельность въ устроеніи управленія, какъ и общества, и заставившей принести столько жертвъ насчетъ общественнаго благоустройства и народнаго благосостоянія.

Финансы были едва ли не самымъ больнымъ мѣстомъ московскаго государственнаго порядка при новой династіи. Потребности, вызванныя учащенными, дорогими и рѣдко удачными войнами, рѣшительно перевѣшивали наличныя средства правительства, и оно терялось въ догадкахъ, какъ возстановить равновѣсіе. Рать въ конецъ заѣдала казну. Въ 1634 г., испрашивая у собора вспоможенія на продолженіе войны съ Польшей, царь объявлялъ, что казна, скопленная имъ въ мирные годы „не съ земли", не изъ прямыхъ налоговъ, вся пошла на приготовленія къ войнѣ и теперь для содержанія вспомогательной рати „безъ прибыльной казны", безъ чрезвычайныхъ налоговъ обойтись не сумѣть. Военныя неудачи при встрѣчѣ съ польскими и шведскими войсками заставили тревожно заняться улучшеніемъ вооруженныхъ силъ по иноземнымъ образцамъ. Два документа даютъ понять, какъ преобразовывалась дворянская милиція и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ дорожало ея содержаніе въ продолженіе 50 лѣтъ. Въ *смѣтномъ спискѣ* 1631 г. перечислены вооруженныя силы, которыя содержались непосредственно на казенный счетъ, помѣстнымъ, денежнымъ или хлѣбнымъ жалованьемъ. По смѣтному списку ихъ насчитывается до 70 тыс. Это столичные и городовые дворяне, пушкари, стрѣльцы, казаки и служилые иноземцы. Въ областяхъ бывшаго царства Казанскаго и Сибири числилось еще около 15 тыс. различныхъ восточныхъ инородцевъ, служилыхъ мурзъ и татаръ, ясачныхъ чувашъ, черемисъ, мордвы и башкиръ; но они не имѣли служилыхъ денежныхъ окладовъ, посылались на службу лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда, по выраженію смѣтнаго списка, „бываетъ всей землѣ повальная служба", общая мобилизація. Еще въ 1670 г. Рейтенфельсъ любовался парадномъ царскимъ смотромъ 60-тысячнаго дворянскаго ополченія. Это были,

Войско и финансы.

очевидно, не только столичные чины, но и верхніе слои провинціальнаго дворянства, годные къ дальнимъ походамъ, со своими походными дворовыми людьми. Нарядные всадники ослѣпили иноземца блескомъ оружія и костюма. Но подъ Москвой они производили, особенно на эстетически воспріимчиваго царя, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на боевыхъ поляхъ Литвы и Малороссіи, хотя имъ въ жертву отдано было громадное количество народнаго труда. Боевая годность всей этой пестрой массы, оборонявшей государство, дворянской, казачьей, татарской, чувашской, распускавшейся послѣ похода, можетъ быть опредѣлена словами Котошихина, что „ученія у нихъ къ бою не бываетъ и строю никакого не знаютъ“. Только стрѣльцы, соединенные въ постоянные полки, *приказы*, имѣли нѣсколько устроенный видъ. Реорганизація этого боевого матеріала заключалась въ томъ, что подъ командой иноземныхъ, преимущественно нѣмецкихъ полковниковъ и капитановъ, которыхъ выписывали сотнями, изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, преимущественно малопомѣстныхъ, пустопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ, также изъ охотниковъ и рекрутовъ другихъ классовъ, даже крестьянъ и холоповъ, составлялись роты и полки конные, *рейтарскіе*, пѣшіе, *солдатскіе*, и смѣшанные коннопѣшаго строя, *драгунскіе*. Цѣлыя села по южной окраинѣ превращались въ военныя поселенія. Въ 1647 г. монастырское село почти въ 400 крестьянскихъ дворовъ въ Лебедянскомъ уѣздѣ поверстано было въ драгунскую службу. По инструкціи 1678 г. всѣхъ „скудныхъ“ дворянъ, годныхъ къ службѣ, велѣно писать въ солдаты на ежемѣсячное жалованье, а указъ 1680 г. всѣхъ способныхъ къ полковой службѣ дворянъ Сѣверскаго, Бѣлгородскаго и Тамбовскаго разрядовъ записалъ въ солдатскую службу. Это были чрезвычайныя мѣры. Для нормальнаго

пополненія этихъ полковъ иноземнаго строя приведенъ былъ въ дѣйствіе новый и притомъ двоякій способъ комплектованія, сборъ даточныхъ по числу крестьянскихъ дворовъ, напримѣръ со 100 дворовъ по рейтару и солдату, либо по семейному составу дворовъ, изъ двухъ или трехъ неотдѣленныхъ сыновей у отца или братьевъ одного, изъ четырехъ сыновей или братьевъ двоихъ брали въ солдаты. Это были уже настоящіе рекрутскіе *наборы*, призванные на помощь прежнему способу комплектованія, *прибору*. Эти наборы по вычисленію изслѣдователей въ 25 лѣтъ (1654—1679) вырвали изъ состава рабочаго населенія по меньшей мѣрѣ 70 тыс. человѣкъ. Полки новаго строя получали огнестрѣльное вооруженіе и строевое обученіе. *Роспись ратнымъ людямъ* 1681 г. представляетъ результаты этой медленной перестройки вооруженныхъ силъ. Всѣ ратные люди здѣсь расписаны на 9 *разрядовъ*, окружныхъ корпусовъ, о которыхъ мы уже говорили (л. XLVIII). Только московскій столичный корпусъ, состоявшій изъ 2624 человѣкъ столичныхъ чиновъ съ ихъ походными холопами и даточными людьми въ числѣ 21830 чел. и 5 тыс. стрѣльцовъ, остался при старомъ доморощенномъ строѣ. Въ 8 другихъ корпусахъ рядомъ съ 16 стрѣлецкими приказами значилось полковъ иноземнаго строя 25 рейтарскихъ и 38 солдатскихъ подъ начальствомъ иноземныхъ полковниковъ; только 3 полками командовали русскіе въ званіи генераловъ. Изъ всей дворянской милиціи, которой по списку 1631 г. числилось около 40 тыс., теперь въ старомъ строю осталось лишь 13 тыс.; остальные вошли въ составъ 63 реформированныхъ полковъ численностью до 90 тыс. Это не была еще вполнѣ регулярная армія, потому что не была постоянной; по окончаніи похода и новые полки распускались по домамъ, оставляя послѣ себя только офицерскіе кадры.

Всего съ козаками, не считая 50 тыс. малорусскихъ, по росписи 1681 г. числилось 164 тыс. человѣкъ. Сопоставляя по возможности однородныя части войскъ по списку и росписи и опуская восточныхъ инородцевъ, которыхъ въ росписи нѣтъ, находимъ, что съ 1631 г. вооруженныя силы, лежавшія на плечахъ казны, возросли почти въ 2½ раза. Наемная плата, „мѣсячный кормъ" многочисленнымъ иноземнымъ полковникамъ и капитанамъ была очень высока, и когда они оставались на московской службѣ, превращалась въ пожизненное жалованье, половина котораго становилась послѣ нихъ пенсіей ихъ женамъ и дѣтямъ. Рейтары, солдаты и драгуны, вербуемые больше изъ недостаточныхъ классовъ, получали возвышенные денежные оклады, казенное вооруженіе и боевые припасы, а въ походѣ казенное продовольствіе. Стоимость арміи на наши деньги съ 3 милл. рублей въ 1631 г. возросла къ 1680 г. до 10 милл. Значитъ, при численномъ увеличеніи арміи почти въ 2½ раза стоимость ея возросла больше, чѣмъ втрое. Соразмѣрно съ этимъ вздорожали и войны: неудачный полуторагодовой походъ подъ Смоленскъ при царѣ Михаилѣ обошелся по наименьшему разсчету въ 7—8 милліоновъ, а двѣ первыя кампаніи противъ Польши при царѣ Алексѣѣ (1654—1655), сопровождавшіяся завоеваніемъ не только Смоленской земли, но и Бѣлоруссіи съ Литвой, стоили до 18—20 милл., что̀ почти равнялось годовой суммѣ доходовъ, какую получали въ 1680 г. центральныя финансовыя учрежденія.

Окладные доходы. Бюджетъ доходовъ росъ вмѣстѣ со вздорожаніемъ арміи. Чтобы объяснить себѣ, какъ правительство пыталось привести свои финансовыя силы въ уровень со все возраставшими расходами государства, надобно представить себѣ, хотя въ общихъ чертахъ, раньше сложившійся финансовый порядокъ. Обыкновенныя средства казны составлялись изъ

доходовъ *окладныхъ и неокладныхъ*. Окладными доходами назывались податные сборы, которымъ напередъ назначался въ смѣтѣ опредѣленный обязательный для плательщиковъ размѣръ, *окладъ*. Окладные доходы составлялись изъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Подати или прямые налоги въ Московскомъ государствѣ падали либо на цѣлыя общества, либо на отдѣльныя лица. Совокупность податей, платимыхъ цѣлыми обществами, по общей раскладкѣ, составляла *тягло*, и люди, подлежавшіе такимъ платежамъ, назывались *тяглыми*. Главными предметами тяглового обложенія были земли и дворы, которые также назывались *тяглыми*. Основаніемъ податного обложенія служило *сошное письмо*, т.-е. расписаніе тяглыхъ земель и дворовъ на *сохи*. Соха — податная единица, заключавшая въ себѣ извѣстное число тяглыхъ посадскихъ дворовъ или извѣстное пространство тяглой крестьянской пашни: именно доброй земли помѣстной и вотчинной считалось въ сохѣ 800 четвертей въ одномъ полѣ, т.-е. 1200 десятинъ въ трехъ поляхъ (четверть— половина десятины), монастырской 600 четвертей, черной казенной 500. Количество четвертей средней и худой земли въ каждой изъ этихъ сохъ пропорціонально увеличивалось, при чемъ качество земли опредѣлялось ея доходностью, а не свойствомъ самой почвы. Составъ посадской сохи чрезвычайно разнообразился: въ Зарайскѣ, напримѣръ, въ концѣ XVI в. въ соху было положено лучшихъ, зажиточнѣйшихъ людей по 80 дворовъ, середнихъ по 100 дворовъ, а молодчихъ и убогихъ по 120 дворовъ, въ Вязьмѣ же въ первой половинѣ XVII в. считалось въ сохѣ 40 дворовъ лучшихъ людей, 80 середнихъ и 100 меньшихъ. Перечислимъ главные окладные доходы и начнемъ съ косвенныхъ налоговъ, изъ коихъ главные были *таможенные* и *кабацкіе* сборы: это былъ въ XVII в. самый обильный источникъ, которымъ

питалась московская казна. Таможенные налоги были очень разнообразны и взимались какъ при провозѣ, такъ и при продажѣ товаровъ; кабацкіе сборы получались отъ продажи питей, составлявшей казенную монополію. И для этихъ доходовъ правительство обыкновенно назначало извѣстные оклады и отдавало ихъ либо на откупъ, либо на вѣру, поручая таможенные сборы и продажу вина *вѣрнымъ* (присяжнымъ) головамъ и цѣловальникамъ, которыхъ обязаны были выбирать для того изъ своей среды мѣстные тяглые обыватели, а недоборы взыскивались съ выборныхъ или съ самихъ избирателей, если послѣдніе не доглядѣли и вовремя не донесли о воровствѣ или нерадѣніи первыхъ. Головамъ и цѣловальникамъ, уличеннымъ посторонними въ воровствѣ и корысти, законъ 1637 г. грозилъ „смертной казнью безъ всякой пощады", т.-е. наказывалъ исполнителей за нерадѣніе или неспособность правительства, которое возлагало на обывателей не только повинность, но и надзоръ за ея отбываніемъ, что составляло его прямую обязанность. Въ половинѣ XVII в. косвенные налоги были объединены: въ 1653 г. вмѣсто многочисленныхъ таможенныхъ сборовъ введена такъ названная *рублевая* пошлина (по 10 денегъ съ рубля, т.-е. 5% продажной цѣны товаровъ съ продавца, и 5 денегъ съ рубля суммы, привезенной покупщикомъ на покупку товаровъ).

Деньги данныя и оброчныя.

Основные прямые налоги были *деньги данныя* и *оброчныя*. Данными деньгами или *данью* назывались разные прямые налоги, которые падали на тяглое населеніе, торгово-промышленное посадское и земледѣльческое сельское, и взимались по числу сохъ, значившихся по писцовымъ книгамъ за извѣстнымъ городскимъ или сельскимъ обществомъ. *Оброкъ* имѣлъ двоякое значеніе. Иногда такъ называлась плата правительству за предоставленіе частному лицу права

пользоваться казенной землей, угодьемъ, или заниматься какимъ-либо промысломъ. Въ этомъ смыслѣ оброкомъ назывался казенный доходъ съ принадлежавшихъ казнѣ рыбныхъ ловель, сѣнныхъ покосовъ, звѣриныхъ гоновъ, также съ городскихъ торговыхъ лавокъ, харчевень, бань и другихъ промышленныхъ заведеній. Въ другихъ случаяхъ оброкъ означалъ общую подать, которою окладывались всѣ жители извѣстнаго округа взамѣнъ разныхъ другихъ податей и повинностей. Такъ оброкомъ назывался налогъ, замѣнившій кормы и пошлины намѣстниковъ и волостелей при отмѣнѣ этихъ должностей въ царствованіе Грознаго. Только оброки этого послѣдняго рода входили въ составъ тягла и взимались по сошному письму. Дань и оброкъ въ смыслѣ общей подати уплачивались всегда въ *постоянномъ* количествѣ по неизмѣнному окладу, тогда какъ размѣры другихъ государственныхъ податей были измѣнчивы, опредѣлялись особыми царскими предписаніями.

Къ окладнымъ доходамъ причислялись еще спеціальные налоги, назначавшіеся на особыя потребности государства: таковы были деньги ямскія, полоняничныя и стрѣлецкія. *Ямскія* деньги собирались на содержаніе ямской гоньбы для провоза пословъ, гонцовъ, должностныхъ и ратныхъ людей, для чего по большимъ дорогамъ ставились *ямы* (ямъ — почтовая станція). Эта подать собиралась съ посадскихъ людей и съ крестьянъ также по сошному письму и поступала въ особое центральное учрежденіе, въ *Ямской* приказъ, который завѣдывалъ ямщиками, получавшими жалованье и прогоны за ѣзду, для чего они обязаны были содержать лошадей на ямахъ. *Полоняничныя* деньги — подворная, а не посошная подать, назначенная на выкупъ плѣнныхъ у татаръ и турокъ. Еще въ царствованіе Михаила она собиралась временно по особому распоряженію прави-

Спеціальные налоги.

тельства. Потомъ она стала постоянной и по Уложенію 1649 года собиралась ежегодно „со всякихъ людей", какъ тяглыхъ, такъ и нетяглыхъ, но не въ одинаковомъ размѣрѣ съ людей разныхъ состояній: посадскіе обыватели и церковные крестьяне платили со двора по 8 денегъ (на наши деньги около 60 коп.), крестьяне дворцовые, черные и помѣщичьи вдвое меньше, а стрѣльцы, казаки и прочіе служилые люди низшихъ чиновъ только по 2 деньги. По словамъ Котошихина, полоняничныхъ денегъ въ его время собиралось ежегодно тысячъ по 150 (около 2 милліоновъ рублей на наши деньги). Эту подать собиралъ завѣдывавшій выкупомъ полоняниковъ Посольскій приказъ. *Стрѣлецкая* подать назначена была на содержаніе стрѣльцовъ, постоянной пѣхоты, заведенной въ XVI в. при великомъ князѣ Василіи. Сначала это былъ незначительный налогъ хлѣбомъ; въ XVII в. стрѣлецкая подать собиралась и хлѣбомъ и деньгами и по мѣрѣ увеличенія численности стрѣлецкаго войска сильно возрастала, такъ что сдѣлалась, наконецъ, важнѣйшимъ прямымъ налогомъ. По свидѣтельству Котошихина, въ царствованіе Алексѣя стрѣльцовъ было въ Москвѣ даже въ мирное время больше 20 *приказовъ* (полковъ), по 800—1000 чел. въ каждомъ (22452 въ 1681 г.), да городовыхъ, т.-е. провинціальныхъ, приблизительно столько же.

Писцовыя книги.

Всѣ перечисленныя подати кромѣ полоняничной взимались по сошному письму: правительство клало на каждую соху извѣстную сумму податей, окладъ, предоставляя плательщикамъ, тяглымъ людямъ сохи, раскладывать его между собой по платежнымъ средствамъ каждаго, „верстаться межъ себя самимъ по своимъ животамъ, по промысламъ, по пашнямъ и по всякимъ угодьямъ". Основаніемъ сошнаго обложенія служили *писцовыя книги*. Отъ времени до времени правительство производило описи тяглыхъ недви-

жимыхъ имуществъ, разсылая для того по уѣздамъ писцовъ, которые описывали предметы обложенія по показаніямъ и документамъ обывателей, провѣряя тѣ и другіе прежними описями и личнымъ осмотромъ. Писцовая книга описываетъ городъ и его уѣздъ, ихъ населеніе, земли, угодья, торговыя и промышленныя заведенія и лежащія на нихъ повинности. Описывая городскія и уѣздныя поселенія, посады, слободы, села, деревни, починки, писцовая книга подробно пересчитываетъ въ каждомъ поселеніи тяглые дворы и „людей“ въ нихъ, домохозяевъ съ живущими при нихъ дѣтьми и родственниками, обозначаетъ пространство принадлежащей селенію земли пахотной, пустопорожней, сѣнокосной и лѣсной, кладетъ тяглые посадскіе дворы и сельскія пахотныя земли въ сохи и по нимъ высчитываетъ размѣръ тягла, падающаго на селеніе по землѣ и промысламъ его тяглыхъ обывателей. Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся многія сотни писцовыхъ книгъ XVI и XVII вв., служащихъ основнымъ источникомъ исторіи финансоваго устройства и экономическаго быта Московскаго государства. Такія описи составлялись издавна, но лишь немногія книги дошли до насъ отъ конца XV в. по Новгороду Великому. При своемъ кадастровомъ и финансовомъ значеніи писцовыя книги помогали совершенію разныхъ гражданскихъ и другихъ актовъ: по нимъ разрѣшались поземельные споры, укрѣплялись права на владѣніе недвижимостями, производился сборъ даточныхъ людей. Когда отецъ царя Михаила Филаретъ возвратился изъ Польши, оба государя въ 1619 г. созвали соборъ и на немъ приговорили послать писцовъ и дозорщиковъ, которые бы описали всѣ города, разобрали обывателей и размѣстили ихъ по мѣстамъ, гдѣ они прежде жили и тянули тягло. Въ силу этого постановленія въ 1620-хъ годахъ предпринята была

общая перепись тяглаго населенія въ государствѣ съ цѣлью привести въ извѣстность и устроить его податныя силы. Эти именно книги конца 1620-хъ годовъ Уложеніе кладетъ документальной основой крѣпостной принадлежности крестьянина владѣльцу, основой, покрывающей всякія другія крѣпости; по нимъ рѣшались иски о бѣглыхъ крестьянахъ; эта перепись, видѣли мы, и втолкнула крѣпостное условіе въ крестьянскія ссудныя записи.

Неокладные сборы.

Второй разрядъ государственныхъ доходовъ, *неокладные* сборы состояли главнымъ образомъ изъ платежей за удовлетвореніе разныхъ нуждъ, съ которыми частныя лица обращались къ правительственнымъ учрежденіямъ: таковы были пошлины съ разныхъ частныхъ сдѣлокъ, съ просьбъ, какія подавались частными лицами въ административныя и судебныя мѣста, съ грамотъ, какія оттуда имъ выдавались, судебныхъ рѣшеній и т. п.

Соль и табакъ.

На основѣ этого финансоваго порядка въ XVII в. возводились казной предпріятія двухъ родовъ: это были либо опыты, затѣи, разстраивавшія установившійся порядокъ, либо нововведенія, его перестраивавшія. Прежде всего казна принялась собирать своихъ растерянныхъ плательщиковъ. Смута выбила изъ тягла множество тяглыхъ людей. По возстановленіи порядка они продолжали свои тяглыя занятія, оставаясь внѣ тягла. Противъ этихъ „избылыхъ“ и поведена была продолжительная законодательная и полицейская борьба. Съ земскаго собора 1619 г. правительство преслѣдовало закладчиковъ и едва сладило съ ними при содѣйствіи собора 1648—49 гг. Тогда же Уложеніемъ было установлено, что непосадскіе люди, промышляющіе на посадѣ, обязаны или бросить свои промыслы, или участвовать въ посадскомъ тяглѣ. Съ цѣлью обезпечить казнѣ постоянный составъ прямыхъ или косвенныхъ работниковъ, законо-

дательство, какъ мы видѣли, сбило общество въ замкнутыя сословія, прикрѣпивъ каждое къ его повинностямъ, запретило самовольный выходъ изъ посадовъ и превратило договорную пожизненную неволю владѣльческихъ крестьянъ въ потомственную крѣпостную зависимость. Но какъ ни тщательно переписывали и прикрѣпляли обывателей, способныхъ къ тяглу, оставалось много избылыхъ, ускользавшихъ отъ казенныхъ повинностей. Хотѣли одной общей мѣрой, какъ рыбу большимъ неводомъ, захватить въ работу на казну все населеніе, рядовое и привилегированное, взрослое и малолѣтнее обоего пола. Въ то самое время, когда на Западѣ политико-экономическая теорія меркантилистовъ настаивала на замѣнѣ прямыхъ налоговъ косвенными, на обложеніи потребленія вмѣсто капитала и труда, въ Москвѣ попытались вступить на тотъ же самый путь вполнѣ самобытно, по указанію не какой-либо заносной теоріи, а дурной доморощенной практики. Въ московской финансовой политикѣ косвенные налоги вообще преобладали надъ прямыми. Въ XVII в. правительство особенно усердно истощало этотъ источникъ въ разсчетѣ, что плательщикъ охотнѣе заплатитъ лишнее за товаръ, чѣмъ внесетъ прямой налогъ: тамъ онъ за переплату получаетъ хоть что-нибудь годное къ употребленію, а здѣсь не получаетъ ничего, кромѣ *платежной отписки*, квитанціи. Отсюда, можно думать, и родилась мысль, внушенная, какъ говорили, бывшимъ гостемъ, а теперь дьякомъ Назарьемъ Чистаго, замѣнить важнѣйшіе прямые налоги повышенной пошлиной на соль: соль нужна всѣмъ, слѣдовательно, всѣ въ мѣру ея потребленія будутъ платить казнѣ, и избылыхъ не будетъ. До 1646 г. казна взимала пошлины съ пуда соли 5 коп., приблизительно 60 коп. на наши деньги. По закону этого года соляная пошлина была увеличена вчетверо, до 20 коп.

съ пуда, до полукопейки съ фунта. Равняя по хлѣбнымъ цѣнамъ тогдашнюю полукопейку 6 копейкамъ нынѣшнимъ, видимъ, что только казенная пошлина вшестеро превышала нынѣшнюю рыночную цѣну фунта соли. Цѣлымъ рядомъ простодушно-грубыхъ соображеній указъ оправдывалъ эту мѣру: будутъ отмѣнены стрѣлецкія и ямскія деньги, наиболѣе тяжелые и неравномѣрно распредѣляемые прямые налоги; пошлина будетъ всѣмъ ровна; въ избылыхъ никого не будетъ; всѣ будутъ платить сами собою, безъ правежа, безъ жестокихъ взысканій; будутъ платить и проживающіе въ Московскомъ государствѣ иноземцы, ничего въ казну не платящіе. Но тонкіе разсчеты не оправдались: тысячи пудовъ дешевой рыбы, которой питалось простонародье въ постное время, сгнили на берегахъ Волги, потому что рыбопромышленники не были въ состояніи посолить ее; дорогой соли продано было значительно меньше прежняго, и казна понесла большіе убытки. Потому въ началѣ 1648 г. рѣшено было отмѣнить новую пошлину. Она много усилила народное раздраженіе противъ администраціи, вызвавшее лѣтній мятежъ того года. Убивая дьяка Н. Чистаго, мятежники приговаривали: „вотъ тебѣ, измѣнникъ, за соль". Та же финансовая нужда заставила набожное правительство поступиться церковно-народнымъ предубѣжденіемъ: объявлена была казенной монополіей продажа табаку, „богоненавистнаго и богомерзкаго зелья", за употребленіе и торговлю которымъ указъ 1634 г. грозилъ смертной казнью. Казна продавала табакъ чуть не на вѣсъ золота, по 50—60 коп. золотникъ на наши деньги. Послѣ мятежа 1648 г. отмѣнили и табачную монополію, возстановивъ законъ 1634 г. Не зная, что дѣлать, правительство прямо дурило въ своихъ распоряженіяхъ.

Мѣдныя кредитныя деньги.

Еще плачевнѣе кончилось другое финансовое предпріятіе. Нужда въ деньгахъ сдѣлала московскихъ финансистовъ

XVII в. необычайно изобрѣтательными. Додумавшись до мысли о замѣнѣ прямыхъ налоговъ косвенными, они столь же самобытно пришли къ идеѣ государственнаго кредита. Въ 1656 г., когда оканчивалась побѣдоносная первая война съ Польшей и готовился разрывъ со Швеціей, въ московской казнѣ не хватило серебряной наличности на жалованье войску, и кто-то, говорили, близкій къ царю Ѳ. М. Ртищевъ подалъ мысль выпустить мѣдныя деньги съ принудительнымъ курсомъ серебряныхъ. Московскій рынокъ былъ уже пріученъ къ денежнымъ знакамъ съ номинальной стоимостью; порча монета была вспомогательной доходной статьею, которой пользовалась казна въ случаѣ нужды. Въ денежномъ оборотѣ не было ни туземной золотой, ни крупной серебряной монеты: рубль и полтина были счетныя единицы. Ходячей монетой служили маленькія *копейки*, *деньги*, полукопейки, и *полушки*, полуденьги, вѣсомъ отъ 6 до 4 долей и менѣе. На рынкѣ покупатели, остерегаясь карманниковъ, обыкновенно, держали эти мелкія неуклюжей чеканки и овальной, впрочемъ неправильной формы монетки во рту за щеками. Не добывая своего серебра, московская казна выдѣлывала эту монету изъ привозныхъ нѣмецкихъ іохимсталеровъ, получившихъ у насъ названіе *ефимковъ*. И при этой операціи не забывали казеннаго интереса: ефимокъ на московскомъ рынкѣ ходилъ по 40—42 копейки, а переливался въ 64 копейки, такъ что казна наживала отъ переливки 52—60%. Иногда передѣлка ограничивалась наложеніемъ штемпеля, „царской печати" на ефимокъ, и онъ изъ 40-копеечника становился 64-копеечникомъ. Только съ начала первой польской войны стали чеканить серебряные рублевики и четвертаки по разсчету нарицательной цѣны штемпельнаго ефимка. Теперь и надѣлали мелкой мѣдной монеты формы и вѣса серебряной. Сначала эти

металлическія кредитки пользовались полнымъ довѣріемъ, ходили al pari, „съ серебряными заровно“. Но соблазнительная операція попала въ падкія на соблазнъ руки. Денежные мастера, люди небогатые, вдругъ разбогатѣли и на глазахъ у всѣхъ начали сорить деньгами, пышно обстроились, разодѣли женъ по-боярски, въ рядахъ покупали товары не торгуясь. Богатые купцы, даже московскіе гости, приставленные присяжными надзирателями мѣднаго дѣла, покупали сами мѣдь, привозили ее вмѣстѣ съ казенной на Денежный дворъ, передѣлывали въ кредитную монету и отвозили на свои дворы. Рынокъ былъ наводненъ „воровскими“, крадеными у государственнаго кредита мѣдными деньгами. Въ курсѣ мѣдной монеты образовался лажъ, быстро возраставшій: начавшись съ 4 копеекъ, разница между серебряными и мѣдными деньгами дошла до того, что въ концѣ 1660 г. за серебряный рубль давали 2 мѣдныхъ, въ 1663 г. сперва 12, а потомъ даже 15 руб. мѣдныхъ. Соотвѣтственно тому дорожали товары. Особенно затруднительное положеніе создавалось для ратныхъ людей, получавшихъ жалованье мѣдными деньгами по полному курсу. Слѣдствіе вскрыло, что плутни денежныхъ мастеровъ и гостей за большія взятки покрывала московская приказная администрація, проявившая здѣсь всю свою обычную приказную недобросовѣстность, а во главѣ ея коноводили тесть царя бояринъ Илья Милославскій да мужъ тетки царевой по матери думный дворянинъ Матюшкинъ, которымъ поручено было мѣдное дѣло; Милославскому приписывали и прямое участіе въ этомъ воровствѣ. Приказнымъ, гостямъ и денежнымъ мастерамъ отсѣкали руки и ноги и ссылали, на тестя царь посердился, а дядю отставилъ отъ должности. Соучастники воровства, видя такую безнаказанность знатныхъ и пользуясь общимъ ропотомъ на дороговизну, задумали произвести смуту, тряx-

нуть боярствомъ, какъ было въ 1648 г. Расклеенныя въ Москвѣ воззванія обвиняли въ измѣнѣ Илью Милославскаго и другихъ. Въ іюлѣ 1662 г., когда царь жилъ въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ, мятежная толпа тысячъ въ пять подступила ко встрѣтившему ее царю съ требованіемъ поставить на судъ измѣнниковъ. При этомъ царя держали за пуговицы кафтана и заставили обѣщаться Богомъ и съ однимъ изъ мятежниковъ ударить по рукамъ на обѣщаніи, что онъ самъ разслѣдуетъ дѣло. Но когда другая толпа изъ Москвы, соединившаяся съ первой, стала невѣжливо требовать у царя измѣнниковъ, грозя, что если онъ не выдастъ ихъ добромъ, ихъ возьмутъ у него силой, Алексѣй крикнулъ стрѣльцамъ и придворнымъ, и началось повальное избіеніе безоружныхъ, сопровождавшееся пытками и казнями; массами топили въ р. Москвѣ или ссылали съ семействами въ Сибирь на вѣчное житье. Царица съ іюльскаго испуга хворала больше года. Въ поддѣлкѣ мѣдныхъ денегъ, какъ и въ мятежѣ, участвовали люди различныхъ состояній, попы и причетники, монахи, гости, посадскіе, крестьяне, холопы; къ бунту пристали даже солдаты и нѣкоторые офицеры. Современники насчитывали больше 7 тысячъ человѣкъ, казненныхъ смертью по этому дѣлу, и больше 15 тысячъ наказанныхъ отсѣченіемъ рукъ и ногъ, ссылкой, конфискаціей имущества. Но „прямыхъ воровъ“, настоящихъ мятежниковъ, считали не больше 200 человѣкъ; остальная толпа, ходившая къ царю, состояла изъ любопытныхъ зѣвакъ. Операція съ мѣдными деньгами сильно разстроила торгово-промышленный оборотъ, и казна, выпутываясь изъ затрудненія, только содѣйствовала этому разстройству. Московскіе торговые люди на извѣстныхъ уже намъ совѣщаніяхъ 1662 г. со Стрѣшневымъ и все тѣмъ же Ильей Милославскимъ о причинахъ дороговизны довольно выразительно

изображали свое положеніе. Съ цѣлью восполнить истощенный запасъ привознаго монетнаго серебра казна принудительно скупала у русскихъ купцовъ на мѣдныя деньги вывозные русскіе товары, мѣха, пеньку, поташъ, говяжье сало, и перепродавала ихъ иноземцамъ на ихъ ефимки. Въ то же время русскіе купцы покупали привозные товары у иноземцевъ на серебро, потому что тѣ мѣдныхъ денегъ не принимали, а своимъ покупателямъ продавали эти товары на мѣдь. Такимъ образомъ пущенное ими въ оборотъ серебро къ нимъ не возвращалось, дальнѣйшія закупки иноземнаго товара становились для нихъ невозможны, и они оставались и безъ серебра, и безъ товара, оказыввлись „безпромышленны". Полная неудача предпріятія заставила ликвидировать его. Выпускъ мѣдныхъ кредитныхъ знаковъ, какъ безпроцентный государственный долгъ, предполагалъ возможность обмѣна на настоящія деньги. Указъ 1663 г. возстановлялъ серебряное обращеніе и запрещалъ держать и пускать въ оборотъ мѣдныя деньги, которыя велѣно было или переливать въ вещи, или приносить въ казну, гдѣ за мѣдный рубль платили по 10 денегъ серебромъ, по словамъ Котошихина, а по указу 26 іюня 1663 г. даже только по 2 деньги. Казна поступила какъ настоящій банкротъ, заплатила кредиторамъ по 5 коп. или даже по 1 коп. за рубль. На только-что упомянутую скупку казной вывозныхъ товаровъ у русскихъ купцовъ незадолго до іюльскаго бунта и вскорѣ послѣ по всѣмъ приказамъ собрано было безъ малаго полтора милліона рублей мѣдныхъ денегъ (милл. 19 на наши деньги) по номинальному ихъ курсу. Это была, безъ сомнѣнія, только часть мѣдной суммы, выпущенной съ Денежнаго двора; молва доводила сумму выпущенныхъ въ 5 лѣтъ мѣдныхъ денегъ до неимовѣрно крупной цифры 20 милл. (около 280 милл. на наши деньги).

Гораздо серіознѣе были нововведенія, какія удалось правительству провести въ устройствѣ финансовъ. Ихъ было три: измѣненіе окладной единицы прямого обложенія съ новымъ типомъ земельной описи, сословная разверстка прямыхъ налоговъ и привлеченіе земскихъ обществъ къ финансовому управленію. Въ порядкѣ прямого обложенія перешли отъ сошнаго письма къ *дворовому числу*, къ подворному обложенію. Но этотъ переходъ совершился не прямо отъ сохи къ двору, какъ окладной единицѣ, а черезъ промежуточную ступень, *живущую четверть*. Первый замѣтилъ и обслѣдовалъ эту посредствующую ступень г. Лаппо-Данилевскій въ своемъ изслѣдованіи о прямомъ обложеніи въ Московскомъ государствѣ XVII в. Писцовыя книги помогаютъ уяснить происхожденіе этой окладной единицы. Сельская соха не была устойчивой платежной величиной. Переложное хозяйство постоянно выводило изъ тягла усталую пашню и вводило отдохнувшую. Во второй половинѣ XVI в. тягловая цѣльность сохи разрушалась въ центральныхъ областяхъ переселенческимъ движеніемъ къ окраинамъ и сокращеніемъ крестьянской запашки: брошенные надолго участки, „пометные жеребьи впустѣ", все расширялись на счетъ „живущей", т.-е. платящей пашни. Сошнаго письма, выражаясь языкомъ писцовыхъ книгъ, не прибывало „изъ пуста въ живущее", а наоборотъ. Смута почти совсѣмъ прервала сельскохозяйственную работу въ странѣ: по свидѣтельству современника, едва не всюду перестали пахать, кое-какъ пробавляясь старозапаснымъ хлѣбомъ. Когда въ странѣ поутихло, крестьяне, уцѣлѣвшіе на мѣстахъ или воротившіеся изъ бѣговъ, увидѣли вокругъ себя множество пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ съ пахотными участками, еще не успѣвшими поросги лѣсомъ. Обзаводясь послѣ погрома, они изъ своей прежней тяглой пашни распахивали **Живущая четверть**

крохотные клинья, а излишекъ труда обращали на „наѣзжую пашню“, на брошенныя и выбывшія изъ тягла поля своихъ бывшихъ сосѣдей, перебитыхъ, полоненныхъ или безъ вѣсти пропавшихъ. По писцовымъ книгамъ видимъ, что гдѣ въ концѣ XVI в. крестьяне пахали 4350 дес., тамъ въ 1616 г. оставалось живущей тяглой пашни 130 дес., тогда какъ наѣзжей нетяглой было 650 дес. Встрѣчаемъ имѣніе въ Рязанскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1695 г. значилось крестьянской пашни 1275 дес., а въ 1616 г. 9 крестьянскихъ дворовъ сидѣли на 3 тяглыхъ десятинахъ, припахивая наѣздомъ 45 дес. у сосѣднихъ „пустыхъ дворовъ“. Въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемъ такіе участки, что приходилось по 6—7 крестьянскихъ дворовъ на одну живущую четверть, т.-е. на полторы десятины въ 3 поляхъ, при 40—60 дес. наѣзжей пашни. Такое хозяйство наѣздомъ, соединенное по мѣстамъ съ крайнимъ умаленіемъ тяглой пашни, было убыточно казнѣ, и она хотѣла поставить это дѣло въ извѣстныя границы. Предпринимая въ 1620-хъ годахъ общую поземельную перепись, правительство рядомъ указовъ пыталось установить по уѣздамъ наибольшее количество дворовъ, обязанныхъ тянуть тягло съ живущей четверти. При этомъ оно колебалось и поправлялось, мѣняло свои росписи: такъ для столичныхъ чиновъ сперва было положено на живущую четверть очень льготное число, 12 дворовъ крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ или 16 крестьянскихъ дворовъ, ровняя полный крестьянскій дворъ двумъ бобыльскимъ; потомъ повысили окладъ слишкомъ впятеро, назначивъ по три крестьянскихъ двора на четверть, а затѣмъ нѣсколько польготили, опредѣливъ 5 дворовъ на четверть. Подворныя доли тягла, падавшаго на живущую четверть, высчитывались по числу дворовъ, на нее положенныхъ: если положено было 8 крестьянскихъ дворовъ, а крестьянинъ пахалъ

8-ю долю живущей четверти, онъ платилъ съ четверика пашни Съ расширеніемъ тяглой пашни живущая четверть постепенно теряла значеніе мелкой доли сохи и становилась условной разсчетной единицей обложенія. На дворъ, зачисленный на 8-дворной живущей четверти, начитывался платежъ съ четверика пашни, хотя бы онъ пахалъ 4—5 тяглыхъ четвертей. Разумѣется, соразмѣрно съ расширеніемъ тяглой пашни возвышался по сошной разверсткѣ и окладъ, падавшій на живущую четверть, т.-е. на группу дворовъ, на ней числившихся; но этотъ окладъ распредѣлялся по счетнымъ долямъ живущей четверти. На дворъ, платившій по книгамъ съ четверика пашни, при окладѣ въ два рубля на четверть насчитывался платежъ въ 25 коп., сколько бы ни пахалъ онъ. Но это былъ только разсчетный, а не дѣйствительный платежъ: при разверсткѣ тягла дворъ, платившій по книгѣ съ четверика пашни, т.-е. съ 3/16 десятины въ трехъ поляхъ, но пахавшій 4 тяглыхъ десятины, платилъ на дѣлѣ не наравнѣ со дворомъ, числившимся тоже на четверикѣ, но пахавшимъ 8 десятинъ. Пропорціональная пашнѣ разверстка платежа была уже дѣломъ самого крестьянскаго общества или помѣщика, а не писца-раскладчика.

Финансовая нужда привела къ мысли брать въ разсчетъ при опредѣленіи поземельнаго тягла не просто наличную тяглую пашню, а и наличныя рабочія силы и мѣстныя сельскохозяйственныя условія: хотѣли обложить не только пашню, но и самого пахаря съ цѣлью заставить его пахать больше. Это соображеніе и руководило установкой разнообразнаго и измѣнчиваго двороваго состава, какой полагался на живущую четверть въ разныхъ уѣздахъ. Не трудно однако предположить, что обложеніе, построенное на двухъ различныхъ основахъ, поземельной и подворной, путало и плательщика, и раскладчика. Эта двойственность увеличи- **Тяглый дворъ и переписныя книги.**

вала техническія неудобства сошнаго письма: трудность измѣренія пахотныхъ площадей и сложенія ихъ въ сохи съ исключеніемъ перелоговъ, наѣзжей и лѣсомъ поросшей пашни, запутанныя вычисленія долей сохи по своеобразной древнерусской ариѳметикѣ дробей, признававшей числителемъ только единицу, а знаменателями только числа, дѣлимыя на 2 да на 3, расчисленіе земли доброй, середней и худой, трудность провѣрки обывательскихъ показаній и ошибокъ самого писца, не говоря уже объ уловкахъ съ цѣлью уклониться отъ тягла или уменьшить его, — все это открывало широкій просторъ произволу, подвохамъ и недоразумѣніямъ. Подворное обложеніе было проще и могло быть равномѣрнѣе. На соборѣ 1642 г. городовые дворяне заявили правительству настойчивую просьбу собирать деньги и всякіе запасы ратнымъ людямъ по числу крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ. Мелкимъ помѣщикамъ было виднѣе, чѣмъ кому-либо, что съ закрѣпощеніемъ крестьянъ сельскохозяйственной силой, подлежащей эксплуатаціи, стали вмѣсто земли рабочія руки съ ихъ инвентаремъ. Въ 1646 г. и предпринята была общая подворная перепись, которая, поголовно укрѣпляя крестьянъ за владѣльцами безъ урочныхъ лѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ переводила прямое обложеніе съ сошнаго письма на дворовое число. Подворная перепись была повторена въ 1678—79 гг. Такъ составились окладныя описи особаго типа, *переписныя книги*, которыя тѣмъ отличались отъ прежнихъ писцовыхъ, что въ послѣднихъ описывались преимущественно земли, угодья, промыслы — хозяйственныя *средства*, по которымъ населеніе облагалось податью, а въ переписныхъ — рабочія *силы*, которыя платили подать, тяглые дворы и ихъ обыватели. Эти переписныя книги и служили основаніемъ подворнаго податного обложенія. Но и при новой окладной

единицѣ порядокъ разсчета и раскладки прямыхъ налоговъ остался прежній: правительство назначало для каждаго податного округа средній подворный окладъ подати и по числу тяглыхъ дворовъ высчитывало общую сумму податныхъ платежей для каждаго округа, а эту сумму плательщики сами распредѣляли между отдѣльными дворами тяглаго общества такъ же, какъ прежде между дворами сохи, по платежнымъ средствамъ, по „тяглу и промысламъ“ каждаго двора.

Сословная разверстка

Переходъ къ подворному обложенію вызвалъ потребность въ объединеніи накопившихся со временемъ прямыхъ налоговъ: затруднительно было разверстывать ихъ по столь мелкой окладной единицѣ, какъ дворъ. Притомъ объединеніемъ косвенныхъ налоговъ въ 1653 г. данъ былъ образецъ и для прямыхъ. Но была существенная разница: косвенный налогъ знаетъ потребителя, игнорируя его экономическое положеніе, съ которымъ необходимо считаться налогу прямому. Крѣпостное право разбило все тяглое населеніе на два разряда: вольные городскіе и сельскіе обыватели платили со своего капитала и труда цѣликомъ государству, а крѣпостные дѣлили свой трудъ между государевой казной и землевладѣльческой конторой. Объединенную прямую подать приходилось распредѣлять между обоими разрядами плательщиковъ пропорціонально ихъ неодинаковой казенной налогоспособности. Предпочли другой исходъ, указанный нуждами самой казны. Изъ прямыхъ налоговъ, ставшихъ постоянными въ XVII в., особенно быстро росла подать на содержаніе все возраставшаго стрѣлецкаго корпуса, стрѣлецкія деньги: съ 1630 по 1663 г. она увеличилась почти въ 9 разъ. Слѣдствіемъ непосильнаго для плательщиковъ взгона подати явились недоимки. Послѣ подворной переписи 1678 г., присоединивъ къ стрѣлецкой подати нѣко-

торые другіе прямые налоги, указомъ 5 сентября 1679 г. ее перевели на дворовое число по неодинаковымъ окладамъ, „розными статьями". Недоимки увеличивались. Сложивъ ихъ, правительство въ 1681 г. вызвало выборныхъ людей по два человѣка изъ города и запросило ихъ: нынѣшній окладъ стрѣлецкихъ денегъ платить имъ въ мочь или не въ мочь и для чего не въ мочь? На этотъ простодушно-невѣжественный запросъ выборные отвѣчали, что платить имъ не въ мочь отъ разоренія разными поборами и повинностями. Послѣ того коммиссіи московскихъ гостей поручено было установить болѣе легкій окладъ подати, и гости понизили ее на 31%. Московское правительство не совѣстилось своей неспособности, незнанія положенія дѣлъ, и даже охотно выставляло эти качества, какъ свои естественные законные недостатки, исправлять которые обязаны управляемые, какъ обязаны они восполнять его финансовые недочеты: то и другое было ихъ земской повинностью. По тому же указу 1679 г. полоняничныя и ямскія деньги также слиты были въ одну подать. Эти два объединенные налога и были распредѣлены между двумя разрядами тяглыхъ людей: на тяглое посадское населеніе всѣхъ городовъ и на черныхъ крестьянъ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ уѣздовъ взамѣнъ всѣхъ прежнихъ прямыхъ налоговъ положена была одна стрѣлецкая подать, разбитая на 10 подворныхъ окладовъ отъ 2 руб. до 80 коп. по платежной способности податныхъ округовъ или разрядовъ, а владѣльческіе крестьяне остальныхъ уѣздовъ, гдѣ они были, въ виду обремененія ихъ господскими повинностями, обложены были ямскими и полоняничными деньгами, соединенными въ одну подать, по 10 коп. съ двора церковныхъ крестьянъ, а съ крестьянъ дворцовыхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ по 5 коп., въ 8 или въ 16 разъ меньше наименьшаго оклада стрѣлецкой подати. Изъ этого видно, какой громадный

источникъ дохода уступила казна въ безотчетное пользованіе владѣльцевъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ и финансовая политика слѣдовала общему плану сословной розни, по какому складывался весь соціальный московскій порядокъ въ XVII в.

Финансы и земство.

Неудачная изобрѣтательность въ изысканіи новыхъ финансовыхъ средствъ внушила бережливость въ распоряженіи наличными. Стремленіе стянуть всѣ доходы въ центральную казну выражалось въ сокращеніи мѣстныхъ расходовъ, въ упраздненіи мѣстныхъ должностей, требовавшихъ себѣ корма и теперь признанныхъ излишними, разныхъ горододѣльцевъ, сыщиковъ, ямскихъ приказчиковъ, житничныхъ головъ, даже губныхъ старостъ. Всѣ дѣла по этимъ должностямъ возложены были на воеводъ, чтобы тяглымъ людямъ въ кормахъ лишней тягости не было и легче было имъ платить казенные налоги. Но были отмѣнены и поборы на самихъ воеводъ съ ихъ дьяками и подьячими. Съ тою же цѣлью удешевить взиманіе налоговъ на мѣстахъ воеводы устранены были и отъ сбора новой стрѣлецкой подати, и отъ вмѣшательства въ таможенные и кабацкіе сборы: веденіе этихъ дѣлъ возложено на самихъ плательщиковъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, черезъ ихъ выборныхъ старостъ и вѣрныхъ головъ съ цѣловальниками подъ отвѣтственностью избирателей. Такъ возвращались къ земскимъ учрежденіямъ XVI в. Это было не возстановленіе земскаго самоуправленія, а только переложеніе казенныхъ дѣлъ съ корыстныхъ коронныхъ чиновниковъ на мѣстныхъ даровыхъ и отвѣтственныхъ исполнителей.

Тягло заводныхъ.

Переходъ къ подворному обложенію еще въ двухъ отношеніяхъ важенъ для изученія соціальнаго склада Московскаго государства въ XVII в.: онъ расширилъ предѣлы податного обложенія или, точнѣе, осложнилъ составъ тяглаго

населенія и притомъ оставилъ данныя для сужденія о распредѣленіи народныхъ рабочихъ рукъ между правящими силами государства. Подворное обложеніе помогло казнѣ найти значительный разрядъ новыхъ плательщиковъ. Мы уже видѣли (л. XLIX), какъ задворные люди, холопы по юридическому своему значенію, были похожи на крестьянъ по хозяйственному положенію и даже по своимъ договорнымъ отношеніямъ къ господамъ, живя особыми дворами, пользуясь земельными надѣлами и отбывая крестьянскія повинности въ пользу владѣльцевъ. При переводѣ тягла съ пашни на дворы задворныхъ людей по ихъ дворамъ стали зачислять въ тягло наравнѣ съ крестьянами и бобылями: по указанію, встрѣченному г. Милюковымъ въ платежныхъ отпискахъ, такое зачисленіе началось съ подворной переписи 1678 г. Это — одинъ изъ первыхъ моментовъ юридическаго слiянія холоповъ и владѣльческихъ крестьянъ въ одинъ классъ крѣпостныхъ людей, завершившагося при Петрѣ Великомъ первою ревизіей.

Распредѣленіе народнаго труда. Переписныя книги 1678 г. оставили послѣ себя общій по государству итогъ тяглыхъ дворовъ, которымъ потомъ, даже при Петрѣ В., правительство пользовалось при разсчетѣ податного обложенія. Этотъ итогъ даетъ возможность представить съ нѣкоторой ясностью соціальный строй Московскаго государства, какъ онъ сложился къ послѣдней четверти XVII в., къ кануну реформы Петра. Документы сохранили этотъ итогъ въ разныхъ цифрахъ; наиболѣе надежная изъ нихъ — самая крупная: другія могли составиться по неполнымъ даннымъ; были побужденія убавлять число тяглыхъ дворовъ, но не для чего было его преувеличивать. По этому итогу перепись 1678 г. насчитала 888 тыс. тяглыхъ дворовъ, городскихъ и сельскихъ. Котошихинъ и указы 1686 и 1687 гг. приводятъ цифры дворовъ посадскихъ и черныхъ,

т.-е. вольныхъ крестьянскихъ, церковныхъ, дворцовыхъ и боярскихъ, принадлежавшихъ боярамъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, высшему правительственному классу. Исключивъ сумму дворовъ всѣхъ этихъ разрядовъ изъ общаго итога по переписи 1678 г., получимъ число крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ служилымъ людямъ столичнымъ и городовымъ, дворянству въ собственномъ смыслѣ слова. Распредѣленіе всей тяглой массы по разрядамъ владѣльцевъ представляется въ такомъ видѣ (въ круглыхъ цифрахъ):

Посадскихъ и черныхъ крестьянскихъ дворовъ.	92	тыс.	10,4%.
Церковныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ	118	„	13,3%.
Дворцовыхъ	83	„	9,3%.
Боярскихъ	88	„	10 %.
Дворянскихъ.	507	„	57 %.
	888	тыс.	100 %.

Этотъ раздѣлъ народнаго труда даетъ нѣсколько любопытныхъ указаній. Во-первыхъ, только десятая часть съ небольшимъ всей тяглой массы, городской и сельской, удержала за собой тогдашнюю свободу, непосредственное отношеніе къ государству. Значительно больше половины всего тяглаго населенія отдано было служилымъ людямъ за ихъ обязанность оборонять страну отъ внѣшнихъ враговъ, десятая часть — правящему классу за трудъ управленія страной, менѣе одной десятой принадлежало государеву дворцу и значительно болѣе одной десятой — Церкви, именно одна шестая всего церковнаго крестьянства, почти 20 тыс., обязательно работала на высшую іерархію, т.-е. на монашество, отрекшееся отъ міра, чтобы духовно править имъ, и почти пять шестыхъ (исключая крестьянъ соборныхъ и

приходскихъ церквей) — на монастыри, т.-е. на монашество, отрекшееся отъ міра, чтобы на его счетъ молиться о его грѣхахъ. Наконецъ, почти девять десятыхъ всего тяглаго люда находилось въ крѣпостной зависимости отъ Церкви, дворца и военно-служилыхъ людей. Отъ государственнаго организма, такъ сложившагося, несправедливо было бы ждать желательнаго роста политическаго, экономическаго, гражданскаго и нравственнаго.

Чрезвычайные налоги.

Какъ ни напрягало правительство податное обложеніе, оно обыкновенно не было въ состояніи точно смѣтить предстоящіе ему расходы, чтобы уравновѣсить ихъ съ текущими доходами, и уже среди самаго дѣла, на ходу замѣчало ошибочность своихъ предварительныхъ разсчетовъ. Тогда оно прибѣгало къ чрезвычайнымъ средствамъ. Въ самое трудное время, въ первые годы царствованія Михаила, оно вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ дѣлало принудительные займы у крупныхъ капиталистовъ вродѣ Строгановыхъ или Троицкаго Сергіева монастыря. Это были впрочемъ рѣдкіе случаи. Обыкновенными, такъ сказать, источниками чрезвычайныхъ доходовъ были „запросы волею" и процентные налоги. Изъ перваго источника почерпались „запросныя деньги", изъ второго *деньги пятая, десятая, пятнадцатая* и *двадцатая*. Тотъ и другой источникъ имѣлъ сословное значеніе. Запросъ волею — это добровольная подписка, къ какой правительство по соборному приговору призывало привилегированные классы, землевладѣльцевъ, духовныхъ и служилыхъ, для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ. Мы уже видѣли, какъ въ 1632 г., въ началѣ войны съ Польшей, по приговору обоихъ государей съ соборомъ духовные и служилые чины собора одни тутъ же на засѣданіи заявили, что они готовы дать, а другіе обѣщали принести росписи тому, что кто дастъ. Подобнымъ поряд-

комъ испрошено было добровольное вспоможеніе и у собора 1634 г. Запросныя деньги взимались и съ некрѣпостныхъ крестьянъ, но не въ видѣ добровольной подписки, а какъ опредѣленный окладной налогъ въ размѣрѣ отъ 1 руб. до 25 коп. съ двора (14—3 руб. на наши деньги). Процентный налогъ — финансовое изобрѣтеніе собора, избравшаго новую династію, и падалъ на торговыхъ людей въ размѣрѣ пятой деньги. Въ 1614 г., на другой годъ по избраніи Михаила, этотъ соборъ приговорилъ собрать на ратныхъ людей „отъ избытковъ по окладу, кто можетъ отъ живота своего и промыслу на 100 рублевъ, съ того взяти пятую долю — двадцать рублевъ, а кто можетъ больше или меньше, и съ того взять по тому же расчету". Такимъ образомъ въ приговорѣ даны заразъ по крайней мѣрѣ три несовмѣстимыя основанія обложенія: *животы*—имущество, *промыслы* — оборотный капиталъ въ соединеніи съ трудомъ, *избытокъ по окладу* — чистый доходъ по оцѣнкѣ окладной коммиссіи и наконецъ *возможность* дать больше или меньше — заявленіе по совѣсти о своемъ достаткѣ. Соборный приговоръ въ разосланномъ циркулярѣ изложенъ былъ московскими дьяками по однообразной дьячей методѣ всѣхъ вѣковъ — такъ, чтобы его можно было понять не менѣе,какъ въ трехъ смыслахъ. Мысль собора 1614 г. была довольно проста. Почему онъ назначилъ пятую деньгу, а не четвертую или шестую? Тогда въ торговомъ дисконтѣ при помѣщеніи денегъ въ ростъ обычный и высшій законный процентъ былъ „на пять шестой", т.-е. 20%. Заемщикъ могъ брать деньги подъ такой процентъ только при возможности выручить занятымъ капиталомъ гораздо больше 20%. Значитъ, этотъ процентъ представлялъ тогда наименьшій чистый доходъ съ капитала и при нормальномъ оборотѣ удвоялъ его въ пять лѣтъ. Соборный приговоръ о пятой деньгѣ съ торговыхъ людей

требовалъ, чтобъ оборотный капиталъ уступилъ нуждавшейся казнѣ одинъ годъ своего прироста, отсрочивъ свое пятилѣтнее удвоеніе на шестой годъ. Такова схема налога: онъ не требовалъ пятой доли ни всякаго имущества, ни всего дохода съ него, а бралъ наименьшій чистый годовой доходъ только съ торговаго оборотнаго капитала или доходной недвижимости, лавки, завода и т. п. Но по винѣ плохого приказнаго изложенія соборный приговоръ вызвалъ много недоразумѣній и даже безпорядки. Въ однихъ мѣстахъ пятую деньгу поняли, какъ имущественный налогъ, и окладчики начали описывать всякое имущество, чѣмъ вызвали сопротивленіе плательщиковъ; въ другихъ его взимали по окладу какого-либо обыкновеннаго налога, напримѣръ, стрѣлецкой подати. Ближе подошли къ смыслу налога тамъ, гдѣ его поняли, какъ налогъ на торговый оборотъ, и высчитавъ по таможеннымъ книгамъ, „на сколько рублевъ чьихъ товаровъ въ привозѣ и въ отпускѣ объявилось", взимали пятую часть ихъ цѣны. Недоразумѣнія и столкновенія повторялись и при послѣдующихъ процентныхъ сборахъ, по неясности стереотипнаго выраженія „съ животовъ и промысловъ". На дѣлѣ однако это были налоги на доходъ, что прямо отмѣчаетъ иноземецъ Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ въ 1670 г. Сборы эти падали на торговопромышленныхъ людей всякаго званія, тяглыхъ и нетяглыхъ, кромѣ духовенства и „бѣлыхъ" служилыхъ чиновъ, на стрѣльцовъ, пушкарей, всякихъ крестьянъ и бобылей, даже на торговыхъ холоповъ, „чей кто ни будь торгуетъ". Пятинный сборъ 1614 г. повторился и въ 1615 г. Два раза собирали пятую деньгу во вторую польскую войну царя Михаила, въ 1633 и 1634 гг. Въ 1637—38 гг. для обороны отъ крымцевъ, удвоивъ стрѣлецкую подать, правительство выпросило у земскаго собора наборъ даточныхъ съ дворцо-

выхъ и владѣльческихъ крестьянъ и усиленный денежный сборъ съ торговыхъ людей — съ двора около 20 руб. на наши деньги, а съ черныхъ крестьянъ въ половину; въ 1639 г. чрезвычайный денежный сборъ повторился. Сборы поступали съ огромной недоимкой — знакъ, что плательщики изнемогали. Они и жаловались, что имъ „тяжко вельми". Если прибавить къ этому принудительную скупку казной наиболѣе прибыльныхъ товаровъ, напримѣръ, льна въ Псковѣ по указной цѣнѣ, мы поймемъ горечь жалобы мѣстнаго лѣтописца: „и цѣна невольная, и купля нелюбовная, и во всемъ скорбь великая, и вражда несказанная, и всей земли ни купити, ни продати не смѣть никому же помимо". Особенно часты и тяжки были чрезвычайные поборы при царяхъ Алексѣѣ и Өедорѣ, когда продолжительныя и разорительныя войны съ Польшей, Швеціей, Крымомъ и Турціей требовали тяжелыхъ жертвъ людьми и деньгами. Въ 27 лѣтъ (1654—1680) собирали по разу 20-ю и 15-ю деньгу (5% и 6,66%), пять разъ 10-ю и дважды 5-ю деньгу (10% и 20%), не считая повторявшихся изъ года въ годъ сборовъ въ опредѣленномъ однообразномъ окладѣ съ двора. Такъ всѣ эти сверхштатные налоги получали характеръ временно-постоянныхъ. Чрезвычайные налоги входили особой неокладной статьей въ составъ обыкновенныхъ доходовъ.

Роспись 1680 г.

Какихъ же финансовыхъ успѣховъ достигло правительство въ XVII в. своимъ тяжелымъ, измѣнчивымъ и безпорядочнымъ податнымъ обложеніемъ? Котошихинъ, имѣя въ виду 1660-е годы, пишетъ, что ежегодно въ царскую казну во всѣ московскіе приказы приходитъ со всего государства 1.311.000 руб., кромѣ сибирской пушной казны, которой точно оцѣнить онъ не умѣетъ, а лишь чаятельно назначаетъ на нее больше 600 тыс. Черезъ 20 слишкомъ лѣтъ французскій агентъ Невилль, пріѣхавшій въ Москву

въ 1689 г., слышалъ здѣсь, что ежегодный доходъ московской казны не превышаетъ 7—8 милл. французскихъ ливровъ. Такъ какъ ливръ въ XVII в. цѣнился у насъ въ 1/6 руб., то Невилль сообщаетъ сумму, очень близкую къ цифрѣ денежнаго дохода у Котошихина (1.333 тыс. руб.), причемъ такъ же затрудняется опредѣлить выручку отъ продажи казенныхъ товаровъ. Сохранилась роспись доходовъ и расходовъ 1680 г.; ее нашелъ и разработалъ г. Милюковъ въ своемъ изслѣдованіи о государственномъ хозяйствѣ Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго. Сумма доходовъ здѣсь высчитана почти въ 1½ милл. руб. (около 20 милл. на наши деньги). Самую крупную статью денежнаго дохода, именно 49% составляли косвенные налоги, главнымъ образомъ таможенные и кабацкіе сборы. Прямые налоги давали 44%; наибольшей статьей ихъ являются чрезвычайные налоги (16%). Почти половина денежнаго дохода шла на военныя нужды (около 700.000 руб.). Государевъ дворецъ поглощалъ 15% бюджета доходовъ. На дѣла, относящіяся къ благоустройству, на общественныя постройки, на ямское дѣло, т.-е. на средства сообщенія, отпускалось меньше 5%. Впрочемъ роспись даетъ лишь приблизительное понятіе о государственномъ хозяйствѣ того времени. Не всѣ поступленія доходили до центральныхъ приказовъ: много денегъ получалось и расходовалось на мѣстахъ. Хотя роспись 1680 г. сведена со значительнымъ остаткомъ, но дѣйствительное значеніе этого бюджета выражалось въ томъ, что ежегодные смѣтные оклады поступали далеко не сполна: недоимка, накопившаяся по 1676 г., превышала 1 милл., и въ 1681 г. ее вынуждены были сложить. Платежныя силы народа, очевидно, напряжены были до переистощенія.

Лекція LII.

Недовольство положеніемъ дѣлъ въ государствѣ. — Его причины. — Его проявленія. Народные мятежи. — Отраженіе недовольства въ памятникахъ письменности. — Кн. И. А. Хворостининъ. — Патріархъ Никонъ. — Григ. Котошихинъ. — Юрій Крижаничъ.

Причины недовольства.

Возстановляя порядокъ послѣ Смуты, московское правительство не задумывало радикальной его ломки, хотѣло сберечь его старыя основы, предпринимало въ немъ только частичныя техническія перемѣны, которыя казались ему поправками, улучшеніями. Преобразовательныя попытки, касавшіяся устройства государственнаго управленія, обособленія сословій, подъема государственнаго хозяйства, были робки и непослѣдовательны, не вытекали изъ какого-либо общаго широко задуманнаго и практически разработаннаго плана, внушались, повидимому, случайными указаніями текущей минуты. Но эти указанія шли въ одномъ направленіи, потому что прямо или косвенно исходили изъ одного источника, изъ финансовыхъ затрудненій правительства, и всѣ его преобразовательные опыты сами собой, съ принудительностью физіологической потребности направлялись къ устраненію этихъ затрудненій и всѣ имѣли одинаково печальный исходъ, всѣ были неудачны. Туже стянутая, строго централизованная администрація не стала ни дешевле, ни исправнѣе, не сняла съ тяглыхъ обществъ ихъ тяжелыхъ казенныхъ службъ; точнѣе раз-

граниченный сословный строй только усилилъ рознь общественныхъ интересовъ и настроеній, а финансовыя нововведенія привели къ истощенію народныхъ силъ, къ банкротству и хроническому накопленію недоимокъ. Всѣмъ этимъ создавалось общее чувство тяжести положенія. Дворъ, личный составъ династіи и внѣшняя политика доводили это чувство до глубокаго народнаго недовольства ходомъ дѣлъ въ государствѣ. Московское правительство въ первыя три царствованія новой династіи производитъ впечатлѣніе людей, случайно попавшихъ во власть и взявшихся не за свое дѣло. При трехъ-четырехъ исключеніяхъ все это были люди съ очень возбужденнымъ честолюбіемъ, но безъ оправдывающихъ его талантовъ даже безъ правительственныхъ навыковъ, замѣняющихъ таланты, и — что̀ еще хуже всего этого — совсѣмъ лишенныхъ гражданскаго чувства. Такому подбору государственныхъ дѣльцовъ помогало одно, повидимому, случайное обстоятельство. Что-то роковое тяготѣло надъ новой династіей: судьба рѣшительно не хотѣла, чтобы выходившіе изъ новаго царскаго рода носители верховной власти дозрѣвали до престола. Изъ пяти первыхъ царей трое, Михаилъ, Алексѣй и Иванъ, воцарялись, едва вышедши изъ недорослей, имѣя по 16 лѣтъ, а двое еще моложе, Ѳедоръ 14 лѣтъ, Петръ — 10. И другая фамильная особенность отличала эту династію: царевны обыкновенно выходили крѣпкими, живучими, иногда энергичными, мужественными дѣвицами, какъ Софья, а царевичи, повторяя своего родоначальника, оказывались хилыми, недолговѣчными, иногда прямо убогими людьми, какъ Ѳедоръ и Иванъ. Даже подъ живымъ цвѣтущимъ лицомъ царя Алексѣя скрывалось очень хрупкое здоровье, котораго хватило только на 46 лѣтъ жизни. Неизвѣстно, что̀ вышло бы изъ

младшаго Алексѣева брата Димитрія, уродившагося нравомъ въ прадѣдушку своего Ивана Грознаго. Но если вѣрить Котошихину, приближенные царя-отца отравили злаго мальчика такъ осторожно, что никто о томъ не догадался, какъ будто царевичъ умеръ своей смертью. Точно такъ же и Петра нельзя брать въ разсчетъ: онъ былъ исключеніемъ изъ всякихъ правилъ. У новаго царя являлось правительственное окруженіе прежде, чѣмъ онъ пріобрѣталъ умѣнье и охоту распознавать окружающихъ, а первые сотрудники давали окраску и направленіе всему царствованію. Это неудобство особенно выразительно сказывалось во внѣшнихъ дѣлахъ. Внѣшней политикой болѣе всего создавались финансовыя затрудненія правительства и она же была поприщемъ, на которомъ послѣ территоріальныхъ потерь, понесенныхъ вслѣдствіе смуты, новой династіи предстояло прежде всего оправдать свое всеземское избраніе. Дипломатія царя Михаила, особенно послѣ плохо разсчитанной и неумѣло исполненной смоленской кампаніи, еще отличалась обычной осторожностью побитыхъ. При царѣ Алексѣѣ толчки, полученные отцомъ, стали забываться. Противъ воли вовлеченные въ борьбу за Малороссію послѣ долгаго раздумья, въ Москвѣ были окрылены блестящей кампаніей 1654—55 гг., когда сразу завоеваны были не только Смоленщина, но и вся Бѣлоруссія и Литва. Московское воображеніе побѣжало далеко впереди благоразумія: не подумали, что такими успѣхами обязаны были не самимъ себѣ, а шведамъ, которые въ то же время напали на поляковъ съ запада и отвлекли на себя лучшія польскія силы. Московская политика взяла необычайно большой курсъ: не жалѣли ни людей, ни денегъ, чтобы и разгромить Польшу, и посадить московскаго царя на польскій престолъ, и выбить

шведовъ изъ Польши, и отбить крымцевъ и самихъ турокъ отъ Малороссіи, и захватить не только обѣ стороны Поднѣпровья, но и самую Галицію, куда въ 1660 г. направлена была армія Шереметева, — и всѣми этими переплетавшимися замыслами такъ себя запутали и обезсилили, что послѣ 21-лѣтней изнурительной борьбы на три фронта и ряда небывалыхъ пораженій бросили и Литву, и Бѣлоруссію, и правобережную Украйну, удовольствовавшись Смоленской и Сѣверской землей да Малороссіей лѣваго берега съ Кіевомъ на правомъ, и даже у крымскихъ татаръ въ Бахчисарайскомъ договорѣ 1681 г. не могли вытягать ни удобной степной границы, ни отмѣны постыдной ежегодной дани хану, ни признанія московскаго подданства Запорожья.

Его проявленія.

Вмѣстѣ съ чувствомъ тяжести принесенныхъ жертвъ и понесенныхъ неудачъ росло и недовольство ходомъ дѣлъ. Оно попало на подготовленную Смутой почву общей возбужденности и постепенно охватило все общество сверху до низу, только выражалось неодинаково въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ его. Въ народной массѣ оно сказалось цѣлымъ рядомъ волненій, которыя сообщили такой тревожный характеръ XVII вѣку: это — эпоха народныхъ мятежей въ нашей исторіи. Не говоря о прорывавшихся тамъ и сямъ вспышкахъ при царѣ Михаилѣ, достаточно перечислить мятежи Алексѣева времени, чтобы видѣть эту силу народнаго недовольства: въ 1648 г. мятежи въ Москвѣ, Устюгѣ, Козловѣ, Сольвычегодскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ; въ 1649 г. приготовленія къ новому мятежу закладчиковъ въ Москвѣ, во-время предупрежденному; въ 1650 г. бунты въ Псковѣ и Новгородѣ; въ 1662 г. новый мятежъ въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ; наконецъ, въ 1670—71 гг. огромный мятежъ Разина на поволжскомъ

юго-востокѣ, зародившійся среди донского козачества, но получившій чисто соціальный характеръ, когда съ нимъ слилось имъ же возбужденное движеніе простонародья противъ высшихъ классовъ; въ 1668—76 гг. возмущеніе Соловецкаго монастыря противъ новоисправленныхъ церковныхъ книгъ. Въ этихъ мятежахъ рѣзко вскрылось отношеніе простого народа къ власти, которое тщательно закрашивалось оффиціальнымъ церемоніаломъ и церковнымъ поученіемъ: ни тѣни не то что благоговѣнія, а и простой вѣжливости и не только къ правительству, но и къ самому носителю верховной власти. Нѣсколько иначе обнаружилось недовольство въ высшихъ классахъ. Если въ народной массѣ оно шевелило нервы, то наверху общества оно будило мысль и повело къ усиленной критикѣ домашнихъ порядковъ, и какъ тамъ толкаетъ къ движенію злость на общественные верхи, такъ здѣсь господствующей нотой протестующихъ голосовъ звучитъ сознаніе народной отсталости и безпомощности. Теперь едва ли не впервые встрѣчаемъ мы русскую мысль на трудномъ и скользкомъ поприщѣ публицистики, критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности. Заявленія такого характера уже были сдѣланы на земскомъ соборѣ 1642 г. и на совѣщаніи правительственной коммиссіи съ московскими торговыми людьми о причинахъ дороговизны въ 1662 г. Не измѣняя своей политической дисциплинѣ, сохраняя почтительный тонъ, не позволяя себѣ крикливыхъ оппозиціонныхъ нотъ, земскіе люди однако высказались довольно возбужденно о разстройствѣ управленія, о безпрепятственномъ нарушеніи законовъ привилегированными, о пренебреженіи къ общественному мнѣнію со стороны правительства, которое по указу государя допроситъ торговыхъ людей отберетъ сказки, а исполнитъ по тѣмъ сказкамъ

какую-нибудь малость. Это были осторожныя коллективныя заявленія классовыхъ нуждъ и мнѣній. Съ большей энергіей выражались личныя сужденія нѣкоторыхъ наблюдателей о положеніи вещей въ государствѣ. Ограничусь немногими примѣрами, чтобы показать, какъ отражалась русская дѣйствительность въ этихъ первыхъ опытахъ общественной критики.

Кн. И. А. Хворостининъ.

Первый такой опытъ становится извѣстенъ еще въ началѣ XVII в., во время Смуты, и несомнѣнно ею былъ навѣянъ. Князь И. А. Хворостининъ былъ виднымъ молодымъ человѣкомъ при дворѣ перваго самозванца, сблизился съ поляками, выучился по-латыни, началъ читать латинскія книги и заразился католическими мнѣніями, латинскія иконы чтилъ наравнѣ съ православными. За это при царѣ Василіи Шуйскомъ его сослали на исправленіе въ Іосифовъ монастырь, откуда онъ воротился уже совсѣмъ озлобленнымъ и погибшимъ, впалъ въ вольнодумство, отвергалъ молитву и воскресеніе мертвыхъ, „въ вѣрѣ пошатался и православную вѣру хулилъ, про святыхъ угодниковъ Божіихъ говорилъ хульныя слова". При этомъ онъ сохранилъ интересъ къ церковно-славянской литературѣ, былъ большой начетчикъ по церковной исторіи, обнаруживалъ неукротимый задоръ въ частныхъ книжныхъ преніяхъ, вообще отличался ученымъ самомнѣніемъ, „въ разумѣ себѣ въ версту не поставилъ никого". Онъ владѣлъ и перомъ, въ царствованіе Михаила написалъ недурныя записки о своемъ времени, въ которыхъ онъ больше размышляетъ, чѣмъ разсказываетъ о событіяхъ и людяхъ. Смѣсь столь разнородныхъ мнѣній и увлеченій, встрѣтившихся въ одномъ сознаніи и едва ли успѣвшихъ слиться въ цѣльное и твердое міросозерцаніе, но одинаково противившихъ православно-византійскимъ преданіямъ и понятіямъ, ставила кн. Хворости-

нина во враждебное отношеніе ко всему отечественному. Къ обрядамъ русской Церкви онъ относился съ вызывающимъ презрѣніемъ, „постовъ и христіанскаго обычая не хранилъ“, запрещалъ своимъ дворовымъ ходить въ церковь, въ 1622 г. пилъ всю Страстную „безъ просыпу“, утромъ въ Свѣтлое Воскресеніе до разсвѣта напился прежде, чѣмъ разговѣлся пасхой, не поѣхалъ во дворецъ христосоваться съ государемъ, у заутрени и обѣдни не былъ. Поставивъ себя такимъ поведеніемъ и образомъ мыслей въ полное общественное одиночество, онъ хотѣлъ отпроситься или даже бѣжать въ Литву либо въ Римъ и уже продавалъ свой московскій дворъ и вотчины. Царскій указъ, въ которомъ изложены всѣ эти вины кн. Хворостинина, съ особенной горечью осуждаетъ его за грѣхи противъ своихъ соотечественниковъ. При обыскѣ у князя вынуты были собственноручныя „книжки“ съ его произведеніями въ прозѣ и стихахъ, „въ виршь“, польскимъ силлабическимъ размѣромъ. Въ этихъ книжкахъ, какъ и въ разговорахъ, онъ выражалъ скуку и тоску по чужбинѣ, презрѣніе къ доморощеннымъ порядкамъ, писалъ многія укоризны про всякихъ людей Московскаго государства, обличалъ ихъ въ неосмысленномъ поклоненіи иконамъ, жаловался, „будто въ Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, жить не съ кѣмъ, сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью“ и у него общенія съ ними быть не можетъ никакого; этимъ де онъ всѣхъ московскихъ людей и родителей своихъ, отъ кого родился, обезчестилъ, положилъ на нихъ хулу и неразуміе и даже титула государева не хотѣлъ писать, какъ слѣдуетъ, именовалъ его „деспотомъ русскимъ“, а не царемъ и самодержцемъ. Князя сослали вторично „подъ началъ“ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ онъ раскаялся, былъ возвращенъ въ Москву, возстановленъ

въ дворянствѣ и получилъ доступъ ко двору. Онъ умеръ въ 1625 г. Князь Хворостининъ — раннее и любопытное явленіе въ русской духовной жизни, ставшее много позднѣе довольно обычнымъ. Это не былъ русскій еретикъ типа XVI в. съ протестантской окраской, питавшій свою мысль догматическими и церковно-обрядовыми сомнѣніями и толкованіями — отдаленный отзвукъ реформаціонной бури на Западѣ: это былъ своеобразный русскій вольнодумецъ на католической подкладкѣ, проникшійся глубокой антипатіей къ византійско-церковной черствой обрядности и ко всей русской жизни, ею пропитанной, — отдаленный духовный предокъ Чаадаева.

Патріархъ Никонъ.

Довольно неожиданно появленіе въ ряду обличителей доморощенныхъ политическихъ непорядковъ верховнаго блюстителя доморощеннаго порядка церковно-нравственнаго, самого всероссійскаго патріарха. Но это былъ не просто патріархъ, а самъ патріархъ Никонъ. Припомните, какъ онъ изъ крестьянъ поднялся до патріаршаго престола, какое огромное вліяніе имѣлъ на царя Алексѣя, который звалъ его своимъ „собиннымъ другомъ", какъ потомъ друзья разсорились, вслѣдствіе чего Никонъ въ 1658 г. самовольно покинулъ патріаршій престолъ, надѣясь, что царь униженной мольбой воротитъ его, а царь этого не сдѣлалъ. Въ припадкѣ раздраженнаго чувства оскорбленнаго самолюбія Никонъ написалъ царю письмо о положеніи дѣлъ въ государствѣ. Нельзя, конечно, ожидать отъ патріарха безпристрастнаго сужденія; но любопытны краски, выбираемыя патріархомъ, чтобы нарисовать мрачную картину современнаго положенія: всѣ онѣ взяты изъ финансовыхъ затрудненій правительства и изъ хозяйственнаго разстройства народа. Никонъ болѣе всего злился на учрежденный въ 1649 г. Монастырскій приказъ, который

судилъ духовенство по недуховнымъ дѣламъ и завѣдывалъ обширными церковными вотчинами. Въ этомъ приказѣ сидѣли бояринъ да дьяки; не было ни одного засѣдателя изъ духовныхъ лицъ. Въ 1661 г. Никонъ и написалъ царю письмо, полное обличеній. Намекая на ненавистный приказъ, патріархъ пишетъ, играя словами: „Судятъ и насилуютъ мірскіе судьи, и сего ради собралъ ты противъ себя въ день судный великій соборъ, вопіющій о неправдахъ твоихъ. Ты всѣмъ проповѣдуешь поститься, а теперь и невѣдомо, кто не постится ради скудости хлѣбной; во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего. Нѣтъ никого, кто былъ бы помилованъ: нищіе, слѣпые, вдовы, чернецы и черницы, всѣ данями обложены тяжкими; вездѣ плачъ и сокрушеніе; нѣтъ никого веселящагося въ дни сіи". Тѣ же густотемныя краски кладетъ Никонъ на финансовое положеніе государства и въ письмѣ 1665 г. къ восточнымъ патріархамъ, перехваченномъ московскими агентами. Жалуясь на захватъ царемъ церковныхъ имуществъ, онъ пишетъ: „берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги, берутъ немилостиво; весь родъ христіанскій отягчилъ царь данями сугубо, трегубо и больше, — и все безполезно".

Григ. Котошихинъ.

При довольно исключительныхъ обстоятельствахъ предпринятъ былъ при томъ же царѣ другой русскій опытъ изображенія московскихъ порядковъ въ ихъ недостаткахъ. Григорій Котошихинъ служилъ подьячимъ Посольскаго приказа или младшимъ секретаремъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, исполнялъ неважныя дипломатическія порученія, потерпѣлъ напраслины, въ 1660 г. за ошибку въ титулѣ государя былъ битъ батогами. Во вторую польскую войну прикомандированный къ арміи кн. Юрія Долгорукаго, онъ не согласился исполнить незаконныя

требованія главнокомандующаго и убѣгая отъ его мести, въ 1664 г. бѣжалъ въ Польшу, побывалъ въ Германіи и потомъ попалъ въ Стокгольмъ. Несходство заграничныхъ порядковъ съ отечественными, поразившее его во время странствованій, внушило ему мысль описать состояніе Московскаго государства. Шведскій канцлеръ гр. Магнусъ-де-ла-Гарди оцѣнилъ умъ и опытность Селицкаго, какъ назвалъ себя Котошихинъ за границей, и поощрялъ его въ начатомъ трудѣ, который и былъ такъ хорошо исполненъ, что сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ русско-историческихъ памятниковъ XVII в. Но Котошихинъ дурно кончилъ. Въ Стокгольмѣ онъ прожилъ около полутора года, перешелъ въ протестантство, слишкомъ подружился съ женою хозяина, у котораго жилъ на квартирѣ, чѣмъ возбудилъ подозрѣніе мужа, и въ ссорѣ убилъ его, за что̀ сложилъ голову на плахѣ. Шведскій переводчикъ его сочиненія называетъ автора человѣкомъ ума несравненнаго. Это сочиненіе въ прошломъ столѣтіи было найдено въ Упсалѣ однимъ русскимъ профессоромъ и издано въ 1841 г. Въ 13 главахъ, на которыя оно раздѣлено, описываются бытъ московскаго царскаго двора, составъ придворнаго класса, порядокъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ иноземными, устройство центральнаго управленія, войско, городское торговое и сельское населеніе и наконецъ, домашній бытъ высшаго московскаго общества. Котошихинъ мало разсуждаетъ, больше описываетъ отечественные порядки простымъ, яснымъ и точнымъ приказнымъ языкомъ. Однако у него всюду сквозитъ пренебрежительный взглядъ на покинутое отечество, и такое отношеніе къ нему служитъ темнымъ фономъ, на которомъ Котошихинъ рисуетъ, повидимому, безпристрастную картину русской жизни. Впрочемъ у него иногда прорываются и прямыя сужденія,

все неблагосклонныя, обличающія много крупныхъ недостатковъ въ бытѣ и нравахъ московскихъ людей. Котошихинъ осуждаетъ въ нихъ „небогобоязненную натуру“, спесь, наклонность къ обману, больше всего невѣжество. Русскіе люди, пишетъ онъ, „породою своею спесивы и необычайны (непривычны) ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; для науки и обычая (обхожденія съ людьми) въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи и *вольность* благую, начали бъ свою вѣру отмѣнять (бросать) и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили“. Котошихинъ рисуетъ каррикатурную картинку засѣданія Боярской думы, гдѣ бояре, „брады своя уставя“, на вопросы царя ничего не отвѣчаютъ, ни въ чемъ добраго совѣта дать ему не могутъ, „потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованые“. Котошихинъ мрачно изображаетъ и семейный бытъ русскихъ. Кто держится мнѣнія, будто древняя Русь при всѣхъ своихъ политическихъ и гражданскихъ недочетахъ сумѣла съ помощью церковныхъ правилъ и домостроевъ выработать крѣпкую юридически и нравственно семью, для того камнемъ преткновенія ложится послѣдняя глава сочиненія Котошихина „О житіи бояръ и думныхъ и ближнихъ и иныхъ чиновъ людей“. Безстрастно изображены здѣсь произволъ родителей надъ дѣтьми, цинизмъ брачнаго сватовства и сговора, непристойность свадебнаго обряда, грубые обманы со стороны родителей неудачной дочери съ цѣлью какъ-нибудь сбыть съ рукъ плохой то-

варъ, тяжбы, возникавшія изъ этого, битье и насильственное постриженіе нелюбимыхъ женъ, отравы женъ мужьями и мужей женами, бездушное формальное вмѣшательство церковныхъ властей въ семейныя дрязги. Мрачная картина семейнаго быта испугала самого автора и онъ заканчиваетъ свое простое и безстрастное изображеніе возбужденнымъ восклицаніемъ: „благоразумный читатель! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися времянемъ съ невѣстою самому“.

Юрій Крижаничъ.

Сужденія русскаго человѣка, покинувшаго свое отечество, любопытно сопоставить со впечатлѣніями пришлаго наблюдателя, пріѣхавшаго въ Россію съ надеждой найти въ ней второе отечество. Хорватъ, католикъ и патеръ Юрій Крижаничъ былъ человѣкъ съ довольно разностороннимъ образованіемъ, немного философъ и богословъ, немного политико-экономъ, большой филологъ и больше всего патріотъ, точнѣе, горячій панславистъ, потому что истиннымъ отечествомъ для него было не какое-либо исторически извѣстное государство, а объединенное славянство, т.-е. чистая политическая мечта, носившаяся гдѣ-то внѣ исторіи. Родившись подданнымъ турецкаго султана, онъ бѣднымъ сиротой вывезенъ былъ въ Италію, получилъ духовно-семинарское образованіе въ Загребѣ, Вѣнѣ и Болоньѣ и наконецъ поступилъ въ римскую коллегію св. Аѳанасія, въ которой римская Конгрегація для распространенія вѣры (de propaganda fide) вырабатывала спеціальныхъ мастеровъ-миссіонеровъ для схизматиковъ православнаго Востока. Крижаничъ предназначался, какъ славянинъ, для Московіи. Его и самого тянуло въ эту далекую страну; онъ собираетъ

объ ней свѣдѣнія, представляетъ Конгрегаціи замысловатые планы ея обращенія. Но у него была своя затаенная мысль: миссіонерскій энтузіазмъ служилъ бѣдному студенту-славянину лишь средствомъ заручиться матеріальной поддержкой со стороны Конгрегаціи. Онъ и считалъ москвитянъ не еретиками или схизматиками отъ суемудрія, а просто христіанами, заблуждающимися по невѣжеству, по простотѣ душевной. Рано сталъ онъ думать и глубоко скорбѣть о бѣдственномъ положеніи разбитаго и порабощеннаго славянства, и надобно отдать честь политической сообразительности Крижанича: онъ угадывалъ вѣрный путь къ объединенію славянъ. Чтобы людямъ сойтись другъ съ другомъ, имъ надобно прежде всего понимать другъ друга, а въ этомъ мѣшаетъ славянамъ ихъ разноязычіе. И вотъ Крижаничъ еще въ латинской школѣ старается не забыть родного языка славянскаго, старательно изучаетъ его, чтобы достигнуть въ немъ краснорѣчія, суетится и хлопочетъ очистить его отъ примѣсей, отъ мѣстной порчи, такъ переработать его, чтобы онъ былъ понятенъ всѣмъ славянамъ, для того задумываетъ и пишетъ грамматики, словари, филологическіе трактаты. И другая, только болѣе смѣлая догадка принадлежитъ ему: объединеніе всеразбитаго славянства надобно было повести изъ какого-либо политическаго центра, а такого центра тогда еще не было налицо, онъ не успѣлъ еще обозначиться, стать историческимъ фактомъ, не былъ даже политическимъ чаяніемъ для однихъ и пугаломъ для другихъ, какъ сталъ позднѣе. И эту загадку чутко разгадалъ Крижаничъ. Онъ, хорватъ и католикъ, искалъ этого будущаго славянскаго центра не въ Вѣнѣ, не въ Прагѣ, даже не въ Варшавѣ, а въ православной по вѣрѣ и въ татарской по мнѣнію Европы Москвѣ. Надъ этимъ можно было смѣяться въ XVII в., можно по-

жалуй улыбаться и теперь; но между тогдашнимъ и нашимъ временемъ были моменты, когда этого трудно было не цѣнить. Какъ будущій центръ славянства, Крижаничъ и называетъ Россію своимъ вторымъ отечествомъ, хотя у него не было и перваго, а была только турецкая родина. Какъ онъ угадывалъ этотъ центръ, чутьемъ ли возбужденнаго патріота-энтузіаста, или размышленіемъ политика, сказать трудно. Какъ бы то ни было, онъ не усидѣлъ въ Римѣ, гдѣ Конгрегація засадила его за полемику съ греческой схизмой, и въ 1559 г. самовольно уѣхалъ въ Москву. Здѣсь римско-апостолическая затѣя, разумѣется, была покинута; пришлось смолчать и о своемъ патерствѣ, съ которымъ бы его и не пустили въ Москву, и онъ былъ принятъ просто какъ „выходецъ-сербенинъ Юрій Ивановичъ" на ряду съ другими иноземцами, пріѣзжавшими на государеву службу. Чтобы создать себѣ прочное служебное положеніе въ Москвѣ, онъ предлагалъ царю разнообразныя услуги, вызывался быть московскимъ и всеславянскимъ публицистомъ, царскимъ библіотекаремъ, написать правдивую исторію Московскаго царства и всего народа славянскаго въ званіи царскаго „историка-лѣтописца"; но его оставили съ жалованьемъ до $1^1/_2$, а потомъ до 3 руб. въ день на наши деньги при его любимой работѣ надъ славянской грамматикой и лексикономъ: онъ вѣдь и ѣхалъ въ Москву съ мыслью повести тамъ дѣло лингвистическаго и литературнаго объединенія славянства. Онъ самъ признавался, что ему со своей мыслью о всеславянскомъ языкѣ кромѣ Москвы и некуда было дѣваться, потому что съ дѣтства онъ все свое сердце отдалъ на одно дѣло, на исправленіе „нашего искаженнаго, точнѣе, погибшаго языка, на украшеніе своего и всенароднаго ума". Въ одномъ сочиненіи онъ пишетъ: „меня называютъ скитальцемъ, бродягой; это неправда: я пришелъ

къ царю моего племени, пришелъ къ своему народу, въ свое отечество, въ страну, гдѣ единственно мои труды могутъ имѣть употребленіе и принести пользу, гдѣ могутъ имѣть цѣну и сбытъ мои товары — разумѣю словари, грамматики, переводы". Но черезъ годъ съ небольшимъ неизвѣстно за что его сослали въ Тобольскъ, гдѣ онъ пробылъ 15 лѣтъ. Ссылка впрочемъ только помогла его учено-литературной производительности: вмѣстѣ съ достаточнымъ содержаніемъ ему предоставленъ былъ въ Тобольскѣ полный досугъ, которымъ онъ даже самъ тяготился, жалуясь, что ему никакой работы не даютъ, а кормятъ хорошо, словно скотину на убой. Въ Сибири онъ много писалъ, тамъ написалъ и свою славянскую грамматику, о которой такъ много хлопоталъ, надъ которой онъ, по его словамъ, думалъ и работалъ 22 года. Царь Ѳедоръ воротилъ Юрія въ Москву, гдѣ онъ выпросился „въ свою землю", уже не скрывая своего вѣроисповѣданія и сана каноника, „попа стриженаго", какъ объяснили это слово въ Москвѣ, и въ 1677 г. покинулъ свое названое отечество.

Крижаничъ о Россіи.

Изложенныя обстоятельства жизни Крижанича имѣютъ нѣкоторый интересъ, выясняя уголъ зрѣнія, подъ какимъ складывались его сужденія о Россіи, читаемыя нами въ самомъ обширномъ и тоже сибирскомъ его трудѣ, въ *Политичныхъ думахъ* или въ *Разговорахъ о владательству*, т.-е. о политикѣ. Это сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой авторъ разсуждаетъ объ экономическихъ средствахъ государства, во второй о средствахъ военныхъ, въ третьей о мудрости, т.-е. о средствахъ духовныхъ, къ которымъ онъ присоединяетъ предметы самаго различнаго свойства, преимущественно политическаго. Такимъ образомъ обширное сочиненіе это имѣетъ видъ политическаго и экономическаго трактата, въ которомъ авторъ обнаружилъ боль-

шую и разнообразную начитанность въ древней и новой литературѣ, нѣкоторое знакомство даже съ русской письменностью. Для насъ въ немъ всего важнѣе то, что авторъ всюду сравниваетъ состояніе западно-европейскихъ государствъ съ порядками государства Московскаго. Здѣсь Россія впервые ставится лицомъ къ лицу съ западной Европой. Изложу главныя сужденія, высказанныя здѣсь Крижаничемъ. Сочиненіе это имѣетъ видъ черновыхъ набросковъ, то на латинскомъ, то на какомъ-то особомъ самодѣльномъ славянскомъ языкѣ съ поправками, вставками, отрывочными замѣтками. Крижаничъ крѣпко вѣритъ въ будущее Россіи и всего славянства: они стоятъ на ближайшей очереди въ міровомъ преемственномъ воздѣлываніи мудрости смѣняющимися народами, въ переходѣ наукъ и искусствъ отъ однихъ народовъ къ другимъ — мысль, близкая къ тому, что̀ высказывали потомъ о круговоротѣ наукъ Лейбницъ и Петръ Великій. Никто да не скажетъ, пишетъ Крижаничъ, изобразивъ культурные успѣхи другихъ народовъ, будто намъ славянамъ какимъ-то небеснымъ рокомъ заказанъ путь къ наукамъ. А я думаю, именно теперь настало время нашему племени учиться: теперь на Руси возвысилъ Богъ славянское царство, какого по силѣ и славѣ никогда еще не бывало среди нашего племени; а такія царства — обычные разсадники просвѣщенія. „Адда и намъ треба учиться, яко подъ честитымъ царя Алексѣя Михаиловича владаніемъ мочь хочемъ древнія дивячины плѣсень отерть, умѣтелей ся научить, похвальнѣй общенія начинъ пріять и блаженѣего стана дочекать“. Вотъ образчикъ всеславянскаго языка, о которомъ такъ хлопоталъ Крижаничъ. Смыслъ его словъ: значитъ, и намъ надобно учиться, чтобы подъ властью московскаго царя стереть съ себя плѣсень застарѣлой дикости, надобно обучиться наукамъ, чтобы начать жить

болѣе пристойнымъ общежитіемъ и добиться болѣе благополучнаго состоянія. Но этому мѣшаютъ двѣ бѣды или язвы, которыми страдаетъ все славянство: „чужебѣсіе“, бѣшеное пристрастіе ко всему чужеземному, какъ толкуетъ это слово самъ авторъ, и слѣдствіе этого порока, „чужевладство“, иноземное иго, тяготѣющее надъ славянами. Злобная нота звучитъ у Крижанича всякій разъ, какъ заводитъ онъ рѣчь объ этихъ язвахъ, и его воображеніе не скупится на самые отталкивающіе образы и краски, чтобы достойно изобразить ненавистныхъ поработителей, особенно нѣмцевъ. „Ни одинъ народъ подъ солнцемъ, пишетъ онъ, искони вѣковъ не былъ такъ изобиженъ и посрамленъ отъ иноземцевъ, какъ мы славяне отъ нѣмцевъ; затопило насъ множество инородниковъ; они насъ дурачатъ, за носъ водятъ, больше того — сидятъ на хребтахъ нашихъ и ѣздятъ на насъ, какъ на скотинѣ, свиньями и псами насъ обзываютъ, себя считаютъ словно богами, а насъ дураками. Что ни выжмутъ страшными налогами и притѣсненіями изъ слезъ, потовъ, невольныхъ постовъ русскаго народа, все это пожираютъ иноземцы, купцы греческіе, купцы и полковники нѣмецкіе, крымскіе разбойники. Все это отъ чужебѣсія: всякимъ чужимъ вещамъ мы дивимся, хвалимъ ихъ и превозносимъ, а свое домашнее житіе презираемъ“. Въ цѣлой главѣ Крижаничъ перечисляетъ „срамоты и обиды“ народныя, какія славяне терпятъ отъ иноземцевъ. Россіи суждено избавить славянство отъ язвъ, которыми сама она не меньше страдаетъ. Крижаничъ обращается къ царю Алексѣю съ такими словами: „Тебѣ, пречестный царь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ; ты, царь, одинъ данъ намъ отъ Бога, чтобы пособить задунайцамъ, чехамъ и *ляхамъ*, чтобы сознали они свое угнетеніе отъ чужихъ, свой позоръ и начали сбрасывать съ шеи нѣмецкое ярмо“.

Но когда Крижаничъ присмотрѣлся въ Россіи къ жизни всеславянскихъ спасителей, его поразило множество неустройствъ и пороковъ, которыми они сами страдаютъ. Сильнѣе всего возстаетъ онъ противъ самомнѣнія русскихъ, ихъ чрезмѣрнаго пристрастія къ своимъ обычаямъ и особенно противъ ихъ невѣжества; это главная причина экономической несостоятельности русскаго народа. Россія — бѣдная страна сравнительно съ западными государствами, потому что несравненно менѣе ихъ образована. Тамъ на Западѣ, пишетъ Крижаничъ, разумы у народовъ хитры, смѣтливы, много книгъ о земледѣліи и другихъ промыслахъ, есть гавани, цвѣтутъ обширная морская торговля, земледѣліе, ремесла. Ничего этого нѣтъ въ Россіи. Для торговли она заперта со всѣхъ сторонъ либо неудобнымъ моремъ, пустынями, либо дикими народами; въ ней мало торговыхъ городовъ, нѣтъ цѣнныхъ и необходимыхъ произведеній. Здѣсь умы у народа тупы и косны, нѣтъ умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; здѣсь люди сами ничего не выдумаютъ, если имъ не покажутъ, лѣнивы, непромышленны, сами себѣ добра не хотятъ сдѣлать, если ихъ не приневолятъ къ тому силой; книгъ у нихъ нѣтъ никакихъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; купцы не учатся даже ариѳметикѣ и иноземцы во всякое время безпощадно ихъ обманываютъ. Исторіи, старины мы не знаемъ и никакихъ политичныхъ разговоровъ вести не можемъ, за что насъ иноземцы презираютъ. Та же умственная лѣнь сказывается въ некрасивомъ покроѣ платья, въ наружномъ видѣ и въ домашнемъ обиходѣ, во всемъ нашемъ быту: нечесаныя головы и бороды дѣлаютъ русскаго мерзкимъ, смѣшнымъ, какимъ-то лѣсовикомъ. Иноземцы осуждаютъ насъ за неопрятность: мы деньги прячемъ въ ротъ, посуды не моемъ; мужикъ подаетъ гостю полную братину и „оба-

два пальца въ ней окунулъ". Въ иноземныхъ газетахъ писали: если русскіе купцы зайдутъ въ лавку, послѣ нихъ цѣлый часъ нельзя войти въ нее отъ смрада. Жилища наши неудобны: окна низкія, въ избахъ нѣтъ отдушинъ, люди слѣпнутъ отъ дыма. Множество и нравственныхъ недостатковъ отмѣчаетъ Крижаничъ въ русскомъ обществѣ: пьянство, отсутствіе бодрости, благородной гордости, одушевленія, чувства личнаго и народнаго достоинства. На войнѣ турки и татары хоть и побѣгутъ, но не дадутъ себя даромъ убивать, обороняются до послѣдняго издыханія, а наши „вояки" ежели побѣгутъ, такъ ужъ бѣгутъ безъ оглядки — бей ихъ, какъ мертвыхъ. Великое наше народное лихо — неумѣренность во власти: не умѣемъ мы ни въ чемъ мѣры держать, среднимъ путемъ ходить, а все норовимъ по окраинамъ да пропастямъ блуждать. Правленіе у насъ въ иной странѣ въ конецъ распущенно, своевольно, безнарядно, а въ другой черезчуръ твердо, строго и жестоко; во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и распущеннаго государства, какъ польское, и такого крутого правленія, какъ въ славномъ государствѣ русскомъ. Огорченный всѣми этими недостатками, Крижаничъ готовъ отдать преимущество передъ русскими даже туркамъ и татарамъ, у которыхъ онъ совѣтуетъ русскимъ учиться трезвости, справедливости, храбрости и даже стыдливости. Очевидно, Крижаничъ не закрывалъ глазъ передъ язвами русскаго общества, напротивъ, можетъ-быть, даже преувеличивалъ наблюдаемые недостатки. Очевидно, и Крижаничъ — славянинъ, не умѣлъ ни въ чемъ мѣры держать, прямо и просто смотрѣть на вещи. Но Крижаничъ не только плачется, а и размышляетъ, предлагаетъ средства для исцѣленія оплакиваемыхъ недуговъ. Эти средства разработаны у него въ цѣлую преобразовательную программу, которая получаетъ для

насъ значеніе болѣе важное, чѣмъ какое могли бы имѣть досужія размышленія славянскаго пришельца, посѣтившаго Москву въ XVII в. Онъ предлагаетъ 4 средства исправленія. Это 1) просвѣщеніе, наука, книги — мертвые, но мудрые и правдивые совѣтники. 2) Правительственная регламентація, дѣйствіе сверху. Крижаничъ вѣруетъ въ самодержавіе: въ Россіи, говоритъ онъ, полное „самовладство"; царскимъ повелѣніемъ все можно исправить и завести все полезное, а въ иныхъ земляхъ это было бы невозможно. „Ты, царь, обращается Крижаничъ къ царю Алексѣю, держишь въ рукахъ чудотворный жезлъ Моисеевъ, которымъ можешь творить дивныя чудеса въ управленіи: въ твоихъ рукахъ полное самодержавіе". На это средство Крижаничъ возлагаетъ большія надежды, хотя предлагаетъ довольно странные способы его примѣненія: не знаетъ, напримѣръ, купецъ ариѳметики — запереть указомъ его лавочку, пока не выучится. 3) Политическая свобода. При самодержавіи не должно быть жестокости въ управленіи, обремененія народа непосильными поборами и взятками, того, что Крижаничъ называетъ „людодерствомъ". Для этого необходимы извѣстныя „слободины", политическія права, сословное самоуправленіе. Купцамъ надо предоставить право выбирать себѣ старостъ съ сословнымъ судомъ, ремесленниковъ соединить въ цеховыя корпораціи, всѣмъ промышленнымъ людямъ дать право ходатайствовать передъ правительствомъ о своихъ нуждахъ и о защитѣ отъ областныхъ правителей, крестьянамъ обезпечить свободу труда. Умѣренныя слободины Крижаничъ считаетъ уздой, воздерживающей правителей отъ „худобныхъ похотей", единственнымъ щитомъ, коимъ подданные могутъ оборониться отъ приказническихъ злостей и можетъ быть ограждена правда въ государствѣ; ни запреты, ни казни не удержатъ правителей, „думни-

ковъ“ отъ ихъ людодерскихъ думъ, гдѣ нѣтъ слободинъ. 4) Распространеніе техническаго образованія. Для этого государство должно властно вмѣшаться въ народное хозяйство, учредить по всѣмъ городамъ техническія школы, указомъ завести даже женскія училища рукодѣлій и хозяйственныхъ знаній съ обязательствомъ для жениха спрашивать у невѣсты свидѣтельства, чему она обучалась у мастерицъ-учительницъ, давать волю холопамъ, обучившимся мастерству, требующему особыхъ техническихъ знаній, переводить на русскій языкъ нѣмецкія книги о торговлѣ и ремеслахъ, призвать изъ-за границы иноземныхъ нѣмецкихъ мастеровъ и капиталистовъ, которые обучали бы русскихъ мастерству и торговлѣ. Всѣ эти мѣры должны быть направлены на усиленную принудительную разработку естественныхъ богатствъ страны и широкое распространеніе новыхъ производствъ, особенно металлическихъ.

Такова программа Юрія Крижанича. Она, какъ видимъ, очень сложна и несвободна отъ нѣкоторой внутренней нескладицы. Крижаничъ допустилъ въ свой планъ достаточно противорѣчій, по крайней мѣрѣ неясностей. Трудно понять, какъ онъ мирилъ другъ съ другомъ средства, предлагаемыя имъ для исправленія недостатковъ русскаго общества, какія, напримѣръ, полагалъ онъ границы между правительственной регламентаціей, скрѣпляемой самовладствомъ, и общественнымъ самоуправленіемъ, или какъ онъ надѣялся избавить славянскую шею отъ сидящихъ на ней нѣмцевъ, переводя нѣмецкія книги о ремеслахъ и призывая нѣмецкихъ ремесленниковъ, какъ у него „гостогонство“, гоненіе иноземцевъ, уживалось съ признаваемою имъ невозможностью обойтись безъ иноземнаго мастера. Но читая преобразовательную программу Крижанича, невольно воскликнешь: да это программа Петра Великаго, даже съ ея недостатками и противо-

рѣчіями, съ ея идиллической вѣрой въ творческую силу указа, въ возможность распространить образованіе и торговлю посредствомъ переводной нѣмецкой книжки о торговлѣ или посредствомъ временнаго закрытія лавочки у купца, не выучившагося ариѳметикѣ. Однако именно эти противорѣчія и это сходство придаютъ особый интересъ сужденіямъ Крижанича. Онъ единственный въ своемъ родѣ пришлый наблюдатель русской жизни, непохожій на множество иноземцевъ, случайно попадавшихъ въ Москву и записавшихъ свои тамошнія впечатлѣнія. Послѣдніе смотрѣли на явленія этой жизни, какъ на куріозныя странности некультурнаго народа, занимательныя для празднаго любопытства — не болѣе того. Крижаничъ былъ въ Россіи и чужой, и свой, чужой по происхожденію и воспитанію, свой по племеннымъ симпатіямъ и политическимъ упованіямъ. Онъ ѣхалъ въ Москву не просто наблюдать, а проповѣдывать, пропагандировать всеславянскую идею и звать на борьбу за нее. Эта цѣль прямо и высказана въ латинскомъ эпиграфѣ *Разговоровъ*: „Въ защиту народа! хочу вытѣснить всѣхъ иноземцевъ, поднимаю всѣхъ днѣпрянъ, ляховъ, литовцевъ, сербовъ, всякаго, кто есть среди славянъ воинственный мужъ и кто хочетъ ратовать заодно со мною“. Надобно было сосчитать силы сторонъ, имѣвшихъ столкнуться въ борьбѣ, и восполнить недочеты своей стороны по образцамъ противной, высматривая и заимствуя у нея то, въ чемъ она сильнѣе. Отсюда любимые пріемы изложенія у Крижанича: онъ постоянно сравниваетъ и проектируетъ, сопоставляетъ однородныя явленія у славянъ и на враждебномъ имъ Западѣ и предлагаетъ одно изъ своего сохранить, какъ было, другое исправить по-западному. Отсюда же и видимыя его несообразности: это — противорѣчія самой наблюдаемой жизни, а не ошибки наблюдателя: приходилось заим-

ствовать чужое, учиться у враговъ. Онъ ищетъ и охотно отмѣчаетъ, что въ русской жизни лучше, чѣмъ у иноземцевъ, защищаетъ ее отъ инородческихъ клеветъ и напраслинъ. Но онъ не хочетъ обольщать ни себя, ни другихъ: онъ ждетъ чудесъ отъ самодержавія; но разрушительное дѣйствіе крутого московскаго управленія на нравы, благосостояніе и внѣшнія отношенія народа ни у одного предубѣжденнаго иностранца не изображено такъ ярко, какъ въ главѣ *Разговоровъ* о московскомъ людодерствѣ. Онъ не поклонникъ всякой власти и думаетъ, что если бы опросить всѣхъ государей, то многіе не сумѣли бы объяснить, зачѣмъ они существуютъ на свѣтѣ. Онъ цѣнилъ власть въ ея идеѣ, какъ культурное средство, и мистически вѣровалъ въ свой московскій жезлъ Моисеевъ, хотя, вѣроятно, слышалъ и про страшный посохъ Грознаго, и про костыль больного ногами царя Михаила. Общій сравнительный подсчетъ наблюденій вышелъ у Крижанича далеко не въ пользу своихъ: онъ призналъ рѣшительное превосходство ума, знаній, нравовъ, благоустройства, всего быта инородниковъ. Онъ ставитъ вопросъ: какое же мѣсто занимаемъ мы, русскіе и славяне, среди другихъ народовъ и какая историческая роль назначена намъ на міровой сценѣ? Нашъ народъ — средній между „людскими", культурными народами и восточными дикарями и какъ таковой долженъ стать посредникомъ между тѣми и другими. Отъ мелочныхъ наблюденій и детальныхъ проектовъ мысль Крижанича поднимается до широкихъ обобщеній: славяно-русскій Востокъ и инороднический Западъ у него — два особые міра, два рѣзко различные культурные типа. Въ одномъ изъ разговоровъ, какіе онъ вводитъ въ свой трактатъ, довольно остроумно сопоставлены отличительныя свойства славянъ, преимущественно русскихъ, и западныхъ народовъ. Тѣ наружностью красивы

и потому дерзки и горды, ибо красота рождаетъ дерзость и гордость: мы ни то ни се, люди средніе обличіемъ. Мы не краснорѣчивы, не умѣемъ изъясняться, а они рѣчисты, смѣлы на языкъ, на рѣчи бранныя, „лаяльныя“, колкія. Мы косны разумомъ и просты сердцемъ: они исполнены всякихъ хитростей. Мы не бережливы и мотоваты, приходу и расходу смѣты не держимъ, добро свое зря разбрасываемъ: они скупы, алчны, день и ночь только и думаютъ, какъ бы потуже набить свои мѣшки. Мы лѣнивы къ работѣ и наукамъ: они промышленны, не проспятъ ни одного прибыльнаго часа. Мы — обыватели убогой земли: они — уроженцы богатыхъ, роскошныхъ странъ и на заманчивыя произведенія своихъ земель ловятъ насъ, какъ охотники звѣрей. Мы просто говоримъ и мыслимъ, просто и поступаемъ, поссоримся и помиримся: они скрытны, притворны, злопамятны, обиднаго слова до смерти не забудутъ, разъ поссорившись, вовѣки искренно не помирятся, а помирившись, всегда будутъ искать случая къ отместкѣ. — Крижаничу можно отвести особое, но видное мѣсто среди нашихъ историческихъ источниковъ: болѣе ста лѣтъ не находимъ въ нашей литературѣ ничего подобнаго наблюденіямъ и сужденіямъ, имъ высказаннымъ. Наблюденія Крижанича даютъ изучающему новыя краски для изображенія русской жизни XVII в., а его сужденія служатъ провѣркой впечатлѣній, выносимыхъ изъ ея изученія.

Ни письма Никона, ни сочиненія Котошихина и Крижанича не получили въ свое время общей извѣстности. Сочиненіе Котошихина не было никѣмъ прочитано въ Россіи до четвертаго десятилѣтія минувшаго вѣка, когда его нашелъ въ библіотекѣ Упсальскаго университета одинъ русскій профессоръ. Книга Крижанича была „на верху“, во дворцѣ у царей Алексѣя и Ѳедора; списки ея находились

у вліятельныхъ приверженцевъ царевны Софьи Медвѣдева и кн. В. Голицына; кажется, при царѣ Ѳедорѣ ее собирались даже напечатать. Мысли и наблюденія Крижанича могли пополнить запасъ преобразовательныхъ идей, роившихся въ московскихъ правительственныхъ умахъ того времени. Но всѣмъ этимъ людямъ XVII в., сужденія которыхъ я изложилъ, нельзя отказать въ важномъ значеніи для изучающихъ тотъ вѣкъ, какъ показателямъ тогдашняго настроенія русскаго общества. Самой рѣзкой нотой въ этомъ настроеніи было недовольство своимъ положеніемъ. Съ этой стороны особенно важенъ Крижаничъ, какъ наблюдатель, съ видимымъ огорченіемъ описывавшій непріятныя явленія, которыхъ онъ не желалъ бы встрѣтить въ странѣ, представлявшейся ему издали могучей опорой всего славянства. Это недовольство — чрезвычайно важный поворотный моментъ въ русской жизни XVII в.: оно сопровождалось неисчислимыми послѣдствіями, которыя составляютъ существенное содержаніе нашей дальнѣйшей исторіи. Ближайшимъ изъ нихъ было начало вліянія западной Европы на Россію. На происхожденіи и первыхъ проявленіяхъ этого вліянія я и хочу остановить ваше вниманіе.

Лекція LIII.

Западное вліяніе. — Его начало. — Почему оно началось въ XVII в.? — Встрѣча двухъ иноземныхъ вліяній и ихъ различіе. — Два направленія въ умственной жизни русскаго общества. — Постепенность западнаго вліянія. — Полки иноземнаго строя. — Заводы. — Помыслы о флотѣ. — Мысль о народномъ хозяйствѣ. — Новая Нѣмецкая слобода. — Европейскій комфортъ. — Театръ. — Мысль о научномъ знаніи. — Первые проводники его. — Научные труды кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ. — Начатки школьнаго образованія. — Домашнее обученіе. С. Полоцкій.

Обращаясь къ началу западнаго вліянія въ Россіи, необходимо напередъ точнѣе опредѣлить самое понятіе *вліянія*. И прежде, въ XV—XVI вв., Россія была знакома съ западной Европой, вела съ ней кое-какія дѣла, дипломатическія и торговыя, заимствовала плоды ея просвѣщенія, призывала ея художниковъ, мастеровъ, врачей, военныхъ людей. Это было *общеніе*, а не вліяніе. Вліяніе наступаетъ, когда общество, его воспринимающее, начинаетъ сознавать превосходство среды или культуры вліяющей и необходимость у нея учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нея не одни только житейскія удобства, но и самыя основы житейскаго порядка, взгляды, понятія, обычаи, общественныя отношенія. Такіе признаки появляются у насъ въ отношеніи къ западной Европѣ только съ XVII в. Вотъ въ какомъ смыслѣ говорю я о *началѣ* западнаго вліянія съ этого времени.

Начало западнаго вліянія.

Здѣсь мы обращаемся къ истокамъ теченій въ нашей исторіи, продолжающихся доселѣ. Почему же не въ XVI в. началось это вліяніе, духовно-нравственное подчиненіе? Его источникъ — недовольство своей жизнью, своимъ положеніемъ, а это недовольство исходило изъ затрудненія, въ какомъ очутилось московское правительство новой династіи и которое отозвалось съ большей или меньшей тягостью во всемъ обществѣ, во всѣхъ его классахъ. Затрудненіе состояло въ невозможности справиться съ насущными потребностями государства при наличныхъ домашнихъ средствахъ, какія давалъ существующій порядокъ, т.-е. въ сознаніи необходимости новой перестройки этого порядка, которая дала бы недостававшія государству средства. Такое затрудненіе не было новостью, не испытанной въ прежнее время; необходимость подобной перестройки теперь не впервые почувствовалась въ московскомъ обществѣ. Но прежде она не приводила къ тому, что случилось теперь. Съ половины XV в. московское правительство, объединяя Великороссію, все живѣе чувствовало невозможность справиться съ новыми задачами, поставленными этимъ объединеніемъ, при помощи старыхъ удѣльныхъ средствъ. Тогда оно и принялось строить новый государственный порядокъ, понемногу разваливая удѣльный. Оно строило этотъ новый порядокъ безъ чужой помощи, по своему разумѣнію, изъ матеріаловъ, какіе давала народная жизнь, руководясь опытами и указаніями своего прошлаго. Оно еще вѣрило попрежнему въ неиспользованные завѣты родной страны, способные стать прочными основами новаго порядка. Потому эта перестройка только укрѣпляла авторитетъ родной старины, поддерживала въ строителяхъ сознаніе своихъ народныхъ силъ, питала національную самоувѣренность. Въ XVI в. въ русскомъ обществѣ сложился даже взглядъ на объединитель-

ницу Русской земли Москву, какъ на центръ и оплотъ всего православнаго Востока. Теперь было совсѣмъ не то: прорывавшаяся во всемъ несостоятельность существующаго порядка и неудача попытокъ его исправленія привели къ мысли о недоброкачественности самыхъ основаній этого порядка, заставляли многихъ думать, что истощился запасъ творческихъ силъ народа и доморощеннаго разумѣнія, что старина не дастъ пригодныхъ уроковъ для настоящаго и потому у нея нечему больше учиться, за нее не для чего больше держаться. Тогда и начался глубокій переломъ въ умахъ: въ московской правительственной средѣ и въ обществѣ появляются люди, которыхъ гнететъ сомнѣніе, завѣщала ли старина всю полноту средствъ, достаточныхъ для дальнѣйшаго благополучнаго существованія; они теряютъ прежнее національное самодовольство и начинаютъ оглядываться по сторонамъ, искать указаній и уроковъ у чужихъ людей, на Западѣ, все болѣе убѣждаясь въ его превосходствѣ и въ своей собственной отсталости. Такъ на мѣсто падающей вѣры въ родную старину и въ силы народа является уныніе, недовѣріе къ своимъ силамъ, которое широко растворяетъ двери иноземному вліянію.

Почему оно началось въ XVII в.?

Трудно сказать, отчего произошла эта разница въ ходѣ явленій между XVI и XVII вв., почему прежде у насъ не замѣчали своей отсталости и не могли повторить созидательнаго опыта своихъ близкихъ предковъ: русскіе люди XVII в. что ли оказались слабѣе нервами и скуднѣе духовными силами сравнительно со своими дѣдами, людьми XVI в., или религіозно-нравственная самоувѣренность отцовъ подорвала духовную энергію дѣтей? Всего вѣроятнѣе, разница произошла отъ того, что измѣнилось наше отношеніе къ западноевропейскому міру. Тамъ въ XVI и XVII вв. на развалинахъ феодальнаго порядка создались большія централизо-

ванныя государства; одновременно съ этимъ и народный трудъ вышелъ изъ тѣсной сферы феодальнаго поземельнаго хозяйства, въ которую онъ былъ насильственно заключенъ прежде. Благодаря географическимъ открытіямъ и техническимъ изобрѣтеніямъ ему открылся широкій просторъ для дѣятельности, и онъ началъ усиленно работать на новыхъ поприщахъ и новымъ капиталомъ, городскимъ или торгово-промышленнымъ, который вступилъ въ успѣшное состязаніе съ капиталомъ феодальнымъ, землевладѣльческимъ. Оба эти факта, политическая централизація и городской, буржуазный индустріализмъ, вели за собою значительные успѣхи съ одной стороны въ развитіи техники административной, финансовой и военной, въ устройствѣ постоянныхъ армій, въ новой организаціи налоговъ, въ развитіи теорій народнаго и государственнаго хозяйства, а съ другой — успѣхи въ развитіи техники экономической, въ созданіи торговыхъ флотовъ, въ развитіи фабричной промышленности, въ устройствѣ торговаго сбыта и кредита. Россія не участвовала во всѣхъ этихъ успѣхахъ, тратя свои силы и средства на внѣшнюю оборону и на кормленіе двора, правительства, привилегированныхъ классовъ съ духовенствомъ включительно, ничего не дѣлавшихъ и неспособныхъ что-либо сдѣлать для экономическаго и духовнаго развитія народа. Потому въ XVII в. она оказалась болѣе отсталой отъ Запада, чѣмъ была въ началѣ XVI в. Итакъ западное вліяніе вышло изъ чувства національнаго безсилія, а источникомъ этого чувства была все очевиднѣе вскрывавшаяся въ войнахъ, въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ торговомъ обмѣнѣ скудость собственныхъ матеріальныхъ и духовныхъ средствъ передъ западно-европейскими, что вело къ сознанію своей отсталости.

Западное вліяніе, проникая въ Россію, встрѣтилось здѣсь съ другимъ господствовавшимъ въ ней дотолѣ вліяніемъ Его отношеніе къ греческому.

восточнымъ, греческимъ или византійскимъ. Между обоими этими вліяніями можно замѣтить существенную разницу, и я теперь же сопоставлю ихъ, чтобы видѣть, что оставляло въ Россіи одно изъ нихъ и что приносило съ собою другое. Греческое вліяніе было принесено и проводилось Церковью и направлялось къ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ. Западное вліяніе проводилось государствомъ и призвано было первоначально для удовлетворенія его матеріальныхъ потребностей, но не удержалось въ этой своей сферѣ, какъ держалось греческое въ своей. Византійское вліяніе далеко не захватывало всѣхъ сторонъ русской жизни: оно руководило лишь религіозно-нравственнымъ бытомъ народа, снабжало украшеніями и поддерживало туземную государственную власть, но давало мало указаній въ дѣлѣ государственнаго устроенія, внесло нѣсколько нормъ въ гражданское право, именно въ семейныя отношенія, слабо отражалось въ ежедневномъ житейскомъ обиходѣ и еще слабѣе въ народномъ хозяйствѣ, регулировало праздничное настроеніе и времяпровожденіе и то лишь до конца обѣдни, но мало увеличило запасъ положительныхъ знаній, не оставило замѣтныхъ слѣдовъ въ будничныхъ привычкахъ и понятіяхъ народа, предоставивъ во всемъ этомъ свободный просторъ самобытному національному творчеству или первобытному невѣжеству. Но не захватывая всего человѣка, не лишая его туземныхъ національныхъ особенностей, его самобытности, оно зато въ своей сферѣ захватывало все общество сверху донизу, проникало съ одинаковой силой во всѣ его классы; оно и сообщало такую духовную цельность древнерусскому обществу. Напротивъ, западное вліяніе постепенно проникало во всѣ сферы жизни, измѣняя понятія и отношенія, напирая одинаково сильно на государственный порядокъ, на общественный и будничный бытъ, внося новыя полити-

ческія идеи, гражданскія требованія, формы общежитія, новыя области знанія, передѣлывая костюмъ, нравы, привычки и вѣрованія, перелицовывая наружный видъ и перестраивая духовный складъ русскаго человѣка. Однако, захватывая всего человѣка, какъ личность и какъ гражданина, оно по крайней мѣрѣ доселѣ не успѣло захватить всего общества: съ такой поглощающей силой оно подѣйствовало лишь на тонкій, вѣчно подвижной и тревожный слой, который лежитъ на поверхности нашего общества. Итакъ греческое вліяніе было церковное, западное — государственное. Греческое вліяніе захватывало все общество, не захватывая всего человѣка; западное захватывало всего человѣка, не захватывая всего общества.

Встрѣчей и борьбой этихъ двухъ вліяній порождены два направленія въ умственной жизни русскаго общества, два взгляда на культурное положеніе нашего народа. Развиваясь и осложняясь, мѣняя цвѣта, названія и пріемы дѣйствія, оба направленія проходятъ двумя параллельными струями въ нашей исторіи. То скрываясь куда-то, то выступая наружу, какъ рѣчки въ песчаной пустынѣ, они всего болѣе оживляютъ вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной дѣятельностью, какая съ нѣкоторыми свѣтлыми перерывами томительно длилась до половины XIX в. Впервые оба направленія обозначились во второй половинѣ XVII в. въ вопросѣ о времени пресуществленія св. даровъ и въ тѣсно связанномъ съ нимъ спорѣ о сравнительной пользѣ изученія языковъ греческаго и латинскаго, такъ что приверженцевъ обоихъ направленій можно было бы назвать эллинистами и латинистами. Во второй половинѣ XVIII в. яблоко раздора бросила въ русское общество французская просвѣтительная литература въ связи съ вопросомъ о зна- Два направленія.

ченіи реформы Петра, о самобытномъ національномъ развитіи. Националисты-самобытники называли себя люборуссами, а противниковъ корили кличками русскихъ полуфранцузовъ, галломановъ, вольнодумцевъ, чаще всего вольтерьянцевъ. Лѣтъ 70 тому назадъ приверженцы одного взгляда получили названіе западниковъ; сторонниковъ другого прозвали славянофилами. Можно такъ выразить сущность обоихъ взглядовъ на этой послѣдней стадіи ихъ развитія. Западники учили: по основамъ своей культуры мы — европейцы, только младшіе по историческому своему возрасту, и потому должны итти путемъ, пройденнымъ нашими старшими культурными братьями, западными европейцами, усвояя плоды ихъ цивилизаціи. Да, возражали славянофилы, мы — европейцы, но восточные, имѣемъ свои самородныя начала жизни, которыя и обязаны разрабатывать собственными усиліями, не идя на привязи у западной Европы. Россія не ученица и не спутница, даже не соперница Европы: она — ея преемница. Россія и Европа — это смежные всеміpно-историческіе моменты, двѣ преемственныя стадіи культурнаго развитія человѣчества. Усѣянная монументами — позволяю себѣ слегка пародировать обычный, нѣсколько приподнятый тонъ славянофиловъ, — усѣянная монументами западная Европа — обширное кладбище, гдѣ подъ нарядными мраморными памятниками спятъ великіе покойники минувшаго; лѣсная и степная Россія — неопрятная деревенская люлька, въ которой безпокойно возится и безпомощно кричитъ міровое будущее. Европа отживаетъ, Россія только начинаетъ жить, и такъ какъ ей придется жить послѣ Европы, то ей надо умѣть жить безъ нея, своимъ умомъ, своими началами, грядущими на смѣну отживающимъ началамъ европейской жизни, чтобы озарить міръ новымъ свѣтомъ. Значитъ, наша историческая моло-

дость обязываетъ насъ не къ подражанію, не къ заимствованію плодовъ чужихъ культурныхъ усилій, а къ самостоятельной работѣ надъ принципами собственной исторической жизни, сокрытыми въ глубинѣ нашего народнаго духа и еще не изношенными человѣчествомъ. Итакъ оба взгляда не только различно смотрятъ на историческое положеніе Россіи въ Европѣ, но и указываютъ ей различные пути историческаго движенія. Теперь не время предпринимать оцѣнку этихъ взглядовъ, разбирать, каково историческое назначеніе Россіи, суждено ли ей стать свѣтомъ Востока, или оставаться только тѣнью Запада. Мимоходомъ можно отмѣтить привлекательныя особенности обоихъ направленій. Западники отличались дисциплиной мысли, любовью къ точному изученію, уваженіемъ къ научному знанію; славянофилы подкупали широкой размашистостью идей, бодрой вѣрой въ народныя силы и той струйкой лирической діалектики, которая такъ мило прикрывала въ нихъ промахи логики и прорѣхи эрудиціи. Я изложилъ оба взгляда въ ихъ окончательномъ складѣ, осложненномъ разными туземными и сторонними примѣсями предпрошлаго и прошлаго вѣка. Моя задача отмѣтить минуту ихъ зарожденія и ихъ первоначальный незатѣйливый видъ. Напрасно ведутъ ихъ съ реформы Петра: они родились въ головахъ людей XVII в. и именно людей, переживших Смуту. Можетъ-быть, зарожденіе этихъ направленій подмѣтилъ дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, написавшій въ началѣ царствованія Михаила *Временникъ*, т.-е. записки о своемъ времени, начиная съ царствованія Ивана Грознаго. Это очень умный наблюдатель: у него есть идеи и принципы. Онъ — политическій консерваторъ: несчастіе своего времени онъ объясняетъ измѣной старинѣ, разрушеніемъ древнихъ законныхъ установленій, отчего русскіе люди

начали вертѣться точно колесо; онъ горько жалуется на отсутствіе въ русскомъ обществѣ мужественной крѣпости, на неспособность его дружнымъ отпоромъ помѣшать какому-нибудь произвольному или незаконному нововведенію. Русскіе не вѣрятъ другъ другу, поворачиваются каждый спиною къ другому: одни смотрятъ на востокъ, другіе — на западъ. Да, такъ у него и сказано на его вычурномъ языкѣ: „мы другъ друзѣ любовнымъ союзомъ растояхомся, къ себѣ кождо насъ хребты обращахомся — овіи къ востоку зрятъ, овіи же къ западу". Что это, удачное ли выраженіе, или мѣткое наблюденіе, — я сказать не умѣю; во всякомъ случаѣ во второе десятилѣтіе XVII в., когда писалъ Тимоѳеевъ, западничество у насъ было больше выходкой отдѣльныхъ чудаковъ, подобныхъ кн. Хворостинину, чѣмъ обдуманнымъ общественнымъ движеніемъ. Во всякомъ обществѣ всегда найдутся чуткіе люди, которые раньше другихъ начинаютъ думать и дѣлать то, что потомъ будутъ думать и дѣлать всѣ, не сознавая, почему они начинаютъ такъ думать и дѣлать, какъ есть болѣзненно-чуткіе люди, которые предчувствуютъ перемѣну погоды раньше, чѣмъ здоровые замѣтятъ ея наступленіе.

Постепенность вліянія.

Теперь познакомимся съ первыми проявленіями западнаго вліянія. Это вліяніе, насколько оно воспринималось и проводилось правительствомъ, развивалось довольно послѣдовательно, постепенно расширяя поле своего дѣйствія. Эта послѣдовательность исходила изъ желанія, скорѣе изъ необходимости для правительства согласовать нужды государства, толкавшія въ сторону вліянія, съ народной психологіей и собственной косностью, отъ него отталкивавшими. Правительство стало обращаться къ иноземцамъ за содѣйствіемъ прежде всего для удовлетворенія наиболѣе насущныхъ матеріальныхъ своихъ потребностей, касавшихся

обороны страны, военнаго дѣла, въ чемъ особенно больно чувствовалась отсталость. Оно брало изъ-за границы военныя, а потомъ и другія техническія усовершенствованія нехотя, не заглядывая далеко впередъ, въ возможныя послѣдствія своихъ начинаній и не допытываясь, какими усиліями западно-европейскій умъ достигъ такихъ техническихъ успѣховъ и какой взглядъ на міозданіе и на задачи бытія направлялъ эти усилія. Понадобились пушки, ружья, машины, корабли, мастерства. Въ Москвѣ рѣшили, что всѣ эти предметы безопасны для душевнаго спасенія, и даже обученіе всѣмъ этимъ хитростямъ было признано дѣломъ безвреднымъ и безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи: вѣдь и церковный уставъ допускаетъ въ случаѣ нужды отступленіе отъ каноническихъ предписаній въ подробностяхъ ежедневнаго обихода. Зато въ завѣтной области чувствъ, понятій, вѣрованій, гдѣ господствуютъ высшіе, руководящіе интересы жизни, рѣшено было не уступать иноземному вліянію ни одной пяди.

Этой осторожной уступкѣ русская армія XVII в. обязана была важными нововведеніями, русская обрабатывающая промышленность своими первыми успѣхами. Не разъ горькимъ опытомъ извѣдана была несостоятельность нашей конной дворянской милиціи при встрѣчѣ съ регулярной пѣхотой Запада, обученной строю и вооруженной огнестрѣльнымъ боемъ. Уже съ конца XVI в. Московское правительство начало восполнять свои рати иноземными боевыми силами. Сначала думали пользоваться боевой техникой Запада непосредственно, нанимая иноземныхъ ратниковъ и выписывая изъ-за границы боевые снаряды. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Михаила правительство посылаетъ въ походы вмѣстѣ съ туземной ратью наемные отряды, однимъ изъ которыхъ командовалъ выѣзжій англійскій князь Астонъ. Полки иноземнаго строя.

Потомъ сообразили, что выгоднѣе перенять боевой строй у иноземцевъ, чѣмъ просто нанимать ихъ, и начали отдавать русскихъ ратныхъ людей на выучку иноземнымъ офицерамъ, образуя свои правильно устроенные и обученные полки. Этотъ трудный переходъ русской арміи къ регулярному строю предпринятъ былъ около 1630 г., передъ второй войной съ Польшей. Долго и хлопотливо съ осторожностью побитыхъ готовились къ этой войнѣ. Охотниковъ идти на московскую службу было на Западѣ вдоволь: въ странахъ, прямо или косвенно захваченныхъ Тридцатилѣтней войной, бродило много боевого люда, искавшаго работы для своей шпаги. Тамъ уже знали, что срокъ перемирія (Деулинскаго) у Москвы съ Польшей на исходѣ и — быть войнѣ. Въ 1631 г. наемный полковникъ Лесли подрядился набрать въ Швеціи пятитысячный отрядъ охочихъ пѣшихъ солдатъ, закупить для нихъ оружіе и подговорить нѣмецкихъ мастеровъ для новаго пушечнаго завода, устроеннаго въ Москвѣ голландцемъ Коэтомъ. Въ то же время другой подрядчикъ, полковникъ Фандамъ взялся нанять въ другихъ земляхъ *регименть* въ 1760 человѣкъ добрыхъ и ученыхъ солдатъ, также привести нѣмецкихъ пушкарей и опытныхъ инструкторовъ для обученія русскихъ служилыхъ людей ратному дѣлу. Иноземная воинская техника обходилась Москвѣ не дешево: на подъемъ, вооруженіе и годовое содержаніе Фандамова полка понадобилось до полутора милл. рублей на наши деньги; командиру пѣхотнаго полка, нанятаго Лесли, по контракту назначено было въ годъ жалованья не менѣе 22 тыс. руб. въ годъ на наши деньги. Наконецъ, въ 1632 г. двинули подъ Смоленскъ 32 тысячи войска съ 158 орудіями. Въ составъ этого корпуса входили 6 пѣхотныхъ полковъ иноземнаго строя подъ начальствомъ наемныхъ полковниковъ. Въ этихъ полкахъ

числилось болѣе $1^1/_2$ тыс. наемныхъ нѣмцевъ и до 13 тыс. русскихъ солдатъ иноземнаго строя. Современный русскій хронографъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что никогда въ русской рати не бывало столько пѣхоты съ огнестрѣльнымъ вооруженіемъ, съ „огненнымъ боемъ“, и именно русской пѣхоты, обученной солдатскому строю и бою. Неудача всѣхъ этихъ приготовленій подъ Смоленскомъ не остановила реорганизаціи войска, дальнѣйшій ходъ которой намъ уже извѣстенъ. Для ея упроченія еще при царѣ Михаилѣ былъ составленъ уставъ для обученія ратныхъ людей иноземному строю, напечатанный при царѣ Алексѣѣ въ 1647 г. подъ заглавіемъ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей.*

Заведеніе полурегулярнаго войска само собою возбуждало вопросъ о средствахъ его вооруженія. Оружіе и артиллерійскіе снаряды выписывались изъ-за границы. Передъ войной 1632 г. велѣно было полковнику Лесли закупить въ Швеціи 10 тыс. мушкетовъ для арміи съ зарядами и 5 тыс. шпагъ, а во время войны выписывали изъ Голландіи десятки тысячъ пудовъ пороха и желѣзныхъ ядеръ, платя большую пошлину. Это было дорого и хлопотливо; стали думать о выдѣлкѣ собственнаго оружія. Нужда въ оружейныхъ заводахъ заставила обратить вниманіе на минеральныя богатства страны. У насъ вырабатывалось желѣзо въ окрестностяхъ Тулы и Устюжны изъ мѣстныхъ рудъ; это желѣзо передѣлывалось на домашнихъ горнахъ въ гвозди и другіе предметы домашняго обихода; въ Тулѣ выдѣлывали даже оружіе, самопалы, т.-е. ружья. Но все это не удовлетворяло нуждъ военнаго вѣдомства, и желѣзо тысячами пудовъ выписывалось изъ Швеціи. Чтобы повести металлургическое дѣло въ болѣе широкихъ размѣрахъ, нужно было призвать на помощь иноземные знанія и капиталы. Тогда и начались Заводы.

усиленные поиски всякой руды и принялись вызывать изъ-за границы „рудознатцевъ“, горныхъ инженеровъ и мастеровъ. Уже въ 1626 г. разрѣшенъ былъ свободный пріѣздъ въ Россію англійскому инженеру Бульмерру, который „своимъ ремесломъ и разумомъ знаетъ и умѣетъ находить руду золотую и серебряную и мѣдную и дорогое каменье и мѣста такія знаетъ достаточно“. Съ помощью выписныхъ мастеровъ снаряжались развѣдочныя экспедиціи для разысканія и разработки серебряной и всякой иной руды въ Соликамскъ, на Сѣверную Двину, Мезень, на Канинъ Носъ, на Югорскій Шаръ, за Печору, къ рѣкѣ Косвѣ, даже въ Енисейскъ. Въ 1634 г. посылали въ Саксонію и Брауншвейгъ нанимать мѣдиплавильныхъ мастеровъ съ обѣщаніемъ, что „имъ мѣди будетъ дѣлать въ Московскомъ государствѣ много“: значитъ, успѣли найти обильныя залежи мѣдной руды. Нашлись и заводчики, иноземные капиталисты. Въ 1632 г., передъ самой войной съ Польшей, голландскій купецъ Андрей Виніусъ съ товарищами получилъ концессію на устройство заводовъ близъ Тулы для выдѣлки чугуна и желѣза, обязавшись приготовлять для казны по удешевленнымъ цѣнамъ пушки, ядра, ружейные стволы и всякое желѣзо. Такъ возникли тульскіе оружейные заводы, послѣ взятые въ казну. Чтобы обезпечить ихъ рабочими, къ нимъ приписана была цѣлая дворцовая волость: такъ положено было начало классу заводскихъ крестьянъ. Въ 1644 г. другой компаніи иноземцевъ съ гамбургскимъ купцомъ Марселисомъ во главѣ дана была 20-лѣтняя концессія на устройство желѣзодѣлательныхъ заводовъ по рѣкамъ Вагѣ, Костромѣ, Шекснѣ и въ другихъ мѣстахъ на такихъ же условіяхъ. Въ самой Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ былъ на Поганомъ прудѣ при рѣкѣ Неглинной заводъ, на которомъ иноземные мастера отливали большое

количество пушекъ и колоколовъ; здѣсь и русскіе довольно хорошо выучивались литейному дѣлу. Заводчикамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность русскихъ людей, отданныхъ имъ на выучку, учить всякому заводскому дѣлу и никакого мастерства отъ нихъ не скрывать. Въ одно время съ желѣзными строились заводы поташные, стеклянные и другіе. Вслѣдъ за рудознатцами потянулись въ Москву изъ-за границы по зову правительства мастера пушечные, бархатнаго, капительнаго, часового дѣла и „водяного взвода", каменщики, литейщики, живописцы: трудно сказать, какихъ только мастеровъ не выписывала тогда Москва и все съ условіемъ: „нашего бъ государства люди то ремесло переняли". Понадобился даже западно-европейскій ученый: магистръ лейпцигскаго университета Адамъ Олеарій, нѣсколько разъ бывавшій въ Москвѣ въ должности секретаря голштинскаго посольства и составившій замѣчательное описаніе Московскаго государства, въ 1639 г. получилъ приглашеніе на царскую службу въ такихъ выраженіяхъ: „вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрологіи и географусъ и небеснаго бѣгу и землемѣрію и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ таковъ мастеръ годенъ". По Москвѣ пошли враждебные толки, что скоро пріѣдетъ волшебникъ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее, и Олеарій отклонилъ предложеніе. На Западѣ люди и государства богатѣли широкой морской торговлей, которая велась многочисленными торговыми флотами. Мысли о флотѣ, о гаваняхъ, о морской торговлѣ начали сильно занимать и московское правительство уже съ половины XVII в.: помышляли нанять въ Голландіи корабельныхъ плотниковъ и людей, которые могли бы управлять морскими кораблями; помянутый нами купецъ Виніусъ предлагалъ построить гребной флотъ для

Помыслы о флотѣ.

Каспійскаго моря. Въ 1669 г. на Окѣ, въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Дѣдиновѣ построили для Каспійскаго моря корабль *Орелъ*, вызвавъ для того корабельныхъ мастеровъ изъ Голландіи. Корабль съ нѣсколькими мелкими судами обошелся въ 9 тыс. рублей, около 125 тыс. руб. на наши деньги, и былъ спущенъ къ Астрахани; но тамъ этотъ первенецъ русскаго флота, какъ извѣстно, въ 1670 г. былъ сожженъ Разинымъ. Въ Московскомъ государствѣ были гавани на Бѣломъ морѣ у Архангельста, на Мурманѣ въ устьѣ Колы, но слишкомъ удаленныя отъ Москвы и отъ западно-европейскихъ рынковъ; отъ Балтійскаго моря мы были отрѣзаны шведами. Въ Москвѣ возникаетъ своеобразная мысль взять напрокатъ для будущаго московскаго флота чужія гавани. Въ 1662 г. московскій посолъ проѣздомъ въ Англію много говорилъ съ курляндскимъ канцлеромъ, нельзя ли какъ-нибудь завести московскіе корабли въ курляндскихъ гаваняхъ. Курляндскій канцлеръ отвѣтилъ, что великому государю пристойнѣе заводить корабли у своего города Архангельска.

Мысль о народномъ хозяйствѣ. Среди всей этой заводской и рудокопной хлопотни въ московскомъ правительствѣ начинаетъ какъ будто пробиваться мысль, особенно трудно ему дававшаяся. Оно строило свое финансовое хозяйство исключительно на узко-фискальномъ разсчетѣ, знало только казенную прибыль и не хотѣло имѣть никакого понятія о народномъ хозяйствѣ. При новомъ расходѣ, не покрываемомъ наличными поступленіями, оно обращалось къ своей привычной финансовой ариѳметикѣ, пересчитывало списочныхъ плательщиковъ, по ихъ числу распредѣляло „всвалъ" понадобившуюся сумму и предписывало собрать ее съ угрозами за недоборъ въ видѣ единовременнаго „запроса" или постояннаго налога, предоставляя плательщикамъ верстаться между собою, какъ знаютъ,

и добывать деньги для платежа, какъ умѣютъ. Недоимки и докучливыя жалобы, что платить невмочь, служили единственными сдержками такой безпечальной финансовой политики. Увеличивая налоги, правительство не принимало никакихъ мѣръ къ усиленію налогоспособности народнаго труда. Однако наблюденія надъ торгово-промышленной оборотливостью и мастеровымъ умѣньемъ иноземцевъ и настойчивыя указанія своихъ торговыхъ людей, внушенныя такими же наблюденіями, постепенно вовлекали московскихъ финансистовъ въ кругъ незнакомыхъ имъ народно-хозяйственныхъ понятій и отношеній и противъ ихъ воли расширяли ихъ правительственный кругозоръ, навязывали имъ трудныя для ихъ умовъ мысли, что возвышенію налоговъ долженъ предшествовать подъемъ производительности народнаго труда, а для того онъ долженъ быть направленъ на новыя доходныя производства, па открытіе и разработку втунѣ лежащихъ богатствъ страны, для чего нужны мастера, знанія, навыки, организація дѣла. Такіе помыслы — первое впечатлѣніе, произведенное западнымъ вліяніемъ на московское правительство и нашедшее себѣ отзвукъ и въ обществѣ. Вызванныя имъ правительственныя хлопоты, поиски руды, корабельныхъ лѣсовъ, мѣстъ для соловаренъ, устройство лѣсопильныхъ заводовъ, опросы обывателей о вѣдомыхъ имъ прибыльныхъ угодьяхъ, возбуждали населеніе видами на новый заработокъ и государево жалованье за указанія. Людямъ, указывавшимъ выгодное рудное мѣсторожденіе, обѣщали награду рублей въ 500, 1000 и больше на наши деньги. Донесутъ въ Москву о большой алебастровой горѣ на С. Двинѣ — изъ Москвы шлютъ экспедицію съ нѣмцемъ во главѣ осмотрѣть и описать гору, договориться съ торговыми людьми, почемъ можно продать за море пудъ алебастру, нанять рабочихъ для ломки камня. Пошли слухи и толки,

что наверху жалуютъ за всякую полезную новость, какую кто найдетъ или придумаетъ. Когда въ обществѣ возникаетъ стремленіе, отвѣчающее насущной потребности, оно овладѣваетъ людьми, какъ мода или эпидемія, волнуетъ наиболѣе воспріимчивыя воображенія и вызываетъ болѣзненныя увлеченія или рискованныя предпріятія. Устройство внѣшней обороны страны, открытія и изобрѣтенія для ея усиленія стали животрепещущими вопросами со времени народныхъ потерь и униженій, причиненныхъ иноземцами въ Смуту. Въ 1629 г. тверской попъ Несторъ подалъ царю челобитную съ извѣщеніемъ „о великомъ дѣлѣ, какого Богъ не открывалъ еще никому изъ прежде жившихъ людей ни у насъ, ни въ другихъ государствахъ, но которое Онъ открылъ ему, попу Нестору, на славу государю и на избавленіе нашей огорченной землѣ, па страхъ и удивленіе ея супостатамъ". Обѣщалъ попъ Несторъ состроить государю дешево походный городокъ, въ которомъ ратные люди могутъ защищаться, какъ въ настоящей неподвижной крѣпости. Напрасно бояре упрашивали изобрѣтателя сдѣлать модель или чертежъ придуманнаго имъ подвижного редута, чтобы показать его государю. Попъ объявилъ, что не видавъ государевыхъ очей, ничего не скажетъ, потому что не вѣритъ боярамъ. Его сослали въ Казань и три года продержали тамъ въ монастырѣ въ цѣпяхъ за то, что сказываетъ за собою великое дѣло, а цѣла пе объявляетъ и дѣлаетъ это какъ будто для смуты, не въ своемъ разумѣ.

Такъ московское правительство и общество почувствовали настоятельную нужду въ военной и промышленной техникѣ западной Европы, даже рѣшимость поучиться той и другой. Можетъ-быть, въ первое время ничего кромѣ этой техники и не требовалось насущными потребностями государства; но общественное движеніе, разъ возбужденное извѣстнымъ

толчкомъ, обыкновенно на самомъ ходу осложняется новыми мотивами, влекущими его дальше намѣченнаго предѣла.

Усиленный спросъ привлекъ въ Москву множество иноземныхъ техниковъ, офицеровъ и солдатъ, врачей, мастеровъ, купцовъ, заводчиковъ. Еще въ XVI в. при Грозномъ изъ западно-европейскихъ пришельцевъ образовалась подъ Москвой по р. Яузѣ Нѣмецкая слобода. Бури Смутнаго времени разметали это иноземное гнѣздо. Съ воцаренія Михаила, когда усилился приливъ иноземцевъ въ столицу, они селились здѣсь гдѣ ни попало, покупая дворы у туземцевъ, заводили пивныя, построили кирки внутри города. Тѣсное соприкосновеніе пришельцевъ съ туземцами, соблазны и столкновенія, отсюда возникавшія, жалобы московскаго духовенства на сосѣдство кирокъ съ русскими церквами смущали московскія власти, и при царѣ Михаилѣ былъ изданъ указъ, воспрещавшій нѣмцамъ покупать дворы у москвичей и строить кирки внутри Москвы. Олеарій разсказываетъ объ одномъ изъ случаевъ, вынуждавшихъ у правительства мѣры къ разобщенію москвичей и иноземцевъ. Жены нѣмецкихъ офицеровъ, взятыя изъ иноземныхъ купеческихъ семействъ въ Москвѣ, глядя свысока на простыхъ купчихъ, хотѣли и въ киркѣ садиться впереди ихъ; но тѣ не уступали, и разъ у нихъ завязался въ церкви съ офицершами споръ, перешедшій въ драку. Поднявшійся шумъ вышелъ на улицу и привлекъ къ себѣ вниманіе патріарха, на бѣду проѣзжавшаго въ это время мимо кирки. Узнавъ, въ чемъ дѣло, владыка, какъ блюститель церковнаго порядка и среди иновѣрцевъ, приказалъ сломать кирку, и она была въ тотъ же день срыта до основанія. Этотъ случай надобно отнести къ 1643 г., когда старыя кирки внутри Москвы указано было сломать и отведено было мѣсто для новой кирки за Землянымъ валомъ, а въ 1652 г. и всѣ нѣмцы, разсѣянные по Москвѣ, высе-

Новая Нѣмецкая слобода.

лены были изъ столицы за Покровку на р. Яузу и тамъ на мѣстѣ бывшихъ нѣкогда нѣмецкихъ дворовъ отведены были имъ участки по чину и званію каждаго. Такъ возникла новая Нѣмецкая или Иноземская слобода, скоро разросшаяся въ значительный и благоустроенный городокъ съ прямыми широкими улицами и переулками, съ красивыми деревянными домиками. По свѣдѣніямъ Олеарія, въ слободѣ уже въ первые годы ея существованія было до тысячи человѣкъ, а другой иноземецъ Мейербергъ, бывшій въ Москвѣ въ 1660 г., неопредѣленно говоритъ о множествѣ иностранцевъ въ слободѣ. Тамъ были три лютеранскія церкви, одна реформатская и нѣмецкая школа. Разноплеменное, разноязычное и разнозванное населеніе пользовалось достаткомъ и жило весело, не стѣсняемое въ своихъ обычаяхъ и нравахъ. Это былъ уголокъ западной Европы, пріютившійся на восточной окраинѣ Москвы.

Европейскій комфортъ. Это нѣмецкое поселеніе и стало проводникомъ западно-европейской культуры въ такихъ сферахъ московской жизни, гдѣ она еще не требовалась насущными матеріальными нуждами государства. Мастера, капиталисты и офицеры, которыхъ правительство выписывало для внѣшней обороны и для внутреннихъ хозяйственныхъ надобностей, вмѣстѣ со своей военной и промышленной техникой приносили въ Москву и западно-европейскій комфортъ, житейскія удобства и увеселенія, и любопытно слѣдить за московскими верхами, какъ они падко бросаются на иноземную роскошь, на привозныя приманки, ломая свои старые предубѣжденія, вкусы и привычки. Внѣшнія политическія отношенія, несомнѣнно, поддерживали эту наклонность къ иноземнымъ удобствамъ и развлеченіямъ. Частыя посольства, пріѣзжавшія въ Москву изъ-за границы, возбуждали здѣсь желаніе показаться иноземнымъ наблюдателямъ въ лучшемъ видѣ,

показать, что и здѣсь умѣютъ жить, какъ живутъ хорошіе люди. Притомъ, какъ извѣстно, царь Алексѣй считался нѣкоторое время кандидатомъ на польскій престолъ и старался устроить придворную жизнь у себя наподобіе польскаго королевскаго двора. Русскимъ посламъ, отправлявшимся заграницу, правительство наказывало внимательно присматриваться къ обстановкѣ и увеселеніямъ заграничныхъ дворовъ, и можно замѣтить, какое важное значеніе придавали эти послы въ своихъ дипломатическихъ донесеніяхъ придворнымъ баламъ и особенно спектаклямъ. Дворянинъ Лихачевъ, отправленный въ 1659 г. къ тосканскому герцогу съ дипломатическимъ порученіемъ, былъ приглашенъ во Флоренціи на придворный балъ со спектаклемъ. Въ посольскомъ донесеніи эта „игра" или „комедія" описана съ мелочными подробностями — знакъ, что такимъ дѣломъ интересовались въ Москвѣ. Москвичи старались не пропустить ни одной сцены, ни одной декораціи. „Объявилися палаты, и бывъ палата и внизъ уйдетъ, и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди ѣздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди... Да спущался съ неба на облакѣ сѣдъ человѣкъ въ коретѣ, да противъ его въ другой коретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки (рысаки) подъ коретами какъ есть живы, ногами подрягиваютъ. А князь сказалъ, что одно — солнце, а другое — мѣсяцъ... А въ иной перемѣнѣ объявилося человѣкъ съ 50 въ латахъ и почали саблями и шпагами рубитися и изъ пищалей стрѣляти и человѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ и танцуютъ; и многія диковинки дѣлали". Котошихинъ, описывая бытъ высшихъ московскихъ классовъ, говоритъ, что Московскаго государства люди „домами своими живутъ не-

гораздо устроенными", а въ домахъ своихъ живутъ „безъ великаго жъ устроенія", безъ особеннаго удобства и благолѣпія. На рисункахъ упомянутаго Мейерберга видимъ митропалита крутицкаго, ѣдущаго въ неуклюжихъ саняхъ, и наглухо закрытую кибитку, въ какой выѣзжала царица. Теперь, подражая иноземнымъ образцамъ, царь и бояре въ Москвѣ начинаютъ выѣзжать въ нарядныхъ нѣмецкихъ каретахъ, обитыхъ бархатомъ, съ хрустальными стеклами, украшенныхъ живописью; бояре и богатые купцы начинаютъ строить каменныя палаты на мѣсто плохихъ деревянныхъ хоромъ, заводятъ домашнюю обстановку на иноземный ладъ, обиваютъ стѣны „золотыми кожами" бельгійской работы, украшаютъ комнаты картинами, часами, которые царь Михаилъ, невольный домосѣдъ съ больными ногами, рѣшительно не знавшій, куда дѣвать свое время, такъ любилъ, что загромоздилъ ими свою комнату, заводятъ музыку на пирахъ: у царя Алексѣя во дворцѣ во время вечерняго стола „въ органы игралъ нѣмчинъ, въ трубы трубили и по литаврамъ били". Иноземное искусство призывалось украшать туземную грубость. Царь Алексѣй своему любимцу, воспитателю и потомъ свояку, боярину Б. И. Морозову подарилъ свадебную карету, обтянутую золотой парчою, подбитую дорогимъ соболемъ и окованную вездѣ вмѣсто желѣза чистымъ серебромъ; даже толстыя шины на колесахъ были серебряныя. Въ 1648 г., грабя домъ Морозова, мятежники ободрали и исковеркали эту драгоцѣнность. Тотъ же царь на помянутомъ вечернемъ пиру съ нѣмецкой музыкой жаловалъ своихъ гостей съ духовникомъ своимъ включительно, напоилъ всѣхъ допьяна; разъѣхались далеко за полночь. Московскимъ посламъ предписывалось подговаривать за границей на государеву службу трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, которые умѣли бы

со всякимъ свидѣтельствомъ на высокой трубѣ танцы трубить. При дворѣ и въ высшемъ кругу развивается страсть къ „комедійнымъ дѣйствамъ", театральнымъ зрѣлищамъ. Не безъ религіозной робости отважились въ Москвѣ на это увеселеніе, „бѣсовскую игру, пакость душевную", по воззрѣніямъ строгихъ блюстителей истаго благочестія. Царь Алексѣй совѣтовался объ этомъ съ духовникомъ, который разрѣшилъ ему театральныя зрѣлища, приводя въ оправданіе примѣры византійскихъ императоровъ. „Комедіи" играла на придворной сценѣ драматическая труппа, спѣшно набранная изъ дѣтей служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ и коекакъ обученная пасторомъ лютеранской церкви въ Нѣмецкой слободѣ магистромъ Іоганномъ Готфридомъ Грегори, которому царь въ 1672 г. на радости о рожденіи царевича Петра указалъ „учинить комедію". Для этого въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ, впослѣдствіи любимомъ мѣстѣ игръ Петра, построенъ былъ театръ, „комедійная хоромина". Здѣсь въ концѣ того года царь и смотрѣлъ поставленную пасторомъ комедію объ Эсѳири, такъ ему понравившуюся, что онъ пожаловалъ режиссера „за комедійное строеніе" соболями цѣной до 1500 руб. на наши деньги. Кромѣ Эсѳири Грегори ставилъ на царскомъ театрѣ еще Юдиѳь, „прохладную", т.-е. веселую комедію объ Іосифѣ, „жалостную" комедію объ Адамѣ и Евѣ, т.-е. о паденіи и искупленіи человѣка и др. Несмотря на библейскіе сюжеты, это были не средневѣковыя нравоучительныя мистеріи, а переводныя съ нѣмецкаго пьесы новаго пошиба, поражавшія зрителя страшными сценами казней, сраженій, пушечной пальбой, и вмѣстѣ съ тѣмъ (за исключеніемъ трагедіи объ Адамѣ и Евѣ) смѣшившія примѣсью комическаго, точнѣе, балаганнаго элемента въ лицѣ шута, необходимаго персонажа такой пьесы, съ грубыми, часто непристойными выход-

ками. Спѣшили заготовить и своихъ природныхъ актеровъ. Въ 1673 г. у Грегори уже училось комедійному дѣлу 26 молодыхъ людей, набранныхъ въ комедіанты изъ московской Новомѣщанской слободы. Не успѣли еще завести элементарной школы грамотности, а уже поспѣшили устроить театральное училище. Отъ комедій съ библейскимъ содержаніемъ скоро перешли и къ балету: въ 1674 г. на заговѣньѣ царь съ царицей, дѣтьми и боярами смотрѣли въ Преображенскомъ комедію, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, послѣ чего нѣмцы и дворовые люди министра иностранныхъ дѣлъ Матвѣева, также обучавшіеся у Грегори театральному искусству, играли на „фіоляхъ, органахъ и на страментахъ и танцовали". Всѣ эти новости и увеселенія, повторю, были роскошью для высшаго московскаго общества; зато они воспитывали въ немъ новые болѣе утонченные вкусы и потребности, незнакомые русскимъ людямъ прежнихъ поколѣній. Остановится ли московское общество на этихъ удобствахъ и увеселеніяхъ, которыя оно столь нетѣрпиливо заимствовало?

Мысль о научномъ знаніи.

На Западѣ житейскія удобства и изящныя развлеченія имѣли источникомъ не одно счастливое экономическое положеніе зажиточныхъ и досужихъ классовъ общества, не однѣ прихоти ихъ избалованнаго вкуса: въ созданіи этого комфорта участвовали продолжительныя духовныя усилія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ; внѣшнія украшенія жизни развивались тамъ объ руку съ успѣхами мысли и чувства. Человѣкъ стремится создать себѣ житейскую обстановку, соотвѣтствующую его вкусамъ и взгляду на жизнь; но нужно много подумать и о своихъ вкусахъ, и о самой жизни, чтобы правильно установить это соотвѣтствіе. Заимствуя чужую обстановку, невольно и нечувствительно усвояемъ вкусы и понятія, ее

создавшіе; безъ того самая обстановка покажется безвкусной и непонятной. Наши предки XVII в. думали иначе: первоначально, заимствуя западно-европейскій комфортъ, они думали, что имъ не понадобится усвоять чужія знанія и понятія, не придется отказываться отъ своихъ. Въ этомъ состояла ихъ простодушная ошибка, въ какую впадаютъ всѣ мнительные и запоздалые подражатели. Въ Москвѣ XVII в., бросаясь на заморскія приманки, такъ же стали понемногу и смутно чувствовать тѣ духовные интересы и усилія, которыми онѣ были созданы, и полюбили эти интересы и усилія, прежде чѣмъ уяснили себѣ ихъ отношеніе къ доморощеннымъ понятіямъ и вкусамъ, полюбили ихъ сперва тоже какъ житейское развлеченіе, какъ пріятный и еще неиспытанный моціонъ засидѣвшейся на Требникѣ мысли. Въ одно время съ заимствованіемъ иноземныхъ потѣшныхъ „хитростей" и увеселительныхъ „вымысловъ" въ высшихъ московскихъ кругахъ какъ будто пробуждается умственная любознательность, интересъ къ научному образованію, охота къ размышленію о такихъ предметахъ, которые не входили въ обычный кругозоръ древнерусскаго человѣка, въ кругъ его ежедневныхъ насущныхъ потребностей. При дворѣ составляется кружокъ вліятельныхъ любителей западно-европейскаго комфорта и даже образованія: дядя царя Алексѣя, ласковый и веселый Никита Ив. Романовъ, первый богачъ послѣ царя и самый популярный изъ бояръ, покровитель и любитель нѣмцевъ, большой охотникъ до ихъ музыки и костюма и немножко вольнодумецъ; потомъ воспитатель и своякъ царя Бор. Ив. Морозовъ, въ преклонныхъ лѣтахъ горько жаловавшійся на то, что въ молодости не получилъ надлежащаго образованія, одѣвшій своего питомца съ состоявшими при немъ сверстниками въ нѣмецкое платье; околь-

ничій Өед. Мих. Ртищевъ, ревнитель наукъ и школьнаго образованія; начальникъ Посольскаго приказа, образованный дипломатъ Аө. Лавр. Ординъ-Нащокинъ; его преемникъ, бояринъ Артам. Серг. Матвѣевъ, дьячій сынъ, другой любимецъ царя, первый москвичъ, открывшій въ своемъ поевропейски убранномъ домѣ нѣчто въ родѣ журфиксовъ, собранія съ цѣлью поговорить, обмѣняться мыслями и новостями, съ участіемъ хозяйки и безъ попоекъ, устроитель придворнаго театра. Такъ нечувствительно измѣнялось отношеніе русскаго общества къ западной Европѣ: прежде на нее смотрѣли только какъ на мастерскую военныхъ и другихъ издѣлій, которыя можно купить, не спрашивая, какъ они дѣлаются; теперь сталъ устанавливаться взглядъ на нее, какъ на школу, въ которой можно научиться не только мастерствамъ, но и умѣнью жить и мыслить.

Первые проводники зап. вліянія.

Но древняя Русь и здѣсь не измѣнила своей обычной осторожности: она не рѣшалась заимствовать западное образованіе прямо изъ его мѣсторожденій, отъ его мастеровъ и работниковъ, а искала посредниковъ, которые могли бы передать ей это образованіе въ обезвреженной переработкѣ. Кто же могъ стать такимъ посредникомъ? Между старой Московской Русью и западной Европой лежала страна славянская, но католическая — Польша. Церковное родство и географическое сосѣдство связали ее съ романо-германской Европой, а раннее и несдержанное развитіе крѣпостного права въ связи съ политической свободой высшихъ классовъ сдѣлало польское дворянство праздной и воспріимчивой почвой для западнаго образованія; но особенности страны и національнаго характера сообщили своеобразный мѣстный пошибъ заимствованной культурѣ. Замкнутая въ кругу одного сословія, пользовавшагося исключительнымъ господствомъ въ государствѣ,

она воспитывала живое и веселое, но узкое и распущенное міросозерцаніе. Эта Польша и была первой передатчицей духовнаго вліянія западной Европы на Русь: западно-европейская цивилизація въ XVII в. приходила въ Москву прежде всего въ польской обработкѣ, въ шляхетской одеждѣ. Впрочемъ сначала даже не чистый полякъ приносилъ ее къ намъ. Значительная часть православной Руси была связана съ польской Рѣчью Посполитой насильственными политическими узами. Національная и религіозная борьба западно-русскаго православнаго общества съ польскимъ государствомъ и римскимъ католицизмомъ заставляла русскихъ борцовъ обращаться къ оружію, которымъ была сильна противная сторона, къ школѣ, къ литературѣ, къ латинскому языку; во всемъ этомъ западная Русь къ половинѣ XVII в. далеко опередила восточную. Западно-русскій православный монахъ, выученный въ школѣ латинской или въ русской, устроенной по ея образцу, и былъ первымъ проводникомъ западной науки, призваннымъ въ Москву.

Этотъ призывъ начатъ былъ самимъ московскимъ правительствомъ. Здѣсь западное вліяніе встрѣтилось съ движеніемъ, шедшимъ съ другой стороны. Изучая происхожденіе русскаго церковнаго раскола, мы увидимъ, что это движеніе было вызвано нуждами русской Церкви и частію направлялось даже противъ западнаго вліянія; но противныя стороны сошлись на одномъ общемъ интересѣ, на просвѣщеніи, и временно подали другъ другу руки для совмѣстной дѣятельности. Въ древнерусской письменности не было полнаго и исправнаго кодекса библіи. Русская церковная іерархія, поднимавшая такой чуть не вселенскій догматическій шумъ изъ-за вопросовъ объ аллилуіи и о секуляризаціи монастырскихъ земель, на протяженіи вѣковъ Е. Славинецкій и А. Сатановскій.

довольно спокойно обходилась безъ полнаго и исправнаго текста слова Божія. Въ половинѣ XVII в. (1649—1650 гг.) въ Москву выписали изъ Кіева изъ тамошней академіи при Братскомъ монастырѣ и изъ Печерской лавры ученыхъ монаховъ Епифанія Славинецкаго, Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, поручивъ имъ перевести библію съ греческаго языка на славянскій. Кіевскіе ученые вознаграждались умѣреннѣе нѣмецкихъ наемныхъ офицеровъ: Епифанію съ Арсеніемъ положено было поденнаго корму по 4 алтына, около 600 руб. въ годъ на наши деньги, не считая дарового помѣщенія въ Чудовомъ монастырѣ со столомъ и добавочнымъ питьемъ изъ дворца по 2 чарки вина да по 4 кружки меду и пива на день; впрочемъ потомъ денежный окладъ былъ удвоенъ. Выписанные ученые кромѣ исполненія главнаго заказаннаго имъ дѣла должны были удовлетворять и другимъ потребностямъ московскаго правительства и общества. По заказамъ царя или патріарха они составляли и переводили разныя образовательныя пособія и энциклопедическіе сборники, географіи, космографіи, лексиконы; всѣ такія книги стали бойко спрашиваться московскимъ читающимъ обществомъ, особенно при дворѣ и въ Посольскомъ приказѣ; такія же книги выписывали черезъ русскихъ пословъ и изъ-за границы, изъ Польши. Епифаній перевелъ географію, *Книгу врачевскую анатомію*, *Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ*, т.-е. сочиненіе о политикѣ и педагогіи. Сатановскій перевелъ книгу *О градѣ царскомъ*, сборникъ всякой всячины, составленный изъ греческихъ и латинскихъ писателей, языческихъ и христіанскихъ, и обнимавшій весь кругъ тогдашнихъ ходячихъ познаній по всевозможнымъ наукамъ, начиная богословіемъ и философіей и кончая зоологіей, минералогіей и медициной. Пользовались всякими литера-

турными силами, попадавшимися подъ руку, привлекая къ дѣлу вмѣстѣ съ кіевлянами и нѣмцевъ. Нѣкто фонъ-Дельденъ, служившій въ Москвѣ переводчикомъ, перевелъ на русскій нѣсколько книгъ съ латинскаго и французскаго, а Дорнъ, бывшій австрійскимъ посломъ въ Москвѣ, перевелъ краткую космографію. Сообщая объ этомъ, Олеарій прибавляетъ, что такія книги читаюся многими изъ любознательной московской знати. Новую письменность этого рода поощряли не одни чисто научные, но и практическіе запросы. Около этого времени въ ней распространяются переводные лѣчебники. Въ старой описи дѣлъ Посольскаго приказа находимъ такое любопытное указаніе: въ 1623 г. состоявшій на московской службѣ голландецъ Фандергинъ представилъ въ приказъ какую-то статью объ „архимисской мудрости и объ иныхъ дѣлѣхъ"; послѣ того въ 1626 г. онъ подалъ въ тотъ же прсказъ записку „о высшей философской алхимеи". Очевидно, въ Москвѣ съ большимъ любопытствомъ собирали свѣдѣнія о той таинственной и соблазнительной наукѣ, помощью которой надѣялись узнать искусство дѣлать золото. Но самое содержаніе переводныхъ и компилятивныхъ сборниковъ Славинецкаго и Сатановскаго указываетъ на пробужденіе научнаго интереса, насколько онъ былъ тогдашнимъ московскимъ умамъ доступенъ.

Начатки школьнаго образованія.

Такъ почувствовалась московскимъ обществомъ потребность въ книжномъ знаніи, въ научномъ образованіи, и посѣяны были зачатки школьнаго обученія, какъ необходимаго средства для пріобрѣтенія такого образованія. Эта потребность поддерживалась все учащавшимися сношеніями съ западными государствами, заставлявшими московскую дипломатію изучать ихъ положеніе и взаимныя отношенія. Въ Москвѣ пытаются завести школы и правительство, и

частныя лица. Восточные греческіе іерархи давно не разъ указывали московскимъ царямъ на необходимость завести въ Москвѣ греческую школу и типографію. Изъ Москвы искали и просили, съ Востока предлагали и присылали учителей для этой школы; но дѣло все какъ-то не удавалось. При царѣ Михаилѣ едва было и не устроилась желанная школа. Въ 1632 г. пріѣхалъ отъ александрійскаго патріарха монахъ Іосифъ. Его убѣдили остаться въ Москвѣ и поручили ему переводить на славянскій языкъ греческія полемическія книги противъ латинскихъ ересей, а также на „учительномъ дворѣ учить малыхъ робятъ греческому языку и грамотѣ". Дѣло не пошло за скорой смертью Іосифа; однако мысль основать въ Москвѣ учебное заведеніе, которое служило бы разсадникомъ просвѣщенія для всего православнаго Востока, не была покинута ни въ Москвѣ, ни на Востокѣ. Близъ патріаршаго двора (въ Чудовомъ монастырѣ) учредили греко-латинскую школу, которой управлялъ грекъ Арсеній, а этотъ грекъ пріѣхалъ въ Москву въ 1649 г., но скоро былъ сосланъ по подозрѣнію въ неправовѣріи на Соловки. И Епифаній Славинецкій съ Арсеніемъ Сатановскимъ вызывались въ Москву между прочимъ „для риторскаго ученія"; но неизвѣстно, нашлись ли у нихъ ученики въ Москвѣ. Въ 1665 г. тремъ подьячимъ изъ приказовъ Тайнаго и Дворцоваго велѣно было учиться „по-латынямъ" у западно-русскаго ученаго Симеона Полоцкаго, для чего въ Спасскомъ монастырѣ въ Москвѣ построено было особое зданіе, которое въ документахъ такъ и зовется „школой для грамматичнаго ученія". Не думайте, что это были настоящія, правильно устроенныя на нашъ взглядъ школы съ выработаннымъ уставомъ, учебными планами и программами, постояннымъ преподавательскимъ штатомъ и т. п. Это были случайныя и временныя порученія тому или дру-

гому пріѣзжему ученому обучать греческому или латинскому языку молодыхъ людей, которыхъ посылало къ нему правительство или которые сами хотѣли у нихъ учиться. Таковъ былъ первоначальный видъ русской казенной школы въ XVII в., бывшій прямымъ продолженіемъ древне-русскаго способа обученія грамотѣ: духовныя лица или особые мастера брали дѣтей на выучку за условленную плату. По мѣстамъ частныя лица, а можетъ-быть и общества, строили для этого особыя зданія: являлась какъ бы постоянная публичная школа. Въ 1685 г. въ гор. Боровскѣ близъ торговой площади стояла подлѣ городской богадѣльни „школа для ученія дѣтямъ", построенная мѣстнымъ священникомъ. Можно думать, что на нужды домашняго или школьнаго обученія разсчитаны были и появляющіяся около половины XVII в. учебныя изданія: такъ въ 1648 г. была издана въ Москвѣ славянская грамматика западно-русскаго ученаго Мелетія Смотрицкаго, а въ 1649 г. перепечатали изданный въ Кіевѣ краткій катихизисъ Петра Могилы, ректора кіевской академіи и потомъ кіевскаго митрополита. Частныя лица соперничали съ правительствомъ въ содѣйствіи просвѣщенію. Впрочемъ и эти ревнители просвѣщенія принадлежали обыкновенно къ правительственному классу. Самымъ горячимъ изъ такихъ ревнителей былъ довѣренный совѣтникъ царя Алексѣя, окольничій Ѳ. М. Ртищевъ. Онъ устроилъ подъ Москвой Андреевскій монастырь, куда въ 1649 г. на свой счетъ вызвалъ изъ Кіево-Печерскаго и другихъ малороссійскихъ монастырей до 30 ученыхъ монаховъ, которые должны были переводить иностранныя книги на русскій языкъ и обучать желающихъ грамматикѣ греческой, латинской и славянской, риторикѣ, философіи и другимъ словеснымъ наукамъ. Самъ Ртищевъ сталъ студентомъ этой вольной школы, ночи просиживалъ въ монастырѣ, бесѣдуя

съ учеными, учился у нихъ греческому языку и упросилъ Епифанія Славинецкаго составить греко-славянскій лексиконъ для нуждъ этой школы. Къ пріѣзжимъ южно-русскимъ старцамъ примкнули и нѣкоторые изъ московскихъ ученыхъ монаховъ и священниковъ. Такъ возникло въ Москвѣ ученое братство, своего рода вольная академія наукъ. Пользуясь своимъ значеніемъ при дворѣ, Ртищевъ заставлялъ нѣкоторыхъ изъ служащей московской молодежи ходить къ кіевскимъ старцамъ въ Андреевскій монастырь учиться по-латыни и по-гречески. Въ 1667 г. прихожане московской церкви Іоанна Богослова (въ Китаѣ-городѣ) задумали устроить при своемъ храмѣ училище, не простую приходскую школу грамоты, а общеобразовательное учебное заведеніе съ преподаваніемъ „грамматической хитрости, языковъ славенскаго, греческаго и латинскаго и прочихъ свободныхъ ученій". Они подали о томъ челобитную царю и при этомъ били еще нѣкоему „честному и благоговѣйному мужу" быть ходатаемъ предъ царемъ объ ихъ дѣлѣ, просили благословенія у патріарховъ московскаго и восточныхъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ по дѣлу Никона, и наконецъ московскій патріархъ, преимущественно во уваженіе къ неотступнымъ моленіямъ того благоговѣйнаго мужа, едва ли не того же Ртищева, который и внушилъ мысль объ училищѣ, соизволилъ и благословеніе далъ, „да трудолюбивіи спудеи (студенты) радуются о свободѣ взысканія и свободныхъ ученій мудрости и собираются во общее гимнасіонъ ради изощренія разумовъ отъ благоискусныхъ дидаскаловъ". Неизвѣстно, была ли открыта эта школа.

С. Полоцкій. Люди высшаго московскаго класса старались запастись средствами для домашняго образованія своихъ дѣтей, принимая къ себѣ въ домы пріѣзжихъ учителей, западно-русскихъ монаховъ и даже поляковъ. Самъ царь Алексѣй

подавалъ примѣръ въ этомъ. Онъ не удовлетворился элементарнымъ обученіемъ, какое получили его старшіе сыновья Алексѣй и Өедоръ отъ московскаго приказнаго учителя, велѣлъ обучать ихъ иноземнымъ языкамъ латинскому и польскому и для довершенія ихъ образованія призвалъ западно-русскаго ученаго монаха Симеона Ситіановича Полоцкаго, воспитанника кіевской академіи, знакомаго и съ польскими школами. Симеонъ — пріятный учитель, облекавшій науку въ привлекательныя формы. Въ его виршахъ можно видѣть стихотворный конспектъ его уроковъ. Здѣсь онъ касается и политическихъ предметовъ, стараясь развить въ своихъ царственныхъ питомцахъ политическое сознаніе.

Како гражданство преблаго бываетъ,
Гражданствующимъ (правителямъ) знати подобаетъ.

Онъ рисуетъ своимъ ученикамъ политическій идеалъ отношеній царя къ подданнымъ въ образѣ добраго пастыря и овецъ.

Тако начальникъ долженъ есть творити —
Бремя подданныхъ крѣпостно носити,
Не презирати, не за псы имѣти,
Паче любити, яко своя дѣти.

Интересъ къ переводнымъ и даже подлиннымъ польскимъ книгамъ вмѣстѣ съ польскимъ языкомъ при помощи домашнихъ учителей проникаетъ во дворецъ московскаго царя и въ дома московскаго боярства. Старшіе сыновья царя Алексѣя, какъ я сказалъ, обучены были языкамъ польскому и латинскому; царевичъ Өедоръ выучился даже искусству слагать вирши и былъ сотрудникомъ С. Полоцкаго въ стихотворномъ переложеніи Псалтыря, переложилъ два псалма. Объ немъ говорили, что онъ былъ любитель наукъ, особенно математическихъ. Одна изъ царевенъ, Софья,

также обучалась польскому языку и читала польскія книги, даже букву *у* писала по-латыни. По свидѣтельству Лазаря Барановича, архіепископа черниговскаго, въ его время „царскій синклитъ польскаго языка не гнушался, но читалъ книги и исторіи ляцкія въ сладость". Иные изъ московскаго общества старались черпать западную науку изъ первыхъ источниковъ и тѣмъ усерднѣе, что она стала считаться необходимою для успѣховъ на службѣ. Бояринъ Матвѣевъ училъ своего сына латинскому и греческому языку. Предшественникъ его по управленію Посольскимъ приказомъ Ординъ-Нащокинъ окружилъ своего сына плѣнными поляками, которые внушили ему такую любовь къ Западу, что соблазнили молодого человѣка бѣжать за границу. Первый русскій резидентъ въ Польшѣ Тяпкинъ отдалъ своего сына въ польскую школу. Въ 1675 г., посылая его въ Москву съ дипломатическимъ порученіемъ, отецъ представилъ его во Львовѣ королю Яну Собѣскому. Молодой человѣкъ произнесъ передъ королемъ рѣчь, въ которой благодарилъ его „за хлѣбъ, за соль и за науку школьную". Рѣчь была сказана на тогдашнемъ школьномъ полупольскомъ и полулатинскомъ жаргонѣ, при чемъ, по донесенію отца, „сынокъ такъ явственно и изобразительно свою орацію предложилъ, что ни въ одномъ словѣ не запнулся". Король пожаловалъ оратору сотню злотыхъ и 15 аршинъ краснаго бархата.

Такъ почувствовали въ Москвѣ потребность въ европейскомъ искусствѣ и комфортѣ, а потомъ и въ научномъ образованіи. Начали иноземнымъ офицеромъ и нѣмецкой пушкой, а кончили нѣмецкимъ балетомъ и латинской грамматикой. Вызванное насущными матеріальными нуждами государства, западное вліяніе вмѣстѣ съ необходимымъ приносило и то, чего не требовали эти нужды, безъ чего можно было пока обойтись, съ чѣмъ можно было еще повременить.

Лекція LIV.

Начало реакціи западному вліянію.—Протестъ противъ новой науки.— Церковный расколъ. — Повѣсть о его началѣ. — Какъ обѣ стороны объясняютъ его происхожденіе. — Сила религіозныхъ обрядовъ и текстовъ. — Психологическая его основа. — Русь и Византія. — Затменіе идеи вселенской Церкви. — Преданіе и наука. — Національно-церковное самомнѣніе. — Государственныя нововведенія. — Патріархъ Никонъ.

Начало реакціи западному вліянію.

Потребность въ новой наукѣ, шедшей съ Запада, встрѣтилась въ московскомъ обществѣ съ укоренившейся здѣсь вѣками неодолимой антипатіей и подозрительностью ко всему, что шло съ католическаго и протестантскаго Запада. Едва московское общество отвѣдало плодовъ этой науки, какъ имъ ужъ начинаетъ овладѣвать тяжелое раздумье, безопасна ли она, не повредитъ ли чистотѣ вѣры и нравовъ. Это раздумье — второй моментъ въ настроеніи русскихъ умовъ XVII в., наступившій вслѣдъ за недовольствомъ своимъ положеніемъ. Онъ также сопровождался чрезвычайно важными послѣдствіями. До насъ дошелъ отрывокъ одного слѣдственнаго дѣла, производившагося въ 1650 г.; въ немъ наглядно изображается, съ чего началось, чѣмъ прежде всего навѣвалось это раздумье. Въ дѣлѣ выступаетъ все учащаяся московская молодежь. То были Лучка Голосовъ (впослѣдствіи думный дворянинъ, членъ государственнаго совѣта Лукьянъ Тимоѳеевичъ Голосовъ), Сте-

панъ Алябьевъ, Иванъ Засѣцкій и дьячокъ Благовѣщенскаго собора Костка, т.-е. Константинъ Ивановъ. Это былъ тѣсный кружокъ друзей, соединенныхъ одинаковыми думами. „Вотъ учится у кіевлянъ, толковали они, Ѳ. Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть". Алябьевъ показывалъ на допросѣ, что когда жилъ въ Москвѣ старецъ Арсеній грекъ, онъ, Степанъ, хотѣлъ было у него поучиться по-латыни, а какъ того старца сослали на Соловки, онъ, Степанъ, учиться пересталъ и азбуку изодралъ, потому что начали ему говорить его родные да Лучка Голосовъ съ Ивашкой Засѣцкимъ: „перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали". Самъ Голосовъ по властному приглашенію Ртищева долженъ былъ въ Андреевскомъ монастырѣ учиться по-латыни же у кіевскихъ старцевъ; но онъ противъ ихъ науки, считалъ ее опасной для вѣры и говорилъ дьячку Иванову: „скажи своему протопопу (Благовѣщенскаго собора Стефану Вонифатьеву, духовнику царя), что я у кіевскихъ старцевъ учиться не хочу, старцы они недобрые, я въ нихъ добра не нашелъ и добраго ученья у нихъ нѣтъ; теперь я пока угождаю Ѳ. М. Ртищеву изъ страха, а впредь у нихъ учиться ни за что не хочу". Къ этому Лучка прибавилъ: „да и кто по-латыни ни учился, тотъ съ праваго пути совратился". Около того же времени и при содѣйствіи того же Ртищева поѣхали въ Кіевъ довершать свое образованіе въ тамошней академіи два другихъ молодыхъ человѣка изъ Москвы, Озеровъ и Зеркальниковъ. Дьячокъ Костка съ собесѣдниками не одобряли этой поѣздки, боясь, что какъ эти молодые люди доучатся въ Кіевѣ и воротятся въ Москву, будетъ здѣсь съ ними много хлопотъ, а потому хорошо бы ихъ до Кіева не допустить и воротить назадъ: и безъ того уже они всѣхъ укоряютъ и ни во что

ставятъ благочестивыхъ московскихъ протопоповъ, говорятъ про нихъ, „враки де они вракаютъ, слушать у нихъ нечего и себѣ чести не дѣлаютъ, учатъ просто, сами не знаютъ, чему учатъ“. Тѣ же ревнители благочестія шептали и про боярина Б. И. Морозова, что онъ держитъ при себѣ отца духовнаго только „для прилики людской“, а ужъ если кіевлянъ началъ жаловать, явное дѣло, туда же уклонился, къ ихъ же ересямъ.

Протестъ противъ новой науки.

Видимъ, что одна часть учащейся молодежи порицала другую за воспитываемое новой наукой самомнѣніе и заносчивую критику всѣми признанныхъ доморощенныхъ авторитетовъ. Это — не старческое охранительное брюзжанье на новизны, а отраженіе взгляда на науку, коренившагося въ самой глубинѣ древнерусскаго церковнаго сознанія. Наука и искусство цѣнились въ древней Руси по ихъ связи съ Церковью, какъ средства познанія слова Божія и душевнаго спасенія. Знанія и художественныя украшенія жизни, не имѣвшія такой связи и такого значенія, разсматривались, какъ праздное любопытство неглубокаго ума или какъ лишнія несерьезныя забавы, „потѣхи“; такъ смотрѣли на бахарей, сказочниковъ, скомороховъ. Церковь молчаливо ихъ терпѣла, какъ дѣтскія рекреаціонныя игры и рѣзвости, а строгая церковная проповѣдь порой порицала ихъ, какъ опасныя увлеченія или развлеченія, которыя легко могутъ превратиться въ бѣсовскія козни. Во всякомъ случаѣ ни такому знанію, ни такому искусству не придавали образовательной силы, не давали мѣста въ системѣ воспитанія; ихъ относили къ низменному порядку жизни, считали если не прямыми пороками, то слабостями падкой ко грѣху природы человѣческой. Наука и искусство, какія приносило западное вліяніе, являлись съ другимъ болѣе притязательнымъ видомъ: они шли въ ряду

интересовъ высшаго разбора, не какъ уступки людской слабости, а какъ законныя потребности человѣческаго ума и сердца, какъ необходимыя условія благоустроеннаго и благообразнаго общежитія, находившія свое оправданіе въ себѣ самихъ, а не въ служеніи нуждамъ Церкви. Западный художникъ или ученый являлся у насъ не русскимъ скоморохомъ или начетчикомъ отреченныхъ книгъ, а почтеннымъ магистромъ комедійныхъ дѣйствъ или географусомъ, котораго само правительство признавало „гораздо навычнымъ во многихъ надобныхъ мастерствахъ и мудростяхъ". Такъ западная наука или, говоря общѣе, культура, приходила къ намъ не покорной служительницей Церкви и не подсудимой, хотя и терпимой ею грѣшницей, а какъ бы соперницей или въ лучшемъ случаѣ сотрудницей Церкви въ дѣлѣ устроенія людского счастія. Древнерусская мысль, опутанная преданіемъ, могла только испуганно отшатнуться отъ такой сотрудницы, а тѣмъ паче соперницы. Легко понять, почему знакомство съ этой наукой тотчасъ возбудило въ московскомъ обществѣ тревожный вопросъ: безопасна ли эта наука для правой вѣры и благонравія, для вѣковыхъ устоевъ національнаго быта? Вопросъ поднялся еще въ ту минуту, когда проводниками этой науки были у насъ свои же православные западнорусскіе ученые. Но когда учителями явились иностранцы, протестанты и католики, вопросъ долженъ былъ еще болѣе обостриться. Возбужденное имъ сомнѣніе въ нравственнорелигіозной безопасности новой науки и приносившаго ее западнаго вліянія привело къ тяжелому перелому въ русской церковной жизни, къ расколу. Тѣсная связь этого явленія съ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ въ московскомъ обществѣ XVII в. заставляетъ меня остановить ваше вниманіе на происхожденіи раскола въ русской Церкви.

Русскимъ церковнымъ расколомъ называется отдѣленіе значительной части русскаго православнаго общества отъ господствующей русской православной Церкви. Это раздѣленіе началось въ царствованіе Алексѣя Михайловича вслѣдствіе церковныхъ новшествъ патріарха Никона и продолжается доселѣ. Раскольники считаютъ себя такими же православными христіанами, какими считаемъ себя и мы. Старообрядцы въ собственномъ смыслѣ не расходятся съ нами ни въ одномъ догматѣ вѣры, ни въ одномъ основаніи вѣроученія; но они откололись отъ нашей Церкви, перестали признавать авторитетъ нашего церковнаго правительства во имя „старой вѣры", будто бы покинутой этимъ правительствомъ; потому мы и считаемъ ихъ не еретиками, а только раскольниками, и потому же они насъ называютъ церковниками или никоніанами, а себя старообрядцами или старовѣрами, держащимися древняго дониконовскаго обряда и благочестія. Если старообрядцы не расходятся съ нами въ догматахъ, въ основаніяхъ вѣроученія, то спрашивается, отъ чего же произошло церковное раздѣленіе, отъ чего значительная часть русскаго церковнаго общества оказалась за оградой русской господствующей Церкви. Вотъ въ немногихъ словахъ повѣсть о началѣ раскола. **Церковный расколъ.**

До патріарха Никона русское церковное общество было единымъ церковнымъ стадомъ съ единымъ высшимъ пастыремъ; но въ немъ въ разное время и изъ разныхъ источниковъ возникли и утвердились нѣкоторые мѣстные церковные мнѣнія, обычаи и обряды, отличные отъ принятыхъ въ Церкви греческой, отъ которой Русь приняла христіанство. Таковы были двуперстное крестное знаменіе, образъ написанія имени *Ісусъ,* служеніе литургіи на семи, а не на пяти просфорахъ, хожденіе *по-солонь,* т.-е. по солнцу **Повѣсть о его началѣ.**

(отъ лѣвой руки къ правой, обратившись лицомъ къ алтарю), въ нѣкоторыхъ священнодѣйствіяхъ, напримѣръ, при крещеніи вокругъ купели или при вѣнчаніи вокругъ аналоя, особое чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ символа вѣры („царствію Его *нѣсть* конца“, „и въ Духа Святаго, *истиннаго* и животворящаго)“, двоеніе возгласа *аллилуіа*. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ и особенностей были признаны русской церковной іерархіей на церковномъ соборѣ 1551 г. и такимъ образомъ получили законодательное утвержденіе со стороны высшей церковной власти. Со второй половины XVI в., когда въ Москвѣ началось книгопечатаніе, эти обряды и разночтенія стали проникать изъ рукописныхъ богослужебныхъ книгъ въ печатныя ихъ изданія и черезъ нихъ распространялись по всей Россіи. Такимъ образомъ печатный станокъ придалъ новую цѣну этимъ мѣстнымъ обрядовымъ и текстуальнымъ разностямъ и расширилъ ихъ употребленіе. Нѣкоторыя изъ такихъ разностей внесли въ свои изданія справщики церковныхъ книгъ, напечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ въ 1642—1652 гг. Такъ какъ вообще текстъ русскихъ богослужебныхъ книгъ былъ неисправенъ, то преемникъ Іосифа патріархъ Никонъ съ самаго начала своего управленія русскою Церковью ревностно принялся за устраненіе этихъ неисправностей. Въ 1654 г. онъ провелъ на церковномъ соборѣ постановленіе переиздать церковныя книги, исправивъ ихъ по вѣрнымъ текстамъ, по славянскимъ пергаменнымъ и древнимъ греческимъ книгамъ. Съ православнаго Востока и изъ разныхъ угловъ Россіи въ Москву навезли горы древнихъ рукописныхъ книгъ греческихъ и церковно-славянскихъ; исправленныя по нимъ новыя изданія разосланы были по русскимъ церквамъ съ приказаніемъ отобрать и истребить неисправныя книги, старопечатныя и старописьменныя. Ужаснулись

православные русскіе люди, заглянувши въ эти новоисправленныя книги и не нашедши въ нихъ ни двуперстія, ни Іисуса, ни другихъ освященныхъ временемъ обрядовъ и начертаній: они усмотрѣли въ этихъ новыхъ изданіяхъ новую вѣру, по которой не спасались древніе святые отцы, и прокляли эти книги, какъ еретическія, продолжая совершать служеніе и молиться по старымъ книгамъ. Московскій церковный соборъ 1666—1667 гг., на которомъ присутствовали два восточные патріарха, положилъ на непокорныхъ клятву (анаѳему) за противленіе церковной власти и отлучилъ ихъ отъ православной Церкви, а отлученные перестали признавать отлучившую ихъ іерархію своей церковной властью. Съ тѣхъ поръ и раскололось русское церковное общество, и этотъ расколъ продолжается до настоящаго времени.

Отъ чего же произошелъ расколъ? По объясненію старообрядцевъ, отъ того, что Никонъ, исправляя богослужебныя книги, самовольно отмѣнилъ двуперстіе и другіе церковные обряды, составляющіе святоотеческое древле-православное преданіе, безъ котораго невозможно спастись, и когда вѣрные древнему благочестію люди встали за это преданіе, русская іерархія отлучила ихъ отъ своей испорченной Церкви. Но въ такомъ объясненіи не все ясно. А какимъ образомъ двуперстіе или хожденіе по-солонь сдѣлалось для старообрядцевъ святоотеческимъ преданіемъ, безъ котораго невозможно спастись? Какимъ образомъ простой церковный обычай, богослужебный обрядъ или текстъ могъ пріобрѣсти такую важность, стать неприкосновенной святыней, догматомъ? Православные даютъ болѣе глубокое объясненіе. Расколъ произошелъ отъ невѣжества раскольниковъ, отъ узкаго пониманія ими христіанской религіи, отъ того, что они не умѣли отличить въ ней существенное отъ внѣшняго, содержа- Мнѣнія о его происхожденіи.

ніе отъ обряда. Но и этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ всего вопроса. Положимъ, извѣстные обряды, освященные преданіемъ, мѣстной стариной, могли получить неподобающее имъ значеніе догматовъ; но вѣдь и авторитетъ церковной іерархіи освященъ стариной и притомъ не мѣстной, а вселенской, и его признаніе необходимо для спасенія: св. отцы не спасались и безъ него, какъ безъ двуперстія. Какимъ образомъ старообрядцы рѣшились пожертвовать однимъ церковнымъ установленіемъ для другого, отважились спасаться безъ руководства законной іерархіи, ими отвергнутой?

Объясняя происхожденіе раскола, у насъ часто съ особеннымъ удареніемъ и нѣкоторымъ пренебреженіемъ указываютъ на слѣпую привязанность старообрядцевъ къ обрядамъ и текстамъ, къ буквѣ Писанія, какъ къ чему-то очень неважному въ дѣлѣ религіи. Я не раздѣляю такого пренебрежительнаго взгляда на религіозный обрядъ и текстъ. Я не богословъ и не призванъ раскрывать богословскій смыслъ такихъ предметовъ. Но религіозный текстъ и обрядъ, какъ и всякій обрядъ и текстъ съ практическимъ, житейскимъ дѣйствіемъ, кромѣ спеціально богословскаго имѣетъ еще общее психологическое значеніе и съ этой стороны, какъ и всякое житейское, т.-е. историческое явленіе, можетъ подлежать историческому изученію. Только съ этой народно-психологической стороны я и касаюсь происхожденія раскола.

Сила религіозныхъ обрядовъ и текстовъ. Въ религіозныхъ текстахъ и обрядахъ выражается сущность, содержаніе вѣроученія. Вѣроученіе слагается изъ вѣрованій двухъ порядковъ: одни суть *истины*, которыя устанавливаютъ міросозерцаніе вѣрующаго, разрѣшая ему высшіе вопросы мірозданія; другія суть *требованія*, которыя направляютъ нравственные поступки вѣрующаго, указывая ему задачи его бытія. Эти истины и эти требо-

ванія выше познавательныхъ средствъ логически мыслящаго разума и выше естественныхъ влеченій человѣческой воли; потому тѣ и другія и почитаются свыше откровенными. Мыслимыя, т.-е. доступныя пониманію формулы религіозныхъ истинъ суть *догматы;* мыслимыя формулы религіозныхъ требованій суть *заповѣди.* Какъ усвояются тѣ и другія, когда они недоступны ни логическому мышленію, ни естественной волѣ? Они усвояются религіознымъ познаніемъ или мышленіемъ и религіознымъ воспитаніемъ. Не смущайтесь этими терминами: религіозное мышленіе или познаніе есть такой же способъ человѣческаго разумѣнія, отличный отъ логическаго или разсудочнаго, какъ и пониманіе художественное; оно только обращено на другіе болѣе возвышенные предметы. Человѣкъ далеко не все постигаетъ логическимъ мышленіемъ и, можетъ-быть, даже постигаетъ имъ наименьшую долю постижимаго. Усвояя догматы и заповѣди, вѣрующій усвояетъ себѣ извѣстныя религіозныя идеи и нравственныя побужденія, которыя такъ же мало поддаются логическому разбору, какъ и идеи художественныя. Развѣ понятный вамъ музыкальный мотивъ вы подведете подъ логическія схемы? Эти религіозныя идеи и побужденія суть *вѣрованія.* Педагогическимъ пособіемъ для ихъ усвоенія служатъ извѣстныя церковныя дѣйствія, совокупность которыхъ составляетъ богослуженіе. Догматы и заповѣди выражены въ священныхъ текстахъ, церковныя дѣйствія облечены въ извѣстные обряды. Все это лишь формы вѣрованій, оболочка вѣроученія, а не его сущность. Но религіозное пониманіе, какъ и художественное, отличается отъ логическаго и математическаго тою особенностью, что въ немъ идея или мотивъ неразрывно связаны съ формой, ихъ выражающей. Идею, выведенную логически, теорему, доказанную математически, мы понимаемъ, какъ бы ни была

формулирована та и другая, на какомъ бы ни было намъ знакомомъ языкѣ и какимъ угодно понятнымъ стилемъ или даже только условнымъ знакомъ. Не такъ дѣйствуетъ религіозное и эстетическое чувство: здѣсь идея или мотивъ по закону психологической ассоціаціи органически сростаются съ выражающими ихъ текстомъ, обрядомъ, образомъ, ритмомъ, звукомъ. Забудете рисунокъ или музыкальное сочетаніе звуковъ, которое вызвало въ васъ извѣстное настроеніе — и вамъ не удастся воспроизвести это настроеніе. Какое угодно великолѣпное стихотвореніе переложите въ прозу, и его обаяніе исчезнетъ. Священные тексты и богослужебные обряды складывались исторически и не имѣютъ характера неизмѣнности и неприкосновенности. Можно придумать тексты и обряды лучше, совершеннѣе тѣхъ, которые воспитали въ насъ религіозное чувство; но они не замѣнятъ намъ нашихъ худшихъ. Когда православный русскій священникъ восклицаетъ въ алтарѣ *Горѣ имѣимъ сердца*, въ православномъ вѣрующемъ совершается привычный ему подъемъ религіознаго настроенія, помогающій ему отложить всякое житейское попеченіе. Но пусть тотъ же священникъ сдѣлаетъ возгласъ католическаго патера *Sursum corda* — тотъ же вѣрующій, какъ бы хорошо онъ ни зналъ, что это тотъ же самый возгласъ, только на латинскомъ языкѣ и въ стилистическомъ отношеніи даже болѣе энергичный, вѣрующій не поднимется духомъ отъ этого возгласа, потому что не привыкъ къ нему. *Такъ религіозное міросозерцаніе и настроеніе каждаго общества неразрывно связаны съ текстами и обрядами, ихъ воспитавшими.*

Ея психологическая основа. Но, можетъ-быть, такая тѣсная связь религіозныхъ обрядовъ и вообще формъ съ сущностью вѣроученія сама по себѣ есть только недостатокъ религіознаго воспитанія и вѣрующій духъ можетъ обойтись безъ этихъ тяжелыхъ

обрядовыхъ накладокъ, а потому надобно помогать ему безъ нихъ обходиться? Да, можетъ-быть, со временемъ, когда-нибудь эти накладки и станутъ излишними, когда человѣческій духъ путемъ дальнѣйшаго совершенствованія освободитъ свое религіозное чувство отъ вліянія внѣшнихъ впечатлѣній и отъ самой потребности въ нихъ, будетъ молиться „духомъ и истиною". Тогда и религіозная психологія будетъ другая, непохожая на ту, какую воспитывала практика всѣхъ доселѣ извѣстныхъ религій. Но съ тѣхъ поръ, какъ люди стали себя помнить, въ продолженіе тысячелѣтій и до нашихъ дней они не умѣли обойтись безъ обряда ни въ религіи, ни въ другихъ житейскихъ отношеніяхъ нравственнаго характера. Надобно строго различать способъ усвоенія истины сознаніемъ и волей. Для сознанія достаточно извѣстнаго усилія мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сдѣлать истину руководительницей воли, направительницей жизни цѣлыхъ обществъ. Для этого нужно облечь истину въ формы, въ обряды, въ цѣлое устройство, которое непрерывнымъ потокомъ надлежащихъ впечатлѣній приводило бы наши мысли въ извѣстный порядокъ, наши чувства въ извѣстное настроеніе, долбило бы и размягчало нашу грубую волю и такимъ образомъ, посредствомъ непрерывнаго упражненія и навыка, превращало бы требованія истины въ привычную нравственную потребность, въ непроизвольное влеченіе воли. Сколько прекрасныхъ истинъ, озарявшихъ духъ человѣческій и способныхъ освѣтить и согрѣть людское общежитіе, погибло безслѣдно для него только потому, что онѣ не успѣли во-время облечься въ такое устройство и помощью его не были достаточно разучены людьми! Такъ не въ одной религіи, такъ и во всемъ. Какой угодно великолѣпный музыкальный мотивъ

не произведетъ на насъ должнаго художественнаго впечачатлѣнія въ томъ простомъ схематическомъ видѣ, въ какомъ онъ родится въ художественномъ воображеніи композитора; его надобно разработать, положить на инструментъ или на цѣлый оркестръ, повторить въ десяткѣ ладовъ и варіацій и разыграть передъ цѣлымъ собраніемъ, гдѣ маленькій восторгъ каждаго слушателя заразитъ его сосѣдей справа и слѣва и изъ этихъ миніатюрныхъ личныхъ восторговъ составится громадное общее впечатлѣніе, которое каждый слушатель унесетъ къ себѣ домой и много дней будетъ имъ обороняться отъ невзгодъ и пошлостей ежедневной жизни. Люди, слышавшіе проповѣдь Христа на горѣ, давно умерли и унесли съ собою пережитое ими впечатлѣніе; но и мы переживаемъ долю этого впечатлѣнія, потому что текстъ этой проповѣди вставленъ въ рамки нашего богослуженія. Обрядъ или текстъ — это своего рода фонографъ, въ которомъ застылъ нравственный моментъ, когда-то вызвавшій въ людяхъ добрыя дѣла и чувства. Этихъ людей давно нѣтъ, и моментъ съ тѣхъ поръ не повторился; но помощью обряда или текста, въ который онъ скрылся отъ людского забвенія, мы по мѣрѣ желанія воспроизводимъ его и по степени своей нравственной воспріимчивости переживаемъ его дѣйствіе. Изъ такихъ обрядовъ, обычаевъ, условныхъ отношеній и приличій, въ которые отлились мысли и чувства, исправлявшія жизнь людей и служившія для нихъ идеалами, постепенно путемъ колебаній, споровъ, борьбы и крови складывалось людское общежитіе. Я не знаю, каковъ будетъ человѣкъ черезъ тысячу лѣтъ; но отнимите у современнаго человѣка этотъ нажитой и доставшійся ему по наслѣдству скарбъ обрядовъ, обычаевъ и всякихъ условностей — и онъ все забудетъ, всему разучится и долженъ будетъ все начинать сызнова.

Но если такова религіозная психологія всякаго церковнаго общества, что оно не можетъ обойтись безъ обряда и текста, то почему же нигдѣ изъ-за обряда и текста не поднималось такого шумнаго спора и не бывало раскола, какъ это случилось у насъ въ XVII в.? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно припомнить нѣкоторыя явленія нашей церковной жизни до XVII в.

Русь и Византія.

До XV в. русская Церковь была послушной дочерью Византіи, своей митрополіи. Оттуда она принимала своихъ митрополитовъ и епископовъ, церковные законы, весь чинъ церковной жизни. Авторитетъ греческаго православія много вѣковъ стоялъ у насъ непоколебимо. Но съ XV в. этотъ авторитетъ началъ колебаться. Великіе князья московскіе, почувствовавъ свое національное значеніе, поспѣшили внести это чувство и въ церковныя отношенія, не хотѣли и въ церковныхъ дѣлахъ зависѣть отъ посторонней власти, ни отъ императора, ни отъ патріарха цареградскаго. Они завели обычай назначать и посвящать всероссійскихъ митрополитовъ у себя дома, въ Москвѣ, и только изъ русскаго духовенства. Провести эту перемѣну было тѣмъ легче, что греческихъ іерарховъ не чтили на Руси особенно высоко. Древняя Русь высоко ставила церковный авторитетъ и святыни греческаго Востока, но грекъ и плутъ всегда считались у насъ синонимами: „былъ онъ льстивъ, потому что былъ онъ грекъ“, говоритъ наша лѣтопись XII в. объ одномъ епископѣ-грекѣ. Такой взглядъ составился очень рано и просто. Насаждать христіанство въ далекой и варварской митрополіи константинопольскаго патріархата присылались въ большинствѣ далеко не лучшіе люди изъ греческой іерархіи. Отчужденные отъ паствы языкомъ, понятіями и сановнымъ церемоніаломъ, они не могли пріобрѣсти пастырскаго вліянія, довольствовались установкой внѣшняго церковнаго

благолѣпія усердіемъ набожныхъ князей и старательно пересылали на родину русскія деньги, на что счелъ нужнымъ намекнуть одинъ почтенный новгородскій владыка XII в. изъ русскихъ въ пастырскомъ поученіи духовенству своей епархіи. За іерархію цѣплялось много всякаго рядового грека, приходившаго поживиться отъ новопросвѣщенныхъ. А потомъ греческая іерархія въ XV в. страшно уронила себя въ глазахъ Руси, принявъ флорентійскую унію 1439 г., согласившись на союзъ православной Церкви съ католической, устроенный на соборѣ во Флоренціи. За византійскую іерархію у насъ держались съ такимъ довѣріемъ въ борьбѣ съ латинствомъ, а она, эта іерархія, сама отдалась римскому папѣ, выдала головой восточное православіе, насажденное апостолами, утвержденное святыми отцами и седмью вселенскими соборами, и если бы великій князь московскій Василій Васильевичъ не обличилъ злокозненнаго врага, сатанина сына грека Исидора митрополита, принесшаго унію въ Москву, олатынилъ бы онъ русскую Церковь, исказилъ бы древнее благочестіе, насажденное у насъ святымъ княземъ Владиміромъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Царьградъ былъ завоеванъ турками. Уже и прежде на Руси привыкли посматривать на грековъ свысока и подозрительно. Теперь въ паденіи цареградскихъ стѣнъ передъ безбожными агарянами увидѣли на Руси знакъ окончательнаго паденія греческаго православія. Послушайте, какъ самоувѣренно объясняетъ связь міровыхъ событій своего времени русскій митрополитъ Филиппъ I. Въ 1471 г. онъ пишетъ замутившимся противъ Москвы новгородцамъ: „и о томъ, дѣти, подумайте: Царьградъ непоколебимо стоялъ, пока въ немъ, какъ солнце, сіяло благочестіе, а какъ скоро покинулъ онъ истину да соединился съ латиной, такъ и попалъ въ руки поганыхъ“. Померкъ тогда въ глазахъ Руси свѣтъ

православнаго Востока; какъ палъ древній первый Римъ отъ ересей и гордости, такъ теперь палъ и второй Римъ — Царьградъ отъ непостоянства и безбожныхъ сыроядцевъ. Эти событія произвели на Русь глубокое, но не безотрадное впечатлѣніе. Старыя свѣтила церковныя погасли, греческое благочестіе подернулось мракомъ. Одинокой почувствовала себя православная Русь во всемъ поднебесномъ мірѣ. Міровыя событія невольно заставляли ее противопоставлять себя Византіи. Москва сбрасывала съ себя агарянское иго почти въ то самое время, когда Византія надѣвала его на свою шею. Если другія царства падали за измѣну православію, то Москва будетъ непоколебимо стоять, оставаясь вѣрна ему. Она — третій и послѣдній Римъ, послѣднее и единственное въ мірѣ убѣжище правой вѣры, истиннаго благочестія. Эти помыслы возвышали и расширяли историческій кругозоръ древнерусскихъ мыслителей XVI в. и наполняли ихъ тревожными думами о судьбахъ Россіи. Отечество тогда получило въ ихъ глазахъ новое высокое значеніе. Русскій инокъ Филоѳей писалъ вел. кн. Василію, отцу Грознаго: „Внимай тому, благочестивый царь! Два Рима пали, третій — Москва стоитъ, а четвертому не бывать. Соборная Церковь наша въ твоемъ державномъ царствѣ одна теперь паче солнца сіяетъ благочестіемъ во всей поднебесной; всѣ православныя царства собрались въ одномъ твоемъ царствѣ; на всей землѣ одинъ ты — христіанскій царь“. Вѣра православная въ Царьградѣ испрокazилась махметовой прелестью безбожныхъ агарянъ, а у насъ на Руси паче просіяла святыхъ отецъ ученіемъ: такъ писали наши книжники XVI в. И такой взглядъ сталъ вѣрованіемъ образованнаго древнерусскаго общества, даже проникъ въ народную массу и вызвалъ рядъ легендъ о бѣгствѣ святыхъ и святынь изъ обоихъ павшихъ Римовъ въ новый, третій Римъ, въ Москов-

ское государство. Такъ сложились у насъ въ XV—XVI вв. сказанія о приплытіи преп. Антонія-римлянина по морю на камнѣ со святынями въ Новгородъ, о чудесномъ переселеніи чудотворной Тихвинской иконы Божіей Матери съ византійскаго Востока на Русь и пр. Къ тому же люди, пріѣзжавшіе съ разореннаго православнаго Востока на Русь просить милостыни или пріюта, укрѣпляли въ русскихъ это національное убѣжденіе. Въ царствованіе Ѳедора Ивановича пріѣхалъ въ Москву за милостыней цареградскій патріархъ Іеремія, который въ 1589 г. посвятилъ московскаго митрополита Іова въ санъ всероссійскаго патріарха, чѣмъ окончательно закрѣпилъ давно совершившееся іерархическое обособленіе русской Церкви отъ константинопольскаго патріархата. Какъ будто этотъ пріѣзжій іерархъ подслушалъ задушевные помыслы русскихъ людей XVI в.: такъ близки къ мыслямъ Филоѳея его слова объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ, обращенныя къ московскому царю: „Воистину въ тебѣ Духъ Св. пребываетъ и отъ Бога такая мысль внушена тебѣ; ветхій Римъ палъ отъ ересей, вторымъ Римомъ — Константинополемъ завладѣли агарянскіе внуки, безбожные турки, твое же великое россійское царство, третій Римъ, всѣхъ превзошло благочестіемъ; ты одинъ во всей вселенной именуешься христіанскимъ царемъ“.

Затменіе вселенской идеи.

Всѣ эти явленія и впечатлѣнія очень своеобразно настроили русское церковное общество. Къ началу XVII в. оно прониклось религіозной самоувѣренностью; но эта самоувѣренность воспитана была не религіозными, а политическими успѣхами православной Руси и политическими несчастіями православнаго Востока. Основнымъ мотивомъ этой самоувѣренности была мысль, что православная Русь осталась въ мірѣ единственной обладательницей и хранительницей христіанской истины, чистаго православія. Изъ

этой мысли посредствомъ нѣкоторой перестановки понятій національное самомнѣніе вывело убѣжденіе, что христіанство, которымъ обладаетъ Русь, со всѣми его мѣстными особенностями и даже съ туземной степенью его пониманія есть единственное въ мірѣ истинное христіанство, что другого чистаго православія кромѣ русскаго нѣтъ и не будетъ. Но по нашему вѣроученію, хранительница христіанской истины есть не какая-либо помѣстная, а вселенская Церковь, соединяющая въ себѣ не только живущихъ въ извѣстное время и извѣстномъ мѣстѣ, но и всѣхъ когда-либо и гдѣ-либо жившихъ правовѣрныхъ. Какъ скоро русское церковное общество признало себя единственнымъ хранителемъ истиннаго благочестія, мѣстное религіозное сознаніе было имъ признано мѣриломъ христіанской истины, т.-е. идея вселенской Церкви замкнулась въ тѣсные географическіе предѣлы одной изъ помѣстныхъ церквей; вселенское христіанское сознаніе заключилось въ узкій кругозоръ людей извѣстнаго мѣста и времени. Христіанское вѣроученіе, говорилъ я, облечено въ извѣстныя формы, выражается въ извѣстныхъ обрядахъ для непосредственнаго пониманія, формулируется въ текстахъ для изученія и осуществляется на практикѣ въ церковныхъ правилахъ. Пониманіе текстовъ вѣроученія и практика церковныхъ правилъ углубляется и совершенствуется съ успѣхами религіознаго сознанія и его движущей силы — разума, вооруженнаго вѣрой. Помощью обрядовъ, текстовъ и правилъ религіозная мысль углубляется въ тайны вѣроученія, постепенно уясняя ихъ себѣ и направляя религіозную жизнь. Эти обряды, тексты и правила, повторю, не составляютъ сущности вѣроученія; но по свойству религіознаго пониманія и воспитанія они въ каждомъ церковномъ обществѣ тѣсно сростаются съ вѣроученіемъ, становятся для каждаго

общества формами религіознаго міросозерцанія и настроенія, трудно отдѣляемыми отъ содержанія. Впрочемъ, если они въ извѣстномъ обществѣ искажаются или уклоняются отъ первоначальныхъ нормъ вѣроученія, есть средство ихъ исправленія. Такимъ средствомъ провѣрки и исправленія, коррективомъ пониманія христіанской истины для каждаго мѣстнаго церковнаго общества служитъ религіозное сознаніе вселенской Церкви, авторитетомъ которой исправляются мѣстныя церковныя уклоненія. Но какъ скоро православная Русь признала себя единственной обладательницей христіанской истины, такого способа провѣрки для нея не стало. Признавъ само себя вселенскою Церковью, русское церковное общество не могло допустить повѣрки своихъ вѣрованій и обрядовъ со стороны. Какъ скоро русскіе православные умы стали на эту точку зрѣнія, въ нихъ укрѣпилась мысль, что русская помѣстная Церковь обладаетъ всей полнотой христіанскаго вселенскаго сознанія, что русское церковное общество уже восприняло все, что нужно для спасенія вѣрующаго, и ему нечему больше учиться, нечего и не у кого больше заимствовать въ дѣлахъ вѣры, а остается только бережно хранить воспринятое сокровище. Тогда на мѣсто вселенскаго сознанія мѣриломъ христіанской истины стала національная церковная старина. Русскимъ церковнымъ обществомъ было признано за правило, что подобаетъ молиться и вѣровать, какъ молились и вѣровали отцы и дѣды, что внукамъ ничего не остается болѣе, какъ хранить безъ размышленія дѣдовское и отцовское преданіе. Но это преданіе — остановившееся и застывшее пониманіе: признать его мѣриломъ истины значило отвергнуть всякое движеніе религіознаго сознанія, возможность исправленія его ошибокъ и недостатковъ. Съ минуты такого признанія всѣ усилія

русской религіозной мысли должны были направиться не къ тому, чтобы углубляться въ тайны христіанскаго вѣроученія, усвоять себѣ возможно вѣрнѣе и полнѣе, жизненнѣе вселенское религіозное сознаніе, а единственно къ тому, чтобы сберечь свой наличный мѣстный запасъ религіознаго пониманія со всѣми мѣстными обрядами и оградить его отъ измѣненія и нечистаго прикосновенія со стороны.

Изъ такого настроенія и склада религіозныхъ понятій вышли два важныя слѣдствія, съ которыми тѣсно связалось возникновеніе раскола: 1) церковные обряды, завѣщанные мѣстной стариной, получили значеніе неприкосновенной и неизмѣнной святыни; 2) въ русскомъ обществѣ установилось подозрительное и надменное отношеніе къ участію разума и научнаго знанія въ вопросахъ вѣры. Эта наука, процвѣтавшая въ другихъ христіанскихъ обществахъ, — такъ стали думать на Руси, — не спасла же она тѣхъ обществъ отъ ересей, свѣтъ разума не помѣшалъ тамъ померкнуть вѣрѣ. Смутно помня, что корни мірской науки кроются въ языческой греко-римской странѣ, у насъ брезгливо помышляли, что эта наука все еще питается нечистыми соками такой дурной почвы. Поэтому гадливое и боязливое чувство овладѣвало древле-русскимъ человѣкомъ при мысли о риторской и философской еллинской мудрости: все это дѣло грѣшнаго ума, предоставленнаго самому себѣ. Въ одномъ древне-русскомъ поученіи читаемъ: „богомерзостенъ предъ Богомъ всякій, кто любитъ геометрію; а се душевные грѣхи — учиться астрономіи и еллинскимъ книгамъ; по своему разуму вѣрующій легко впадаетъ въ различныя заблужденія; люби простоту больше мудрости, не изыскуй того, что выше тебя, не испытуй того, что глубже тебя, а какое дано тебѣ отъ Бога готовое ученіе, то и держи". Въ школь-

Преданіе и наука.

ныхъ прописяхъ помѣщалось наставленіе: „Братія, не высокоумствуйте! Если спросятъ тебя, знаешь ли философію, отвѣчай: еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, съ мудрыми философами не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ; учуся книгамъ благодатнаго закона, какъ бы можно было мою грѣшную душу очистить отъ грѣховъ“. Такой взглядъ питалъ самоувѣренность незнанія: „аще не ученъ словомъ, но не разумомъ, писалъ про себя древне-русскій книжникъ, не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, но разумъ Христовъ въ себѣ имѣю“. Такъ древне-русскимъ церковнымъ обществомъ утрачивались средства самоисправленія и даже самыя побужденія къ нему.

Національно-церковное самомнѣніе.

Я изложилъ воззрѣнія, въ которыхъ укрѣпилось древне-русское церковное общество къ XVII в. Въ наивной своей формаціи это были простонародныя воззрѣнія, впрочемъ, захватывавшія и массу рядового духовенства, бѣлаго и чернаго. Въ правящей іерархіи они не выражались такъ грубо, однако безотчетно входили въ составъ ея церковнаго настроенія. Въ сослуженіи съ пріѣзжимъ греческимъ архіереемъ, даже патріархомъ, слѣдя зорко за каждымъ его движеніемъ, наши „власти“ тутъ же съ великодушнымъ снисхожденіемъ указывали ему на допускаемыя имъ въ частностяхъ отступленія отъ принятаго въ Москвѣ богослужебнаго чина: „у насъ того чину не ведется, наша истинная православная христіанская Церковь не пріяла сего чина“. Это поддерживало въ нихъ сознаніе своего обрядоваго превосходства передъ греками, и довольныя этимъ, онѣ уже не думали о соблазнѣ, какой производили среди молящихся, прерывая священнодѣйствіе обрядовыми пререканіями. Не было ничего необычайнаго въ привязанности русскихъ къ церковнымъ обрядамъ, въ которыхъ они воспи-

тывались: въ ней надобно видѣть скорѣе народно-психологическую неизбѣжность, естественно-историческое условіе религіознаго пониманія, чѣмъ органическій или хроническій недугъ русскаго религіознаго чувства; это — просто признакъ историческаго возраста народа. Органическій порокъ древне-русскаго церковнаго общества состоялъ въ томъ, что оно считало себя единственнымъ истинно-правовѣрнымъ въ мірѣ, свое пониманіе Божества исключительно правильнымъ, Творца вселенной представляло своимъ собственнымъ русскимъ богомъ, никому болѣе не принадлежащимъ и невѣдомымъ, свою помѣстную Церковь ставило иа мѣсто вселенской. Самодовольно успокоившись на этомъ мнѣніи, оно и свою мѣстную церковную обрядность признало неприкосновенной святыней, а свое религіозное пониманіе нормой и коррективомъ боговѣдѣнія. Встрѣча этихъ воззрѣній съ тѣмъ, что дѣлалось въ государствѣ, усилило ихъ возбужденный характеръ.

Мы видѣли, что съ воцареніемъ новой династіи у насъ предприняты были политическія и экономическія нововведенія, предметомъ которыхъ было устройство народной обороны и государственнаго хозяйства. Почувствовавъ потребность въ новыхъ, заимствованныхъ техническихъ средствахъ, государство во множествѣ призывало иноземцевъ, лютеранъ и кальвинистовъ. Правда, ихъ призывали для обученія солдатъ, литья пушекъ, стройки заводовъ; все это очень мало касалось нравственныхъ понятій и еще менѣе религіозныхъ воззрѣній. Но древне-русскій человѣкъ своимъ конкретнымъ мышленіемъ не привыкъ различать житейскія отношенія, не умѣлъ и не хотѣлъ раздѣлять разныя стороны жизни. Если нѣмецъ командуетъ русскими ратными людьми и учитъ ихъ своей ратной хитрости, стало быть, надо и одѣваться, и бороду брить по-нѣмецки, **Государственныя нововведенія.**

и вѣру принять нѣмецкую, табакъ курить, молоко пить по средамъ и пятницамъ, а свое древнее благочестіе покинуть. Совѣсть русскаго человѣка въ раздумьи стала между родной стариной и Нѣмецкой слободой. Все это настроило русское общество къ половинѣ XVII в. чрезвычайно тревожно и подозрительно, и это настроеніе обнаруживалось при каждомъ случаѣ. Въ 1648 г., когда молодой царь Алексѣй собирался жениться, въ Москвѣ вдругъ пошли толки, что скоро настанетъ конецъ древнему благочестію и будутъ введены новые иноземные обычаи. При такомъ настроеніи попытка исправить церковные обряды и текстъ богослужебныхъ книгъ легко могла показаться смущенному и пугливому церковному обществу посягательствомъ на самую вѣру. Случилось такъ, что за это исправленіе принялся іерархъ, который по самому характеру своему способенъ былъ довести это настроеніе до крайней степени напряженія. Патріархъ Никонъ, посвященный въ этотъ санъ въ 1652 г., самъ по себѣ заслуживаетъ того, чтобы въ очеркѣ происхожденія раскола удѣлить ему минуту вниманія.

Патріархъ Никонъ.

Онъ родился въ 1605 г. въ крестьянской средѣ, при помощи своей грамотности сталъ сельскимъ священникомъ, но по обстоятельствамъ жизни рано вступилъ въ монашество, закалилъ себя суровымъ искусомъ пустынножительства въ сѣверныхъ монастыряхъ и способностью сильно вліять на людей пріобрѣлъ неограниченное довѣріе царя, довольно быстро достигъ сана митрополита новгородскаго и наконецъ 47 лѣтъ отъ роду сталъ всероссійскимъ патріархомъ. Изъ русскихъ людей XVII в. я не знаю человѣка крупнѣе и своеобразнѣе Никона. Но его не поймешь сразу: это — довольно сложный характеръ и прежде всего характеръ очень неровный. Въ спокойное время, въ еже-

дневномъ обиходѣ онъ былъ тяжелъ, капризенъ, вспыльчивъ и властолюбивъ, больше всего самолюбивъ. Но это едва ли были его настоящія, коренныя свойства. Онъ умѣлъ производить громадное нравственное впечатлѣніе, а самолюбивые люди на это неспособны. За ожесточеніе въ борьбѣ его считали злымъ; но его тяготила всякая вражда, и онъ легко прощалъ врагамъ, если замѣчалъ въ нихъ желаніе пойти ему навстрѣчу. Съ упрямыми врагами Никонъ былъ жестокъ. Но онъ забывалъ все при видѣ людскихъ слезъ и страданій; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгомъ пастырскаго служенія, сколько безотчетнымъ влеченіемъ доброй природы. По своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ онъ былъ большой дѣлецъ, желавшій и способный дѣлать большія дѣла, но только большія. Что умѣли дѣлать всѣ, то онъ дѣлалъ хуже всѣхъ; но онъ хотѣлъ и умѣлъ дѣлать то, за что не умѣлъ взяться никто, все равно, доброе ли то было дѣло, или дурное. Его поведеніе въ 1650 г. съ новгородскими бунтовщиками, которымъ онъ далъ себя избить, чтобы ихъ образумить, потомъ во время московскаго мора 1654 г., когда онъ въ отсутствіе царя вырвалъ изъ заразы его семью, обнаруживаетъ въ немъ рѣдкую отвагу и самообладаніе; но онъ легко терялся и выходилъ изъ себя отъ житейской мелочи, ежедневнаго вздора; минутное впечатлѣніе разросталось въ цѣлое настроеніе. Въ самыя трудныя минуты, имъ же себѣ созданныя и требовавшія полной работы мысли, онъ занимался пустяками и изъ-за пустяковъ готовъ былъ поднять большое шумное дѣло. Осужденный и сосланный въ Ѳерапонтовъ монастырь, онъ получалъ отъ царя гостинцы, и когда разъ царь прислалъ ему много хорошей рыбы, Никонъ обидѣлся и отвѣтилъ

упрекомъ, зачѣмъ не прислали овощей, винограду въ патокѣ, яблочекъ. Въ добромъ настроеніи онъ былъ находчивъ, остроуменъ, но обиженный и раздраженный, терялъ всякій тактъ и причуды озлобленнаго воображенія принималъ за дѣйствительность. Въ заточеніи онъ принялся лѣчить больныхъ, но не утерпѣлъ, чтобы не кольнуть царя своими цѣлительными чудесами, послалъ ему списокъ излѣченныхъ, а царскому посланцу сказывалъ, былъ де ему глаголъ, отнято де у тебя патріаршество, зато дана чаша лѣкарственная: „лѣчи болящихъ". Никонъ принадлежалъ къ числу людей, которые спокойно переносятъ страшныя боли, но охаютъ и приходятъ въ отчаяніе отъ булавочнаго укола. У него была слабость, которой страдаютъ нерѣдко сильные, но мало выдержанные люди: онъ скучалъ покоемъ, не умѣлъ терпѣливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлеченіе смѣлою ли мыслью, или широкимъ предпріятіемъ, даже просто хотя бы ссорой съ противнымъ человѣкомъ. Это словно парусъ, который только въ бурю бываетъ самимъ собой, а въ затишье треплется на мачтѣ безполезной тряпкой.

Лекція LV.

Положеніе русской Церкви при вступленіи Никона на патріаршій престолъ. — Его идея вселенской Церкви. — Его новшества. — Чѣмъ Никонъ содѣйствовалъ церковному расколу? — Латинобоязнь. — Признанія первыхъ старообрядцевъ. — Обзоръ сказаннаго. — Народно-психологическій составъ старообрядства. — Расколъ и просвѣщеніе. — Содѣйствіе раскола западному вліянію.

Почти еще во цвѣтѣ лѣтъ и съ нетронутымъ запасомъ силъ Никонъ сталъ патріархомъ русской Церкви. Онъ попалъ въ бурливый и мутный водоворотъ разносторонних стремленій, политическихъ замысловъ, церковныхъ недоразумѣній и придворныхъ интригъ. Государство готовилось воевать съ Польшей, свести съ ней затянувшіеся со Смутнаго времени счеты и сдержать прикрытый ея флагомъ католическій натискъ на западную Русь. Для успѣха въ этой борьбѣ Москвѣ нужны были протестанты, ихъ военное искусство и промышленныя указанія. Для русской церковной іерархіи возникала двусторонняя забота: надобно было поощрять царское правительство къ борьбѣ съ католиками и сдерживать его отъ увлеченія протестантами. Подъ гнетомъ этой заботы въ застоявшейся церковной жизни появляются признаки нѣкотораго движенія. Готовясь къ борьбѣ, русское церковное общество насторожилось, спѣшило прибраться, почиститься, собраться съ силами, внимательнѣе присмотрѣться къ своимъ недостаткамъ: из- *Положеніе Церкви.*

даются строгіе указы противъ суевѣрій, языческихъ обычаевъ въ народѣ, безобразнаго провожденія праздниковъ, противъ кулачныхъ боевъ, зазорныхъ игрищъ, пьянства и невѣжества духовенства, противъ безпорядковъ въ богослуженіи. Спѣшили возможно скорѣе вымести соръ, небрежно копившійся вмѣстѣ съ церковными богатствами 6½ столѣтій. Стали искать союзниковъ. Если государству понадобился мастеръ-нѣмецъ, то Церковь почувствовала нужду въ учителѣ грекѣ или кіевлянинѣ. Отношенія къ грекамъ улучшаются: вопреки прежнему недовѣрчивому и пренебрежительному взгляду на ихъ пестрое благочестіе теперь въ Москвѣ признаютъ ихъ строго православными. Сношенія съ восточной іерархіей оживляются: все чаще появляются въ Москвѣ восточные іерархи съ просьбами и предложеніями; все чаще обращаются изъ Москвы на Востокъ къ греческимъ владыкамъ съ запросами по церковнымъ нуждамъ и недоумѣніямъ. Русская автокефальная Церковь съ подобающимъ благоговѣинствомъ относится къ Церкви константинопольской, какъ къ своей бывшей митрополіи; мнѣніямъ восточныхъ патріарховъ въ Москвѣ внемлютъ, какъ голосу вселенской Церкви; никакого важнаго церковнаго недоумѣнія не рѣшаютъ безъ ихъ согласія. Греки шли навстрѣчу шедшимъ изъ Москвы призывамъ. Въ то время какъ Москва искала свѣта на греческомъ Востокѣ, оттуда шли внушенія самой Москвѣ стать источникомъ свѣта для православнаго Востока, питомникомъ и разсадникомъ духовнаго просвѣщенія для всего православнаго міра, основать высшее духовное училище и завести греческую типографію. Въ то же время довѣрчиво пользовались трудами и услугами кіевской учености. Но всѣ эти духовныя силы легче было собрать, чѣмъ объединить, наладить для дружной работы. Кіевскіе академики и ученые

греки являлись въ Москву спесивыми гостями, коловшими глаза хозяевамъ своимъ научнымъ превосходствомъ. Придворные сторонники западной культуры, какъ Морозовъ и Ртищевъ, дорожа нѣмцами, какъ мастерами, привѣчали грековъ и кіевлянъ, какъ церковныхъ учителей, и помогали Никонову предшественнику, патріарху Іосифу, который тоже держался обновительнаго направленія вмѣстѣ съ царсимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, хлопоталъ о школѣ, о переводѣ и изданіи образовательныхъ книгъ, а для проведенія въ народную массу благопристойныхъ понятій и нравовъ Стефанъ вызвалъ изъ разныхъ угловъ Россіи популярныхъ проповѣдниковъ, священниковъ Ивана Неронова изъ Нижняго, Даніила изъ Костромы, Логгина изъ Мурома, Аввакума изъ Юрьевца Повольскаго, Лазаря изъ Романова-Борисоглѣбска. Въ этой компаніи вращался и Никонъ, пока молчаливо себѣ на умѣ присматриваясь къ товарищамъ, своимъ первымъ будущимъ врагамъ. Но Ртищева за научныя наклонности заподозрили въ ереси, а царскій духовникъ, съ виду благодушный и смиренный назидатель царя, при первомъ столкновеніи обругалъ передъ нимъ патріарха и весь Освященный соборъ волками и губителями, сказавъ, что въ Московскомъ государствѣ и Церкви-то Божіей совсѣмъ нѣтъ, такъ что патріархъ билъ челомъ царю по силѣ Уложенія, присуждающаго смертную казнь за хулу на соборную и апостольскую Церковь. Наконецъ и подобранные духовникомъ сотрудники перестали слушаться своего вожака, говорили съ нимъ „жестоко и противно“, попросту ругались и съ фанатическимъ самозабвеніемъ во имя того же русскаго бога набросились на патріарха и всѣхъ нововводителей съ ихъ новыми книгами, идеями, порядками и учителями, не разбирая ни нѣмцевъ, ни грековъ, ни кіевлянъ. Духовникъ царскій былъ правъ,

сказавъ, что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ Церкви Божіей, если подъ Церковью разумѣть церковно-іерархическую дисциплину и богослужебный порядокъ. Здѣсь царили безнарядье и безчиніе. Набожная, выдержанная въ церковности русская паства скучала долгимъ стояніемъ въ храмѣ. Угождая ей, духовенство самовольно ввело ускоренный порядокъ богослуженія: читали и пѣли разное въ два, въ три голоса или одновременно дьячокъ читалъ, дьяконъ говорилъ эктенію, а священникъ возгласы, такъ что ничего нельзя было разобрать, лишь бы было прочитано и спѣто все положенное по Служебнику. Еще Стоглавый соборъ строго воспретилъ такое многогласіе; но духовенство не слушалось соборнаго постановленія. За такое безчиніе достаточно было подвергать безчинныхъ священнослужителей дисциплинарному взысканію. Но патріархъ по приказу царя въ 1649 г. созвалъ по этому дѣлу цѣлый церковный соборъ, который, опасаясь ропота духовенства и мірянъ, утвердилъ безпорядокъ. Въ 1651 г. недовольство сторонниковъ церковнаго благочинія понудило на новомъ соборѣ перерѣшить дѣло въ пользу единогласія. Высшіе пастыри Церкви боялись своей паствы и даже подвластнаго духовенства, а паства ни во что не ставила своихъ пастырей, которые подъ гнетомъ измѣнчивыхъ вліяній метались изъ стороны въ сторону, не отставая въ законодательной растерянности отъ государственнаго правительства.

Идея вселенской Церкви

Можно было бы подивиться духовной силѣ Никона, сумѣвшаго среди этой взбаламученной разносторонними вѣяніями церковной мути выработать и донести до патріаршаго престола ясную мысль о Церкви вселенской и объ отношеніи къ ней помѣстной Церкви русской, если бы онъ внесъ въ эту мысль болѣе серіознаго содержанія. Онъ вступилъ

въ управленіе русской Церковью съ твердой рѣшимостью возстановить полное согласіе ея съ Церковью греческой, уничтоживъ всѣ обрядовыя особенности, которыми первая отличалась отъ послѣдней. Не было недостатка во внушеніяхъ, поддерживавшихъ въ немъ сознаніе необходимости этого единенія. Восточные іерархи, все чаще наѣзжавшіе въ Москву въ XVII в., укоризненно указывали русскимъ церковнымъ пастырямъ на эти особенности, какъ на мѣстныя новизны, могущія разстроить согласіе между помѣстными православными церквами. Незадолго до вступленія Никона на патріаршую каѳедру случилось событіе, указывавшее на такую опасность. На Аѳонѣ монахи всѣхъ греческихъ монастырей, составивъ соборъ, признали двуперстіе ересью, сожгли московскія богослужебныя книги, въ которыхъ оно было положено, и хотѣли сжечь самого старца, у котораго нашли эти книги. Можно угадывать личное побужденіе, заставлявшее Никона больше всего заботиться объ упроченіи тѣснаго общенія русской Церкви съ восточными, русскаго патріарха со вселенскими. Онъ понималъ, что вялыя преобразовательныя поползновенія патріарха Іосифа и его единомышленниковъ не выведутъ русской Церкви изъ ея безотраднаго положенія. Онъ воочію видѣлъ, какимъ жалкимъ статистомъ служилъ на придворной сценѣ всероссійскій патріархъ, по собственному опыту зналъ, какъ легко настойчивый человѣкъ можетъ повернуть молодого царя въ любую сторону, и его взрывчатое самолюбіе возмущалось при мысли, что и онъ, патріархъ Никонъ, можетъ стать игрушкой въ рукахъ какого-нибудь зазнавшагося царскаго духовника подобно своему предшественнику, къ концу патріаршества ждавшему со дня на день отставки. На высотѣ апостольскаго престола въ Москвѣ Никонъ долженъ былъ чувствовать себя одино-

кимъ и искалъ опоры на сторонѣ, на вселенскомъ Востокѣ, въ тѣсномъ единеніи съ восточными сопрестольниками, ибо авторитетъ вселенской Церкви при всей трудности этого представленія для московскаго церковнаго разумѣнія все же былъ нѣкоторымъ пугаломъ для набожно-трусливой, хотя и всевластной московской совѣсти. По своей привычкѣ всякую идею, всякое чувство, его захватывавшее, разрабатывать при содѣйствіи воображенія, онъ забывалъ свою нижегородскую мордовскую родину и хотѣлъ заставить себя стать грекомъ. На церковномъ соборѣ 1655 г. онъ объявилъ, что хотя онъ русскій и сынъ русскаго, но его *вѣра* и убѣжденія греческія. Въ томъ же году послѣ торжественной службы въ Успенскомъ соборѣ онъ на глазахъ всего молившагося народа снялъ съ себя русскій клобукъ и надѣлъ греческій, что впрочемъ вызвало не улыбку, а сильный ропотъ, какъ вызовъ всѣмъ вѣровавшимъ, что въ русской Церкви все предано апостолами по внушенію Св. Духа. Никонъ хотѣлъ даже столъ имѣть греческій. Въ 1658 г. самъ архимандритъ греческаго монастыря на Никольской улицѣ съ келаремъ „строили кушанье государю патріарху по-гречески“ и за то получили по полтинѣ, рублей по 7 на наши деньги. Укрѣпившись опорой внѣ сферы московской власти, Никонъ хотѣлъ быть не просто московскимъ и всероссійскимъ патріархомъ, а еще однимъ изъ вселенскихъ и дѣйствовать самостоятельно. Онъ хотѣлъ дать дѣйствительную силу титулу „великаго государя“, какой онъ носилъ наравнѣ съ царемъ, все равно, была ли это снисходительно допущенная узурпація, или неосторожно пожалованная „собинному другу“ царкая милость. Онъ ставилъ священство не только вровень съ царствомъ, но и выше его. Когда его упрекали въ папизмѣ, онъ безъ смущенія отвѣчалъ: „за доброе отчего

и папу не почитать? тамь верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ". Никонъ бросилъ вызовъ всему прошлому русской Церкви, какъ и окружающей русской дѣйствительности. Но онъ не хотѣлъ считаться со всѣмъ этимъ: передъ носителемъ вѣчной и вселенской идеи должно исчезать все временное и мѣстное. Вся задача въ томъ, чтобы установить полное согласіе и единеніе Церкви русской съ другими помѣстными православными церквами, а тамъ ужъ онъ, патріархъ всея Руси, сумѣетъ занять подобающее мѣсто среди высшей іерархіи вселенской Церкви.

Новшества.

Никонъ приступилъ къ дѣлу возстановленія этого согласія со своей обычной ревностью и увлеченіемъ. Вступая на патріаршій престолъ, онъ связалъ боярское правительство и народъ торжественною клятвой дать ему волю устроить церковныя дѣла, получилъ своего рода церковную диктатуру. Ставъ патріархомъ, онъ на много дней затворился въ книгохранилищѣ, чтобы разсмотрѣть и изучить старыя книги и спорные тексты. Здѣсь, между прочимъ, онъ нашелъ грамоту объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, подписанную въ 1593 г. восточными патріархами, въ которой онъ прочиталъ, что московскій патріархъ, какъ братъ всѣхъ прочихъ православныхъ патріарховъ, во всемъ долженъ быть съ ними согласенъ и истреблять всякую новизну въ оградѣ своей Церкви, такъ какъ новизны всегда бываютъ причиной церковнаго раздора. Тогда Никономъ овладѣлъ великій страхъ при мысли, не попустила ли русская Церковь какого-нибудь отступленія отъ православнаго греческаго закона. Онъ началъ разсматривать и сличать съ греческимъ славянскій текстъ символа вѣры и богослужебныхъ книгъ и вездѣ нашелъ перемѣны и несходства съ греческимъ текстомъ. Въ сознаніи своего долга под-

держивать согласіе съ Церковью греческой онъ рѣшилъ приступить къ исправленію русскихъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. Онъ началъ съ того, что своею властью безъ собора въ 1653 г. передъ великимъ постомъ разослалъ по церквамъ указъ, сколько слѣдуетъ класть земныхъ поклоновъ при чтеніи извѣстной молитвы св. Ефрема Сирина, при чемъ предписывалъ также креститься тремя перстами. Потомъ онъ ополчился противъ русскихъ иконописцевъ своего времени, которые отступали отъ греческихъ образцовъ въ писаніи иконъ и усвояли пріемы католическихъ живописцевъ. Далѣе при содѣйствіи юго-западныхъ монаховъ онъ ввелъ на мѣсто древняго московскаго унисоннаго пѣнія новое кіевское партесное, а также завелъ небывалый обычай произносить въ церкви проповѣди собственнаго сочиненія. Въ древней Руси подозрительно смотрѣли на такія проповѣди, видѣли въ нихъ признакъ самомнѣнія проповѣдника; пристойнымъ считали читать поученія св. отцевъ, хотя обыкновенно и ихъ не читали, чтобъ не замедлять церковной службы. Никонъ самъ любилъ и былъ мастеръ произносить поученія собственнаго сочиненія. По его внушенію и примѣру и пріѣзжіе кіевляне начали говорить въ московскихъ церквахъ свои проповѣди, иногда даже на современныя темы. Легко понять смущеніе, въ какое должны были впасть отъ этихъ новизнъ православные русскіе умы, и безъ того тревожно настроенные. Распоряженія Никона показывали русскому православному обществу, что оно доселѣ не умѣло ни молиться, ни писать иконъ и что духовенство не умѣло совершать богослуженіе, какъ слѣдуетъ. Это смущеніе живо выразилъ одинъ изъ первыхъ вождей раскола, протопопъ Аввакумъ. Когда вышло распоряженіе о великопостныхъ поклонахъ, „мы, пишетъ онъ, собрались и задумались: видимъ, зима на-

ступаетъ, сердце озябло и ноги задрожали". Смущеніе должно было усилиться, когда Никонъ приступилъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ, хотя это дѣло онъ провелъ черезъ церковный соборъ 1654 г. подъ предсѣдательствомъ самого царя и въ присутствіи Боярской думы: соборъ постановилъ при печатаніи церковныхъ книгъ исправлять ихъ по древнимъ славянскимъ и по греческимъ книгамъ. Богослужебныя книги въ древней Руси плохо отличали отъ Свящ. Писанія. Потому предпріятіе Никона возбуждало вопросъ: неужели и божественное писаніе неправо? что же послѣ этого есть праваго въ русской Церкви? Тревога усиливалась еще тѣмъ, что всѣ свои распоряженія патріархъ вводилъ порывисто и съ необычайнымъ шумомъ, не подготовляя къ нимъ общества и сопровождая ихъ жестокими мѣрами противъ ослушниковъ. Оборвать, обругать, проклясть, избить неугоднаго человѣка — таковы были обычные пріемы его властнаго пастырства. Такъ онъ поступилъ даже съ епископомъ коломенскимъ Павломъ, возражавшимъ ему на соборѣ 1654 г.: безъ соборнаго суда Павелъ былъ лишенъ каѳедры, преданъ „лютому біенію" и сосланъ, сошелъ съ ума и погибъ безвѣстной смертью. Одинъ современникъ разсказываетъ, какъ Никонъ дѣйствовалъ противъ новаго иконописанія. Въ 1654 г., когда царь былъ въ походѣ, патріархъ приказалъ произвести въ Москвѣ обыскъ по домамъ и забрать иконы новаго письма вездѣ, гдѣ онѣ окажутся, даже въ домахъ знатныхъ людей. У отобранныхъ иконъ выкалывали глаза и въ такомъ видѣ носили ихъ по городу, объявляя указъ, который грозилъ строгимъ наказаніемъ всѣмъ, кто будетъ писать такія иконы. Вскорѣ послѣ того въ Москвѣ настала моровая язва и случилось солнечное затменіе. Москвичи пришли въ сильное волненіе, собирали сходки и бранили патріарха,

говоря, что моръ и затменіе — кара Божія за нечестіе Никона, ругающагося надъ иконами, собирались даже убить иконоборца. Въ 1655 г. въ недѣлю православія патріархъ совершалъ въ Успенскомъ соборѣ торжественное богослуженіе въ присутствіи двухъ восточныхъ патріарховъ, антіохійскаго и сербскаго, случившихся тогда въ Москвѣ. Послѣ литургіи Никонъ, прочитавъ бесѣду о поклоненіи иконамъ, произнесъ сильную рѣчь противъ новой русской иконописи и предалъ церковному отлученію всѣхъ, кто впредь будетъ писать или держать у себя новыя иконы. При этомъ ему подносили отобранныя иконы и онъ, показывая каждую народу, бросалъ ее на желѣзный полъ съ такою силою, что икона разбивалась. Наконецъ онъ приказалъ сжечь неисправныя иконы. Царь Алексѣй, все время смиреннно слушавшій патріарха, подошелъ къ нему и тихо сказалъ: „нѣтъ, батюшка, не вели ихъ жечь, а прикажи лучше зарыть въ землю“.

Содѣйствіе Никона расколу.

Чтò было всего хуже, такое ожесточеніе противъ привычныхъ церковныхъ обычаевъ и обрядовъ вовсе не оправдывалось убѣжденіемъ Никона въ ихъ душевредности и въ исключительной душеспасительности новыхъ. Какъ до возбужденія вопросовъ объ исправленіи книгъ самъ онъ крестился двумя перстами, такъ и послѣ допускалъ въ Успенскомъ соборѣ и сугубую и трегубую аллилуію. Ужъ въ концѣ своего патріаршества, въ разговорѣ съ покорившимся Церкви противникомъ Иваномъ Нероновымъ о старыхъ и новоисправленныхъ книгахъ, онъ сказалъ: и тѣ и другія добры; все равно, по коимъ хочешь, по тѣмъ и служишь. Значитъ, дѣло было не въ обрядѣ, а въ противленіи церковной власти. Нероновъ съ единомышленниками и былъ проклятъ на соборѣ 1656 г. не за двуперстіе или старопечатныя книги, а за то, что не покорялся церков-

ному собору. Вопросъ сводился съ обряда на *правило*, обязывавшее повиноваться церковной власти. На томъ же основаніи и соборъ 1666/7 гг. положилъ клятву на старообрядцевъ. Дѣло получало такой смыслъ: церковная власть предписывала непривычный для паствы обрядъ; непокорявшіеся предписанію отлучались не за старый обрядъ, а за непокорность; но кто раскаивался, того возсоединяли съ Церковью и разрѣшали ему держаться стараго обряда. Это похоже на пробную лагерную тревогу, пріучающую людей быть всегда въ боевой готовности. Но такой искусъ церковнаго послушанія — пастырская игра религіозной совѣстью пасомыхъ. Протоповъ Аввакумъ и другіе не нашли въ себѣ столь гибкой совѣсти и стали расколоучителями. А объяви Никонъ въ самомъ началѣ дѣла всей Церкви то же, что онъ сказалъ покорившемуся Неронову, не было бы и раскола. Никонъ много помогъ успѣхамъ раскола тѣмъ, что плохо понималъ людей, съ которыми ему приходилось считаться, слишкомъ низко цѣнилъ своихъ первыхъ противниковъ, Неронова, Аввакума и другихъ своихъ бывшихъ друзей. Это были не только популярные проповѣдчики, но и народные агитаторы. Свой учительный даръ они показывали преимущественно на ученіяхъ св. отцовъ, особенно Іоанна Златоуста, на *Маргаритѣ*, какъ назывался сборникъ его поученій. И Нероновъ, священствуя въ Нижнемъ, не разставался съ этой книгой, читалъ и толковалъ ее съ церковной каѳедры, даже по улицамъ и площадямъ, собирая большія толпы народа. Неизвѣстно, много ли было богословскаго смысла въ этихъ экзегетическихъ импровизаціяхъ, но темперамента, несомнѣнно, было съ избыткомъ. Притомъ это былъ жестокій обличитель мірскихъ пороковъ, пьянства духовныхъ, гроза скомороховъ, даже воеводскихъ злоупотребленій, за что не разъ былъ

бываемъ. Когда онъ сталъ настоятелемъ Казанскаго собора въ Москвѣ, туда на его служеніе сходилась вся столица, переполняла храмъ и паперть, облѣпляла окна; самъ царь съ семьей приходилъ послушать проповѣдника. На Неронова похожи были и другіе изъ братіи царскаго духовника. Популярность и благоволеніе двора наполнили ихъ непомѣрной дерзостью. Привыкнувъ запросто обходиться съ Никономъ до патріаршества, они теперь стали грубить ему, срамить его на соборѣ, доносить на него царю. Патріархъ отвѣчалъ имъ жестокими карами. Муромскій протопопъ Логгинъ, благословляя жену мѣстнаго воеводы въ его домѣ, спросилъ ее, не набѣлена ли она. Обиженный хозяинъ и гости заговорили: ты, протопопъ, хулишь бѣлила, а безъ нихъ и образа не пишутся. Если, возразилъ Логгинъ, составы, какими пишутся образа, положить на ваши рожи, вамъ это не понравится; самъ Спасъ, пресв. Богородица и всѣ святые честнѣе своихъ образовъ. Въ Москву сейчасъ доносъ отъ воеводы: Логгинъ похулилъ образа Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Никонъ, не разобравъ этого нелѣпаго дѣла, подвергъ Логгина жестокому аресту въ отместку за то, что протопопъ прежде укорялъ его въ гордости и высокоуміи. Внося личную вражду въ церковное дѣло, Никонъ одновременно и ронялъ свой пастырскій авторитетъ, и украшалъ страдальческимъ вѣнцомъ своихъ противниковъ, а разгоняя ихъ по Россіи, снабжалъ глухіе углы ея умѣлыми сѣятелями старовѣрья. Такъ Никонъ не оправдалъ своей диктатуры, не устроилъ церковныхъ дѣлъ, напротивъ, еще болѣе ихъ разстроилъ. Власть и придворное общество погасили въ немъ духовныя силы, дарованныя ему щедрой для него природой. Ничего обновительнаго, преобразовательнаго не внесъ онъ въ свою пастырскую дѣятельность; всего менѣе было этого въ пред-

принятомъ имъ исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ. Корректура — не реформа, и если корректурныя поправки были приняты частью духовенства и общества за новые догматы и вызвали церковный мятежъ, то въ этомъ прежде всего виноватъ самъ Никонъ со всей русской іерархіей: зачѣмъ онъ предпринималъ такое дѣло, обязанный знать, что изъ него выйдетъ, и что̀ же дѣлали русскіе пастыри въ продолженіе столѣтій, если не научили своей паствы отличать догматъ отъ сугубой аллилуіи? Никонъ не перестраивалъ церковнаго порядка въ какомъ-либо новомъ духѣ и направленіи, а только замѣнялъ одну церковную форму другой. Самую идею вселенской Церкви, во имя которой предпринято было это шумное дѣло, онъ понялъ слишкомъ узко, по-раскольничьи, съ внѣшней обрядовой стороны, и не сумѣлъ ни провести въ сознаніе русскаго церковнаго общества болѣе широкаго взгляда на вселенскую Церковь, ни закрѣпить его какимъ-либо вселенскимъ соборнымъ постановленіемъ, и завершилъ все дѣло тѣмъ, что въ лицо обругалъ судившихъ его восточныхъ патріарховъ султанскими невольниками, бродягами и ворами: ревнуя о единеніи Церкви вселенской, онъ раскололъ свою помѣстную. Основная струна настроенія русскаго церковнаго общества, косность религіознаго чувства, слишкомъ крѣпко натянутая Никономъ, оборвавшись, больно хлестнула и его самого, и правящую русскую іерархію, одобрившую его дѣло.

Кромѣ собственнаго образа дѣйствій Никонъ располагалъ еще двумя вспомогательными средствами для борьбы со старовѣрческимъ упрямствомъ, которыя при данной имъ дѣлу постановкѣ столь же удачно способствовали успѣхамъ старовѣрья. Во-первыхъ, ближайшими сотрудниками Никона и проводниками его церковныхъ нововведеній были южно- Латинобоязнь.

русскіе ученые, о которыхъ знали въ Москвѣ, что они тѣсно соприкасались съ польскимъ католическимъ міромъ, или такіе греки, какъ помянутый Арсеній, бродяга-перекресть, бывшій католикъ и по слухамъ даже басурманъ, довѣренный книжный справщикъ Никона, вывезенный имъ изъ Соловецкаго исправительнаго подначала, „ссыльный чернецъ темныхъ римскихъ отступленій“, какъ объ немъ тогда отзывались. Притомъ введеніе церковныхъ новшествъ сопровождалось рѣзкими попреками со стороны пріѣзжихъ малороссовъ и грековъ, направленными противъ великороссовъ. Кіевскій монахъ, хохолъ, „нехай“, какъ тогда говорили, на каждомъ шагу кололъ глаза великорусскому обществу, особенно духовенству, злорадно коря его въ невѣжествѣ, безъ умолку твердя о его незнакомствѣ съ грамматикой, риторикой и другими школьными науками. Симеонъ Полоцкій торжественно съ церковной каѳедры въ московскомъ Успенскомъ соборѣ возвѣщалъ, что премудрость не имѣетъ въ Россіи гдѣ главу приклонить, что русскіе ученія чуждаются и мудрость, предстоящую Богу, презираютъ, говорилъ о невѣждахъ, которые смѣютъ называться учителями, не бывъ нигдѣ и никогда учениками: „поистинѣ это не учители, а мучители“. Подъ этими невѣждами разумѣлись прежде всего московскіе священники. Въ хранителяхъ древнерусскаго благочестія эти попреки возбуждали раздраженные вопросы: точно ли они такъ невѣжественны, да и эти привозныя школьныя науки въ самомъ ли дѣлѣ такъ ужъ необходимы для охраненія ввѣреннаго русской Церкви сокровища? Общество и безъ того уже было настроено тревожно и подозрительно вслѣдствіе наплыва иноземцевъ, а къ этому прибавлялось еще раздраженное чувство національнаго достоинства, оскорбляемое своею же православной братіей. Наконецъ, русскіе и восточные

іерархи на соборѣ 1666—7 гг., предавъ анаѳемѣ двуперстіе и другіе обряды, признанные Стоглавымъ соборомъ 1551 г., торжественно объявили, что „отцы этого собора мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно". Такимъ образомъ русская іерархія XVII в. предала полному осужденію русскую церковную старину, которая для значительной части тогдашняго русскаго общества имѣла вселенское значеніе. Легко понять смущеніе, въ какое всѣ эти явленія повергли православные русскіе умы, воспитанные въ описанномъ религіозномъ самодовольствѣ и такъ тревожно настроенные. Это смущеніе и повело къ расколу, какъ скоро найдена была разгадка непонятныхъ церковныхъ новведеній. Участіе въ нихъ пріѣзжихъ грековъ и западно-русскихъ ученыхъ, которыхъ подозрѣвали въ связи съ латинствомъ, назойливое навязываніе ими школьныхъ наукъ, процвѣтавшихъ на латинскомъ Западѣ, появленіе церковныхъ новшествъ вслѣдъ за западными новинами, неразумное пристрастіе правительства къ казавшимся ненужными заимствованіямъ съ того же Запада, откуда накликали и сытно кормили столько еретическаго люда, — все это распространило въ русскомъ рядовомъ обществѣ догадку, что церковныя новшества — дѣло тайной латинской пропаганды, что Никонъ и его греческіе и кіевскіе сотрудники суть орудія папы, еще разъ задумавшаго олатынить русскій православный народъ.

Достаточно заглянуть въ самыя раннія произведенія старообрядческой литературы, чтобы видѣть, что именно такія впечатлѣнія и опасенія руководили первыми борцами раскола и ихъ послѣдователями. Въ числѣ этихъ произведеній видное мѣсто занимаютъ двѣ челобитныя, изъ которыхъ одна подана была царю Алексѣю въ 1662 г. чернецомъ Савватіемъ, а другая въ 1667 г. братіей Соловецкаго монастыря, возставшей противъ никоновыхъ нововведеній. Признанія первыхъ старообрядцевъ.

Издатели исправленныхъ богослужебныхъ книгъ при Никонѣ кололи глаза приверженцамъ старыхъ неисправныхъ книгъ тѣмъ, что они не знали грамматики и риторики. Въ отвѣтъ на это чернецъ Савватій пишетъ царю о новыхъ книжныхъ исправителяхъ: „Ей, государь! смутились и книги портятъ, а начали такъ плутать недавно: свела ихъ съ ума несовершенная ихъ грамматика да пріѣзжіе нехаи". Церковныя нововведенія Никона оправдывались одобреніемъ восточныхъ греческихъ іерарховъ; но греки давно уже возбуждали въ русскомъ обществѣ подозрѣніе насчетъ чистоты своего православія, и въ отвѣтъ на обращеніе къ ихъ авторитету соловецкая челобитная замѣчаетъ, что греческіе учители сами лба перекрестить „по подобію", какъ подобаетъ, не умѣютъ и безъ крестовъ ходятъ; имъ самимъ слѣдовало бы учиться благочестію у русскихъ людей, а не учить послѣднихъ. Церковные нововводители увѣряли, что обряды русской Церкви неправы; но та же челобитная, смѣшивая обрядъ съ вѣроученіемъ и становясь за русскую церковную старину, пишетъ: „нынѣ новые вѣроучители учатъ насъ новой и неслыханной вѣрѣ, точно мы мордва или черемиса, Бога не знающая; пожалуй, придется намъ вторично креститься, а угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ вонъ изъ церкви выбросить; и такъ уже иноземцы смѣются надъ нами, говоря, что мы и вѣры-то христіанской по сіе время не знали". Очевидно, церковныя нововведенія задѣвали самую чувствительную струну въ настроеніи русскаго церковнаго общества, его національно-церковную самоувѣренность. Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и самый жаркій боецъ за расколъ, является самымъ вѣрнымъ истолкователемъ его основной точки зрѣнія и его побужденій. Въ образѣ дѣйствій и въ сочиненіяхъ этого старообрядческаго борца выражается вся

сущность древнерусскаго религіознаго міровоззрѣнія, какъ оно сложилось къ изучаемому времени. Аввакумъ видитъ источникъ церковной бѣды, постигшей Русь, въ новыхъ западныхъ обычаяхъ и въ новыхъ книгахъ: „Охъ, бѣдная Русь! восклицаетъ онъ въ одномъ сочиненіи, что это тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступковъ?" И онъ того мнѣнія, что восточные церковные учители, которыхъ призывали на Русь научить и наставить ее въ церковныхъ недоумѣніяхъ, сами нуждаются въ наученіи и вразумленіи и именно со стороны Руси. Въ своей автобіографіи онъ рисуетъ безподобную сцену, разыгравшуюся на судившемъ его церковномъ соборѣ 1667 г., именно свое поведеніе въ присутствіи восточныхъ патріарховъ. Послѣдніе говорятъ ему: „ты упрямъ, протопопъ: вся наша Палестина, и сербы, и албанцы, и римляне, и ляхи — всѣ тремя перстами крестятся; одинъ ты упорно стоишь на своемъ и крестишься двумя перстами; такъ не подобаетъ". Аввакумъ возразилъ: „Вселенскіе учители! Римъ давно палъ, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца остались врагами христіанамъ; да и у васъ православіе пестро, отъ насилія турскаго Махмета немощны вы стали и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божіей благодатью самодержавіе и до Никона-отступника православіе было чисто и непорочно и Церковь безмятежна". Сказавъ это, подсудимый отошелъ къ дверямъ палаты да на бокъ и повалился, приговаривая: „посидите вы, а я полежу". Нѣкоторые засмѣялись, говоря: „дуракъ протопопъ, и патріарховъ не почитаетъ". Аввакумъ продолжалъ: „мы уроды Христа ради; вы славны, а мы безчестны; вы сильны, а мы немощны". Основную мысль, руководившую первыми вождями раскола, Аввакумъ выразилъ такъ: „хотя я несмысленный и очень неученый человѣкъ, да то знаю, что все, святыми отцами Церкви

26*

преданное, свято и непорочно; держу до смерти, якоже пріяхъ, не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ; до насъ положено — лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ". Эти черты древнерусскаго религіознаго міросозерцанія, которому событія XVII в. сообщили чрезвычайно болѣзненное возбужденіе и одностороннее направленіе, цѣликомъ перешли въ расколъ, легли въ основаніе его религіознаго міросозерцанія.

Обзоръ сказаннаго.

Такъ я объясняю происхожденіе раскола. Припомнимъ еще разъ изложенныя наблюденія, чтобы отдать себѣ отчетъ въ этомъ фактѣ и въ его значеніи.

Внѣшнія бѣдствія, постигшія Русь и Византію, уединили русскую Церковь, ослабивъ ея духовное общеніе съ церквами православнаго Востока. Это помутило въ русскомъ церковномъ обществѣ мысль о вселенской Церкви, подставивъ подъ нее мысль о Церкви русской, какъ единственной православной, замѣнившей собою Церковь вселенскую. Тогда авторитетъ вселенскаго христіанскаго сознанія былъ подмѣненъ авторитетомъ мѣстной національной церковной старины. Замкнутая жизнь содѣйствовала накопленію въ русской церковной практикѣ мѣстныхъ особенностей, а преувеличенная оцѣнка мѣстной церковной старины сообщила этимъ особенностямъ значеніе неприкосновенной святыни. Житейскіе соблазны и религіозныя опасности, принесенные западнымъ вліяніемъ, насторожили вниманіе русскаго церковнаго общества, а въ его руководителяхъ пробудили потребность собираться съ силами для предстоявшей борьбы, осмотрѣться и прибраться, подкрѣпиться содѣйствіемъ другихъ православныхъ обществъ и для того тѣснѣе сойтись съ ними. Такъ въ лучшихъ русскихъ умахъ около половины XVII в. оживилась замиравшая мысль о вселенской Церкви, обнаружившаяся у патріарха Никона нетерпѣливой и порывистой дѣятельностью, направленной къ обря-

довому сближенію русской Церкви съ восточными церквами. Какъ самая эта идея, такъ и обстоятельства ея пробужденія и особенно способы ея осуществленія вызвали въ русскомъ церковномъ обществѣ страшную тревогу. Мысль о вселенской Церкви выводила это общество изъ его спокойнаго религіознаго самодовольства, изъ національно-церковнаго самомнѣнія. Порывистое и раздраженное гоненіе привычныхъ обрядовъ оскорбляло національное самолюбіе, не давало встревоженной совѣсти одуматься и переломить свои привычки и предразсудки, а наблюденіе, что латинское вліяніе дало первый толчокъ этимъ преобразовательнымъ порывамъ, наполнило умы паническимъ ужасомъ при догадкѣ, что этой ломкой родной старины двигаетъ скрытая злокозненная рука изъ Рима.

Народно-психологическій составъ старообрядства.

Итакъ расколъ, какъ религіозное настроеніе и какъ протестъ противъ западнаго вліянія, произошелъ отъ встрѣчи преобразовательнаго движенія въ государствѣ и Церкви съ народно-психологическимъ значеніемъ церковнаго обряда и съ національнымъ взглядомъ на положеніе русской Церкви въ христіанскомъ мірѣ. Съ этихъ сторонъ онъ есть явленіе народной психологіи и только. Въ народно-психологическомъ составѣ старообрядства надобно различать три основные элемента: 1) церковное самомнѣніе, по винѣ котораго православіе у насъ превратилось въ національную монополію *(национализація вселенской Церкви)*; 2) косность и робость богословской мысли, не умѣвшей усвоить духа новаго чуждаго знанія и испугавшейся его, какъ нечистаго латинскаго навожденія *(латинобоязнь)*, и 3) инерція религіознаго чувства, не умѣвшаго отрѣшиться отъ привычныхъ способовъ и формъ своего возбужденія и проявленія *(языческая обрядность)*. Но протестующее противоцерковное настроеніе раскола превратилось въ церков-

ный мятежъ, когда старообрядцы отказались повиноваться своимъ церковнымъ пастырямъ за ихъ предполагаемую привязанность къ латинству, а русскіе церковные іерархи съ двумя восточными патріархами на московскомъ соборѣ 1667 г. отлучили непокорныхъ старообрядцевъ отъ православной Церкви за ихъ противленіе канонической власти церковныхъ пастырей. Съ того времени расколъ и получилъ свое бытіе не только какъ религіозное настроеніе, но и какъ особенное церковное общество, отдѣлившееся отъ господствующей Церкви.

Расколъ и просвѣщеніе.

Расколъ скоро отозвался и на ходѣ русскаго просвѣщенія, и на условіяхъ западнаго вліянія. Это вліяніе дало прямой толчокъ реакціи, породившей расколъ, а расколъ въ свою очередь далъ косвенный толчокъ школьному просвѣщенію, на которое онъ такъ ополчался. И греческіе, и западнорусскіе ученые твердили о народномъ русскомъ невѣжествѣ, какъ о коренной причинѣ раскола. Теперь и стали думать о настоящей правильной школѣ. Но какого она должна быть типа и направленія? Здѣсь расколъ помогъ раздѣлиться взглядамъ, прежде сливавшимся по недоразумѣнію. Пока передъ глазами стояли внѣшніе еретики, папежники и люторы, для борьбы съ ними радушно призывали и грековъ, и кіевлянъ, и Епифанія Славинецкаго, приходившаго съ греческимъ языкомъ, и Симеона Полоцкаго — съ латинскимъ. Но теперь завелись еретики домашніе, старовѣры, отпавшіе отъ Церкви за ея латинскія новшества, и *хлѣбопоклонники,* исповѣдывавшіе латинское ученіе о времени пресуществленія св. даровъ, и заводчикомъ этой ереси въ Москвѣ считали латиниста С. Полоцкаго. Возникъ горячій споръ объ отношеніи къ обоимъ языкамъ, о томъ, который изъ нихъ долженъ лечь въ основу православнаго школьнаго образованія. Эти языки были тогда не просто разные грамматики

и лексиконы, а разныя системы образованія, враждебныя культуры, непримиримыя міросозерцанія. Латынь — это „свободныя ученія", „свобода взысканія", свобода изслѣдованія, о которой говорить благословенная грамота прихожанамъ церкви Іоанна Богослова; это — науки, отвѣчающія и высшимъ духовнымъ, и ежедневнымъ житейскимъ нуждамъ человѣка, а греческій языкъ — это „священная философія", грамматика, риторика, діалектика, какъ служебныя науки, вспомогательныя средства для уразумѣнія Слова Божія. Восторжествовали, разумѣется, эллинисты. Въ царствованіе Θедора въ защиту греческаго языка написана была статья, которая начинается постановкой вопроса и отвѣтомъ на него: „Учитися ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и θеологіи и стихотворному художеству и оттуду познавати божественная писанія, или не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъчтенія разумъ святыхъ писаній познавати, — и что лучше россійскимъ людемъ учитися греческаго языка, а не латинскаго". Латинское ученіе по этой статьѣ безусловно вредно и губительно, грозитъ двумя великими опасностями: прослышавъ о принятіи этого ученія въ Москвѣ, лукавые іезуиты подкрадутся со своими неудобопознаваемыми силлогизмами и душетлительными аргументами", и тогда съ Великой Россіей повторится то же, что испытала Малая, гдѣ „быша мало не всѣ уніаты — рѣдціи осташася во православіи"; потомъ, если въ народѣ, особенно въ „простакахъ", прослышатъ о латинскомъ ученіи, не знаю, пишетъ авторъ, какого ждать добра, „точію избави Боже всякія противности". Въ 1681 г. при московской типографіи на Никольской открыто было училище съ двумя классами для изученія греческаго языка въ одномъ и славянскаго въ другомъ. Руководилъ этой типографской школой долго

жившій на Востокѣ іеромонахъ Тимоѳей съ двумя учителями греками. Въ школу вступило 30 учениковъ изъ разныхъ сословій. Въ 1686 г. ихъ числилось уже 233 человѣка, Потомъ заведена была и высшая школа, славяно-греко-латинская академія, открытая въ 1686 г. въ Заиконоспасскомъ монастырѣ на Никольской же. Руководить ей призваны были греки братья Лихуды. Сюда перевели старшихъ учениковъ типографскаго училища, которое стало какъ бы низшимъ отдѣленіемъ академіи. Въ 1685 г. ученикъ Полоцкаго Сильвестръ Медвѣдевъ поднесъ правительницѣ царевнѣ Софьѣ привилегій или уставъ академіи, составленный еще при царѣ Ѳедорѣ. Характеръ и задачи академіи ясно обозначены нѣкоторыми пунктами устава. Она открывалась для людей всѣхъ состояній и давала служебные чины воспитанникамъ. На должности ректора и учителей допускались только русскіе и греки; западно-русскіе православные ученые могли занимать эти должности только по свидѣтельству достовѣрныхъ благочестивыхъ людей. Строго запрещалось держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, имѣть въ домахъ и читать латинскія, польскія, нѣмецкія и другія еретическія книги; за этимъ, какъ и за иновѣрной пропагандой среди православныхъ, наблюдала академія, которая судила и обвиняемыхъ въ хулѣ на православную вѣру, за что виновные подвергались сожженію. Такъ продолжительныя хлопоты о московскомъ разсадникѣ свободныхъ ученій для всего православнаго Востока завершились церковно-полицейскимъ учебнымъ заведеніемъ, которое стало первообразомъ церковной школы. Поставленная на стражѣ православія отъ всѣхъ европейскихъ еретиковъ, безъ приготовительныхъ школъ, академія не могла проникнуть своимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ въ народную массу и была безопасна для раскола.

Сильнѣе воздѣйствовалъ расколъ въ пользу западнаго вліянія, которымъ былъ вызванъ. Церковная буря, поднятая Никономъ, далеко не захватила всего русскаго церковнаго общества. Расколъ начался среди русскаго духовенства, и борьба въ первое время шла собственно между русской правящей іерархіей и той частью церковнаго общества, которая была увлечена оппозиціей противъ обрядовыхъ новшествъ Никона, веденной агитаторами изъ подчиненнаго бѣлаго и чернаго духовенства. Даже не вся правящая іерархія была первоначально за Никопа: епископъ коломенскій Павелъ въ ссылкѣ указывалъ еще на трехъ архіереевъ, подобно ему хранившихъ древнее благочестіе. Единодушіе здѣсь устанавливалось лишь по мѣрѣ того, какъ церковный споръ передвигался съ обрядовой почвы на каноническую, превращался въ вопросъ о противленіи паствы законнымъ пастырямъ. Тогда въ правящей іерархіи всѣ поняли, что дѣло не въ древнемъ или новомъ благочестіи, а въ томъ, остаться ли на епископской каѳедрѣ безъ паствы, или пойти съ паствой безъ каѳедры подобно Павлу коломенскому. Масса общества вмѣстѣ съ царемъ относилась къ дѣлу двойственно: принимали нововведенія по долгу церковнаго послушанія, но не сочувствовали нововводителю за его отталкивающій характеръ и образъ дѣйствій; сострадали жертвамъ его нетерпимости, но не могли одобрять непристойныхъ выходокъ его изступленныхъ противниковъ противъ властей и учрежденій, которыя привыкли считать опорами церковно-нравственнаго порядка. Степенныхъ людей не могла не повергнуть въ раздумье сцена въ соборѣ при разстриженіи протопопа Логгина, который по снятіи съ него однорядки и кафтана съ бранью плевалъ черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону и сорвавъ съ себя рубашку, бросилъ ее въ лицо патріарху.

Содѣйствіе раскола западному вліянію.

Мыслящіе люди старались вдуматься въ сущность дѣла, чтобы найти для своей совѣсти точку опоры, которой не давали пастыри. Ртищевъ, отецъ ревнителя наукъ, говорилъ одной изъ первыхъ страдалицъ за старую вѣру кн. Урусовой: смущаетъ меня одно—не вѣдаю, за истину ли терпите. Онъ могъ спросить и себя, за истину ли ихъ мучатъ. Даже дьяконъ Ѳедоръ, одинъ изъ первыхъ борцовъ за расколъ, въ тюрьмѣ наложилъ на себя постъ, чтобы узнать, что есть неправаго въ древнемъ благочестіи и что праваго въ новомъ. Иные изъ такихъ сомнѣвавшихся уходили въ расколъ; большая часть успокоивались на сдѣлкѣ съ совѣстью, оставались искренне преданы Церкви, но отдѣляли отъ нея церковную іерархію и полное равнодушіе къ послѣдней прикрывали привычнымъ наружно-почтительнымъ отношеніемъ. Правящія государственныя сферы были рѣшительнѣе. Здѣсь надолго запомнили, какъ глава церковной іерархіи хотѣлъ стать выше царя, какъ онъ на вселенскомъ судилищѣ въ 1666 г. срамилъ московскаго носителя верховной власти, и признавъ, что отъ этой іерархіи кромѣ смуты ждать нечего, молчаливо, безъ словъ, общимъ настроеніемъ рѣшили предоставить ее самой себѣ, но до дѣятельнаго участія въ государственномъ управленіи не допускать. Этимъ закончилась политическая роль древнерусскаго духовенства, всегда плохо поставленная и еще хуже исполняемая. Такъ было устранено одно изъ главныхъ препятствій, мѣшавшихъ успѣхамъ западнаго вліянія. Такъ какъ въ этомъ церковно-политическомъ кризисѣ ссора царя съ патріархомъ неуловимыми узлами сплелась съ церковной смутой, поднятой Никономъ, то ея дѣйствіе на политическое значеніе духовенства можно признать косвенной услугой раскола западному вліянію. Расколъ оказалъ ему и болѣе прямую услугу, ослабивъ дѣйствіе другого

препятствія, которое мѣшало реформѣ Петра, совершавшейся подъ этимъ вліяніемъ. Подозрительное отношеніе къ Западу распространено было во всемъ русскомъ обществѣ и даже въ руководящихъ кругахъ его, особенно легко поддававшихся западному вліянію, родная старина еще не утратила своего обаянія. Это замедляло преобразовательное движеніе, ослабляло энергію нововводителей. Расколъ уронилъ авторитетъ старины, поднявъ во имя ея мятежъ противъ Церкви, а по связи съ ней и противъ государства. Большая часть русскаго церковнаго общества теперь увидѣла, какія дурныя чувства и наклонности можетъ воспитывать эта старина и какими опасностями грозитъ слѣпая къ ней привязанность. Руководители преобразовательнаго движенія, еще колебавшіеся между родной стариной и Западомъ, теперь съ облегченной совѣстью рѣшительнѣе и смѣлѣе пошли своей дорогой. Особенно сильное дѣйствіе въ этомъ направленіи оказалъ расколъ на самого преобразователя. Въ 1682 г., вскорѣ по избраніи Петра въ цари, старообрядцы повторили свое мятежное движеніе во имя старины, старой вѣры (споръ въ Грановитой палатѣ 5 іюля). Это движеніе, какъ впечатлѣніе дѣтства, на всю жизнь врѣзалось въ душѣ Петра и неразрывно связало въ его сознаніи представленія о родной старинѣ, расколѣ и мятежѣ: старина — это расколъ; расколъ — это мятежъ; слѣдовательно старина — это мятежъ. Понятно, въ какое отношеніе къ родной старинѣ ставила преобразователя такая связь представленій.

Лекція LVI.

Царь Алексѣй Михайловичъ. — Ѳ. М. Ртищевъ.

Мы видѣли *движенія*, происходившія въ русскомъ обществѣ XVII в. Намъ остается взглянуть на *людей*, стоявшихъ тогда во главѣ его. Это необходимо для полноты наблюденія. Изъ противоположныхъ теченій, волновавшихъ русское общество, одно отталкивало его къ старинѣ, а другое увлекало впередъ, въ темную даль невѣдомой чужбины. Эти противоположныя вліянія рождали и распространяли въ обществѣ смутныя чувства и настроенія. Но въ отдѣльныхъ людяхъ, становившихся впереди общества, эти чувства и стремленія уяснялись, превращались въ сознательныя идеи и становились практическими задачами. Притомъ такія представительныя, типическія лица помогутъ намъ полнѣе изучить составъ жизни, ихъ воспитавшей. Въ такихъ лицахъ цѣльно собирались и выпукло проступали такіе интересы и свойства ихъ среды, которые терялись въ ежедневномъ обиходѣ, спорадически бродя по заурядным людямъ, разбросанными и безсильными случайностями. Я остановлю ваше вниманіе только на немногихъ людяхъ, шедшихъ во главѣ преобразовательнаго движенія, которымъ подготовлялось дѣло Петра. Въ ихъ идеяхъ и въ задачахъ, ими поставленныхъ, всего явственнѣе обнаруживаются существенные результаты этой под-

готовки. То были идеи и задачи, которыя прямо вошли въ преобразовательную программу Петра, какъ завѣтъ его предшественниковъ.

Первое мѣсто между этими предшественниками принадлежитъ безспорно отцу преобразователя. Въ этомъ лицѣ отразился первый моментъ преобразовательнаго движенія, когда вожди его еще не думали разрывать со своимъ прошлымъ и ломать существующее. Царь Алексѣй Михайловичъ принялъ въ преобразовательномъ движеніи позу, соотвѣтствующую такому взгляду на дѣло: одной ногой онъ еще крѣпко упирался въ родную православную старину, а другую уже занесъ было за ея черту, да такъ и остался въ этомъ нерѣшительномъ переходномъ положеніи. Онъ выросъ вмѣстѣ съ поколѣніемъ, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретическій Западъ въ чаяніи найти тамъ средства для выхода изъ домашнихъ затрудненій, не отрекаясь отъ понятій, привычекъ и вѣрованій благочестивой старины. Это было у насъ единственное поколѣніе, такъ думавшее: такъ не думали прежде и перестали думать потомъ. Люди прежнихъ поколѣній боялись брать у Запада даже матеріальныя удобства, чтобы ими не повредить нравственнаго завѣта отцовъ и дѣдовъ, съ которымъ не хотѣли разставаться, какъ со святыней; послѣ у насъ стали охотно пренебрегать этимъ завѣтомъ, чтобы тѣмъ вкуснѣе были матеріальныя удобства, заимствуемыя у Запада. Царь Алексѣй и его сверстники не менѣе предковъ дорожили своей православной стариной; но нѣкоторое время они были увѣрены, что можно щеголять въ нѣмецкомъ кафтанѣ, даже смотрѣть на иноземную потѣху, „комедійное дѣйство“, и при этомъ сохранить въ неприкосновенности тѣ чувства и понятія, какія необходимы, чтобы съ набожнымъ страхомъ помышлять

о возможности нарушить постъ въ крещенскій сочельникъ до звѣзды.

Царь Алексѣй родился въ 1629 г. Онъ прошелъ полный курсъ древнерусскаго образованія или *словеснаго ученія,* какъ тогда говорили. По заведенному порядку тогдашней педагогики на шестомъ году его посадили за букварь, нарочно для него составленный патріаршимъ дьякомъ по заказу дѣдушки, патріарха Филарета, — извѣстный древнерусскій букварь съ титлами, заповѣдями, краткимъ катихизисомъ и т. д. Училъ царевича, какъ это было принято при московскомъ дворѣ, дьякъ одного изъ московскихъ приказовъ. Черезъ годъ перешли отъ азбуки къ чтенію Часовника, мѣсяцевъ черезъ пять къ Псалтирю, еще черезъ три принялись изучать Дѣянія апостоловъ, черезъ полгода стали учить писать, на девятомъ году пѣвчій дьякъ, т.-е. регентъ дворцоваго хора, началъ разучивать Охтой (Октоихъ), нотную богослужебную книгу, отъ которой мѣсяцевъ черезъ восемь перешли къ изученію „страшнаго пѣнія", т.-е. церковныхъ пѣснопѣній Страстной седмицы, особенно трудныхъ по своему напѣву — и лѣтъ десяти царевичъ былъ готовъ, прошелъ весь курсъ древнерусскаго гимназическаго образованія: онъ могъ бойко прочесть въ церкви часы и не безъ успѣха пѣть съ дьячкомъ на клиросѣ по крюковымъ нотамъ стихиры и каноны. При этомъ онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ чинъ церковнаго богослуженія, въ чемъ могъ поспорить съ любымъ монастырскимъ и даже соборнымъ уставщикомъ. Царевичъ прежняго времени, вѣроятно, на этомъ бы и остановился. Но Алексѣй воспитывался въ иное время, у людей котораго настойчиво стучалась въ голову смутная потребность ступить дальше, въ таинственную область эллинской и даже латинской мудрости, мимо которой, боязливо чураясь и крестясь, пробѣ-

галъ благочестивый русскій грамотей прежнихъ вѣковъ. Нѣмецъ со своими нововымышленными хитростями, уже забравшійся въ ряды русскихъ ратныхъ людей, проникалъ и въ дѣтскую комнату государева дворца. Въ рукахъ ребенка Алексѣя была уже „потѣха“, конь нѣмецкой работы и нѣмецкія „карты“, картинки, купленныя въ Овощномъ ряду за 3 алтына 4 деньги (рубля полтора на наши деньги) и даже дѣтскія латы, сдѣланныя для царевича мастеромъ нѣмчиномъ Петромъ Шальтомъ. Когда царевичу было лѣтъ 11—12, онъ обладалъ уже маленькой библіотекой, составившейся преимущественно изъ подарковъ дѣдушки, дядекъ и учителя, заключавшей въ себѣ томовъ 13. Большею частью это были книги Свящ. Писанія и богослужебныя; но между ними находились уже грамматика, печатанная въ Литвѣ, космографія и въ Литвѣ же изданный какой-то лексиконъ. Къ тому же главнымъ воспитателемъ царевича былъ бояринъ Б. И. Морозовъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ бояръ, сильно пристрастившійся къ западноевропейскому. Онъ ввелъ въ учебную программу царевича пріемъ нагляднаго обученія, знакомилъ его съ нѣкоторыми предметами посредствомъ нѣмецкихъ гравированныхъ картинокъ; онъ же ввелъ и другую еще болѣе смѣлую новизну въ московскій государевъ дворецъ, одѣлъ цесаревича Алексѣя и его брата въ нѣмецкое платье.

Въ зрѣлые годы царь Алексѣй представлялъ въ высшей степени привлекательное сочетаніе добрыхъ свойствъ вѣрнаго старинѣ древнерусскаго человѣка съ наклонностью къ полезнымъ и пріятнымъ новшествамъ. Онъ былъ образцомъ набожности, того чиннаго, точно размѣреннаго и твердо разученнаго благочестія, надъ которымъ такъ много и долго работало религіозное чувство древней Руси. Съ любымъ инокомъ могъ онъ поспорить въ искусствѣ мо-

литься и поститься: въ Великій и Успенскій постъ по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ царь кушалъ разъ въ день, и кушанье его состояло изъ капусты, груздей и ягодъ — все безъ масла; по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ во всѣ посты онъ не ѣлъ и не пилъ ничего. Въ церкви онъ стоялъ иногда часовъ по пяти и по шести сряду, клалъ по тысячѣ земныхъ поклоновъ, а въ иные дни и по полторы тысячи. Это былъ истовый древнерусскій богомолецъ, стройно и цѣльно соединявшій въ подвигѣ душевнаго спасенія трудъ тѣлесный съ напряженіемъ религіознаго чувства. Эта набожность оказывала могущественное вліяніе и на государственныя понятія, и на житейскія отношенія Алексѣя. Сынъ и преемникъ царя, пользовавшагося ограниченною властью, но самъ вполнѣ самодержавный властелинъ, царь Алексѣй крѣпко держался того выспренняго взгляда на царскую власть, какой выработало старое московское общество. Преданіе Грознаго звучитъ въ словахъ царя Алексѣя: „Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокѣ и на западѣ и на югѣ и на сѣверѣ вправду“. Но сознаніе самодержавной власти въ своихъ проявленіяхъ смягчалось набожной кротостью, глубокимъ смиреніемъ царя, пытавшагося не забыть въ себѣ человѣка. Въ царѣ Алексѣѣ нѣтъ и тѣни самонадѣянности, того щекотливаго и мнительнаго, обидчиваго властолюбія, которымъ страдалъ Грозный. „Лучше слезами, усердіемъ и низостью (смиреніемъ) передъ Богомъ промыслъ чинить, чѣмъ силой и славой (надменностью)“, писалъ онъ одному изъ своихъ воеводъ. Это соединеніе власти и кротости помогало царю ладить съ боярами, которымъ онъ при своемъ самодержавіи уступалъ широкое участіе въ управленіи; дѣлиться съ ними властью, дѣйствовать съ ними объ руку было для него

привычкой и правиломъ, а не жертвой или досадной уступкой обстоятельствамъ. „А мы, великій государь, писалъ онъ кн. Никитѣ Одоевскому въ 1652 г., ежедневно просимъ у Создателя и у Пречистой Его Богоматери и у всѣхъ святыхъ, чтобы Господь Богъ даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, боярамъ, съ нами единодушно люди Его свѣтовы управить вправду всѣмъ ровно". Сохранилась весьма характерная въ своемъ родѣ записочка царя Алексѣя, коротенькій конспектъ того, о чемъ предполагалось говорить на засѣданіи Боярской думы. Этотъ документъ показываетъ, какъ царь готовился къ думскимъ засѣданіямъ: онъ не только записалъ, какіе вопросы предложить на обсужденіе бояръ, но и намѣтилъ, о чемъ говорить самому, какъ рѣшить тотъ или другой вопросъ. Кой о чемъ онъ навелъ справки, записалъ цифры; объ иномъ онъ еще не составилъ мнѣнія и не знаетъ, какъ выскажутся бояре; о другомъ онъ имѣетъ нерѣшительное мнѣніе, отъ котораго откажется, если станутъ возражать. Зато по нѣкоторымъ вопросамъ онъ составилъ твердое сужденіе и будетъ упорно за него стоять въ совѣтѣ: это именно вопросы простой справедливости и служебной добросовѣстности. Астраханскій воевода, по слухамъ, уступилъ калмыкамъ православныхъ плѣнниковъ, ими захваченныхъ. Царь рѣшилъ написать ему „съ грозою и съ милостью", а если слухъ оправдается, казнить его смертью или по меньшей мѣрѣ отсѣчь руку и сослать въ Сибирь. Эта записочка всего нагляднѣе рисуетъ простоту и прямоту отношеній царя къ своимъ совѣтникамъ, равно и внимательность къ своимъ правительственнымъ обязанностямъ.

Общественные нравы и понятія въ иныхъ случаяхъ перемогали добрыя свойства и влеченія царя. Властный человѣкъ въ древней Руси такъ легко забывалъ, что онъ

не единственный человѣкъ на свѣтѣ, и не замѣчалъ рубежа, до котораго простирается его воля и за которымъ начинаются чужое право и общеобязательное приличіе. Древнерусская набожность имѣла довольно ограниченное поле дѣйствія, поддерживала религіозное чувство, но слабо сдерживала волю. Отъ природы живой, впечатлительный и подвижной, Алексѣй страдалъ вспыльчивостью, легко терялъ самообладаніе и давалъ излишній просторъ языку и рукамъ. Однажды, въ пору уже натянутыхъ отношеній къ Никону, царь, возмущаемый высокомѣріемъ патріарха, изъ-за церковнаго обряда поссорился съ нимъ въ церкви въ Великую пятницу и выбранилъ его обычной тогда бранью московскихъ сильныхъ людей, не исключая и самого патріарха, обозвавъ Никона мужикомъ, ...сыномъ. Въ другой разъ въ любимомъ своемъ монастырѣ Саввы Сторожевскаго, который онъ недавно отстроилъ, царь праздновалъ память св. основателя монастыря и обновленіе обители въ присутствіи патріарха антіохійскаго Макарія. На торжественной заутренѣ чтецъ началъ чтеніе изъ житія святого обычнымъ возгласомъ: *Благослови, отче*. Царь вскочилъ съ кресла и закричалъ: „Что ты говоришь, мужикъ, ...сынъ: *Благослови, отче?* Тутъ патріархъ; говори: *Благослови, владыко!* Въ продолженіе службы царь ходилъ среди монаховъ и училъ ихъ читать то-то, пѣть такъ-то; если они ошибались, съ бранью поправлялъ ихъ, велъ себя уставщикомъ и церковнымъ старостой, зажигалъ и гасилъ свѣчи, снималъ съ нихъ нагаръ, во время службы не переставалъ разговаривать со стоявшимъ рядомъ пріѣзжимъ патріархомъ, былъ въ храмѣ какъ дома, какъ будто на него никто не смотрѣлъ. Ни доброта природы, ни мысль о достоинствѣ сана, ни усилія быть набожнымъ и порядочнымъ ни на вершокъ не поднимали царя выше грубѣйшаго изъ его подданныхъ.

Религіозно-нравственное чувство разбивалось о неблаговоспитанный темпераментъ и даже добрыя движенія души получали непристойное выраженіе. Вспыльчивость царя чаще всего возбуждалась встрѣчей съ нравственнымъ безобразіемъ, особенно съ поступками, въ которыхъ обнаруживались хвастовство и надменность. Кто на похвальбѣ ходитъ, всегда посрамленъ бываетъ: таково было житейское наблюденіе царя. Въ 1660 г. князь Хованскій былъ разбитъ въ Литвѣ и потерялъ почти всю свою двадцатитысячную армію. Царь спрашивалъ въ думѣ бояръ, что дѣлать. Бояринъ И. Д. Милославскій, тесть царя, не бывавшій въ походахъ, неожиданно заявилъ, что если государь пожалуетъ его, дастъ ему начальство надъ войскомъ, то онъ скоро приведетъ плѣнникомъ самого короля польскаго. „Какъ ты смѣешь, закричалъ на него царь, ты, страдникъ, худой человѣчишка, хвастаться своимъ искусствомъ въ дѣлѣ ратномъ! когда ты ходилъ съ полками, какія побѣды показалъ надъ непріятелемъ?“ Говоря это, царь вскочилъ, далъ старику пощечину, надралъ ему бороду и пинками вытолкнувъ его изъ палаты, съ силой захлопнулъ за нимъ двери. На хвастуна или озорника царь вспылитъ, пожалуй даже пуститъ въ дѣло кулаки, если виноватый подъ руками, и ужъ непремѣнно обругаетъ вволю: Алексѣй былъ мастеръ браниться тою изысканной бранью, какой умѣетъ браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушіе. Казначей Саввина Сторожевскаго монастыря отецъ Никита, выпивши, подрался со стрѣльцами, стоявшими въ монастырѣ, прибилъ ихъ десятника (офицера) и велѣлъ выбросить за монастырскій дворъ стрѣлецкое оружіе и платье. Царь возмутился этимъ поступкомъ, „до слезъ ему стало, во мглѣ ходилъ“, по его собственному признанію. Онъ не утерпѣлъ и написалъ грозное письмо буйному монаху. Характеренъ

самый адресъ посланія: „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руссіи врагу Божію и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чудотворцева дому и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодѣю казначею Микитѣ“. Но приливъ царственнаго гнѣва разбивался о мысль, никогда не покидавшую царя, что на землѣ никто не безгрѣшенъ передъ Богомъ, что на Его судѣ всѣ равны, и и цари и подданные: въ минуты сильнѣйшаго раздраженія Алексѣй ни въ себѣ, ни въ виноватомъ подданномъ старался не забыть человѣка. „Да и то себѣ вѣдай, сатанинъ ангелъ, — писалъ царь въ письмѣ къ казначею, — что одному тебѣ да отцу твоему діаволу годна и дорога твоя здѣшняя честь, а мнѣ грѣшному здѣшняя честь, аки прахъ, и дороги ли мы передъ Богомъ съ тобою и дороги ли наши высокосердечныя мысли, доколѣ Бога не боимся“. Самодержавный государь, который могъ сдуть съ лица земли отца Микиту, какъ пылинку, пишетъ далѣе, что онъ самъ со слезами будетъ милости просить у чудотворца преп. Саввы, чтобы оборонилъ его отъ злонравнаго казначея: „на ономъ вѣкѣ разсудитъ насъ Богъ сь тобою, а опричь того мнѣ нечѣмъ отъ тебя оборониться“. При добротѣ и мягкости характера это уваженіе къ человѣческому достоинству въ подданномъ производило обаятельное дѣйствіе на своихъ и чужихъ и заслужило Алексѣю прозваніе „тишайшаго царя“. Иностранцы не могли надивиться тому, что этотъ царь при безпредѣльной власти своей надъ народомъ, привыкшимъ къ полному рабству, не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (слова австрійскаго посла Мейерберга). Дурные поступки другихъ тяжело дѣйствовали на него всего болѣе потому, что возлагали на него противную ему обязанность наказывать за нихъ. Гнѣвъ его былъ отход-

чивъ, проходилъ минутной вспышкой, не простираясь далѣе угрозъ и пинковъ, и царь первый шелъ навстрѣчу къ потерпѣвшему съ прощеніемъ и примиреніемъ, стараясь приласкать его, чтобы не сердился. Страдая тучностью, царь разъ позвалъ нѣмецкаго „дохтура" открыть себѣ кровь; почувствовавъ облегченіе, онъ по привычкѣ дѣлиться всякимъ удовольствіемъ съ другими предложилъ и своимъ вельможамъ сдѣлать ту же операцію. Не согласился на это одинъ бояринъ Стрѣшневъ, родственникъ царя по матери, ссылаясь на свою старость. Царь вспылилъ и прибилъ старика, приговаривая: „твоя кровь дороже что ли моей? или ты считаешь себя лучше всѣхъ?" Но скоро царь и не зналъ, какъ задобрить обиженнаго, какіе подарки послать ему, чтобы не сердился, забылъ обиду.

Алексѣй любилъ, чтобы вокругъ него всѣ были веселы и довольны; всего невыносимѣе была ему мысль, что кто-нибудь имъ недоволенъ, ропщетъ на него, что онъ кого-нибудь стѣсняетъ. Онъ первый началъ ослаблять строгость заведеннаго при московскомъ дворѣ чопорнаго этикета, дѣлавшаго столь тяжелыми и натянутыми придворныя отношенія. Онъ нисходилъ до шутки съ придворными, ѣздилъ къ нимъ запросто въ гости, приглашалъ ихъ къ себѣ на вечернія пирушки, поилъ, близко входилъ въ ихъ домашнія дѣла. Умѣнье входить въ положеніе другихъ, понимать и принимать къ сердцу ихъ горе и радость было одною изъ лучшихъ чертъ въ характерѣ царя. Надобно читать его утѣшительныя письма къ кн. Ник. Одоевскому по случаю смерти его сына и къ Ордину-Нащокину по поводу побѣга его сына за границу, — надобно читать эти задушевныя письма, чтобы видѣть, на какую высоту деликатности и нравственной чуткости могла поднять даже неустойчиваго человѣка эта способность проникаться чу-

жимъ горемъ. Въ 1652 г. сынъ кн. Ник. Одоевскаго, служившаго тогда воеводой въ Казани, умеръ отъ горячки почти на глазахъ у царя. Царь написалъ старику отцу, чтобы утѣшить его, и между прочимъ писалъ: „и тебѣ бы, боярину нашему, черезъ мѣру не скорбѣть, а нельзя, чтобы не поскорбѣть и не поплакать, и поплакать надобно, только въ мѣру, чтобы Бога не прогнѣвить". Авторъ письма не ограничился подробнымъ разсказомъ о неожиданной смерти и обильнымъ потокомъ утѣшеній отцу: окончивъ письмо, онъ не утерпѣлъ, еще приписалъ: „князь Никита Ивановичъ! не горюй, а уповай на Бога и на насъ будь надеженъ". Въ 1660 г. сынъ Ордина-Нащокина, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды, которому иноземные учителя вскружили голову разсказами о западной Европѣ, бѣжалъ за границу. Отецъ былъ страшно сконфуженъ и убитъ горемъ, самъ увѣдомилъ царя о своемъ несчастіи и просилъ отставки. Царь умѣлъ понимать такія положенія и написалъ отцу задушевное письмо, въ которомъ защищалъ его отъ него самого. Между прочимъ онъ писалъ: „Просишь ты, чтобы дать тебѣ отставку; съ чего ты взялъ просить объ этомъ? думаю, что отъ безмѣрной печали. И что удивительнаго въ томъ, что надурилъ твой сынъ? отъ малоумія такъ поступилъ. Человѣкъ онъ молодой, захотѣлось посмотрѣть на міръ Божій и его дѣла; какъ птица полетаетъ туда и сюда и, налетавшись, прилетаетъ въ свое гнѣздо, такъ и сынъ вашъ припомнитъ свое гнѣздо и свою духовную привязанность и скоро къ вамъ воротится".

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ добрѣйшій человѣкъ, славная русская душа. Я готовъ видѣть въ немъ лучшаго человѣка древней Руси, по крайней мѣрѣ, не знаю другого древнерусскаго человѣка, который производилъ бы болѣе пріятное впечатлѣніе — но только не на престолѣ. Это

былъ довольно пассивный характеръ. Природа или воспитаніе были виною того, что въ немъ развились преимущественно тѣ свойства, которыя имѣютъ такую цѣну въ ежедневномъ житейскомъ обиходѣ, вносятъ столько свѣта и тепла въ домашнія отношенія. Но при нравственной чуткости царю Алексѣю не доставало нравственной энергіи. Онъ любилъ людей и желалъ имъ всякаго добра, потому что не хотѣлъ, чтобы они своимъ горемъ и жалобами разстраивали его тихія личныя радости. Въ немъ, если можно такъ выразиться, было много того нравственнаго сибаритства, которое любитъ добро, потому что добро вызываетъ пріятныя ощущенія. Но онъ былъ мало способенъ и мало расположенъ что-нибудь отстаивать или проводить, какъ и съ чѣмъ-либо долго бороться. Рядомъ съ даровитыми и честными дѣльцами онъ ставилъ на важные посты людей, которыхъ самъ цѣнилъ очень низко. Наблюдатели непредубѣжденные, но и непристрастные, выносили несогласимыя впечатлѣнія, изъ которыхъ слагалось такое общее сужденіе о царѣ, что это былъ бы добрѣйшій и мудрѣйшій государь, если бы не слушался дурныхъ и глупыхъ совѣтниковъ. Въ царѣ Алексѣѣ не было ничего боевого; всего менѣе имѣлъ онъ охоты и способности двигать впередъ, понукать и направлять людей, хотя и любилъ подчасъ собственноручно „смирить", т.-е. отколотить неисправнаго или недобросовѣстнаго слугу. Современники, даже иностранцы, признавали въ немъ богатыя природныя дарованія; воспріимчивость и любознательность помогли ему пріобрѣсти замѣчательную по тому времени начитанность не только въ божественномъ, но и въ мірскомъ писаніи; объ немъ говорили, что онъ „навыченъ многимъ философскимъ наукамъ"; духъ времени, потребности минуты также будили мысль, задавали новые

вопросы. Это возбужденіе сказалось въ литературныхъ наклонностяхъ царя Алексѣя. Онъ любилъ писать и писалъ много, больше, чѣмъ кто-либо изъ древнерусскихъ царей послѣ Грознаго. Онъ пытался изложить исторію своихъ военныхъ походовъ, дѣлалъ даже опыты въ стихотворствѣ: сохранилось нѣсколько написанныхъ имъ строкъ, которыя могли казаться автору стихами. Всего больше оставилъ онъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Въ этихъ письмахъ много простодушія, веселости, подчасъ задушевной грусти, и просвѣчиваетъ тонкое пониманіе ежедневныхъ людскихъ отношеній, мѣткая оцѣнка житейскихъ мелочей и заурядныхъ людей, но не замѣтно ни тѣхъ смѣлыхъ и бойкихъ оборотовъ мысли, ни той ироніи, — ничего, чѣмъ такъ обильны посланія Грознаго. У царя Алексѣя все мило, многорѣчиво, иногда живо и образно, но вообще все сдержанно, мягко, тускло и немного сладковато. Авторъ, очевидно, человѣкъ порядка, а не идеи и увлеченія, готоваго разстроить порядокъ во имя идеи; онъ готовъ былъ увлекаться всѣмъ хорошимъ, но ничѣмъ исключительно, чтобы ни въ себѣ, ни вокругъ себя не разрушить спокойнаго равновѣсія. Складъ его ума и сердца съ удивительной точностью отражался въ его полной, даже тучной фигурѣ, съ низкимъ лбомъ, бѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ красивой бородой, съ пухлыми румяными щеками, русыми волосами, съ кроткими чертами лица и мягкими глазами.

Этому-то царю пришлось стоять въ потокѣ самыхъ важныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеній. Разностороннія отношенія, старинныя и недавнія, шведскія, польскія, крымскія, турецкія, западно-русскія, соціальныя, церковныя, какъ нарочно, въ это царствованіе обострились, встрѣтились и перепутались, превратились въ неотложные вопросы и требовали рѣшенія, не соблюдая своей исторической

очереди, и надъ всѣми ними, какъ общій ключъ къ ихъ рѣшенію, стоялъ основной вопросъ: оставаться ли вѣрнымъ родной старинѣ, или брать уроки у чужихъ? Царь Алексѣй разрѣшилъ этотъ вопросъ по-своему: чтобы не выбирать между стариной и новшествами, онъ не разрывалъ съ первой и не отворачивался отъ послѣднихъ. Привычки, родственныя и другія отношенія привязывали его къ стародумамъ; нужды государства, отзывчивость на все хорошее, личное сочувствіе тянули его на сторону умныхъ и энергическихъ людей, которые во имя народнаго блага хотѣли вести дѣла не по-старому. Царь и не мѣшалъ этимъ новаторамъ, даже поддерживалъ ихъ, но только до перваго раздумья, до перваго энергичнаго возраженія со стороны стародумовъ. Увлекаемый новыми вѣяніями, царь во многомъ отступалъ отъ старозавѣтнаго порядка жизни, ѣздилъ въ нѣмецкой каретѣ, бралъ съ собой жену на охоту, водилъ ее и дѣтей на иноземную потѣху, „комедійныя дѣйства“ съ музыкой и танцами, поилъ допьяна вельможъ и духовника на вечернихъ пирушкахъ, при чемъ нѣмчинъ въ трубы трубилъ и въ органы игралъ; далъ дѣтямъ учителя, западно-русскаго ученаго монаха, который повелъ преподаваніе дальше Часослова, Псалтыря и Октоиха, училъ царевичей языкамъ латинскому и польскому. Но царь Алексѣй не могъ стать во главѣ новаго движенія и дать ему опредѣленное направленіе, отыскать нужныхъ для того людей, указать имъ пути и пріемы дѣйствія. Онъ былъ не прочь срывать цвѣтки иноземной культуры, но не хотѣлъ марать рукъ въ черной работѣ ея посѣва на русской почвѣ.

Несмотря однако на свой пассивный характеръ, на свое добродушно-нерѣшительное отношеніе къ вопросамъ времени, царь Алексѣй много помогъ успѣху преобразователь-

наго движенія. Своими часто безпорядочными и непослѣдовательными порывами къ новому и своимъ умѣньемъ все сглаживать и улаживать онъ приручилъ пугливую русскую мысль къ вліяніямъ, шедшимъ съ чужой стороны. Онъ не далъ руководящихъ идей для реформы, но помогъ выступить первымъ реформаторамъ съ ихъ идеями, далъ имъ возможность почувствовать себя свободно, проявить свои силы и открылъ имъ довольно просторную дорогу для дѣятельности, не далъ ни плана, ни направленія преобразованіямъ, но создалъ преобразовательное настроеніе.

Мы познакомимся съ однимъ изъ такихъ дѣльцовъ преобразовательнаго направленія, притомъ съ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ царя Алексѣя, какъ будто похожимъ на него по основнымъ чертамъ своего характера и однакожъ — какая разница въ ихъ подборѣ, общемъ складѣ и проявленіи сходныхъ свойствъ!

Ѳ. М. Ртищевъ.

Почти все время царствованія Алексѣя Михайловича неотлучно находился при немъ, служа по дворцовому вѣдомству, его ближній постельничій, а потомъ дворецкій и воспитатель (дядька) старшаго царевича Алексѣя Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Онъ былъ почти сверстникъ царя Алексѣя, родился годами четырьмя раньше его (1625 г.) и умеръ года за три до его смерти (1673). Стороннимъ наблюдателямъ онъ былъ мало замѣтенъ: не выступать впередъ, оставаться въ тѣни было его житейской привычкой. Хорошо еще, что какой-то современникъ оставилъ намъ небольшое *житіе* Ртищева, похожее скорѣе на похвальное слово, чѣмъ на біографію, но съ нѣсколькими любопытными чертами жизни и характера этого „милостиваго мужа“, какъ его называетъ біографъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и немного странныхъ людей, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ самолюбія. Наперекоръ природнымъ инстинктамъ и исконнымъ

привычкамъ людей Ртищевъ въ заповѣди Христа любить ближняго, какъ самого себя, исполнялъ только первую часть: онъ и самого себя не любилъ ради ближняго — совершенно евангельскій человѣкъ, правая щека котораго просто, безъ хвастовства и разсчета, подставлялась ударившему по лѣвой, какъ будто это было требованіемъ физическаго закона, а не подвигомъ смиренія. Ртищевъ не понималъ обиды и мести, какъ иные не знаютъ вкуса въ винѣ и не понимаютъ, какъ это можно пить такую непріятную вещь. Нѣкто Иванъ Озеровъ, нѣкогда облагодѣтельствованный Ртищевымъ и при его содѣйствіи получившій образованіе въ Кіевской академіи, потомъ сталъ его врагомъ. Ртищевъ былъ его начальникомъ, но не хотѣлъ пользоваться своей властью, а пытался утолить его вражду упорнымъ смиреніемъ и доброжелательствомъ; онъ приходилъ къ его жилищу, тихо стучался въ дверь, получалъ отказъ и опять приходилъ. Выведенный изъ терпѣнья такой настойчивою и досадной кротостью, хозяинъ впускалъ его къ себѣ, бранился и кричалъ на него. Не отвѣчая на брань, Ртищевъ молча уходилъ отъ него и опять приходилъ съ привѣтомъ, какъ будто ничего не бывало. Такъ продолжалось до смерти упрямаго недруга, котораго Ртищевъ и похоронилъ, какъ хоронятъ добрыхъ друзей. Изъ всего нравственнаго запаса, почерпнутаго древней Русью изъ христіанства, Ртищевъ воспиталъ въ себѣ наиболѣе трудную и наиболѣе сродную древнерусскому человѣку доблесть— смиренномудріе. Царь Алексѣй, выросшій вмѣстѣ со Ртищевымъ, разумѣется, не могъ не привязаться къ такому человѣку. Своимъ вліяніемъ царскаго любимца Ртищевъ пользовался, чтобы быть миротворцемъ при дворѣ, устранять вражды и столкновенія, сдерживать сильныхъ и заносчивыхъ или неуступчивыхъ людей вродѣ боярина Моро-

зова, протопопа Аввакума и самого Никона. Такая трудная роль тѣмъ легче удавалась Ртищеву, что онъ умѣлъ говорить правду безъ обиды, никому не кололъ глазъ личнымъ превосходствомъ, былъ совершенно чуждъ родословнаго и чиновнаго тщеславія, ненавидѣлъ мѣстническіе счеты, отказался отъ боярскаго сана, предложеннаго ему царемъ за воспитаніе царевича. Соединеніе такихъ свойствъ производило впечатлѣніе рѣдкаго благоразумія и непоколебимой нравственной твердости: благоразуміемъ, по замѣчанію цесарскаго посла Мейерберга, Ртищевъ, еще не имѣя 40 лѣтъ отъ роду, превосходилъ многихъ стариковъ, а Ординъ-Нащокинъ считалъ Ртищева самымъ крѣпкимъ человѣкомъ изъ придворныхъ царя Алексѣя; даже козаки за правдивость и обходительность желали имѣть его у себя царскимъ намѣстникомъ, „княземъ малороссійскимъ".

Для успѣха преобразовательнаго движенія было очень важно, что Ртищевъ стоялъ на его сторонѣ. Нося въ себѣ лучшіе начала и завѣты древнерусской жизни, онъ понималъ ея нужды и недостатки и сталъ въ первомъ ряду дѣятелей преобразовательнаго направленія, а дѣло, за которое становился такой дѣлецъ, не могло быть ни дурнымъ, ни безуспѣшнымъ. Онъ одинъ изъ первыхъ поднялъ голосъ противъ извѣстныхъ уже намъ богослужебныхъ безчиній. Больше чѣмъ кто-либо при царѣ Алексѣѣ заботился онъ о водвореніи въ Москвѣ образованія при помощи кіевскихъ ученыхъ, и ему даже принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Ежеминутно на глазахъ у царя и располагая его полнымъ довѣріемъ, Ртищевъ однако не сталъ временщикомъ и не остался безучастнымъ зрителемъ поднимавшихся вокругъ него движеній. Онъ участвовалъ въ самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ по порученію или по собственному почину, управлялъ приказами, разъ въ 1655 г. успѣшно

исполнилъ дипломатическое порученіе. Чуть гдѣ проявлялась попытка исправить, улучшить положеніе дѣлъ, Ртищевъ былъ тутъ со своимъ содѣйствіемъ, ходатайствомъ, совѣтомъ, шелъ навстрѣчу всякой обновительной потребности, нерѣдко самъ возбуждалъ ее и тотчасъ сторонился, отходилъ на второй планъ, чтобы не стѣснять дѣльцовъ, ни у кого не перебивалъ дороги. Миролюбивый и доброжелательный, онъ не выносилъ вражды, злобы, ладилъ со всѣми выдающимися дѣльцами своего времени, и съ Ординымъ-Нащокинымъ, и съ Никономъ, и съ Аввакумомъ, и со Славинецкимъ, и съ Полоцкимъ при всемъ несходствѣ ихъ характеровъ и направленій, старался удержать старовѣровъ и никоніанъ въ области богословской мысли, книжнаго спора, не допуская ихъ до церковнаго раздора, устраивалъ въ своемъ домѣ пренія, на которыхъ Аввакумъ „бранился съ отступниками", особенно съ С. Полоцкимъ, до изнеможенія, до опьяненія.

Если вѣрить извѣстію, что мысль о мѣдныхъ деньгахъ была внушена Ртищевымъ, то надобно признать, что его правительственное вліяніе простиралось за предѣлы дворцоваго вѣдомства, въ которомъ онъ служилъ. Впрочемъ не государственная дѣятельность въ точномъ смыслѣ слова была настоящимъ дѣломъ жизни Ртищева, которымъ онъ оставилъ по себѣ память: онъ избралъ себѣ не менѣе трудное, но менѣе видное и болѣе самоотверженное поприще — служеніе страждущему и нуждающемуся человѣчеству. Біографъ передаетъ нѣсколько трогательныхъ чертъ этого служенія. Сопровождая царя въ польскомъ походѣ (1654 г.), Ртищевъ по дорогѣ подбиралъ въ свой экипажъ нищихъ, больныхъ и увѣчныхъ, такъ что отъ тѣсноты самъ долженъ былъ пересаживаться на коня, несмотря на многолѣтнюю болѣзнь ногъ, въ попутныхъ городахъ и

селахъ устроялъ для этихъ людей временные госпитали, гдѣ содержалъ и лѣчилъ ихъ на свой счетъ и на деньги, данныя ему на это дѣло царицей. Точно такъ же и въ Москвѣ онъ велѣлъ собирать по улицамъ валявшихся пьяныхъ и больныхъ въ особый пріютъ, гдѣ содержалъ ихъ до вытрезвленія и излѣченія, а для неизлѣчимыхъ больныхъ, престарѣлыхъ и убогихъ устроилъ богадѣльню, которую также содержалъ на свой счетъ. Онъ тратилъ большія деньги на выкупъ русскихъ плѣнныхъ у татаръ, помогалъ иноземнымъ плѣнникамъ, жившимъ въ Россіи, и узникамъ, сидѣвшимъ въ тюрьмѣ за долги. Его человѣколюбіе вытекало не изъ одного только состраданія къ безпомощнымъ людямъ, но и изъ чувства общественной справедливости. Это былъ очень добрый поступокъ Ртищева, когда онъ подарилъ городу Арзамасу свою подгородную землю, въ которой горожане крайне нуждались, но которой не могли купить, хотя у Ртищева былъ выгодный частный покупатель, предлагавшій ему за нее до 14000 на наши деньги. Въ 1671 г., прослышавъ о голодѣ въ Вологдѣ, Ртищевъ отправилъ туда обозъ съ хлѣбомъ, какъ будто порученный ему нѣкоторыми христолюбцами для раздачи нищимъ и убогимъ на поминъ души, а потомъ переслалъ бѣдствующему городу около 14000 руб. на наши деньги, продавъ для того часть своего платья и утвари. Ртищевъ повидимому понималъ не только чужія нужды, но и нескладицы общественнаго строя и едва ли не первый дѣятельно выразилъ свое отношеніе къ крѣпостному праву. Біографъ описываетъ его заботливость о своихъ дворовыхъ людяхъ и особенно о крестьянахъ: онъ старался соразмѣрить работы и оброки крестьянъ съ ихъ средствами, поддерживалъ ихъ хозяйства ссудами, при продажѣ одного своего села уменьшилъ его цѣну, заставивъ покупщика поклясться, что онъ не усилитъ

ихъ барщинныхъ работъ и оброковъ, передъ смертью всѣхъ дворовыхъ отпустилъ на волю и умолялъ своихъ наслѣдниковъ, дочь и зятя, только объ одномъ — на поминъ его души возможно лучше обращаться съ завѣщанными имъ крестьянами, „ибо, говорилъ онъ, они намъ суть братья".

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе производило на общество отношеніе Ртищева къ своимъ крестьянамъ; но его благотворительные подвиги повидимому не остались безъ вліянія на законодательство. Въ царствованіе Алексѣева преемника возбужденъ былъ вопросъ о церковно-государственной благотворительности. По указу царя произвели въ Москвѣ разборку нищихъ и убогихъ, питавшихся подаяніями, и дѣйствительно безпомощныхъ помѣстили на казенное содержаніе въ двухъ устроенныхъ для того богадѣльняхъ, а здоровыхъ опредѣлили на разныя работы. На церковномъ соборѣ, созванномъ въ 1681 г., царь предложилъ патріарху и епископамъ устроить такіе же пріюты и богадѣльни по всѣмъ городамъ, и отцы собора приняли это предложеніе. Такъ частный починъ вліятельнаго и добраго человѣка легъ въ основаніе цѣлой системы церковно-благотворительныхъ учрежденій, постепенно возникавшихъ съ конца XVII в. Тѣмъ особенно и важна дѣятельность тогдашнихъ государственныхъ людей преобразовательнаго направленія, что ихъ личные помыслы и частныя усилія превращались въ законодательные вопросы, которые разрабатывались въ политическія направленія или въ государственныя учрежденія.

Лекція LVII.

А. Л. Ординъ-Нащокинъ.

Изъ ряда сотрудниковъ царя Алексѣя рѣзкой фигурой выступаетъ самый замѣчательный изъ московскихъ государственныхъ людей XVII в. Аѳ. Лавр. Ординъ-Нащокинъ.

Московскій государственный человѣкъ XVII в.! Самое это выраженіе можетъ показаться злоупотребленіемъ современной политической терминологіей. *Государственный человѣкъ* — вѣдь это значитъ развитой политическій умъ, способный наблюдать, понимать и направлять общественныя движенія, съ самостоятельнымъ взглядомъ на вопросы времени, съ разработанной программой дѣйствія, наконецъ съ извѣстнымъ просторомъ для политической дѣятельности — цѣлый рядъ условій, присутствія которыхъ мы совсѣмъ не привыкли предполагать въ старомъ Московскомъ государствѣ. Да, до XVII в. этихъ условій, дѣйствительно, не замѣтно въ государствѣ московскихъ самодержцевъ, и трудно искать государственныхъ людей при ихъ дворѣ. Ходъ государственныхъ дѣлъ тогда направлялся заведеннымъ порядкомъ да государевой волей. Личный умъ прятался за порядокъ, лицо служило только орудіемъ государевой воли; но и порядокъ, и самая эта воля подчинялись еще сильнѣйшему вліянію обычая, преданія. Въ XVII в. однако московская государственная жизнь начала

прокладывать себѣ иные пути. Старый обычай, заведенный порядокъ пошатнулись; начался сильный спросъ на умъ, на личныя силы, а воля царя Алексѣя Михайловича для общаго блага готова была подчиниться всякому сильному и благонамѣренному уму.

А. Л. Ординъ-Нащокинъ

Царь Алексѣй, сказалъ я, создалъ въ русскомъ обществѣ XVII в. преобразовательное настроеніе. Первое мѣсто въ ряду государственныхъ дѣльцовъ, захваченныхъ такимъ настроеніемъ, безспорно принадлежитъ самому блестящему изъ сотрудниковъ царя Алексѣя, наиболѣе энергическому провозвѣстнику преобразовательныхъ стремленій его времени, боярину Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину. Этотъ дѣлецъ вдвойнѣ любопытенъ для насъ, потому что велъ двойную подготовку реформы Петра Великаго. Во-первыхъ, никто изъ московскихъ государственныхъ дѣльцовъ XVII в. не высказалъ столько, какъ онъ, преобразовательныхъ идей и плановъ, которые послѣ осуществилъ Петръ. Потомъ, Ордину-Нащокину пришлось не только дѣйствовать по-новому, но и самому создавать обстановку своей дѣятельности. По происхожденію своему онъ не принадлежалъ къ тому обществу, среди котораго ему привелось дѣйствовать. Привилегированнымъ питомникомъ политическихъ дѣльцовъ въ Московскомъ государствѣ служило старое родовитое боярство, пренебрежительно смотрѣвшее на массу провинціальнаго дворянства. Ординъ-Нащокинъ былъ едва ли не первымъ провинціальнымъ дворяниномъ, проложившимъ себѣ дорогу въ кругъ этой спесивой знати, а за нимъ уже потянулась вереница его провинціальной братіи, скоро разбившей плотные ряды боярской аристократіи.

Аѳанасій Лаврентьевичъ былъ сынъ очень скромнаго псковскаго помѣщика; въ Псковскомъ и въ ближнемъ То-

ропецкомъ уѣздахъ ютилось цѣлое фамильное гнѣздо Нащокиныхъ, которое шло отъ одного виднаго служилаго человѣка при московскомъ дворѣ XIV в. Изъ этого гнѣзда, захудавшаго послѣ своего родоначальника, вышелъ и нашъ Аѳанасій Лаврентьевичъ. Онъ сталъ извѣстенъ еще при царѣ Михаилѣ: его не разъ назначали въ посольскія коммиссіи для размежеванія границъ со Швеціей. Въ началѣ Алексѣева царствованія Ординъ-Нащокинъ уже считался на родинѣ виднымъ дѣльцомъ и усерднымъ слугой московскаго правительства. Вотъ почему во время псковскаго бунта 1650 г. мятежники намѣревались убить его. При усмиреніи этого бунта московскими полками Ординъ-Нащокинъ показалъ много усердія и умѣнья. Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ въ гору. Когда въ 1654 г. открылась война съ Польшей, ему порученъ былъ чрезвычайно трудный постъ: съ малыми военными силами онъ долженъ былъ сторожить московскую границу со стороны Литвы и Ливоніи. Онъ отлично исполнилъ возложенное на него порученіе. Въ 1656 г. началась война со Швеціей, и самъ царь двинулся въ походъ подъ Ригу. Когда московскія войска взяли одинъ изъ ливонскихъ городовъ на Двинѣ, Кокенгаузенъ (старинный русскій Кукейносъ, когда-то принадлежавшій полоцкимъ князьямъ), Нащокинъ былъ назначенъ воеводой этого и другихъ новозавоеванныхъ городовъ. На этой должности Ординъ-Нащокинъ дѣлаетъ очень важныя военныя и дипломатическія дѣла, сторожитъ границу, завоевываетъ ливонскіе городки, ведетъ переписку съ польскими властями; ни одно важное дипломатическое дѣло не дѣлается безъ его участія. Въ 1658 г. его усиліями заключено было Валіесарское перемиріе со Швеціей, условія котораго превзошли ожиданія самого царя Алексѣя. Въ 1665 г. Ординъ-Нащокинъ сидѣлъ воеводой въ родномъ

своемъ Псковѣ. Наконецъ, онъ сослужилъ самую важную и тяжелую службу московскому правительству: послѣ утомительныхъ восьмимѣсячныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными онъ заключилъ въ январѣ 1667 г. въ Андрусовѣ перемиріе съ Польшей, положившее конецъ опустошительной для обѣихъ сторонъ тринадцатилѣтней войнѣ. Въ этихъ переговорахъ Нащокинъ показалъ много дипломатической сообразительности и умѣнья ладить съ иноземцами и вытягалъ у поляковъ не только Смоленскую и Сѣверскую землю и восточную Малороссію, но и изъ западной Кіевъ съ округомъ. Заключеніе Андрусовскаго перемирія поставило Аѳанасія очень высоко въ московскомъ правительствѣ, составило ему громкую дипломатическую извѣстность. Дѣлая всѣ эти дѣла, Нащокинъ быстро поднимался по чиновной лѣстницѣ. Городовой дворянинъ *по отечеству*, по происхожденію, по заключеніи упомянутаго перемирія онъ былъ пожалованъ въ *бояре* и назначенъ главнымъ управителемъ Посольскаго приказа съ громкимъ титуломъ „царской большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя“, т.-е. сталъ государственнымъ канцлеромъ.

Такова была служебная карьера Нащокина. Его родина имѣла нѣкоторое значеніе въ его судьбѣ. Псковскій край, пограничный съ Ливоніей, издавна былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними нѣмцами и шведами. Раннее знакомство съ иноземцами и частыя сношенія съ ними давали Нащокину возможность внимательно наблюдать и изучить ближайшія къ Россіи страны западной Европы. Это облегчалось еще тѣмъ, что въ молодости Ордину-Нащокину какъ-то посчастливилось получить хорошее образованіе: онъ зналъ, говорили, математику, языки латинскій и нѣмецкій. Служебныя обстоятельства заставили его познакомиться и съ польскимъ языкомъ. Такъ онъ рано и осно-

вательно подготовился къ роли дѣльца въ сношеніяхъ Московскаго государства съ европейскимъ Западомъ. Его товарищи по службѣ говорили про него, что онъ „знаетъ нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе обычаи знаетъ же". Внимательное наблюденіе надъ иноземными порядками и привычка сравнивать ихъ съ отечественными сдѣлали Нащокина ревностнымъ поклонникомъ западной Европы и жестокимъ критикомъ отечественнаго быта. Такъ онъ отрѣшился отъ національной замкнутости и исключительности и выработалъ свое особое политическое мышленіе: онъ первый провозгласилъ у насъ правило, что „доброму не стыдно навыкать и со стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ". Послѣ него остался рядъ бумагъ, служебныхъ донесеній, записокъ или докладовъ царю по разнымъ политическимъ вопросамъ. Это очень любопытные документы для характеристики какъ самого Нащокина, такъ и преобразовательнаго движенія его времени. Видно, что авторъ говорунъ и бойкое перо; не даромъ даже враги признавали, что Аѳанасій умѣлъ „слагательно", складно писать. У него было и другое еще болѣе рѣдкое качество — тонкій, цѣпкій и ёмкій умъ, умѣвшій быстро схватывать данное положеніе и комбинировать по-своему условія минуты. Это былъ мастеръ своеобразныхъ и неожиданныхъ политическихъ построеній. Съ нимъ было трудно спорить. Вдумчивый и находчивый, онъ иногда выводилъ изъ терпѣнія иноземныхъ дипломатовъ, съ которыми велъ переговоры, и они ему же пеняли за трудность имѣть съ нимъ дѣло: не пропуститъ ни малѣйшаго промаха, никакой непослѣдовательности въ дипломатической діалектикѣ, сейчасъ поддѣнетъ и поставитъ втупикъ оплошнаго или близорукаго противника, отравитъ ему чистыя намѣренія, самимъ же имъ внушенныя, за что однажды пеняли ему польскіе коммиссары, съ нимъ переговаривавшіеся. Такое направле-

ніе ума совмѣщалось у него съ неугомонной совѣстью, съ привычкой колоть глаза людямъ ихъ несообразительностью. Ворчать за правду и здравый разсудокъ онъ считалъ своимъ долгомъ и даже находилъ въ томъ большое удовольствіе. Въ его письмахъ и докладахъ царю всего рѣзче звучитъ одна нота: всѣ они полны немолчныхъ и часто очень желчныхъ жалобъ на московскихъ людей и московскіе порядки. Ординъ-Нащокинъ вѣчно на все ропщетъ, всѣмъ недоволенъ: правительственными учрежденіями и приказными обычаями, военнымъ устройствомъ, нравами и понятіями общества. Его симпатіи и антипатіи, мало раздѣляемыя другими, создавали ему неловкое, двусмысленное положеніе въ московскомъ обществѣ. Привязанность его къ западно-европейскимъ порядкамъ и порицаніе своихъ нравились иноземцамъ, съ нимъ сближавшимся, которые снисходительно признавали въ немъ „неглупаго подражателя“ своихъ обычаевъ. Но это же самое надѣлало ему множество враговъ между своими и давало поводъ его московскимъ недоброхотамъ смѣяться надъ нимъ, называть его „иноземцемъ“. Двусмысленность его положенія еще усиливалась его происхожденіемъ и характеромъ. Свои и чужіе признавали въ немъ человѣка остраго ума, съ которымъ онъ пойдетъ далеко; этимъ онъ задѣвалъ много встрѣчныхъ самолюбій и тѣмъ болѣе, что онъ шелъ не обычной дорогой, къ какой предназначенъ былъ происхожденіемъ, а жесткій и нѣсколько задорный нравъ его не смягчалъ этихъ столкновеній. Нащокинъ былъ чужой среди московскаго служебнаго міра и какъ политическій новикъ долженъ былъ съ бою брать свое служебное положеніе, чувствуя, что каждый его шагъ впередъ увеличиваетъ число его враговъ, особенно среди московской боярской знати. Такимъ положеніемъ выработалась его своеобразная манера держаться среди враждеб-

наго ему общества. Онъ зналъ, что его единственная опора — царь, не любившій надменности, и, стараясь обезпечить себѣ эту опору, Нащокинъ прикрывался передъ царемъ отъ своихъ недруговъ видомъ загнаннаго скромника, смиреніемъ до самоуничиженія. Онъ не высоко цѣнитъ свою службишку, но не выше ставитъ и службу своихъ знатныхъ враговъ и всюду горько на нихъ жалуется. „Передъ всѣми людьми, пишетъ онъ царю, за твое государево дѣло никто такъ не возненавиженъ, какъ я", называетъ себя „облихованнымъ и ненавидимымъ человѣченкомъ, не имѣющимъ, гдѣ приклонить грѣшную голову". При всякомъ затрудненіи или столкновеніи съ вліятельными недругами онъ проситъ царя отставить его отъ службы, какъ неудобнаго и неумѣлаго слугу, отъ котораго можетъ только пострадать государственный интересъ. „Государево дѣло ненавидятъ ради меня, холопа твоего", пишетъ онъ царю и проситъ „откинуть отъ дѣла своего омерзѣлаго холопа". Но Аѳанасій зналъ себѣ цѣну, и про его скромность можно было сказать, что это — напускное смиреніе паче гордости, которое не мѣшало ему считать себя прямо человѣкомъ не отъ міра сего: „если бы я отъ міра былъ, міръ своего любилъ бы", писалъ онъ царю, жалуясь на общее къ себѣ недоброжелательство. Думнымъ людямъ противно слушать его донесенія и совѣты, потому что „они не видятъ стези правды и сердце ихъ одебелѣло завистью". Злая иронія звучитъ въ его словахъ, когда онъ пишетъ царю о правительственномъ превосходствѣ боярской знати сравнительно со своей худородной особой. „Думнымъ людямъ никому не надобенъ я, не надобны такія великія государственныя дѣла... У такихъ дѣлъ пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространный смыслъ имѣть и жить

умѣютъ; отдаю тебѣ, великому государю, мое крестное цѣлованіе, за собою держать не смѣю по недостатку умишка моего".

Царь долго и настойчиво поддерживалъ своенравнаго и запальчиваго дѣльца, терпѣливо выносилъ его скучные жалобы и попреки, увѣрялъ его, что ему нечего бояться, что его никому не выдадутъ, грозилъ его недругамъ великими опалами за вражду съ Аѳанасіемъ и предоставлялъ ему значительный просторъ для дѣятельности. Благодаря этому Ординъ-Нащокинъ получилъ возможность не только обнаружить свои административные и дипломатическіе таланты, но и выработать, даже частью осуществить свои политическіе планы. Въ письмахъ своихъ къ царю онъ больше порицаетъ существующее или полемизируетъ съ противниками, чѣмъ излагаетъ свою программу. Однако въ его бумагахъ можно набрать значительный запасъ идей и проектовъ, которые при надлежащей практической разработкѣ могли стать и стали надолго руководящими началами внутренней и внѣшней политики.

Первая идея, на которой упорно стоитъ Нащокинъ, заключалась въ томъ, чтобы во всемъ брать образецъ съ Запада, все дѣлать „съ примѣру стороннихъ чужихъ земель". Это — исходная точка его преобразовательныхъ плановъ; но не все нужно брать безъ разбора у чужихъ. „Какое намъ дѣло до иноземныхъ обычаевъ, говаривалъ онъ: ихъ платье не по насъ, а наше не по нихъ". Это былъ одинъ изъ немногихъ западниковъ, подумавшихъ о томъ, что можно и чего не нужно заимствовать, искавшихъ соглашенія общеевропейской культуры съ національной самобытностью. Потомъ Нащокинъ не могъ помириться съ духомъ и привычками московской администраціи, дѣятельность которой неумѣренно руководилась личными счетами и отно-

шеніями, а не интересомъ государственнаго дѣла, порученнаго тому или другому дѣльцу. „У насъ, пишетъ онъ, любятъ дѣло или ненавидятъ его, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его дѣлаетъ: меня не любятъ, а потому и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ". Когда царь выражалъ Нащокину неудовольствіе за его нелады съ тѣмъ или другимъ знатнымъ завистникомъ, Аѳанасій отвѣчалъ, что личной вражды у него нѣтъ, но „о государевѣ дѣлѣ сердце болитъ и молчать не даетъ, когда въ государевѣ дѣлѣ вижу чье нерадѣнье". Итакъ дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицахъ — вотъ второе правило, которымъ руководился Нащокинъ. Главнымъ его поприщемъ была дипломатія, и это былъ дипломатъ первой величины, по признанію современниковъ, даже иностранцевъ; по крайней мѣрѣ, онъ едва ли не первый изъ русскихъ государственныхъ людей заставилъ иностранцевъ уважать себя. Англичанинъ Коллинсъ, врачъ царя Алексѣя, прямо называетъ Нащокина великимъ политикомъ, который не уступитъ ни одному изъ европейскихъ министровъ. Зато и онъ уважалъ свое дѣло. Дипломатія составляетъ, по его мнѣнію, главную функцію государственнаго управленія, и только достойные люди могутъ браться за такое дѣло. „На государственныя дѣла, писалъ онъ, подобаетъ мысленныя очеса устремлять безпорочнымъ и избраннымъ людямъ къ расширенію государства со всѣхъ сторонъ, а это есть дѣло одного Посольскаго приказа".

У Нащокина были свои дипломатическіе планы, своеобразные взгляды на задачи внѣшней московской политики. Ему пришлось дѣйствовать въ ту минуту, когда ребромъ были поставлены самые щекотливые вопросы, питавшіе непримиримую вражду Московскаго государства съ Польшей и Швеціей, вопросы о Малороссіи, о Балтійскомъ берегѣ.

Обстоятельства поставили Нащокина въ самый водоворотъ сношеній и столкновеній, вызванныхъ этими вопросами. Но у него не закружилась голова въ этомъ водоворотѣ: въ запутанныхъ дѣлахъ онъ умѣлъ отдѣлить важное отъ шумнаго, привлекательное отъ полезнаго, мечты отъ достижимаго. Онъ видѣлъ, что въ тогдашнемъ положеніи и при наличныхъ средствахъ Московскаго государства для него неразрѣшимъ въ полномъ объемѣ вопросъ малороссійскій, т.-е. вопросъ о возсоединеніи югозападной Руси съ Великороссіей. Вотъ почему онъ склонялся къ миру и даже къ тѣсному союзу съ Польшей и хотя хорошо зналъ, какъ онъ выражался, „зѣло шаткій, бездушный и непостоянный польскій народъ", но отъ союза съ нимъ ждалъ разнообразныхъ выгодъ. Между прочимъ, чаялъ онъ, турецкіе христіане, молдаване и волохи, послышавъ про этотъ союзъ, отложатся отъ турокъ, и тогда всѣ дѣти Восточной Церкви, обитающія отъ самаго Дуная вплоть до предѣловъ Великой Россіи и нынѣ разъединяемыя враждебной Польшей, сольются въ многочисленный христіанскій народъ, покровительствуемый православнымъ царемъ московскимъ, и сами собою прекратятся шведскія козни, возможныя только при русско-польской распрѣ. Въ 1667 г. польскимъ посламъ, пріѣхавшимъ въ Москву для подтвержденія Андрусовскаго договора, Нащокинъ въ одушевленной рѣчи развивалъ свои мечты о томъ, какой великой славой покрылись бы всѣ славянскіе народы и какія великія предпріятія увѣнчались бы успѣхомъ, если бы племена, населяющія наши государства и почти всѣ говорящія по-славянски отъ Адріатическаго до Нѣмецкаго моря и до Сѣвернаго океана, соединились, и какая слава ожидаетъ оба государства въ будущемъ, когда они, стоя во главѣ славянскихъ народовъ, соединятся подъ одною державою.

Хлопоча о тѣсномъ союзѣ съ вѣковымъ врагомъ и даже мечтая о династическомъ соединеніи съ Польшей подъ властью московскаго царя или его сына, Нащокинъ производилъ чрезвычайно крутой поворотъ во внѣшней московской политикѣ. Онъ имѣлъ свои соображенія, оправдывавшія такую перемѣну въ ходѣ дѣлъ. Малороссійскій вопросъ въ его глазахъ былъ пока дѣломъ второстепеннымъ. Если, писалъ онъ, черкасы (козаки) измѣняютъ, то стоятъ ли они того, чтобы стоять за нихъ? Дѣйствительно, съ присоединеніемъ восточной Малороссіи главный узелъ этого вопроса развязывался, Польша переставала быть опасной для Москвы, твердо ставшей на верхнемъ и среднемъ Днѣпрѣ. Притомъ нельзя было навсегда удержать временно уступленный Кіевъ и присоединить западную Малороссію, не совершивъ международной неправды, не нарушивъ Андрусовскаго перемирія. А Нащокинъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ дипломатовъ, обладающихъ дипломатической совѣстливостью, качествомъ, съ которымъ и тогда неохотно мирилась дипломатія. Онъ ничего не хотѣлъ дѣлать безъ правды: „лучше воистину принять злому животу моему конецъ и вовѣки свободну быть, нежели противно правды дѣлати“. Поэтому, когда гетманъ Дорошенко съ западной Малороссіей, отложившись отъ Польши, поддался турецкому султану, а потомъ изъявилъ согласіе стать подъ высокую руку царя московскаго, Нащокинъ на запросъ изъ Москвы, можно ли принять Дорошенка въ подданство, отвѣчалъ рѣшительнымъ протестомъ противъ такого нарушенія договоровъ, выразилъ даже негодованіе, что къ нему обращаются съ такими некорректными запросами. По его мнѣнію, дѣло надобно было повести такъ, чтобы сами поляки, разумно взвѣсивъ свои и московскіе интересы, для упроченія русско-польскаго союза противъ басурманъ и для успокоенія Украйны добро-

вольно уступили Москвѣ и Кіевъ, и даже всю западную Малороссію, „а нагло писать о томъ въ Польшу невозможно". Еще до перемирія въ Андрусовѣ Нащокинъ убѣждалъ царя, что съ польскимъ королемъ „надобно мириться въ мѣру", на умѣренныхъ условіяхъ, чтобы поляки не искали потомъ перваго случая отомстить: „взять Полоцкъ да Витебскъ, а если поляки заупрямятся, то и этихъ городовъ не надобно". Въ докладѣ о необходимости тѣснаго союза съ Польшей у Нащокина вырвался даже неосторожный намекъ на возможность отступиться и отъ всей Малороссіи, а не отъ западной только, ради упроченія союза. Но царь горячо возсталъ противъ такого малодушія своего любимца и очень энергично выразилъ свое негодованіе. „Эту статью, отвѣчалъ ему царь, отложили и велѣли выкинуть, потому что непристойна, да и для того, что обрѣли въ ней полтора ума, одинъ твердый разумъ да половину второго, колеблемаго вѣтромъ. Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго (полякамъ не подобаетъ владѣть и западной Малороссіей): только то не по нашей волѣ, а за грѣхи учинится. Если же оба куска святого хлѣба достанутся собакѣ — охъ, какое оправданіе пріиметъ допустившій это? Будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердныя муки. Человѣче! иди съ миромъ царскимъ среднимъ путемъ, какъ началъ, такъ и кончай, не уклоняйся ни направо, ни налѣво; Господь съ тобою!" И упрямый человѣкъ сдался на набожный вздохъ своего государя, котораго порой прямо не слушался, крѣпко ухватился и за другой кусокъ православнаго хлѣба, вытягавъ у поляковъ въ Андрусовѣ вмѣстѣ съ восточной Малороссіей еще Кіевъ изъ западной.

Помыслы о соединеніи всѣхъ славянъ подъ дружнымъ руководительствомъ Москвы и Польши были политической

идиллiей Нащокина. Какъ практическаго дѣльца, его больше занимали интересы болѣе дѣлового свойства. Его дипломатическiй взглядъ обращался во всѣ стороны, всюду внимательно высматривая или заботливо подготовляя новыя прибыли для казны и народа. Онъ старался устроить торговыя сношенiя съ Персiей и Средней Азiей, съ Хивой и Бухарой, снаряжалъ посольство въ Индiю, смотрѣлъ и на Дальнiй Востокъ, на Китай, помышлялъ объ устройствѣ козацкой колонизацiи Поамурья. Но въ этихъ поискахъ на первомъ планѣ, разумѣется, оставалась въ его глазахъ ближайшая западная сторона, Балтiйское море. Руководясь народнохозяйственными соображенiями не меньше, чѣмъ нацiональнополитическими, онъ понималъ торгово-промышленное и культурное значенiе этого моря для Россiи, и потому его вниманiе было усиленно обращено на Швецiю, именно на Ливонiю, которую, по его мнѣнiю, слѣдовало добыть во что бы ни стало: отъ этого прiобрѣтенiя онъ ждалъ громадной пользы для русской промышленности и казны царя. Увлекаемый идеями своего дѣльца, царь Алексѣй смотрѣлъ въ ту же сторону, хлопоталъ о возвращенiи бывшихъ русскихъ владѣнiй, о прiобрѣтенiи „морскихъ пристанищъ“, гаваней, Нарвы, Ивань-города, Орѣшка и всего теченiя рѣки Невы со шведской крѣпостцой Канцами (Нiеншанцъ), гдѣ позднѣе возникъ Петербургъ. Но Нащокинъ и здѣсь шире смотрѣлъ на дѣло: онъ доказывалъ, что изъ-за мелочей не слѣдуетъ выпускать изъ виду главной цѣли, что Нарва, Орѣшекъ — все это неважные пункты; нужно пробраться прямо къ морю, прiобрѣсти Ригу, пристань которой открываетъ ближайшiй прямой путь въ западную Европу. Составить коалицiю противъ Швецiи, чтобы отнять у нея Ливонiю — это была завѣтная мысль Нащокина, составлявшая душу его дипломатическаго плана. Для этого онъ хлопоталъ о мирѣ съ ха-

номъ крымскимъ,. о тѣсномъ союзѣ съ Польшей, жертвуя западной Малороссіей. Эта мысль не увѣнчалась успѣхомъ; но Петръ Великій цѣликомъ унаслѣдовалъ эти помыслы отцова министра.

Впрочемъ политическій кругозоръ Нащокина не ограничивался вопросами внѣшней политики. Нащокинъ по-своему смотрѣлъ и на порядокъ внутренняго управленія въ Московскомъ государствѣ: онъ былъ недоволенъ какъ устройствомъ, такъ и ходомъ этого управленія. Онъ возставалъ противъ излишней регламентаціи, господствовавшей въ московскомъ управленіи. Здѣсь все держалось на самой стѣснительной опекѣ высшихъ центральныхъ учрежденій надъ подчиненными исполнителями: исполнительные органы были слѣпыми орудіями данныхъ имъ сверху наказовъ. Нащокинъ требовалъ извѣстнаго простора для исполнителей: „не во всемъ дожидаться государева указа, писалъ онъ: вездѣ надобно воеводское разсмотрѣніе", т.-е. дѣйствіе по собственному соображенію уполномоченнаго. Онъ указывалъ на примѣръ Запада, гдѣ во главѣ войска ставится знающій полководецъ, самъ разсылающій указы подчиненнымъ начальникамъ, а не требующій на всякую мелочь указа изъ столицы. „Гдѣ глазъ видитъ и ухо слышитъ, тутъ и надо промыслъ держать неотложно", писалъ онъ. Но требуя самостоятельности для исполнителей, онъ возлагаетъ на нихъ и большую отвѣтственность. Не по указу, не по обычаю и рутинѣ, а по соображенію обстоятельствъ минуты должна дѣйствовать администрація. Такую дѣятельность, основанную на личной сообразительности дѣльца, Нащокинъ называетъ „промысломъ". Грубая сила мало значитъ. „Лучше всякой силы промыслъ; дѣло въ промыслѣ, а не въ томъ, что людей много; и много людей, да промышленника нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ; вотъ шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей

безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми верхъ беретъ; у него никто не смѣетъ отнять воли у промышленника; половину рати продать да промышленника купить — и то будетъ выгоднѣе". Наконецъ, въ административной дѣятельности Нащокина замѣчаемъ черту, которая всего болѣе подкупаетъ насъ въ его пользу: это — при взыскательности и исполнительности безпримѣрная въ московскомъ управленіи внимательность къ подчиненнымъ, участіе сердца, чувства человѣчности въ отношеніи къ управляемымъ, стремленіе щадить ихъ силы, ставить ихъ въ такое положеніе, въ которомъ они съ наименьшей затратой усилій могли бы принести наиболѣе пользы государству. Во время шведской войны въ покоренномъ краю по Западной Двинѣ русскіе рейтары и донскіе козаки принялись грабить и мучить обывателей, хотя тѣ уже присягнули московскому царю. Нащокинъ, сидя тогда воеводой въ Кукейносѣ, возмущался до глубины души такимъ разбойничьимъ способомъ веденія войны; у него сердце обливалось кровью отъ жалобъ разоряемаго населенія. Онъ писалъ царю, что ему приходится посылать помощь и противъ непріятелей, и противъ своихъ грабителей. „Лучше бы я на себѣ раны видѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли; лучше бы согласился я быть въ заточеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь и не видать надъ людьми такихъ злыхъ бѣдъ". Царь Алексѣй всего болѣе способенъ былъ оцѣнить это качество въ своемъ сотрудникѣ. Въ грамотѣ 1658 г., возводя Нащокина въ думные дворяне, царь хвалитъ его за то, „что онъ алчныхъ кормитъ, жаждущихъ поитъ, нагихъ одѣваетъ, до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спускаетъ".

Таковы административные взгляды и пріемы Нащокина. Онъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ практическаго примѣненія

своихъ идей. Наблюденія надъ жизнью западной Европы привели его къ сознанію главнаго недостатка московскаго государственнаго управленія, который заключался въ томъ, что это управленіе направлено было единственно на эксплуатацію народнаго труда, а не на развитіе производительныхъ силъ страны. Народно-хозяйственные интересы приносились въ жертву фискальнымъ цѣлямъ и цѣнились правительствомъ лишь какъ вспомогательныя средства казны. Изъ этого сознанія вытекали вѣчные толки Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ Московскомъ государствѣ. Онъ едва ли не раньше другихъ усвоилъ мысль, что народное хозяйство само по себѣ должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ государственнаго управленія. Нащокинъ былъ однимъ изъ первыхъ политико-экономовъ на Руси. Но чтобы промышленный классъ могъ дѣйствовать производительнѣе, надо было освободить его отъ гнета приказной администраціи. Управляя Псковомъ, Нащокинъ попытался примѣнить здѣсь свой проектъ городского самоуправленія, взятый „съ примѣру сторонниxъ чужихъ земель“, т.-е. западной Европы. Это единственный въ своемъ родѣ случай въ исторіи мѣстнаго московскаго управленія XVII в., не лишенный даже нѣкотораго драматизма и ярко характеризующій какъ самого Нащокина, его виновника, такъ и порядки, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать. Пріѣхавъ въ Псковъ въ мартѣ 1665 г., новый воевода засталъ въ родномъ городѣ страшную неурядицу. Онъ увидѣлъ великую вражду между посадскими людьми: „лутчіе“, состоятельнѣйшіе купцы, пользуясь своей силой въ городскомъ общественномъ управленіи, обижали „середнихъ и мелкихъ людишекъ“ въ разверсткѣ податей и въ нарядахъ на казенныя службы, вели городскія дѣла „своимъ изволомъ“, безъ вѣдома остального общества; тѣ

и другіе разорялись отъ тяжебъ и приказной неправды; изъ-за нѣмецкаго рубежа въ Псковъ и изъ Пскова за рубежъ провозили товары безпошлинно; маломочные торговцы, не имѣя оборотнаго капитала, тайно брали у нѣмцевъ деньги на подрядъ, скупали подешевле руcскіе товары и какъ свои продавали, точнѣе, передавали ихъ своимъ довѣрителямъ, довольствуясь ничтожнымъ коммиссіоннымъ заработкомъ, „изъ малаго прокормленія"; этимъ они донельзя сбивали цѣны русскихъ товаровъ, сильно подрывали настоящихъ капиталистовъ, должали неоплатно иноземцамъ, разорялись. Нащокинъ вскорѣ по пріѣздѣ предложилъ псковскому посадскому обществу рядъ мѣръ, которыя земскіе старосты Пскова, собравшись съ лучшими людьми въ земской избѣ (городской управѣ) „для общаго всенароднаго совѣту", должны были обсудить со всякимъ усердіемъ. Здѣсь при участіи воеводы выработаны были „статьи о градскомъ устроеніи", своего рода положеніе объ общественномъ управленіи гор. Пскова съ пригородами въ 17 статьяхъ. Положеніе было одобрено въ Москвѣ и заслужило милостивую похвалу царя воеводѣ за службу и радѣнье, а псковскимъ земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ „за ихъ добрый совѣтъ и за радѣнье во всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ".

Важнѣйшія статьи положенія касаются преобразованія посадскаго общественнаго управленія и суда и упорядоченія внѣшней торговли, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ нервовъ экономической жизни Псковскаго края. Посадское общество гор. Пскова выбираетъ изъ своей среды на три года 15 человѣкъ, изъ коихъ пятеро по очереди въ продолженіе года ведутъ городскія дѣла въ земской избѣ. Въ вѣдѣніи этихъ „земскихъ выборныхъ людей" сосредоточиваются городское хозяйственное управленіе, надзоръ

за питейной продажей, таможеннымъ сборомъ и торговыми сношеніями псковичей съ иноземцами; они же и судятъ посадскихъ людей въ торговыхъ и другихъ дѣлахъ; только важнѣйшія уголовныя преступленія, измѣна, разбой и душегубство, остаются подсудны воеводамъ. Такъ псковскій воевода добровольно поступался значительной долей своей власти въ пользу городского самоуправленія. Въ особо важныхъ городскихъ дѣлахъ очередная треть выборныхъ совѣщается съ остальными и даже призываетъ на совѣтъ лучшихъ людей изъ посадскаго общества.

Нащокинъ видѣлъ главные недостатки русской торговли въ томъ, что „русскіе люди въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ", неустойчивы, не привыкли дѣйствовать дружно и легко попадаютъ въ зависимость отъ иностранцевъ. Главныя причины этой неустойчивости — недостатокъ капиталовъ, взаимное недовѣріе и отсутствіе удобнаго кредита. На устраненіе этихъ недостатковъ и были направлены статьи псковскаго положенія о торговлѣ съ иноземцами. Маломочные торговцы распредѣляются „по свойству и знакомству" между крупными капиталистами, которые наблюдаютъ за ихъ промыслами. Земская изба выдаетъ имъ изъ городскихъ суммъ ссуды для покупки русскихъ вывозныхъ товаровъ. Для торговли съ иноземцами учреждаются подъ Псковомъ двѣ двухнедѣльныя ярмарки съ безпошлиннымъ торгомъ, отъ 6 января и отъ 9 мая. Къ этимъ ярмаркамъ мелкіе торговцы на полученную ссуду при поддержкѣ капиталистовъ, къ которымъ приписаны, скупаютъ вывозные товары, записываютъ ихъ въ земской избѣ и передаютъ своимъ принципаламъ; тѣ уплачиваютъ имъ покупную стоимость принятыхъ товаровъ для новой закупки къ слѣдующей ярмаркѣ и дѣлаютъ имъ „наддачу" къ этой покупной цѣнѣ „для прокормленія", а продавъ иноземцамъ

довѣренный товаръ по установленнымъ большимъ цѣнамъ, выдаютъ своимъ кліентамъ причитающуюся имъ „полную прибыль“, компанейскій дивидендъ. Такое устройство торговаго класса должно было сосредоточить обороты внѣшней торговли въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ, которыя были бы въ состояніи держать на надлежащей высотѣ цѣны туземныхъ товаровъ.

Такія своеобразныя торговыя товарищества разсчитаны были на возможность дружнаго сближенія верхняго торговаго слоя съ посадской массой, значитъ, на умиротвореніе той общественной вражды, какую нашелъ Нащокинъ въ Псковѣ. Разсчетъ могъ быть основанъ на обоюдныхъ выгодахъ обѣихъ сторонъ, патроновъ и кліентовъ: сильные капиталисты доставляли хорошую прибыль маломочнымъ компанейщикамъ, а послѣдніе не портили цѣнъ сильнымъ. Важно и то, что эти товарищества состояли при городской управѣ, которая становилась ссуднымъ банкомъ для маломочныхъ и контролемъ для ихъ патроновъ: посадское общество гор. Пскова при зависимости отъ него пригородовъ получало возможность черезъ свой судебно-административный органъ руководить внѣшней торговлей всего края. Но общественная рознь помѣшала успѣху реформы. Маломочные посадскіе псковичи приняли новое положеніе, какъ царскую милость, но „прожиточные люди“, богачи, городскіе воротилы, оказали ему противодѣйствіе и нашли себѣ поддержку въ столицѣ. Можно себѣ представить, какъ „ненавидимо“ встрѣчено было предпріятіе Нащокина московскимъ боярскимъ и приказнымъ міромъ: здѣсь въ немъ усмотрѣли только дерзкое посягательство на исконныя права и привычки воеводъ и дьяковъ въ угоду тяглаго посадскаго мужичья. Можно подивиться, какъ успѣлъ Нащокинъ въ 8 мѣсяцевъ воеводства не только обдумать идею и планъ

сложной реформы, но и обладить суетливыя подробности ея исполненія. Преемникъ Нащокина въ Псковѣ кн. Хованскій, чванный поборникъ боярскихъ притязаній, „тараруй“, какъ его прозвали въ Москвѣ, болтунъ и хвастунъ, котораго „всякъ дуракомъ называлъ“, по выраженію царя Алексѣя, представилъ государю псковское дѣло Нащокина въ такомъ свѣтѣ, что царь отмѣнилъ его, несмотря на свой отзывъ о князѣ, уступая своей слабости — рѣшать дѣла по послѣднему впечатлѣнію.

Нащокинъ не любилъ сдаваться ни врагамъ, ни враждебнымъ обстоятельствамъ. Онъ такъ вѣрилъ въ свою псковскую реформу, что впалъ въ самообольщеніе при своемъ критическомъ умѣ, такъ хорошо выправленномъ на изученіи чужихъ ошибокъ. Въ псковскомъ городовомъ положеніи онъ выражаетъ надежду, что когда эти псковскія „градскія права въ народѣ постановлены и устроены будутъ“, на то смотря, жители и другихъ городовъ будутъ надѣяться, что и ихъ пожалуютъ такимъ же устроеніемъ. Но въ Москвѣ рѣшили прямо наоборотъ: въ Псковѣ не подобаетъ быть особому мѣстному порядку, „такому уставу быть въ одномъ Псковѣ не умѣть“. Однако въ 1667 г., ставъ начальникомъ Посольскаго приказа, во вступленіи къ проведенному имъ тогда Новоторговому уставу Нащокинъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи, хотя совершенно безплодномъ, повторить свои псковскія мысли о выдачѣ ссудъ недостаточнымъ торговцамъ изъ московской таможни и городовыхъ земскихъ избъ, о томъ, чтобы маломочные торговые люди складывались съ крупными капиталистами для поддержанія высокихъ цѣнъ на русскіе товары и т. д. Въ этомъ уставѣ Нащокинъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ въ своихъ планахъ устроенія русской промышленности и торговли. Уже въ 1665 г. псковскіе посадскіе люди хода-

тайствовали въ Москвѣ, чтобы ихъ по всѣмъ дѣламъ вѣдали въ одномъ приказѣ, а не волочиться бы имъ по разнымъ московскимъ учрежденіямъ, терпя напрасныя обиды и разореніе. Въ Новоторговомъ уставѣ Нащокинъ провелъ мысль объ особомъ приказѣ, который вѣдалъ бы купецкихъ людей и служилъ бы имъ въ пограничныхъ городахъ обороной отъ другихъ государствъ и во всѣхъ городахъ защитой и управой отъ воеводскихъ притѣсненій. Этотъ *Приказъ купецкихъ дѣлъ* имѣлъ стать предшественникомъ учрежденной Петромъ Великимъ Московской ратуши или Бурмистерской палаты, вѣдавшей все городское торгово-промышленное населеніе государства.

Таковы преобразовательные планы и опыты Нащокина. Можно подивиться широтѣ и новизнѣ его замысловъ, разнообразію его дѣятельности: это былъ плодовитый умъ съ прямымъ и простымъ взглядомъ на вещи. Въ какую бы сферу государственнаго управленія ни попадалъ Нащокинъ, онъ подвергалъ суровой критикѣ установившіеся въ ней порядки и давалъ болѣе или менѣе ясный планъ ея преобразованія. Онъ сдѣлалъ нѣсколько военныхъ опытовъ, замѣтилъ недостатки въ военномъ устройствѣ и предложилъ проектъ его преобразованія. Конную милицію городовыхъ дворянъ онъ признавалъ совсѣмъ непригодной въ боевомъ отношеніи и считалъ необходимымъ замѣнить ее обученнымъ иноземному строю ополченіемъ изъ пѣшихъ и конныхъ „даточныхъ людей", рекрутовъ. Очевидно, это — мимоходомъ высказанная мысль о регулярной арміи, комплектуемой рекрутскими наборами изъ всѣхъ сословій. Что бы ни задумывалось новаго въ Москвѣ, заведеніе ли флота на Балтійскомъ или Каспійскомъ морѣ, устройство заграничной почты, даже просто разведеніе красивыхъ садовъ съ выписными изъ-за границы деревьями и цвѣтами,—

при всякомъ новомъ дѣлѣ стоялъ или предполагался непремѣнно Ординъ-Нащокинъ. Одно время по Москвѣ ходили даже слухи, будто онъ занимается пересмотромъ русскихъ законовъ, перестройкой всего государства и именно въ духѣ децентрализаціи, въ смыслѣ ослабленія столичной приказной опеки надъ мѣстными управленіями, съ которой Нащокинъ воевалъ всю свою жизнь. Можно пожалѣть, что ему не удалось сдѣлать всего, что̀ онъ могъ сдѣлать; его неуступчивый и строптивый характеръ положилъ преждевременный конецъ его государственной дѣятельности. У Нащокина не было полнаго согласія съ царемъ во взглядахъ на задачи внѣшней политики. Оставаясь вполнѣ корректнымъ дипломатомъ, виновникъ Андрусовскаго договора крѣпко стоялъ за точное его исполненіе, т.-е. за возможность возвращенія Кіева Польшѣ, что̀ царь считалъ нежелательнымъ, даже прямо грѣшнымъ дѣломъ. Это разногласіе постепенно охлаждало государя къ его любимцу. Назначенный въ 1671 г. для новыхъ переговоровъ съ Польшей, въ которыхъ ему предстояло разрушать собственное дѣло, нарушать договоръ съ поляками, скрѣпленный всего годъ тому назадъ его присягой, Нащокинъ отказался исполнить порученіе, а въ февралѣ 1672 г. игуменъ псковской Крыпецкой пустыни Тарасій постригъ Аѳанасія въ монахи подъ именемъ Антонія. Онъ записалъ себѣ на память день своей отставки, 2 декабря 1671 г., когда царь при всѣхъ бояpахъ его „милостиво отпустилъ и отъ всее мірскіе суеты свободилъ явно“. Послѣднія мірскія заботы инока Антонія были сосредоточены на устроенной имъ во Псковѣ богадѣльнѣ. Онъ умеръ въ 1680 г.

Ординъ-Нащокинъ во многомъ предупредилъ Петра и первый высказалъ много идей, которыя осуществилъ преобразователь. Это былъ смѣлый, самоувѣренный бюрократъ,

знавшій себѣ цѣну, но при этомъ заботливый и доброжелательный къ управляемымъ, съ дѣятельнымъ и дѣловымъ умомъ; во всемъ и прежде всего онъ имѣлъ въ виду государственный интересъ, общее благо. Онъ не успокоивался на рутинѣ, всюду зорко подмѣчалъ недостатки существующаго порядка, вѣрно соображалъ средства для ихъ устраненія, чутко угадывалъ задачи, стоявшія на очереди. Обладая сильнымъ практическимъ смысломъ, онъ не ставилъ далекихъ цѣлей, слишкомъ широкихъ задачъ. Умѣя найтись въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, онъ старался устроить всякое дѣло, пользуясь наличными средствами. Но твердя безъ умолку о недостаткахъ дѣйствующаго порядка, онъ не касался его основаній, думалъ поправлять его по частямъ. Въ его умѣ неясные преобразовательные порывы Алексѣева времени впервые стали облекаться въ отчетливые проекты и складываться въ связный планъ реформы; но это не былъ радикальный планъ, требовавшій общей ломки: Нащокинъ далеко не былъ безразсчетнымъ новаторомъ. Его преобразовательная программа сводилась къ тремъ основнымъ требованіямъ: къ улучшенію правительственныхъ учрежденій и служебной дисциплины, къ выбору добросовѣстныхъ и умѣлыхъ управителей и къ увеличенію казенной прибыли, государственныхъ доходовъ посредствомъ подъема народнаго богатства путемъ развитія промышленности и торговли.

Я началъ чтеніе замѣчаніемъ о возможности появленія у насъ государственнаго человѣка въ XVII в. Если вы вдумаетесь въ превратности, въ мысли, въ чувства, во всѣ перипетіи описанной государственной дѣятельности далеко не рядового ума и характера, въ борьбу Ордина-Нащокина съ окружавшими его условіями, то поймете, почему такія счастливыя случайности были у насъ такъ рѣдки.

Ртищевъ и Ординъ-Нащокинъ

При всемъ несходствѣ характеровъ и дѣятельностей одна общая черта сближала Ртищева и Ордина-Нащокина: оба они были новые люди своего времени и дѣлали каждый новое дѣло, одинъ въ политикѣ, другой въ нравственномъ быту. Этимъ они отличались отъ царя Алексѣя, который вросъ въ древнерусскую старину всѣмъ своимъ разумомъ и сердцемъ и только развлекался новизной, украшая съ ея помощью свою обстановку или улаживая свои политическія отношенія. Ртищевъ и Нащокинъ въ самой этой старинѣ умѣли найти новое, открыть еще нетронутыя и неиспользованныя ея средства и пустить ихъ въ оборотъ на общее благо. Западные образцы и научныя знанія они направляли не противъ отечественной старины, а на охрану ея жизненныхъ основъ отъ нея самой, отъ узкаго и черстваго ея пониманія, воспитаннаго въ народной массѣ дурнымъ государственнымъ и церковнымъ руководительствомъ, отъ рутины, которая ихъ мертвила. Нащокинъ, дипломатъ, настойчиво и бранчиво проводилъ мысль, что внѣшніе успѣхи, дипломатическіе и военные, непрочны, если не подготовляются и не поддерживаются усовершенствованіемъ внутренняго устройства, что внѣшняя политика должна служить развитію производительныхъ силъ страны, но не истощать ихъ, а богатый царедворецъ Ртищевъ пополнялъ мысль своего задорнаго друга, кротко внушая своимъ образомъ дѣйствій, что и экономическіе успѣхи малоцѣнны, когда нѣтъ главныхъ условій благоустроеннаго общежитія, каковы построенныя на справедливости отношенія общественныхъ классовъ, просвѣщенное религіозно-нравственное чувство, не затемняемое вымышленными обрядами и суевѣріями, и благотворительность, проявляющаяся не въ однихъ случайныхъ личныхъ порывахъ, а устроенная въ общественное учрежденіе. Одинокіе воины въ полѣ, Ртищевъ и Нащо-

кинъ однако не вопіяли въ пустынѣ: оба еще держались крѣпко старозавѣтныхъ формъ и сочувствій, одинъ основалъ монастырь, другой кончилъ монастыремъ; но ихъ идеи, полупонятыя и полупризнанныя современниками, добрались до другого времени и помогли понять старорусскія извращенія политической и религіозно-нравственной жизни.

Лекція LVIII.

Кн. В.В. Голицынъ. — Подготовка и программа реформы.

Младшимъ изъ предшественниковъ Петра былъ кн. В. В. Голицынъ, и онъ уходилъ отъ дѣйствительности гораздо дальше старшихъ. Еще молодой человѣкъ, онъ былъ уже виднымъ лицомъ въ правительственномъ кругу при царѣ Ѳедорѣ и сталъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей при царевнѣ Софьѣ, когда она по смерти старшаго брата сдѣлалась правительницей государства. Властолюбивая и образованная царевна не могла не замѣтить умнаго и образованнаго боярина, и кн. Голицынъ личной дружбой связалъ свою политическую карьеру съ этой царевной. Голицынъ былъ горячій поклонникъ Запада, для котораго онъ отрѣшился отъ многихъ завѣтныхъ преданій русской старины. Подобно Нащокину онъ бѣгло говорилъ по-латыни и по-польски. Въ его обширномъ московскомъ домѣ, который иноземцы считали однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ, все было устроено на европейскій ладъ: въ большихъ залахъ простѣнки между окнами были заставлены большими зеркалами, по стѣнамъ висѣли картины, портреты русскихъ и иноземныхъ государей и нѣмецкія географическія карты въ золоченыхъ рамахъ; на потолкахъ нарисована была планетная система; множество часовъ и термометръ художественной работы довершали убранство комнатъ. У Голицына была значительная и разнообразная библіотека изъ рукописныхъ и

Кн. В. В. Голицынъ.

печатныхъ книгъ на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: здѣсь между грамматиками польскаго и латинскаго языка стояли кіевскій лѣтописецъ, нѣмецкая геометрія, Алкоранъ въ переводѣ съ польскаго, четыре рукописи о строеніи комедій, рукопись Юрія сербенина (Крижанича). Домъ Голицына былъ мѣстомъ встрѣчи для образованныхъ иностранцевъ, попадавшихъ въ Москву, и въ гостепріимствѣ къ нимъ хозяинъ шелъ дальше другихъ московскихъ любителей иноземнаго, принималъ даже іезуитовъ, съ которыми тѣ не могли мириться. Разумѣется, такой человѣкъ могъ стоять только на сторонѣ преобразовательнаго движенія и именно въ латинскомъ, западно-европейскомъ, не лихудовскомъ направленіи. Одинъ изъ преемниковъ Ордина-Нащокина по управленію Посольскимъ приказомъ, кн. Голицынъ развивалъ идеи своего предшественника. При его содѣйствіи состоялся въ 1686 г. Московскій договоръ о вѣчномъ мирѣ съ Польшей, по которому Московское государство приняло участіе въ коалиціонной борьбѣ съ Турціей въ союзѣ съ Польшей, Германской имперіей и Венеціей и этимъ формально вступило въ концертъ европейскихъ державъ, за что Польша навсегда утверждала за Москвой Кіевъ и другія московскія пріобрѣтенія, временно уступленныя по Андрусовскому перемирію. И въ вопросахъ внутренней политики кн. Голицынъ шелъ впереди прежнихъ дѣльцовъ преобразовательнаго направленія. Еще при царѣ Ѳедорѣ онъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, которой поручено было составить планъ преобразованія московскаго военнаго строя. Эта коммиссія предложила ввести нѣмецкій строй въ русское войско и отмѣнить мѣстничество (законъ 12 января 1682 г.). Голицынъ безъ умолку твердилъ боярамъ о необходимости учить своихъ дѣтей, выхлопоталъ разрѣшеніе посылать ихъ въ польскія школы, совѣтовалъ приглашать польскихъ гувер-

неровъ для ихъ образованія. Несомнѣнно, широкіе преобразовательные планы роились въ его головѣ. Жаль, что мы знаемъ только ихъ обрывки или неясные очерки, записанные иностранцемъ Нёвиллемъ, польскимъ посланцомъ, пріѣхавшимъ въ Москву въ 1689 г. незадолго до паденія Софьи и Голицына. Невилль видался съ княземъ, говорилъ съ нимъ по-латыни о современныхъ политическихъ событіяхъ, особенно объ англійской революціи, могъ отъ него кое-что слышать о положеніи дѣлъ въ Москвѣ и тщательно собиралъ о немъ московскіе слухи и свѣдѣнія. Голицына сильно занималъ вопросъ о московскомъ войскѣ, недостатки котораго онъ хорошо изведалъ, не разъ командуя полками. Онъ, по словамъ Невилля, хотѣлъ, чтобы дворянство ѣздило за границу и обучалось тамъ военному искусству, ибо онъ думалъ замѣнить хорошими солдатами взятыхъ въ даточные и непригодныхъ къ дѣлу крестьянъ, земли которыхъ оставались безъ обработки на время войны, а взамѣнъ ихъ безполезной службы обложить крестьянство умѣренной поголовной податью. Значитъ, даточные рекруты изъ холоповъ и тяглыхъ людей, которыми пополняли дворянскіе полки, устранялись и армія, вопреки мысли Ордина-Нащокина, сохраняла строгосословный дворянскій составъ съ регулярнымъ строемъ подъ командой обученныхъ военному дѣлу офицеровъ изъ дворянъ же. Военно-техническая реформа въ мысляхъ Голицына соединялась съ переворотомъ соціально-экономическимъ. Преобразованіе государства Голицынъ думалъ начать освобожденіемъ крестьянъ, предоставивъ имъ обрабатываемыя ими земли съ выгодой для царя, т.-е. казны, посредствомъ ежегодной подати, что̀ по его разсчету увеличивало доходъ казны болѣе чѣмъ на половину. Иноземецъ кое-чего не дослышалъ и не объяснилъ условій этой поземельной операціи. Такъ какъ на дворянахъ оставалась обязательная и наслѣд-

ственная военная служба, то по всей вѣроятности насчетъ поземельнаго государственнаго оброка съ крестьянъ предполагалось увеличить дворянскіе оклады денежнаго жалованья, которые должны были служить вознагражденіемъ за потерянные помѣщиками доходы съ крестьянъ и за отошедшія къ нимъ земли. Такимъ образомъ по плану Голицына операція выкупа крѣпостного труда и надѣльной земли крестьянъ совершалась посредствомъ замѣны капитальной выкупной суммы непрерывнымъ доходомъ служилыхъ землевладѣльцевъ, получаемымъ отъ казны въ видѣ возвышеннаго жалованья за службу. При этомъ не стѣсненный закономъ помѣщичій произволъ въ эксплуатаціи крѣпостного труда замѣнялся опредѣленнымъ поземельнымъ казеннымъ налогомъ. Подобныя мысли о разрѣшеніи крѣпостного вопроса стали возвращаться въ русскіе государственные умы не раньше, какъ полтора вѣка спустя послѣ Голицына. Много другого слышалъ Невилль о планахъ этого вельможи, но не передавая всего слышаннаго, иноземецъ ограничивается общимъ нѣсколько идилличнымъ отзывомъ. „Если бы я захотѣлъ написать все, что узналъ объ этомъ князѣ, я никогда бы не кончилъ; достаточно сказать, что онъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, дикарей превратить въ людей, трусовъ въ храбрецовъ, пастушечьи шалаши въ каменныя палаты". Читая разсказы Невилля въ его донесеніи о Московіи, можно подивиться смѣлости преобразовательныхъ замысловъ „великаго Голицына", какъ величаетъ его авторъ. Эти замыслы, переданные иностранцемъ отрывочно, безъ внутренней связи, показываютъ однако, что въ основаніи ихъ лежалъ широкій и повидимому довольно обдуманный планъ реформъ, касавшійся не только административнаго и экономическаго порядка, но и сословнаго устройства государства и даже народнаго просвѣщенія. Конечно, это были

мечты, домашніе разговоры съ близкими людьми, а не законодательные проекты. Личныя отношенія кн. Голицына не дали ему возможности даже начать практическую разработку своихъ преобразовательныхъ замысловъ: связавъ свою судьбу съ царевной Софьей, онъ палъ вмѣстѣ съ нею и не принималъ участія въ преобразовательной дѣятельности Петра, хотя былъ ближайшимъ его предшественникомъ и могъ бы быть хорошимъ его сотрудникомъ, если не лучшимъ. Въ законодательствѣ слабо отразился духъ его плановъ: смягчены условія холопства за долги, отмѣнены закапываніе мужеубійцъ и смертная казнь за возмутительныя слова. Усиленіе карательныхъ мѣръ противъ старообрядцевъ нельзя ставить цѣликомъ насчетъ правительства царевны Софьи: то было профессіональное занятіе церковныхъ властей, въ которомъ государственному управленію приходилось обыкновенно служить лишь карательнымъ орудіемъ. Къ тому времени церковныя гоненія выростили въ старообрядческой средѣ изувѣровъ, по слову которыхъ тысячи совращенныхъ жгли себя ради спасенія своихъ душъ, а церковные пастыри ради того же жгли проповѣдниковъ самосожженія. Ничего не могло сдѣлать и для крѣпостныхъ крестьянъ правительство царевны, пристращавшей буйныхъ стрѣльцовъ дворянами, пока не явилась возможность припугнуть дворянъ стрѣльцами и козаками. Однако несправедливо было бы отрицать участіе идей Голицына въ государственной жизни; только его надо искать не въ новыхъ законахъ, а въ общемъ характерѣ 7-лѣтняго правленія царевны. Своякъ и шуринъ царя Петра, слѣдовательно противникъ Софьи, кн. Б. И. Куракинъ оставилъ въ своихъ запискахъ замѣчательный отзывъ объ этомъ правленіи. „Правленіе царевны Софіи Алексѣевны началось со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и ко удовольству

народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ Россійскомъ государствѣ не было; и все государство пришло во время ея правленія чрезъ семь лѣтъ въ цвѣтъ великаго богатства, также умножилась коммерція и всякія ремесла, и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку..... и торжествовала тогда довольность народная". Свидѣтельство Куракина о цвѣтѣ великаго богатства повидимому подтверждается и извѣстіемъ Невилля, что въ деревянной Москвѣ, считавшей тогда въ себѣ до полумилліона жителей, въ министерство Голицына построено было болѣе трехъ тысячъ каменныхъ домовъ. Неосторожно было бы подумать, что сама Софья своимъ образомъ дѣйствій вынудила у противника такой хвалебный отзывъ о своемъ правленіи. Эта тучная и некрасивая полудѣвица съ большой неуклюжей головой, съ грубымъ лицомъ, широкой и короткой таліей, въ 25 лѣтъ казавшаяся 40-лѣтней, властолюбію пожертвовала совѣстью, а темпераменту стыдомъ; но достигнувъ власти путемъ постыдныхъ интригъ и кровавыхъ преступленій, она, какъ принцесса „великаго ума и великій политикъ", по словамъ того же Куракина, нуждаясь въ оправданіи своего захвата, способна была внимать совѣтамъ своего перваго министра и „голанта", тоже человѣка „ума великаго и любимаго отъ всѣхъ". Онъ окружилъ себя сотрудниками, вполнѣ ему преданными, все незнатными, но дѣльными людьми вродѣ Неплюева, Касогова, Змѣева, Украинцева, съ которыми и достигъ отмѣченныхъ Куракинымъ правительственныхъ успѣховъ.

Кн. Голицынъ былъ прямымъ продолжателемъ Ордина-Нащокина. Какъ человѣкъ другого поколѣнія и воспитанія, онъ шелъ дальше послѣдняго въ своихъ преобразовательныхъ планахъ. Онъ не обладалъ ни умомъ Нащокина, ни его правительственными талантами и дѣловымъ навы-

комъ, но былъ книжно образованнѣе его, меньше его работалъ, но больше размышлялъ. Мысль Голицына, менѣе сдерживаемая опытомъ, была смѣлѣе, глубже проникала въ существующій порядокъ, касаясь самыхъ его основаній. Его мышленіе было освоено съ общими вопросами о государствѣ, объ его задачахъ, о строеніи и складѣ общества: не даромъ въ его библіотекѣ находилась какая-то рукопись „о гражданскомъ житіи или о поправленіи всѣхъ дѣлъ, яже належатъ обще народу". Онъ не довольствовался подобно Нащокину административными и экономическими реформами, а думалъ о распространеніи просвѣщенія и вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти, о свободномъ въѣздѣ иноземцевъ въ Россію, объ улучшеніи соціальнаго строя и нравственнаго быта. Его планы шире, отважнѣе проектовъ Нащокина, но зато идилличнѣе ихъ. Представители двухъ смежныхъ поколѣній, оба они были родоначальниками двухъ типовъ государственныхъ людей, выступающихъ у насъ въ XVIII в. Всѣ эти люди были либо нащокинскаго, либо голицынскаго пошиба: Нащокинъ — родоначальникъ практическихъ дѣльцовъ петрова времени; въ Голицынѣ замѣтны черты либеральнаго и нѣсколько мечтательнаго екатерининскаго вельможи.

Я окончилъ обзоръ подготовки реформы Петра; позвольте мнѣ свести итоги сказаннаго.

Подготовка и программа реформы.

Мы видѣли, съ какими колебаніями шла подготовка. Русскіе люди XVII в. дѣлали шагъ впередъ и потомъ останавливались, чтобы подумать, что они сдѣлали, не слишкомъ ли далеко шагнули. Судорожное движеніе впередъ и раздумье съ пугливой оглядкой назадъ — такъ можно обозначить культурную походку русскаго общества въ XVII в. Обдумывая каждый свой шагъ, они прошли меньше, чѣмъ сами думали. Мысль о реформѣ вызвана была въ нихъ по-

требностями народной обороны и государственной казны. Эти потребности требовали обширныхъ преобразованій въ государственномъ устройствѣ и хозяйственномъ быту, въ организаціи народнаго труда. Въ томъ и другомъ дѣлѣ люди XVII в. ограничились робкими попытками и нерѣшительными заимствованіями у Запада. Но среди этихъ попытокъ и заимствованій они много спорили, бранились и въ этихъ спорахъ кой о чемъ подумали. Ихъ военныя и хозяйственныя нужды столкнулись съ ихъ завѣтными вѣрованіями и закоренѣлыми привычками, съ ихъ вѣковыми предразсудками. Оказалось, что имъ нужно больше, чѣмъ они могутъ и хотятъ, чѣмъ подготовлены сдѣлать, что для обезпеченія своего политическаго и экономическаго существованія имъ необходимо передѣлать свои понятія и чувства, все свое міросозерцаніе. Такъ они очутились въ неловкомъ положеніи людей, отставшихъ отъ собственныхъ потребностей. Имъ понадобилось техническое знаніе, военное и промышленное, а они не только не имѣли его, но и были дотолѣ убѣждены, что оно ненужно и даже грѣховно, потому что не ведетъ къ душевному спасенію. Какихъ же успѣховъ достигли они въ этой двойной борьбѣ со своими нуждами и съ самими собой, съ своими собственными предубѣжденіями?

Для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ нуждъ они въ государственномъ порядкѣ произвели не особенно много удачныхъ перемѣнъ. Они поназывали нѣсколько тысячъ иноземцевъ, офицеровъ, солдатъ и мастеровъ, съ ихъ помощью кое-какъ поставили значительную часть своей рати на регулярную ногу и то плохую, безъ надлежащихъ приспособленій, и построили нѣсколько фабрикъ и оружейныхъ заводовъ, а съ помощью этой подправленной рати и этихъ заводовъ послѣ большихъ хлопотъ и усилій съ трудомъ вернули двѣ потерянныя области, Смоленскую и Сѣверскую,

и едва удержали въ своихъ рукахъ половину добровольно отдавшейся имъ Малороссіи. Вотъ и всѣ существенные плоды ихъ 70-тилѣтнихъ жертвъ и усилій! Государственнаго порядка они не улучшили, напротивъ, сдѣлали его тяжелѣе прежняго, отказавшись отъ земскаго самоуправленія, обособленіемъ сословій усиливъ общественную рознь и пожертвовавъ свободой крестьянскаго труда. Зато въ борьбѣ съ самими собой, со своими привычками и предубѣжденіями они одержали нѣсколько важныхъ побѣдъ, облегчившихъ эту борьбу дальнѣйшимъ поколѣніямъ. Это была ихъ безспорная заслуга въ дѣлѣ подготовки реформы. Они подготовляли не столько самую реформу, сколько себя самихъ, свои умы и совѣсти къ этой реформѣ, а это менѣе видная, но не менѣе трудная и необходимая работа. ·Попытаюсь обозначить въ короткомъ перечнѣ эти ихъ умственныя и нравственныя завоеванія.

Во-первыхъ, они сознались, что многаго не знали изъ того, что нужно знать. Это была самая трудная побѣда ихъ надъ собой, надъ своимъ самолюбіемъ и своимъ прошедшимъ. Древнерусская мысль усиленно работала надъ вопросами нравственно-религіознаго порядка, надъ дисциплиной совѣсти и воли, надъ покореніемъ ума въ послушаніе вѣрѣ, надъ тѣмъ, что считалось спасеніемъ души. Но она пренебрегала условіями земнаго существованія, видя въ немъ законное царство судьбы и грѣха, и потому съ безсильною покорностью отдавала его на произволъ грубаго инстинкта. Она сомнѣвалась, какъ это можно внести и стоитъ ли вносить добро въ земной міръ, который по Писанію во злѣ лежитъ, слѣдовательно и обреченъ во злѣ лежать, и была убѣждена, что наличный житейскій порядокъ такъ же мало зависитъ отъ человѣческихъ усилій, такъ же неизмѣненъ, какъ и порядокъ міровой. Вотъ эту вѣру въ ро-

ковую неизмѣнность житейскаго порядка и начало колебать двустороннее вліяніе, шедшее извнутри и извнѣ. Внутреннее вліяніе исходило изъ потрясеній, испытанныхъ государствомъ въ XVII в. Смутное время впервые и больно ударило по соннымъ русскимъ умамъ, заставило способныхъ мыслить людей раскрыть глаза на окружающее, взглянуть прямымъ и яснымъ взглядомъ на свою жизнь. У писателей того времени, у келаря А. Палицына, у дьяка И. Тимоѳеева, у кн. И. Хворостинина ярко просвѣчиваетъ то, что можно назвать исторической мыслью, наклонность вникнуть въ условія русской жизни, въ самыя основы сложившихся общественныхъ отношеній, чтобы здѣсь найти причины пережитыхъ бѣдствій. И послѣ Смуты до конца вѣка все увеличивавшіяся государственныя тягости поддерживали эту наклонность, питая недовольство, прорывавшееся въ рядѣ мятежей. На земскихъ соборахъ и въ особыхъ совѣщаніяхъ съ правительствомъ выборные люди, указывая на всяческіе непорядки, обнаруживали вдумчивое пониманіе печальной дѣйствительности въ предлагаемыхъ средствахъ ея исправленія. Очевидно, мысль тронулась и пыталась повлечь за собою застоявшуюся жизнь, не видя въ ней болѣе свыше установленнаго неприкосновеннаго порядка. Съ другой стороны, западное вліяніе приносило къ намъ понятія, направлявшія мысль на условія и удобства именно земного общежитія и ставившія его усовершенствованіе самостоятельной и важной задачей государства и общества. Но для этого нужны были знанія, какихъ не имѣла и которыми пренебрегала древняя Русь, особенно изученіе природы и того, чѣмъ она можетъ служить потребностямъ человѣка: отсюда усиленный интересъ русскаго общества XVII в. къ космографическимъ и другимъ подобнымъ сочиненіямъ. Само правительство поддерживало этотъ интересъ, начиная подумывать о разработкѣ

нетронутыхъ богатствъ страны, разыскивая всякіе минералы, для чего требовалось то же знаніе. Новое вѣяніе захватывало даже такихъ слабыхъ людей, какъ царь Өедоръ, слывшій за великаго любителя всякихъ наукъ, особенно математическихъ, и по свидѣтельству Сильвестра Медвѣдева заботившійся не только о богословскомъ, но и о техническомъ образованіи: онъ собиралъ въ свои царскія мастерскія „художниковъ всякаго мастерства и рукодѣлія", платилъ имъ хорошее жалованье и самъ прилежно слѣдилъ за ихъ работами. Мысль о необходимости такого знанія съ конца XVII в. становится господствующей идеей передовыхъ людей нашего общества, жалобы на его отсутствіе въ Россіи — общимъ мѣстомъ въ изображеніи ея состоянія. Не подумайте, что это сознаніе или эта жалоба тотчасъ повели къ усвоенію понадобившагося знанія, что это знаніе, ставъ очереднымъ вопросомъ, скоро превратилось въ насущную потребность. Далеко нѣтъ: у насъ необыкновенно долго и осторожно собирались приступить къ рѣшенію этого вопроса; во весь XVIII в. и большую часть XIX вѣка размышляли и спорили о томъ, какое знаніе пригодно намъ и какое опасно. Но пробудившаяся потребность ума скоро измѣнила отношеніе къ существующему житейскому порядку. Какъ скоро освоились съ мыслью, что помощью знанія можно устроить жизнь лучше, чѣмъ она идетъ, тотчасъ стала падать увѣренность въ неизмѣнности житейскаго порядка и возникло желаніе устроиться такъ, чтобы жилось лучше; возникло это желаніе прежде, чѣмъ успѣли узнать, какъ это устроить. Въ знаніе увѣровали прежде, чѣмъ успѣли овладѣть имъ. Тогда принялись пересматривать всѣ углы существующаго порядка и какъ въ домѣ, давно не ремонтированномъ, всюду находили запущенность, ветхость, соръ, недосмотры. Стороны жизни, казавшіяся

прежде наиболѣе крѣпкими, перестали возбуждать довѣріе къ своей прочности. До сихъ поръ считали себя сильными вѣрой, которая безъ грамматики и риторики способна постигать разумъ Христовъ, а восточный іерархъ Паисій Лигаридъ указывалъ на необходимость школьнаго образованія для борьбы съ расколомъ, и русскій патріархъ Іоакимъ, вторя ему, въ направленномъ противъ раскола сочиненіи писалъ, что многіе и изъ благочестивыхъ людей уклонились въ расколъ по скудости ума, по недостатку образованія. Такъ умъ, образованіе были признаны опорами благочестія. Переводчикъ Посольскаго приказа Ѳирсовъ въ 1683 г. перевелъ Псалтырь. И этотъ чиновничекъ министерства иностранныхъ дѣлъ признаетъ необходимымъ обновить церковный порядокъ помощію знанія. „Нашъ россійскій народъ, пишетъ онъ, грубый и неученый; не только простые, но и духовнаго чина люди истинныя вѣдомости и разума въ св. Писаніи не ищутъ, ученыхъ людей поносятъ и еретиками называютъ".

Въ пробужденіи этой простодушной вѣры въ науку и этой довѣрчивой надежды съ ея помощью все исправить, по моему мнѣнію, и заключался главный нравственный успѣхъ въ дѣлѣ подготовки реформы Петра Великаго. Этой вѣрой и надеждой руководился въ своей дѣятельности и преобразователь. Та же вѣра поддерживала насъ и послѣ преобразователя всякій разъ, когда мы, изнемогая въ погонѣ за успѣхами западной Европы, готовы были упасть съ мыслью, что мы не рождены для цивилизаціи, и съ ожесточеніемъ бросались въ самоуничиженіе.

Но эти нравственныя пріобрѣтенія достались людямъ XVII в. не даромъ, внесли новый разладъ въ общество. До той поры русское общество жило вліяніями туземнаго происхожденія, условіями своей собственной жизни и ука-

заніями природы своей страны. Когда на это общество повѣяла иноземная культура, богатая опытами и знаніями, она, встрѣтившись съ доморощенными порядками, вступила съ ними въ борьбу, волнуя русскихъ людей, путая ихъ понятія и привычки, осложняя ихъ жизнь, сообщая ей усиленное и неровное движеніе. Производя въ умахъ броженіе притокомъ новыхъ понятій и интересовъ, иноземное вліяніе уже въ XVII в. вызвало явленіе, которое еще болѣе запутывало русскую жизнь. До тѣхъ поръ русское общество отличалось однородностью, цѣльностью своего нравственно-религіознаго состава. При всемъ различіи общественныхъ положеній, древне-русскіе люди по своему духовному облику были очень похожи другъ на друга, утоляли свои духовныя потребности изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Бояринъ и холопъ, грамотей и безграмотный запоминали неодинаковое количество священныхъ текстовъ, молитвъ, церковныхъ пѣснопѣній и мірскихъ бѣсовскихъ пѣсенъ, сказокъ, старинныхъ преданій, неодинаково ясно понимали вещи, неодинаково строго заучивали свой житейскій катихизисъ. Но они твердили одинъ и тотъ же катихизисъ, въ положенное время одинаково легкомысленно грѣшили и съ одинаковымъ страхомъ Божіимъ приступали къ покаянію и причащенію до ближайшаго разрѣшенія „на вся". Такіе однообразные изгибы автоматической совѣсти помогали древне-русскимъ людямъ хорошо понимать другъ друга, составлять однородную нравственную массу, устанавливали между ними нѣкоторое духовное согласіе вопреки соціальной розни и дѣлали смѣняющіяся поколѣнія періодическимъ повтореніемъ разъ установившагося типа. Какъ въ царскихъ палатахъ и боярскихъ хоромахъ затѣйливой рѣзьбой и позолотой прикрывался простенькій архитектурный планъ крестьянской деревянной избы, такъ и въ

вычурномъ изложенiи русскаго книжника XVI—XVII вв. проглядываетъ непритязательное наслѣдственное духовное содержанiе „сельскаго невѣгласа, проста умомъ, простѣйша же разумомъ". Западное влiянiе разрушило эту нравственную цѣльность древне-русскаго общества. Оно не проникало въ народъ глубоко, но въ верхнихъ его классахъ, по самому положенiю своему наиболѣе открытыхъ для внѣшнихъ вѣянiй, оно постепенно прiобрѣтало господство. Какъ трескается стекло, неравномѣрно нагрѣваемое въ разныхъ своихъ частяхъ, такъ и русское общество, неодинаково проникаясь западнымъ влiянiемъ во всѣхъ своихъ слояхъ, раскололось. Расколъ, происшедшiй въ русской Церкви XVII в., былъ церковнымъ отраженiемъ этого нравственнаго раздвоенiя русскаго общества подъ дѣйствiемъ западной культуры. Тогда стали у насъ другъ противъ друга два мiросозерцанiя, два враждебные порядка понятiй и чувствъ. Русское общество раздѣлилось на два лагеря, на почитателей родной старины и приверженцевъ новизны, т.-е. иноземнаго, западнаго. Руководящiе классы общества, оставшiеся въ оградѣ православной Церкви, стали проникаться равнодушiемъ къ родной старинѣ, во имя которой ратовалъ расколъ, и тѣмъ легче отдавались иноземному влiянiю. Старообрядцы, выкинутые за церковную ограду, стали тѣмъ упорнѣе ненавидѣть привозныя новшества, приписывая имъ порчу древне-православной русской Церкви. Это равнодушiе однихъ и эта ненависть другихъ вошли въ духовный составъ русскаго общества, какъ новыя пружины, осложнившiя общественное движенiе, тянувшiя людей въ разныя стороны.

Особенно счастливымъ условiемъ для успѣха преобразовательныхъ стремленiй надобно признать дѣятельное участiе отдѣльныхъ лицъ въ ихъ распространенiи. То были

послѣдніе и лучшіе люди древней Руси, положившіе свой отпечатокъ на стремленія, которыя они впервые проводили или только поддерживали. Царь Алексѣй Михайловичъ пробудилъ общее и смутное влеченіе къ новизнѣ и усовершенствованію, не порывая съ родной стариной. Благодушно благословляя преобразовательныя начинанія, онъ приручалъ къ нимъ пугливую русскую мысль, самымъ своимъ благодушіемъ заставляя вѣрить въ ихъ нравственную безопасность и не терять вѣры въ свои силы. Бояринъ Ординъ-Нащокинъ не отличался ни такимъ благодушіемъ, ни набожной привязанностью къ родной старинѣ и своимъ неугомоннымъ ворчаньемъ на все русское могъ нагнать тоску и уныніе, заставить опустить руки. Но его честная энергія невольно увлекала, а его свѣтлый умъ сообщалъ смутнымъ преобразовательнымъ порывамъ и помысламъ видъ такихъ простыхъ, отчетливыхъ и убѣдительныхъ плановъ, въ разумность и исполнимость которыхъ хотѣлось вѣрить, польза которыхъ была всѣмъ очевидна. Изъ его указаній, предположеній и опытовъ впервые стала складываться цѣльная преобразовательная программа, не широкая, но довольно отчетливая программа реформы административной и народнохозяйственной. Другіе менѣе видные дѣльцы пополняли эту программу, внося въ нее новые мотивы или распространяя ее на другія сферы государственной и народной жизни, и такимъ образомъ подвигали дѣло реформы. Ртищевъ пытался внести нравственный мотивъ въ государственное управленіе и возбудилъ вопросъ объ устройствѣ общественной благотворительности. Кн. Голицынъ мечтательными толками о необходимости разностороннихъ преобразованій будилъ дремавшую мысль правящаго класса, признававшаго существующій порядокъ вполнѣ удовлетворительнымъ.

Этимъ я заканчиваю обзоръ явленій XVII вѣка. Онъ весь былъ эпохой, подготовлявшей преобразованія Петра Великаго. Мы изучили дѣла и видѣли рядъ людей, воспитанныхъ новыми вѣяніями XVII в. Но это были лишь наиболѣе выдавшіеся люди преобразовательнаго направленія, за которыми стояли другіе, менѣе крупные: бояре Б. И. Морозовъ, Н. И. Романовъ, А. С. Матвѣевъ, цѣлая фаланга кіевскихъ ученыхъ и въ сторонѣ — пришлецъ и изгнанникъ Юрій Крижаничъ. Каждый изъ этихъ дѣльцовъ, стоявшихъ въ первомъ и второмъ ряду, проводилъ какую-нибудь преобразовательную тенденцію, развивалъ какую-нибудь новую мысль, иногда цѣлый рядъ новыхъ мыслей. Судя по нимъ, можно подивиться обилію преобразовательныхъ идей, накопившихся въ возбужденныхъ умахъ того мятежнаго вѣка. Эти идеи развивались наскоро, безъ взаимной связи, безъ общаго плана; но сопоставивъ ихъ однѣ съ другими, видимъ, что онѣ складываются сами собой въ довольно стройную преобразовательную программу, въ которой вопросы внѣшней политики сцѣплялись съ вопросами военными, финансовыми, экономическими, соціальными, образовательными. Вотъ важнѣйшія части этой программы: 1) миръ и даже союзъ съ Польшей; 2) борьба со Швеціей за восточный балтійскій берегъ, съ Турціей и Крымомъ за южную Россію; 3) завершеніе переустройства войска въ регулярную армію; 4) замѣна старой сложной системы прямыхъ налоговъ двумя податями, подушной и поземельной; 5) развитіе внѣшней торговли и внутренней обрабатывающей промышленности; 6) введеніе городского самоуправленія съ цѣлью подъема производительности и благосостоянія торгово-промышленнаго класса; 7) освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ съ землей; 8) заведеніе школъ не только общеобразова-

тельныхъ съ церковнымъ характеромъ, но и техническихъ, приспособленныхъ къ нуждамъ государства, — и все это по иноземнымъ образцамъ и даже съ помощью иноземныхъ руководителей. Легко замѣтить, что совокупность этихъ преобразовательныхъ задачъ есть не что иное, какъ преобразовательная программа Петра: эта программа была вся готова еще до начала дѣятельности преобразователя. Въ томъ и состоитъ значеніе московскихъ государственныхъ людей XVII вѣка: они не только создали атмосферу, въ которой выросъ и которой дышалъ преобразователь, но и начертали программу его дѣятельности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шедшую даже дальше того, что̀ онъ сдѣлалъ.

Оглавленіе.